

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

М. В. Певная

УПРАВЛЕНИЕ
ВОЛОНТЕРСТВОМ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
И ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2016

УДК 061.23-027.54
ББК С028.1
П233

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Института государственного управления и предпринимательства.
Грант на публикацию индивидуальных монографий*

Научный редактор
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ Г. Е. З б о р о в с к и й

Рецензенты:
профессор, доктор социологических наук А. С. В а т о р о п и н
(заведующий кафедрой теории и социологии управления
Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации);
кафедра прикладной социологии
Уральского государственного экономического университета
(заведующий кафедрой прикладной социологии,
доктор социологических наук, профессор Е. Н. З а б о р о в а)

Певная, М. В.
П233 Управление волонтерством : международный опыт и локаль-
ные практики : [монография] / М. В. Певная ; М-во образова-
ния и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург :
Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 434 с.

ISBN 978-5-7996-1677-9

В монографии представлены результаты исследования управления волонтерством как социальным феноменом. Показано, как социологическое знание позволяет сгенерировать новую концептуальную схему, разработать теоретическую модель системы социального управления волонтерством при его изучении как социального института, социальной общности и деятельности. Проведен сравнительный анализ российского, американского и европейского волонтерства, сопоставляется опыт управления исследуемым феноменом в различных условиях, выявляются общемировые тенденции его развития. Описывается система социального управления российским волонтерством, исследуются институциональные механизмы, специфика деятельности и ключевые ресурсы общности российских волонтеров. На материалах социологических исследований Свердловской области разработана типология волонтерских подобщностей, выявлены ключевые проблемы регионального управления волонтерством.

Монография рассчитана на широкий круг читателей – студентов социологических, экономических и управленческих специальностей, преподавателей, аспирантов и научных работников, государственных и муниципальных служащих, всех, кто интересуется проблемами социального управления общественными движениями и гражданской активностью.

Библиогр.: 308 назв., табл. 9, рис. 2.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

НКО	– некоммерческая организация
ВЦИОМ	– Всероссийский центр исследований общественного мнения
ФОМ	– Фонд «Общественное мнение»
МОТ	– Международная организация труда
ФЦП	– федеральная целевая программа
НИУ ВШЭ	– Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
КЦСОН	– комплексный центр социального обслуживания населения
МСП	– Министерство социальной политики
МО	– муниципальное образование
ООН	– Организация Объединенных Наций
ЮНЕСКО	– Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
IAVE	– Международная ассоциация добровольческих усилий
WVS	– Мировое исследование ценностей
NCV	– Национальный центр волонтерской работы
NCVO	– Национальный совет волонтерских организаций
NNVAB	– Национальная ассоциация волонтерских агентств
YMCA	– Христианская ассоциация молодых людей
VISTA	– Волонтеры на службе Америке
CNCS	– Корпорация национального и общественного служения

ВВЕДЕНИЕ

Волонтерство во всем мире становится частью жизни разных людей, которые объединяются для решения каких-то насущных социальных проблем, и в этих процессах с первого взгляда трудно заметить национальные, социальные и культурные различия самих волонтеров и их деятельности. В одних случаях кто-то инициирует массовые объединения добровольцев, помогает им, направляет их, оказывает содействие. В других люди сами проявляют инициативу. Сегодня можно увидеть яркие интернациональные и национальные волонтерские проекты, наблюдать регулярную работу волонтеров, фиксировать ее массовый характер и частные случаи. Бесспорно, волонтерство по праву можно назвать глобальным социальным феноменом современности, включенным в мировые тренды и в то же время имеющим ярко выраженные национальные особенности в каждой стране.

В России численность волонтеров значительна, хотя точные статистические данные на этот счет отсутствуют. Нет оснований считать, что данная общность в последнее время существенно растет количественно, зато изменяются ее качественные характеристики. Понимание природы внутренних и внешних трансформаций, затрагивающих самих добровольцев, их деятельность и ту среду, в которой она реализуется, становится важным в контексте определения перспектив развития волонтерства в нашей стране, а также возможностей социального управления волонтерами и их деятельностью на разных уровнях.

Потенциал волонтерства как социального феномена, получающего сегодня широкое распространение на международном, национальном и локальном уровнях, заставляет обратить внимание исследователей на потребности общества в исследовании возможностей управления деятельностью волонтеров. Развитие российского

добровольчества задается рядом социальных тенденций, выступающих в форме противоречий. Первая из них проявляется в противоречии между существованием самоорганизованной системы, в которой совокупность разрозненных элементов – социальных объединений, групп и подобщностей волонтеров – проявляет себя, реализуя определенную социальную функцию, и вмешательством других систем (государства, власти) с целью упорядочения, осуществления контроля над волонтерством. Вторая тенденция, с одной стороны, характеризует усиление внешнего влияния на волонтеров в стране, направленного на расширение границ волонтерства, увеличение числа членов данной общности и попытки их внешнего сплочения. С другой стороны, она отражает активность процессов «обратной силы», которые демонстрируют внутренние стремления к сохранению автономности отдельных организаций, групп и волонтеров как элементов данной системы, обладающих уникальным потенциалом и ресурсом добровольческой деятельности. Третья тенденция связана с противоречивостью практик взаимодействия волонтеров на общественном уровне, которая воспроизводится в их поведении, сопряженном с действиями и постоянным выбором между «самостоятельностью и подчинением», «принуждением и свободой», «сотрудничеством и соперничеством», «централизацией и децентрализацией», «ответственностью и безответственностью», «формальностью и неформальностью». По нашему мнению, данные противоречия во многом влияют на перспективы российского волонтерства, а необходимость их разрешения входит в круг ключевых задач социального управления добровольцами и их деятельностью.

Таким образом, новый исследовательский подход, иной, отличный от традиционного, взгляд на российское волонтерство в контексте изучения его в международном и локальном измерениях, представленный в данной книге, востребован как в теоретическом, так и в практическом смысле.

За последние 15 лет накоплен богатейший эмпирический материал по российскому волонтерству. Целый ряд всероссийских исследований третьего сектора, гражданских активистов, в том

числе волонтеров, дает возможность получить статический срез характеристик общности волонтеров и вместе с тем позволяет проследить генезис отдельных видов волонтерской деятельности россиян, понять их природу и национальные особенности. Однако проектов, нацеленных на комплексную оценку управления российским волонтерством как социальной деятельностью, общностью и социальным институтом, на изучение текущих изменений на личностном, общественном и институциональном уровнях, сегодня не реализуется. В связи с этим ключевая исследовательская проблема, решение которой излагается в данной монографии, заключается в необходимости оценки международных тенденций развития волонтерства и выявления специфики российского добровольчества с целью прогнозирования его дальнейшего развития и реализации концепции системного управления им.

Для решения обозначенной проблемы в работе рассматривается целый ряд проблемных вопросов. В первой главе сформулированы основы авторского понимания сущности волонтерства. Даны взаимодополняющие друг друга сущностно-содержательные трактовки изучаемого социального феномена с позиции системного, институционального, деятельностного и общественного подходов; рассмотрена структура волонтерства, систематизированы основные его типы и виды, выявлены функции, обозначены дисфункции. Представлены результаты теоретико-социологического исследования проблемы волонтерства в разрезе основных общенаучных и дисциплинарных подходов; выявлена специфика социологического взгляда; определены положения управленческой теории в исследовании добровольчества.

Во второй главе осуществляется сравнительный анализ российского, американского и европейского волонтерства, сопоставляется опыт управления исследуемым феноменом в различных условиях. По результатам анализа социологических исследований, на основе изучения нормативно-правовых документов, а также обобщения результатов опросов общественного мнения выделены и описаны «демократическая», «смешанная» и «постсоветская – квазидемократическая» модели волонтерства, включающие в себя его

определенные системные характеристики как института, общности и деятельности. Описаны общемировые тенденции, характеризующие волонтерство и позволяющие прогнозировать его дальнейшее развитие в различных социокультурных контекстах.

В основе третьей главы лежит теоретическая модель комплексного анализа системы управления российским волонтерством. В ней анализируются институциональные механизмы управления рассматриваемым феноменом и их роль в системном развитии добровольчества в нашей стране. Определен потенциал волонтеров как ресурса социального управления и ключевые характеристики волонтерской общности, которые представляют точки роста самих добровольцев и которые необходимо учитывать в социальном управлении. Управление волонтерской деятельностью исследуется в контексте рассмотрения процессов профессионализации волонтерского труда в сфере социальной работы. Изучается специфика практик взаимодействия сотрудников НКО, специалистов различных государственных учреждений сфер культуры, образования, здравоохранения и социальной защиты населения с российскими добровольцами, позволяющая понять особенность развития общности российских волонтеров и выявить проблемы социального управления ими.

В четвертой главе представлен анализ региональных исследований волонтерства. По результатам опроса волонтеров Свердловской области анализируется в целом их общность, по разным основаниям выделяются наиболее распространенные подобиности волонтеров. В главе представлен подробный анализ проблем регионального управления добровольчеством, предлагаются основные принципы и положения концепции его системного развития в настоящем и будущем.

Новизна представленной читателю работы связана с введением в теоретическое поле социологии авторских трактовок волонтерства как социальной системы, социального института, общности и деятельности, а также таких понятий, как полуволонтерство и квазиволонтерство. Автором обосновывается и разрабатывается социологическая теория системного управления российским волон-

терством в его комплексном исследовании как социального института, общности и деятельности в определенном пространственно-временном континууме с учетом исторического опыта, современного состояния и прогнозов его развития. Результаты теоретических и эмпирических исследований позволили выявить общемировые тренды и перспективы развития волонтерства, определить условия, предпосылки, факторы влияния на динамику добровольчества в России, исходя из особенностей общности российских волонтеров как ресурса социального управления. Монография включает в себя описание разработанных концептуальных основ системы социального управления волонтерством, положения и принципы ее практического внедрения в российском регионе.

В книге обобщается исследовательский опыт изучения отдельных аспектов обозначенной в работе проблемы зарубежными и российскими исследователями, представлены результаты вторичного анализа данных исследовательских проектов и опросов общественного мнения Фонда «Общественное мнение», ВЦИОМ, Левада-центра, а также анализируются результаты четырех эмпирических исследований, реализованных в Свердловской области при активном участии автора.

Первое исследование – шестой этап мониторинга «Студент-2012» (под руководством проф. Ю. Р. Вишневого) – охватило наиболее продвинутую во всех смыслах часть молодежи Среднего Урала. В социологическом опросе приняли участие студенты 14 вузов Свердловской области (N = 1802; тип выборки – случайно-стратифицированная). Результаты проведенного исследования позволили дать не только оценку реальному числу волонтеров из студенчества в нашем регионе, проанализировать такие их субъективные ресурсы, как мотивация и удовлетворенность жизнью, но и оценить возможности их конвертации в социальный и экономический капитал самих добровольцев и конкретные блага для общества. В данном исследовании решались три ключевые задачи: выявлялись основные направления деятельности волонтеров-студентов, характеризовалась их мотивация на добровольческий труд, велась оценка их планов в отношении волонтерства.

Второе исследование – репрезентативный опрос волонтеров Свердловской области, реализованный в 2014 г. научной группой под руководством профессора Г. Е. Зборовского (N=604, тип выборки – случайно-стратифицированная). В логике уже существующих в России подходов к рассмотрению волонтерства (как формы благотворительности и как вида гражданской активности) был проведен опрос волонтеров Урала. В выборочную совокупность включили тех жителей региона, кто по собственному желанию за последний год оказывал какую-либо безвозмездную помощь незнакомым людям. Основные задачи этого исследования заключались в изучении характеристик общности волонтеров, проживающих на Урале, в выделении и описании ее структуры, в выявлении проблем развития волонтерства и поиске возможных путей их решения.

Третье исследование – всероссийский репрезентативный онлайн-опрос молодых волонтеров-активистов – проведено в 2015 г. (N=930, тип выборки – стихийная) под руководством автора. В опросе приняли участие волонтеры-активисты, участники тематических сообществ в различных социальных сетях, объединяющих активную молодежь российских вузов, молодых людей и девушек, которые принимали участие в различных волонтерских программах и проектах. Основные задачи исследования заключались в изучении общности молодых российских добровольцев, в оценке социального, экономического и культурного капитала ее членов, в анализе особенностей их мотивации, планов и намерений.

Выводы количественных исследований дополнялись данными качественного исследования, которое было реализовано в 2014–2015 гг. с помощью метода глубинного интервью. В качестве объекта исследования выступали руководители ведущих НКО Свердловской области различных типов (добровольческого движения, благотворительных фондов, регионального представительства международной благотворительной организации, региональных некоммерческих организаций), руководители и сотрудники государственных социальных учреждений, различных служб, обладающие экспертным знанием в сфере управления деятельностью волонтеров,

практическим опытом взаимодействия с ними ($N = 27$). Результаты качественного исследования позволили нам решить следующие эмпирические задачи. Во-первых, дать характеристику волонтерской деятельности как профессиональной по ряду существенных индикаторов. Во-вторых, выделить типы стратегий профессионального и личностного развития волонтеров-профессионалов. В-третьих, дополнить содержательным материалом построенную на данных количественного исследования типологию волонтеров Свердловской области, позволяющую интерпретировать характеристики выделенных типологических групп в контексте их рассмотрения как ресурса социального управления. В-четвертых, выявить и описать ключевые механизмы социального управления российским волонтерством, систематизировать проблемы, проявляющиеся на всех его уровнях.

Автор выражает глубокую признательность профессору Г. Е. Зборовскому за внимательное отношение и серьезную интеллектуальную поддержку нашей исследовательской работы. Особая благодарность предназначена моим родным и близким людям за их терпение, проф. Ю. Р. Вишневному, моим коллегам П. А. Амбаров, А. А. Айвазяну, А. П. Багировой, Л. Н. Банниковой, Л. Н. Борониной, Е. Н. Заборов, Д. В. Трынову за советы, идеи и возражения, которые рождались в наших дискуссиях. Эта книга вряд ли смогла быть написана, если бы внимание к результатам моей работы на разных ее этапах и заинтересованность в решении многих поднятых в монографии проблем не проявили Е. Э. Лайковская, К. А. Зуева, Н. Г. Морозова, Н. Е. Шестакова, И. А. Владыкина, В. И. Басай, Е. В. Погодина, О. Я. Бойко, Н. А. Гулаенко и многие другие настоящие профессионалы своего дела.

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЛОНТЕРСТВА

1.1. Волонтерство как социологическая категория

В современном информационном пространстве все чаще звучат высказывания о развитии волонтерства в городах, в стране, в мире. Все больше говорят и пишут о тех масштабах, которые охватывает это явление, о той пользе, которую несет данное социальное движение человеческому обществу. Становится понятным, что за каждым таким официальным и неофициальным признанием стоит определенное понимание значимости волонтерства, несмотря на специфические отличия в содержании и характере его развития, которые проявляются при разных социально-экономических, культурных и политических условиях. С целью анализа заявленной в названии социологической проблемы мы обратимся к истокам самого понятия «волонтерство», а также осуществим комплексную теоретическую рефлексию и методологическую разработку феномена волонтерства как социологической проблемы.

Исследуя современное понимание волонтерства, возьмем за основу системный подход, ориентирующий на изучение социального феномена как сложной системы. Опираясь на идеи Т. Парсонса, охарактеризуем основные определения волонтерства, выделим задаваемую ими структуру анализируемого нами феномена, рассмотрим его с позиции целостности, самодостаточности, включенности в системные отношения с государственной, политической, социокультурной и экономической системами, выявим уже сложившиеся и формирующиеся институциональные нормы.

Другим важным подходом к анализу категории «волонтерство» является деятельностный подход. Он предполагает рассмотрение этой категории под углом зрения выделения таких его составляющих, как цель, результат, субъект-объект, формы и методы деятельности, ее временные характеристики, факторы и условия осуществления.

С позиции институционального подхода определения волонтерства будут рассмотрены через выделение ролей, статусов, правил и норм, регулирующих сферу социального взаимодействия. Общностный подход дополнит возможности нашего анализа трактовкой волонтерства как общности субъектов социального поведения, исследованием характера внутреннего и внешнего взаимодействия ее членов.

Обозначенные подходы позволяют определенным образом систематизировать различающиеся точки зрения на волонтерство как социальный феномен. Представляется, что они будут взаимно дополнять друг друга. Это, в свою очередь, позволит прийти к определенному ряду трактовок рассматриваемого феномена как социологической категории.

Первоначально проанализируем само понятие «волонтерство». Необходимость смыслового определения волонтерства заставляет обратиться к его этимологии для выделения ключевых сущностных характеристик данного термина.

«Волонтерство» – слово, восходящее к французскому *volonte*, означающему волю либо желание человека¹. Термин за последнее столетие существенно расширил свое значение, так как первоначально волонтерами считались только люди, поступившие на военную службу по собственному желанию². Во французском языке слово начало употребляться с 1606 г. и преимущественно означало людей, добровольно ставших солдатами и служивших в специальных военных подразделениях³.

---

¹ Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. М. : Эксмо, 2010. С. 169.

² Васюкова И. А. Словарь иностранных слов. М. : АСТА-ПРЕСС, 2001. С. 148.

³ Dictionnaire de la langue française. Lexis. P. : Larousse, 1993. P. 2027.

Понятие «волонтерство» в англоязычных странах мало распространено. В словарях, как правило, раскрываются значения терминов «волонтер», «волонтерская работа», «волонтерский труд», «волонтерские организации». Чаще всего под волонтерским трудом понимается альтруистическая деятельность или работа, которая выполняется людьми, не рассчитывающими на какое-либо вознаграждение. Волонтерскими же организациями называют организации, которые создаются заинтересованными людьми и функционируют за их счет. Ключевое значение волонтерской организации в англоязычном понимании заключается в том, что люди, не ожидая какого-либо вознаграждения, материального или морального, могут организовать деятельность за свои собственные средства, преследуя социально значимые цели и решая важные социальные вопросы.

В словарных статьях «волонтер» определяется в первую очередь как человек, который добровольно и без принуждения выполняет определенную работу, не ожидая за нее какого-либо вознаграждения, либо как человек, который по собственному желанию вступает в ряды вооруженных сил⁴. Интересно отметить, что в толковом словаре современного английского языка на первое место по значению поставлено определение волонтера как человека, который согласен сделать что-либо неприятное или опасное⁵. В американском словаре дается определение волонтера как человека, который работает в каких-либо службах по своей собственной воле⁶. Это человек, который принимает участие в мероприятиях или оказывает услуги другим людям не по обязанности или исходя из долга службы и не ожидая какой-либо компенсации за свою деятельность⁷.

Термины «волонтер» и «волонтерство» равнозначны таким славяноязычным понятиям, как «доброволец» и «добровольчество».

---

⁴ Dictionary of contemporary English. England [б. г.] : Longman, 2001. P. 1600.

⁵ Oxford advanced learner's dictionary of current English : спец. изд. для СССР : в 3 т. Т. 2. М. : [б. и.]. P. 456.

⁶ Standart dictionary of the English language. N. Y. : Funk and wagnalls company, 1963. P. 1408.

⁷ Webster's third new international dictionary of the English language unabridged. Chicago : Merriam Webster, 1993. P. 2564.

Анализ справочной литературы, изданной в дореволюционной России, показывает, что понятия «волонтер» и «доброволец» воспринимались исключительно в военном контексте. Например, в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, изданном в России более века назад, дается следующее определение: «Волонтеръ – добровольно поступающий на военную службу охотником или вольноопределяющимся»⁸. В «Большой советской энциклопедии» «добровольчество» определяется как один из способов комплектования и пополнения вооруженных сил, основанный на привлечении в войска добровольцев⁹. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова выделены два значения слова «доброволец»: 1) человек, добровольно вступивший в действующую армию; 2) тот, кто добровольно взял на себя какую-нибудь работу¹⁰.

В социологических словарях нам не удалось найти статей, в которых раскрывались бы значения терминов «добровольчество» и «волонтерство». В словаре-справочнике по социальной работе дается следующее определение: «Волонтеры, добровольцы – люди, работающие в государственной или негосударственной организации бесплатно. Волонтеры иногда оказывают социальную помощь и косвенно поддерживают основных помощников. Подобная деятельность считается альтруистической»¹¹. Прочитанная словарная статья М. А. Гулиной представляется достаточно дискуссионной. Она не позволяет понять, что автор вкладывает в общую формулировку «социальная помощь», идентифицировать «основных помощников», их роли и функции, так как данный термин не встречается в теории и практике социальной работы.

Схожие определения можно найти и в ряде других специализированных в области социальной работы изданиях, где волон-

---

⁸ Брокгаузъ Ф. А., Ефронъ И. А. Новый энциклопедический словарь : в 29 т. Т. 11. СПб. : «Брокгаузъ-Ефронъ», 1911. С. 461.

⁹ Большая советская энциклопедия : в 59 т. / под общ. ред. Б. А. Введенского. 2-е изд. Т. 14. М. : ГНИ БСЭ, 1952. С. 599.

¹⁰ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. Изд 4-е, доп. М. : Азбуковник, 1999. С. 125.

¹¹ Гулина М. А. Словарь-справочник по социальной работе. СПб. : Питер, 2008. С. 63.

терство определяется как «добровольная деятельность, осуществляемая бесплатно как в государственных, так и в частных организациях медицинской, образовательной сферы или социального обслуживания. Оно осуществляется в группах взаимопомощи, в индивидуальной поддержке пожилых, оказавшихся в трудной жизненной ситуации или нуждающихся в постоянном уходе и через участие в деятельности добровольческих объединений»¹². На наш взгляд, авторы в силу профессиональной специфики намеренно сужают поле деятельности волонтеров до сферы социальной работы, что делает понятие более узким. Обнаруживается, что сложно выделить отличия между деятельностью профессионала социальной работы и волонтера. Авторы определений сводят феномен к деятельности, связанной с бесплатным трудом, касающимся депривированных социальных групп, причем из контекста исключаются многие категории граждан, с которыми очень часто наряду со специалистами работают волонтеры.

Таким образом, на этимологическом уровне значения анализируемых понятий «волонтерство» и «добровольчество» синонимичны. Можно также говорить о том, что в содержательном толковании словарных определений существует структурное единство их интерпретации. По существу, они включают в себя обозначение общности добровольцев или волонтеров, реализующих определенный вид деятельности, направленный на достижение конкретных целей и задач.

Итак, термины «волонтерство» и «добровольчество» имеют следующие характеристики: 1) в основе понятия лежит деятельность, которой акторы (деятели) *занимаются по доброй воле, по своему желанию, по собственному выбору*; 2) люди, реализующие такого рода деятельность (работу), *не ожидают какого-либо материального вознаграждения за результаты своего труда*; 3) данная деятельность обнаруживает *признаки институционально закреплённой деятельности*.

---

¹² Словарь-справочник по социальной геронтологии. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2003. С. 25.

Необходимо еще раз отметить, что в историческом контексте первоначально «волонтерство» и «добровольчество» ограничивались одним видом деятельности – военной службой, в дальнейшем ареал деятельности волонтеров (добровольцев) начинает существенно расширяться. Она затрагивает различные сферы социального взаимодействия, в большей мере охватывает сферу услуг.

Анализ источников и научной литературы показывает, что до середины XIX в. понимание добровольчества и соответственно его трактовки сопрягаются с основами христианского вероучения, идеей «служения государству», в середине XX в. суть понятия связывается со значением «служение Родине», к концу XX в. терминологическое значение добровольчества смещается в область социальной поддержки и защиты. Но в любом случае речь идет о равнозначности употребления понятий «волонтерство» и «добровольчество». Очень часто это находит отражение в различных источниках, когда авторы используют понятия как синонимы.

В российской научной традиции исследователи не отдают видимого приоритета какому-либо из используемых терминов. В поисковой системе научных электронных библиотек находится примерно равное количество научных публикаций, в которых одновременно указывается на два основных понятия: «волонтерство» и «добровольчество». Кроме того, в ключевых словах публикаций для поиска, как правило, находятся обе категории, что, на наш взгляд, делает правомерным использование в нашей работе этих понятий как синонимов. Однако на первый план по значимости мы будем ставить в своем исследовании понятие «волонтерство» в силу таких причин, как широкая международная распространенность этого термина в сравнении с «добровольчеством»; глобальный уровень его использования; масштаб самого феномена.

Далее мы будем анализировать понятие «волонтерство» с точки зрения его использования в международных и российских нормативно-правовых документах, в научной литературе, опубликованной за рубежом, и в публикациях, появившихся в нашей стране.

На международном уровне ключевой смысл понятия отражен во «Всеобщей декларации добровольчества», принятой в 1990 г.

на XI Всемирной конференции Международной ассоциации добровольческих усилий в Париже в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека 1948 г., Международной конвенцией о правах ребенка 1989 г. В этом документе волонтерство конкретизируется в следующих позициях:

1. Это добровольный выбор, отражающий личные взгляды и позиции;
2. Оно означает активное участие гражданина в жизни человеческих сообществ;
3. Это участие способствует улучшению качества жизни, личному процветанию и углублению солидарности;
4. Оно выражается, как правило, в совместной деятельности в рамках разного рода ассоциации;
5. Способствует реализации основных человеческих потребностей на пути строительства более справедливого и мирного общества;
6. Содействует более сбалансированному экономическому и социальному развитию, созданию новых рабочих мест и новых профессий¹³.

В основных положениях данного документа относительно определения смысла волонтерства необходимо отметить три ключевых признака: 1) на уровне субъекта (индивидуально-личностный уровень) подчеркивается *осмысленный и осознанный выбор деятельности*; 2) на уровне общности (социальный уровень) – *позитивная ориентация на солидарность, объединение с другими людьми, на совместную деятельность с целью улучшения качества жизни*; 3) на уровне общества (социетальный уровень) – *значимость сбалансированного экономического и социального развития*.

Новая редакция Декларации как результат обсуждения, организованного во всемирном масштабе с целью ее уточнения и по-

---

¹³ Всеобщая декларация добровольцев принята на 11-й Всемирной конференции Международной ассоциации добровольческих усилий (International Association for Volunteer effort, IAVE). Париж, 14 сентября 1990 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.volunteer.ru/5/1/5_1_dekl2.htm. (дата обращения: 03.02.2012).

пуляризации, утверждена Советом директоров Международной ассоциации добровольческих усилий IAVE в 2001 г. в Амстердаме. Этот документ определяет «волонтерство как фундамент гражданского общества»¹⁴. В нем более четко выделена сущность волонтерства как индивидуального или группового действия. Он определяет значимость волонтерства для общества, которая заключается в продвижении и поддержании общечеловеческих ценностей, укреплении социальных связей внутри сообществ и за их пределами. Именно эта характеристика позволяет оценивать действия (поведение) волонтеров во всем мире относительно целостно благодаря единству их целей и задач. Документ обозначает также ценность волонтерства для индивида, которая выражается в возможности реализовать свои права, развить свой личный потенциал. Декларация принята и определяет национальные стратегии развития волонтерства более чем в 80 странах мира, включая Россию. Очевидно, что принципы, провозглашенные в данном документе, являются универсальными, соотносятся с идеологией гражданского общества и находят свое отражение в современной ситуации конкретных стран, исходя из политической конъюнктуры внутри государств, с учетом особенностей внешней политики и характера международного взаимодействия.

В резолюции Генеральной ассамблеи ООН волонтерство определяется как «традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия в экономическом и социальном развитии, приносящие пользу обществу в целом, общинам и самим добровольцам...»¹⁵. В этом документе отмечается, что волонтерство является важным компонентом любой стратегии, направленной на сокращение мас-

---

¹⁴ Всеобщая декларация волонтеров. Принята международным советом директоров IAVE – Международной ассоциации добровольческих усилий на 16-й конференции. Амстердам, Нидерланды, январь 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.volunteer.ru/5/1/5_1_dekl_e.ht- (дата обращения: 04.04.2012).

¹⁵ General Assembly Resolution 56/38. 10 January 2002. P. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvolunteerweb.org/fileadmin/docdb/pdf/2007/N0147881.pdf> (дата обращения: 03.02.2012).

пштабов нищеты, устойчивое развитие, укрепление здоровья, предотвращение стихийных бедствий, на управление и социальную интеграцию (преодоление социального отчуждения и дискриминации).

Нетрудно заметить, что в международных документах волонтерство характеризуется как институт гражданского общества, как механизм разрешения глобальных общечеловеческих проблем и может рассматриваться как результат глобализации. Из представленных определений видно, что волонтерство трактуется как *социальное взаимодействие различного уровня*, где волонтеры выступают самостоятельными субъектами социального действия, а возникающие взаимосвязи обусловлены субъективной и объективной пользой для общества, социальных общностей и отдельных людей.

Таким образом, из основного смысла проанализированных нами международных нормативно-правовых документов вытекает, что потенциал волонтерства сосредоточен в гражданских инициативах, в активности членов социальных общностей, тогда как общество, социальные общности и отдельные их члены благодаря существованию волонтерства получают дополнительные ресурсы для позитивного развития. В связи с этим, характеризуя волонтерство, глава комиссии ООН по социальному развитию подчеркнул, что «оно вносит определенный вклад в развитие социального капитала тех людей, которые традиционно считали себя отстраненными от участия в деятельности по развитию своих сообществ»¹⁶.

В очередном докладе международной организации «Волонтеры ООН» отмечается: «Термины, которые определяют волонтерство в разных языках и культурах, отличаются друг от друга, но ценности, которые лежат в их основе: *желание внести свой вклад в общее благо, свободная воля, дух солидарности, отсутствие ожидания материального вознаграждения*, – являются общими и универсальными. Добровольцы мотивированы такими ценностями,

---

¹⁶ Доклад главы комиссии социального развития ООН. Commission for Social Development, 47th Session Chairperson's Summary. 03.04.2009. P. 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvolunteerweb.org/resources/policy-documents/united-nations/doc/volunteerism-is-a-means.html>. (дата обращения: 21.01.2014).

как справедливость, равенство и свобода»¹⁷. В миссии международной организации «Волонтеры ООН» к уже выделенным нами выше сущностным признакам волонтерства добавляются еще официально декларируемые *обязательства* или, другими словами, *ответственное отношение к деятельности*¹⁸.

В российском законодательстве первоначально волонтерство не было четко определено. Если в 1995 г. в федеральном законодательстве использовался термин «добровольная деятельность» как составляющая благотворительности, а под участниками благотворительной деятельности понимались добровольцы¹⁹, то к 2009 г. в нормативно-правовом дискурсе появляется термин «волонтерство» как тождественный «добровольчеству». В документах, регламентирующих развитие добровольчества, в тексте используется понятие «волонтерство».

Согласно утвержденной в 2009 г. Правительством РФ «Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации» благотворительность и добровольчество (волонтерство) начинают официально рассматриваться отдельно друг от друга. При этом добровольчество определяется «как ресурс развития общества, способствующий формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности, позволяющий дополнить бюджетные источники для решения социальных проблем внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы добровольцев»²⁰. В этом документе рассмотрение волонтерства в рамках российского

---

¹⁷ State of the World's volunteerism Report. Universal Values for Global Well-being. Denmark : United Nations Volunteers (UNV), 2011. P. 4.

¹⁸ Из миссии организации «Добровольцы ООН» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unv.org>. (дата обращения: 15.04.2014).

¹⁹ О благотворительной деятельности и благотворительных организациях : Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/104232/> (дата обращения: 21.12.2015).

²⁰ Концепция содействия развития благотворительной деятельности и добровольчества в РФ. Одобрена распоряжением Правительства РФ от 30 июля 2009 г. № 1054-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/admReform/publicsociety/doc091224_1949# (дата обращения: 21.01.2014).

нормативно-правового дискурса принципиально отличается от общемирового представления. В тексте четко прослеживается подмена международной трактовки волонтерства как формы гражданского участия его рассмотрением как ресурса государства, как помощи, которую должны оказывать российские граждане не обществу, а своему государству. Некоторые специфические особенности в понимании добровольчества закладываются и в «Кодексе добровольцев России», где четко ограничены рамки добровольчества территорией отдельного государства. В этом документе декларируется, что «добровольцев объединяет активная жизненная позиция, желание оказывать помощь тем, кто в ней нуждается, стремление приносить пользу людям и своей стране»²¹.

В методических рекомендациях по развитию добровольческой (волонтерской) деятельности молодежи в субъектах РФ, а также в ряде региональных правовых актов дается определение добровольческой деятельности как «формы социального служения, осуществляемой по свободному волеизъявлению граждан, направленной на бескорыстное оказание социально значимых услуг...»²². Добровольчество (волонтерство) определяется также как «форма обеспечения занятости населения...»²³. Здесь легко обнаруживается, что добровольчество (волонтерство) является составляющей государственной социальной политики.

Основные акценты в трактовках волонтерства на уровне российских нормативно-правовых документов сделаны на подчеркивании значимости для его развития государства как субъекта соци-

---

²¹ Кодекс добровольцев России разработан на 1-м международном фестивале добровольчества 10.09.2005 г., принят на 2-м международном фестивале добровольчества 19.05.2007 г. // Системное развитие добровольчества в России : лучшие практики. М. : Созидание, 2010. С. 184.

²² Методические рекомендации по развитию добровольческой (волонтерской) деятельности молодежи в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL : hmrn.ru/raion/socs/cms/docs/metod_volonter.doc (дата обращения: 21.01.2014).

²³ Концепция развития добровольчества как формы социальной организации в Пермском крае на 2009–2011 гг. [Электронный ресурс]. URL: vsesvoi.ru/data/addons/Volunteering.doc (дата обращения: 22.01.2013).

ального и исторического развития, ведущей роли государственных органов власти. При этом позиция волонтеров как действующих социальных субъектов на уровне документов остается вторичной по отношению к принятым решениям и осуществляемым действиям, «спущенным сверху».

В ходе исследования выявлена очень важная проблема тесной связи и даже сущностной близости подходов к определению волонтерства и социальной политики современной России. В качестве основных направлений социальной политики, как правило, выделяют: политику доходов населения; политику в сфере труда и трудовых отношений; социальную поддержку и защиту нетрудоспособных и малоимущих слоев населения; развитие отраслей социальной сферы; развитие инфраструктуры; социоэкологическую политику; миграционную политику; политику в отношении отдельных групп населения²⁴. Практически те же самые направления находят свое отражение в нормативных документах, регламентирующих развитие волонтерства.

Отсюда следуют три важных момента: 1) структурная включенность волонтерства в поле социальной политики; 2) замещение функций государственных органов власти по решению проблем занятости, социального обеспечения, здравоохранения, образования использованием волонтерства как ресурса; 3) принижение деятельностной характеристики позиции волонтера как актора.

В значительной мере особенностями современной российской ситуации объясняется рассмотрение в официальных правовых документах волонтерства как инструмента социальной политики, модернизации социального управления за счет населения. Интересна также тенденция интеграции национальной стратегии развития добровольчества в международный контекст. Это находит свое отражение не только в нормативно-законодательном регулировании волонтерства, но и в изменении дискурса в направлении от добровольчества к волонтерству.

---

²⁴ Зборовский Г. Е. Социология управления : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2008. С. 111.

Принципиальное отличие трактовок волонтерства в международных документах от официальных российских определений заключается в расстановке приоритетов и выстраивании внутренней логики. В первом случае ключевыми и значимыми представлены гражданское общество и интересы, возможности, убеждения, стремления отдельного человека, обращенные и нацеленные на интересы общности, общества; во втором – интересы государства в лице государственных деятелей и функционеров.

Благодаря анализу международных трактовок волонтерства уточняется и дополняется ряд значимых характеристик субъекта волонтерской деятельности. *Волонтера как актора характеризует: свободный и осознанный выбор деятельности; ориентация на солидарность, единение с другими людьми, на совместную деятельность; желание принести практическую пользу; отсутствие ожидания материального вознаграждения за свой труд; ответственное отношение к деятельности.*

Далее остановимся подробнее на анализе различных концепций, оценке исследовательских определений для того, чтобы охарактеризовать, что представляет собой волонтерство как социологическая категория. Нами было проанализировано более 80 дефиниций, в которых нашли отражение взгляды специалистов в области социальной работы, психологии, культурологии, педагогики, юриспруденции, идеи российских и зарубежных социологов.

Исследование показало, что в наибольшем числе определений волонтерство характеризуется как деятельность. Однако ключевые акценты авторы ставят либо на характеристиках субъекта-объекта этой деятельности, ее содержании, формах и методах, либо на целях и результатах. В этой связи можно говорить о некоторых отличиях в подходах российских и зарубежных исследователей. Преvalирование функционального, деятельностного и экономического подходов как в исследованиях, так и в определениях волонтерства в США отмечает в своей работе А. А. Шлихтер. Он подчеркивает, что волонтерство исследуется, в первую очередь, как социальный институт, укорененный в религиозных ценностях, имеющий

характер, тесно связанный с освобождением труда от административно-правового принуждения²⁵.

Анализ работ зарубежных социологов позволил российским исследователям И. В. Мерсияновой и Л. И. Якобсону подчеркнуть, что распространенные в разных странах определения волонтерства акцентируют внимание на таких категориях, как «время», «труд» и «деятельность». Они раскрывают смыслы и значения, которые вкладывают западные авторы в понятие «волонтерство», определяя его как:

1. Любую деятельность, в которой свободное время дано для того, чтобы принести пользу другому человеку, группе или организации;
2. Время, отданное добровольно и бесплатно какой-либо организации, преследующей цель нести благо людям или борющейся за конкретное дело;
3. Жертвование времени на то, чтобы помочь другим людям, без получения оплаты в денежной форме;
4. Общественную совместную работу, которая приносит пользу участникам добровольчества, людям, на которых это добровольчество направлено, и обществу в целом;
5. Деятельность, осуществляемую людьми добровольно на безвозмездной основе и направленную на достижение социально значимых целей, решение проблем сообщества;
6. Труд, не предусматривающий оплаты в денежной форме или юридического обязательства, в интересах лиц, проживающих за пределами домашнего хозяйства самого добровольца²⁶.

По нашему мнению, представленные трактовки смыслов и значений, которые вкладывают в понимание волонтерства зарубежные авторы, необходимо подвергнуть дальнейшему анализу. В частности, этого требует принцип рассмотрения содержания деятельности, поскольку дает возможность выделить ее ключевые характеристики.

---

²⁵ См.: Шлихтер А. А. Направления и механизмы взаимодействия социально-ответственного бизнеса с некоммерческим сектором США. М. : ИМЭМО РАН, 2010. С. 37.

²⁶ Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2009. С. 225.

Американские исследователи Х. Анхер и Л. Саламон провели анализ дефиниций волонтерства в различных странах и доказали, что английский и американский концепт *volunteering*, французский *voluntariat*, итальянский *voluntariato*, шведский *frivillig verksamhet* и немецкий *ehrenamt*, несмотря на однотипный перевод, имеют разную историю возникновения и разное культурное и политическое значение. Проанализировав ряд исследовательских работ, они пришли к выводу, что в Австралии и Великобритании волонтерство определяется как институт гражданского общества, как общественный сектор, который отделен от государства и бизнеса. В других странах исследователи волонтерства, несмотря на существующие отличия, особое внимание уделяют в определениях сфере общественных услуг и общественной пользе от них²⁷.

Очень важно, что названные авторы, проведя кросс-культурный анализ, выделили разницу в определениях волонтерства в зависимости от уровня его рассмотрения: международного, национального, локального. С их точки зрения, в основе всех определений волонтерства лежит значимость волонтерского труда, которая включает в себя сочетание ряда характеристик: измерение времени (занятость волонтера полный или неполный рабочий день); экономический аспект (получает волонтер оплату за свою работу или нет), а также социальный аспект (волонтер работает в организации или самостоятельно)²⁸. Например, частичная занятость без оплаты в сфере НКО характеризует волонтерство и соответственно суть его определений в Европе и США; неформальная частично оплачиваемая занятость, неполный рабочий день характерны для трактовки волонтерства во многих развивающихся странах.

М. С. Шераден трактует волонтерство как «услуги, которые оказываются в организованной форме существенного участия и вклада в местном, национальном или мировом сообществе, которые признаются и ценятся обществом, с минимальной денежной ком-

---

²⁷ Anheier H. K., Salamon L. M. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons // Civil Society Working Paper 10. 2001. P. 5.

²⁸ Ibid. P. 8.

пенсацией для участников»²⁹. Признание в обществе ценности волонтерства – одна из важнейших сущностных характеристик феномена, которая находит свое отражение, закрепляется в сознании людей. Например, «концепт *volunteering* в языковом сознании американцев исследован в результате эксперимента, ассоциативного опроса американцев»³⁰. В частности, автором было выявлено, что ценность волонтерской работы для этой нации заключается в совместных усилиях на благо общества, проявляется в субъективной оценке этой работы как почетной (*honorable*), требующей определенной самоотдачи и навыков (*hardworking, qualified*).

Британские исследователи обозначают волонтерство как «обязательство тратить свое время и энергию на благо общества, сообщества, на благо окружающих людей, не являющихся им родственниками. Волонтерство осуществляется свободно и по собственному выбору, без ожидания какого-либо материального вознаграждения за труд»³¹.

В зарубежных концепциях большую значимость имеет ценность волонтерства для самих волонтеров. В этой связи К. Бидерман отмечает: «В последнее время в сфере волонтерской работы в Великобритании обнаружили значительные изменения, в частности, альтруистическая помощь другим перешла в добровольную, убежденную активность, в которой собственные интересы совмещаются с помощью другим»³². Таким образом, аксиологический смысл в определении волонтерства британская исследовательница вкладывает в значимость ценности волонтерской деятельности для самого волонтера, который соотносит свои идеи, убеждения, возможности и потребности с потребностями других людей.

---

²⁹ Devereux P. International Volunteers : Cheap help or transformational solidarity toward sustainable development. Murdoch University, 2010. P. 147 [Электронный ресурс]. URL : <http://researchrepository.murdoch.edu.au/3551/2/02Whole.pdf> (дата обращения: 01.01.2015).

³⁰ Лисовская Т. А. Концепт *volunteering* в сознании американцев // Вестн. ВГУ. 2010. Т 4, № 2. С. 73–75.

³¹ Wardell F., Lishman J., Whalley L. G. Who is volunteer? // British journal of social work. 2000. Nr 30. P. 229.

³² Бидерман К. Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании / пер. с нем. М. Санниковой, И. Мюллер. [Б. г.] : [б. и.]. 1999. С. 39.

Выделенная особенность находит отражение в концептуальном подходе, в рамках которого волонтерство рассматривается как содержание серьезного досуга (термин канадского социолога Р. Стеббинса), обладающего рядом отличительных качеств, таких как эпизодически встречающаяся потребность продолжать это занятие; возможность прилагать усилия, чтобы сделать карьеру; переживать важные моменты; достигать целей и участвовать в жизни; множество длительных преимуществ – как духовных, так и материальных: самореализация, духовный рост, самовыражение, возрождение или обновление личности, чувство достижения, повышение самооценки, участие в социальном взаимодействии и чувство принадлежности к общности, а также просто изготовление изделий длительного пользования; самовознаграждение; уникальный дух, где центральным компонентом является групповой социальный мир, который начинает менять форму, когда любители, увлеченные определенной областью, в течение многих лет совместно удовлетворяют существенные общие интересы³³. Безусловно, речь идет лишь об одной из форм волонтерской деятельности, которая носит регулярный характер. Однако аксиологический смысл для субъекта волонтерского труда здесь все равно остается определяющим.

Исследователи американского университета имени Д. Хопкинса, которые более 20 лет изучают волонтерский труд по всему миру, определяют волонтерство «как комплекс мероприятий, как реализованный в свободное время вид работы без всякой денежной компенсации...»³⁴. С точки зрения европейских исследователей, «волонтерство – это сумма действий, которые граждане осуществляют друг для друга безвозмездно по своей доброй воле»³⁵. Определяю-

---

³³ *Стеббинс Р. А.* Свободное время : к оптимальному стилю досуга / пер. с англ. Д. А. Кувардина // Сопис. 2000. № 7. С. 64–72.

³⁴ *Salamon M., Sokolowski S., Haddock M.* Measuring the economic value of volunteer work globally : concepts, Estimates and a roadmap to the future // *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2011. Nr 82 (3). P. 224.

³⁵ *Involving of third country nationals in volunteering : final project report.* 2006. P. 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ivr.org.uk/component/ivr/involve-involvement-of-third-country-nationals-in-volunteering-as-a-means-of-better-integration> (дата обращения: 02.01.2015).

щими здесь являются *система взаимосвязанных действий и гражданское взаимодействие*.

Крайне важен в определениях акцент на социальном и экономическом эффекте. С одной стороны, он обозначен как «...пробуждение потенциала членов общества для улучшения качества их жизни»³⁶, с другой стороны, выражается через определение волонтерства «как одного из видов продуктивной деятельности... как труда, который добавляет ценность использованию товаров и услуг, чем повышает существенно свою рыночную стоимость»³⁷.

Экономический эффект волонтерства оценивается через труд как экономическую категорию. В руководстве МОТ (разработано экспертной группой по результатам многолетних социологических исследований) даются следующие характеристики по измерению волонтерского труда: экономический эффект или экономическое значение; отсутствие оплаты (допустимо возмещение расходов или небольшое вознаграждение); наличие выгоды для людей, не являющихся волонтеру близкими родственниками; наличие выбора работы волонтером без принуждения и внешних обязательств (например, бесплатная практика для получения профессионального диплома, альтернатива службы в армии и т. д.); равнозначность формального (труд через организацию) и неформального (индивидуальная работа волонтера без организации) характера труда волонтеров³⁸.

Австрийские исследователи дополняют данный перечень следующими признаками: продолжительность или регулярность дея-

---

³⁶ *Beigbeder Y.* The Role and Status of International Humanitarian Volunteers and Organizations : The Right and Duty to Humanitarian Assistance. Dordrecht ; Boston ; London : Martinus Nijhoff, 1991. P. 104.

³⁷ *Wilson J., Musick M.* Toward an integrated theory of volunteer work // American Sociological review. 1997. Vol. 62. P. 694.

³⁸ Руководство МОТ по измерению волонтерского труда по официальным данным обследований рабочей силы // Johns Hopkins International Labour Organization Volunteer Measurement Project Technical Experts Group on the Measurement of Volunteer Work. Inaugural Meeting. Switzerland. Geneva, 4 July 2007. P. 4 [Электронный ресурс] URL: http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2011/09/Manual_Development_TEG_2010.pdf. (дата обращения: 03.04.2014).

тельности; ее организованный характер; личная незаинтересованность и отсутствие пользы для ближайших родственников³⁹.

На наш взгляд, выделение такого признака волонтерской деятельности, как ее продолжительность или регулярность, значимо только для экономических расчетов эффективности волонтерского труда, так как исследователи сталкиваются с трудностями подсчета и суммирования потенциальной и реальной выгоды от работы волонтеров для экономики. За рамками исследовательской логики остаются социальные последствия волонтерской деятельности, ее значимость как для общества, для конкретных людей, которым оказываются помощь и поддержка, так и для самого волонтера.

Из приведенных выше определений зарубежных авторов вытекает наличие следующих характерных черт волонтерства.

Волонтерство характеризуется как институт гражданского общества, как социальная система взаимосвязанных действий членов этого общества на локальном, национальном и международном уровнях в рамках определенного общественного сектора, который отделяется от государства и бизнеса. В основе развития этого общественного сектора как сферы услуг лежит общественно полезная деятельность волонтеров, которая может рассматриваться через категорию труда и формально подвергаться оценке через уровень оплаты, анализ условий труда, оценку временных затрат волонтеров как субъектов этого труда.

Волонтерская деятельность имеет следующие сущностные характеристики: *социальный и экономический эффект; отсутствие или минимизация оплаты труда; наличие выгоды для людей, не являющихся волонтеру близкими родственниками; наличие выбора работы волонтером без принуждения и внешних обязательств; равнозначность характера труда волонтеров в рамках организации и вне каких-либо организованных форм деятельности. Ценность волонтерства заключается в первую очередь в значи-*

---

³⁹ Badelt C., Hollerweger E. Das Volumen ehrenamtlicher Arbeit in Österreich // Wirtschaftsuniversität Wien, Abteilung für Sozialpolitik. 2001. № 6. P. 6 [Электронный ресурс]. URL: www.freiwilligenweb.at/pages/int_jahr/freiwilligenarbeit/studie_badelt.pdf. (дата обращения: 03.04.2012).

мости волонтерской деятельности для самого волонтера, в возможности реализации своих идей и убеждений, исходя из соотношения своих возможностей и потребностей с потребностями других людей.

Российские исследователи рассматривают волонтерство как форму общественной благотворительной деятельности, которую характеризует отсутствие жесткой регламентации и вовлечение широкого круга субъектов. Этой позиции придерживаются С. И. Кубицкий, Л. Ф. Бабкина, А. В. Власова, определяющие «волонтерство как разновидность благотворительности, как общественную (т. е. некоммерческую и неполитическую) деятельность в собственном смысле этого слова»⁴⁰.

Л. В. Болотова дает следующую концептуальную трактовку: «Добровольчество – это деятельностная форма благотворительности, мотивированная гуманистическими ценностными ориентациями субъекта, не ставящего целью получение для себя материальной выгоды, и выражающаяся в виде непринудительного альтруистического труда, направленного на социальную поддержку людей, не состоящих с ним в родственных, соседских, дружеских и иных личных связях. Ее аксиологический смысл – бескорыстное служение людям. В аспекте вузовского обучения специалистов социальной работы она представляет собой самостоятельную работу студентов в учреждениях системы социальной защиты населения и общественных организаций социального профиля по различным направлениям, которая осуществляется во внеучебное время»⁴¹. Как нам кажется, это одно из типичных определений российских ученых, где выделены следующие характеристики:

- 1) волонтерство как деятельностная форма благотворительности;
- 2) альтруистическая направленность деятельности без материальной выгоды, без принуждения;

---

⁴⁰ Кубицкий С. И. Благотворительность в социальной жизни Урала (XIX–XXI вв.). Челябинск : Урал. соц.-экон. ин-т Академии труда и социальных отношений, 2006. С. 26.

⁴¹ Болотова Л. В. Организация добровольческой деятельности как аспект вузовской подготовки будущих социальных работников : автореф. дис. ... канд. пед. наук / ТГУ. Тамбов, 2007. С. 8.

3) субъект волонтерской деятельности мотивирован гуманистическими ценностями;

4) объект деятельности – социальные группы, которым требуется социальная поддержка.

И. В. Мерсиянова и Л. И. Якобсон характеризуют «добровольчество (волонтерство) как бескорыстную индивидуальную или коллективную деятельность на благо других людей или общества, как разновидность филантропических практик»⁴². Подчеркнем, что речь идет о деятельности как благотворительности, как о помощи неимущим, нуждающимся⁴³. В работе И. Ю. Менщиковой также продемонстрировано сужение поля волонтерства до сферы социальной работы, характерное для российского подхода. Она определяет волонтерство как «добровольное принятие обязанностей по оказанию безвозмездной социальной помощи, услуг, патронажа над индивидами, социальными группами, находящимися в сложных жизненных условиях, отдельными людьми и/или группами лиц»⁴⁴.

Российские авторы часто сводят определения волонтерства к альтруистическому характеру деятельности, к проявлению гуманности и милосердия, к бескорыстному служению людям, обращаются к «этосу служения, спасения»⁴⁵. Л. Е. Сикорская пишет: «Мы рассматриваем волонтерство как форму социального служения, осуществляемого по свободному волеизъявлению граждан, направленного на бескорыстное оказание социальных услуг людям, их поддержку, защиту, личностное развитие»⁴⁶. В процитированной

---

⁴² Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2010. С. 10.

⁴³ Большой словарь иностранных слов. М. : АСТ, 2003. С. 835.

⁴⁴ Менщикова И. Ю. Социальная работа и волонтерство : ценностно-практический аспект взаимодействия в среде высшей школы // Научные исследования в образовании. 2008. № 1. С. 42.

⁴⁵ Елютина М. Э. Рец. на кн. : Добровольчество : ценности, организация технологии : сб. науч. ст. Саратов, 2008 // Вестн. ПАГС. Саратов, 2009. С. 224 ; Болотова Л. В. Организация добровольческой деятельности как аспект вузовской подготовки будущих социальных работников : автореф. дис. ... канд. пед. наук / ТГУ. Тамбов, 2006. С. 8.

⁴⁶ Сикорская Л. Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // Социс. 2007. № 9. С. 53.

статье волонтерская деятельность определяется как фактор воспитания толерантности у современной молодежи, как одно из важнейших направлений ее социализации. В итоге автор сводит сущностное значение волонтерства к «добровольческой социальной работе».

Л. Ф. Козодаева определяет «добровольческую деятельность как один из наиболее распространенных видов общественной активности населения»⁴⁷. Она пишет, что добровольческая деятельность основывается на благотворительности, выполняет функцию сохранения и передачи духовных традиций, выступает механизмом компенсации дефицитов социальной справедливости, является средством утверждения в обществе идей и ценностей добра и милосердия, составляющих аксиологическую основу нравственного воспитания личности.

По нашему мнению, большинство определений характеризуются: подчеркиванием процессуального характера волонтерской деятельности; выделением таких функций волонтерства, как направленная социализация молодежи, сохранение и передача культурных ценностей, духовных традиций; обозначением ключевых мотивов волонтеров, носящих альтруистический и вместе с тем прагматический характер.

«Этос служения», моральный долг, выраженный в волонтерстве, в сочетании с прагматическим целеполаганием может приносить человеку определенное удовлетворение. В связи с поставленной проблемой И. В. Мерсиянова и Л. И. Якобсон отмечают, что добровольчество представляет собой труд и в этом смысле не может являться досугом⁴⁸. Такая точка зрения вряд ли справедлива, так как само понятие «досуг» имеет разные трактовки и не ограничивается в современном понимании только сферой развлечения

---

⁴⁷ Козодаева Л. Ф. Добровольческая деятельность как основа воспитания нравственных качеств студенческой молодежи // Вестн. ТГУ. 2010. Вып. № 11 (91). С. 121.

⁴⁸ Мерсиянова И. В. Практики филантропии в России : вовлеченность и отношение к ним населения. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2009. С. 225–228.

и удовольствия. Главная идея состоит в том, что досуг способен обеспечить устойчивое удовлетворение физических и духовных потребностей каждого человека, чему в немалой степени способствует волонтерская деятельность в свободное время. Такова показанная выше позиция Р. А. Стеббинса, которую мы разделяем.

Еще один интересный подход к определению волонтерства представлен А. А. Клепиковой, которая рассматривает этот феномен через категорию профессии как деятельности, характеризующейся специфическими навыками, знаниями и практиками. Анализируя работу волонтеров в одном из специализированных социальных учреждений, она пишет: «Добровольцы представляют свою деятельность не как моральное, альтруистическое призвание, но выстраивают *свою идентичность* прежде всего как профессиональные работники»⁴⁹. Речь идет содержательно об одном и том же виде деятельности, функционально реализуемом по-разному социальными работниками и волонтерами. При этом автор выделяет ряд существенных отличий деятельности волонтеров, которые заключаются в формировании особой идеологии, определенной, своей системе норм, свободе от ограничений, которые есть у профессионалов сферы социальной работы.

В анализе подходов к определению волонтерства через профессиональную деятельность и деятельность, осуществляемую в свободное время, объединяющим началом выступает реализация трудовой функции. Благодаря этому основанию проявляется ряд общих характеристик волонтерства, суть которых отражает категория «свобода». Речь идет о свободе выбора, свободе волеизъявления, свободе действий волонтеров. Л. А. Кудринская отмечает, что категория свободы является ключевой для понимания сущности добровольческого труда. Формирование добровольческого труда тесно связано с освобождением труда от всех видов принуждения: социального, экономического, административно-правового, идеологи-

---

⁴⁹ Клепикова А. А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью : конструкты волонтерства и профессионализма // Журн. исследований социальной политики. 2011. Т. 9, № 3. С. 406.

ческого. Она разделяет классическое понимание свободы как осознанной социальной необходимости. Эта свобода базируется на самодостаточности индивида в материальной и духовной сферах⁵⁰. Именно в волонтерстве она проявляется не только применительно к целеполаганию, но и к возможности реализации его в объективно-предметной составляющей деятельности.

Сравнивая приведенные выше российские определения волонтерства с зарубежными трактовками этого понятия, можно выделить ряд существенных отличий.

В определениях зарубежных авторов, в отличие от тех, что встречаются в российских научных работах, как правило, отсутствует уточнение объекта труда и конкретизация его результатов. Как нам кажется, это связано с тем, что во многом определения отражают черты, присущие самому феномену. Например, широта распространения волонтерства, его сложная неоднозначная структура характеризуют зарубежные волонтерские практики. В этом ключе можно говорить о динамичном распространении волонтерства во многих сферах: культуре, спорте, политике, реальном и виртуальном пространствах. В современной России этот процесс только начинается.

Результаты же волонтерского труда могут быть связаны во времени с потребностями различных социальных групп «здесь и сейчас», а могут быть ориентированы на будущее. Волонтерство может затрагивать интересы отдельных людей, а может быть ориентировано на территориальную общность или общество в целом. С нашей точки зрения, сущностная характеристика волонтерства в этом контексте – *социальная значимость и позитивный характер деятельности*.

Еще одно ключевое отличие зарубежных и российских трактовок заключается в расстановке приоритетности аксиологических и социальных смыслов волонтерства. Для российских авторов на первом месте – ценность волонтерства для общества, для зарубежных – ценность для членов различных общностей, самих

---

⁵⁰ Кудринская Л. А. Добровольческий труд : опыт теоретической реконструкции : дис. ... д-ра социол. наук / МГУ. М., 2006. С. 153–163.

волонтеров. Зарубежные трактовки базируются преимущественно на прагматизме, тогда как российский подход к определению волонтерства более социален. Как нам кажется, вышеназванные авторские позиции не противоречат, а существенно дополняют друг друга. В качестве ключевой сущностной характеристики волонтерства можно выделить и *аксиологический*, и *социальный* его *смыслы*. Они заключаются в объективно существующей значимости феномена для общества, в субъективном понимании социальной ценности волонтерской деятельности среди членов социальной общности, а также в субъективных оценках самими волонтерами ценности деятельности через удовлетворение ее процессом и результатами.

На основе такого детального анализа хотелось бы четко обозначить авторскую позицию. В ходе проведенного нами исследования выявлено, что требуется систематизация и своеобразное упорядочивание теоретических определений волонтерства в соответствии с определенной логикой. В первую очередь, мы предлагаем рассматривать значения волонтерства сквозь призму системного, институционального, деятельностного и общностного подходов. В качестве второго определяющего методологического основания для нас выступает типология социальных действий М. Вебера. Поскольку волонтерство содержит в себе черты целерационального и ценностно-рационального типов социальных действий, используем их характеристики в трактовке волонтерства.

Согласно идеям классика немецкой социологической мысли в основе целерационального типа лежит «ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве “условий” или “средств” для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели», тогда как ценностно-рациональный тип «основан на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового»⁵¹.

---

⁵¹ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избр. произв. : пер с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 628.

В нашем случае выделенные М. Вебером «чистые типы» действия находятся в определенном сопряжении. Волонтерская деятельность может по сути своей иметь осознанную направленность, определенную гуманистическими ценностями и идеалами, и в то же время рационально поставленную цель, ориентирующую поведение индивида. На стыке целерационального и ценностно-рационального типов действий актуализируется суть самой волонтерской деятельности в ее социальном и аксиологическом смыслах, выраженных в прагматической пользе для общества, для людей, на которых направлена эта деятельность, в ценности для самих волонтеров.

Наше понимание сущности волонтерства основано на выявлении его принципов и признаков, которые необходимо разделять, но ни в коем случае не отождествлять, как это можно сегодня встретить в отдельных работах.

Говоря о принципах, выступающих в качестве фундаментальных оснований исследования волонтерства, мы имеем в виду следующие: сочетание объективного и субъективного; целостность; сочетание целерационального и ценностно-рационального типов действий; органическая солидарность; свободная деятельность; деятельность за пределами семейных и дружественных отношений; альтруистическая направленность; наличие цели как достижения определенных результатов.

Что касается признаков волонтерства как определенных неотъемлемых его характеристик, то к ним могут быть отнесены следующие:

1. Включенность волонтерства в более широкий контекст социальных, экономических, политических отношений;
2. Наличие его нормативных характеристик на основе общечеловеческих и гуманистических ценностей;
3. Реализация волонтерства как формы социального взаимодействия на основе сочетания его национальных и интернациональных проявлений;
4. Наличие процессуального характера волонтерской деятельности;

5. Реализация волонтерства в свободное от основной работы время, достижение практической пользы, наличие организованного характера труда;

6. Наличие у субъекта волонтерской деятельности таких атрибутов, как отсутствие ожиданий какого-либо материального вознаграждения за результаты своего труда, осмысленный и осознанный выбор, ответственное отношение, удовлетворение процессом и результатами волонтерской деятельности;

7. Наличие социальных, экономических, политических, культурных ресурсов волонтерства;

8. Наличие общих ценностей, интересов, установок как основы формирования социальной идентичности волонтерства.

Выделенные принципы и признаки демонстрируют всю сложность как самого феномена волонтерства, так и его теоретического определения. Представленная систематизация позволяет нам дать ряд взаимодополняющих друг друга сущностно-содержательных трактовок волонтерства с позиции системного, институционального, общностного и деятельностного подходов. Каждая из этих трактовок включает в себя в качестве обязательных компонентов структуру, принципы, признаки и цели волонтерства.

С позиций системного подхода волонтерство – это функционирующая в широком контексте социальных, экономических, политических отношений общественная система взаимодействующих добровольческих структур (субъектов волонтерской деятельности), базирующаяся на принципах целостности, солидарности, сочетания объективного и субъективного и характеризующаяся следующими признаками: реализация волонтерства в качестве формы социального взаимодействия его национальных и интернациональных проявлений; использование социальных, экономических, политических, культурных ресурсов; наличие общих ценностей, интересов, установок, формирующих добровольческую социальную идентичность. Говоря о целях волонтерства как социальной системы, мы можем рассматривать их с позиций внутренней и внешней направленности. Внутренние цели означают воспроизводство и развитие волонтерства как такового и предполагают укрепление его

единства и сплоченности, социализацию, трансляцию культурных ценностей и духовных традиций, мобилизацию социальных, экономических, политических, культурных ресурсов, активизацию личностного потенциала добровольцев. Внешние цели связаны с получением реальных результатов и практической пользы объектами волонтерской деятельности.

Применяя институциональный подход к волонтерству, мы рассматриваем его как институт гражданского общества, базирующийся на принципах целостности, органической солидарности, сочетании объективного и субъективного и включающий в свою структуру: общности волонтеров различных организационных форм; волонтерские практики как социальное взаимодействие их национальных и интернациональных проявлений; социальные, экономические, политические и культурные ресурсы; легитимные нормы и правила волонтерской деятельности на основе общечеловеческих и гуманистических ценностей; традиции и образцы поведения добровольцев. Целью института волонтерства является содействие эффективной реализации социальной политики, направленной на самые разные социальные группы общества, его сбалансированное социальное и экономическое развитие, а также укрепление солидарности внутри добровольческого движения.

С позиций общностного подхода мы рассматриваем волонтерство в качестве реально существующей, относительно единой и самостоятельной взаимосвязи (социальной общности) людей как субъектов добровольческой деятельности, базирующейся на принципах целостности, органической солидарности, сочетания объективного и субъективного, альтруизма и характеризующейся рядом следующих признаков: включенность общности волонтеров в более широкий контекст социальных, экономических, политических отношений; наличие у нее социальных, экономических, политических, культурных ресурсов; наличие общих ценностей, интересов, установок как основы формирования социальной идентичности рассматриваемой общности; отсутствие ожиданий у членов общности материального вознаграждения за результаты своего труда; осмысленный и осознанный выбор, ответственное отношение, удовлетво-

рение процессом и результатами волонтерской деятельности. Целью общности волонтеров является формирование собственной идентичности, общественное признание их труда, приносящего конкретную практическую пользу объектам добровольческой деятельности.

Применительно к трактовке волонтерства с позиции деятельностного подхода мы рассматриваем его как вид деятельности, основанный на принципах сочетания целерационального и ценностно-рационального типов деятельности, свободы от внешнего принуждения, возможности выбора варианта действия, альтруизма, деятельности за пределами семейных и дружественных отношений. Признаками волонтерства как деятельности являются: ее процессуальный характер и позитивная направленность; реализация добровольной деятельности в свободное от основной работы время; отсутствие у волонтеров ожиданий материального вознаграждения за результаты своего труда, его осмысленный и осознанный выбор, ответственное отношение, удовлетворение процессом и результатами волонтерской деятельности. Целью волонтерской деятельности является достижение социального и экономического эффекта и практической пользы для ее объекта.

Анализ реальных практик волонтерства показывает, что данные определения могут характеризовать лишь «идеальные типы» исследуемого феномена, которые в различных социальных, культурных, экономических и политических условиях подвергаются определенным трансформациям. Приведем ряд примеров, демонстрирующих эти существенные изменения. В отдельных странах создаются специальные государственные агентства, в зоне ответственности которых находится развитие и поддержка волонтерских инициатив граждан этих стран, реализуемых как в рамках своей страны, так и за ее пределами. В круге задач таких учреждений может быть решение социально-экономических проблем своей страны. В борьбе с безработицей страдающие от нее люди вовлекаются в волонтерские проекты. В отдельных случаях стимулируется развитие определенных территорий, районов, штатов, провинций, когда специалисты разного профиля, не имеющие постоянной занятости, но при этом добровольно желающие работать, в качестве волонтеров

организованно отправляются в проблемные регионы. Таким же образом может осуществляться помощь населению развивающихся стран в получении элементарных технических знаний и трудовых навыков, реализуется просветительская деятельность, оказывается медицинская и социальная помощь нуждающимся в других странах. При этом государственные организации также координируют направление волонтеров за пределы своего государства, выплачивают волонтерам частичное материальное вознаграждение за их деятельность.

Увеличение возможностей и усложнение структуры рынка труда волонтеров способствуют формированию идеологии товарно-денежных отношений между государственным, коммерческим и некоммерческим секторами экономики. Кроме того, с развитием общества происходит формализация и рационализация волонтерства как деятельности, а исследуемый нами феномен объективно оказывается представленным в государственном, коммерческом и третьем секторах экономики. На субъективном уровне это находит отражение в сознании людей, прослеживающих связи волонтерства с политикой, экономикой, властью и бизнесом.

Таким образом, благодаря целому ряду объективных процессов (выделению финансовых средств на развитие волонтерства, формированию рынка труда волонтеров, попыткам централизации управления и контроля за развитием волонтерства на международном и национальном уровнях и т. д.) становится возможным выделить новую грань проявления исследуемого феномена и обозначить смысловое значение новой теоретической категории – «полуволонтерство».

По нашему мнению, наряду с сущностными признаками добровольности и безвозмездности, актуализируется внешний социальный контекст, формирующий условия для вынужденного выбора деятельности со стороны определенной группы ее субъектов. Тонкая грань, определяющая в данном случае ключевые характеристики волонтерства, базируется на принципе осознанности сделанного выбора.

В других своих проявлениях «полуволонтерство» связано с появлением и распространением в повседневных волонтерских практиках частичной материальной компенсации за результаты труда.

Кроме этого, волонтеры могут работать не в свободное от основной работы время, а вместо нее, если они не имеют постоянного трудоустройства из-за проблем на рынке труда.

Таким образом, понятие «полуволонтерство» в полной мере отражает целый ряд противоречий, возникающих сегодня в реальной практике, когда волонтерство подвергается внешнему стимулированию через активизацию международных организаций и фондов, через стремление государства к контролю над процессом развития волонтерства; когда подвергается воздействию принцип добровольности; когда сущностное желание «помочь ближнему», идущее от души и сердца, сталкивается с бюрократизацией и прагматизацией действий (например, в реализации технологий фандрайзинга) в процессе поиска необходимых ресурсов.

Сложность определения ключевого исследовательского понятия демонстрирует всю полноту разнообразия представлений, дифференцированность проявлений самого феномена волонтерства, что делает естественной постановку вопроса об исследовании его структуры, функций и видов.

1.2. Структура, функции и виды волонтерства

Рассмотрим внешнюю и внутреннюю структуру волонтерства. В первом случае взаимодействующие добровольческие структуры должны быть исследованы на международном, национальном и локальном уровнях построения структур социального взаимодействия.

На международном уровне на легитимных основаниях действует система, включающая в себя сеть международных организаций разных типов: ассоциации, фонды, представительства, отдельные некоммерческие организации. Все волонтерские структуры международного уровня можно условно разделить на два типа: «структуры координации, продвижения волонтерства и активизации гражданских инициатив» и «структуры интеграции ресурсов волонтерства».

В данных типах построения организационных структур, как правило, заложены разные принципы. В первом случае доминирует принцип стимулирования развития гражданской активности, в том числе волонтерских инициатив, во втором – принцип аккумуляции волонтерской активности на разных уровнях. Первый принцип реализуется в идеологии и деятельности таких организаций как, UNV (United Nations Volunteers), SCI (Service Civil International), второй лежит в основе такой организации, как Международная ассоциация добровольческих усилий (IAVE).

Все международные волонтерские структуры представляют собой глобальные сети, а их деятельность инициирована международными организациями под эгидой ООН. Они специально созданы и функционируют для поддержки и продвижения волонтерского движения во всем мире. Они интегрированно включены в более крупные международные объединения, созданные для решения глобальных проблем человечества. Данные организации, как правило, обладают крупными финансовыми ресурсами, которые выделяются транснациональными корпорациями, крупными благотворительными фондами и правительствами стран, заинтересованными в развитии деятельности волонтеров. Функционирование этих организаций направленно охватывает большое количество государств.

Ко второму типу волонтерских структур относятся международные волонтерские объединения – ассоциации благотворительных организаций, волонтерских движений, отдельных НКО. Они представляют собой сетевые структуры, в которые могут быть включены, официально зарегистрированы отдельные волонтеры, волонтерские организации, национальные представительства и добровольческие центры из всех регионов мира. Все члены подобных объединений, как правило, направляют дифференцированные взносы, необходимые для финансового обеспечения деятельности. Следует отметить, что подобные объединения регулярно проводят международные мероприятия, генерируют идеи и создают документы, регламентирующие деятельность волонтерских организаций по всему миру.

Международные волонтерские организации всех типов работают в партнерстве с правительствами тех стран, где реализуются волонтерские проекты, с другими международными организациями, международными банками, организациями третьего сектора. Для организационных структур выделенных типов общей является идеология международных волонтерских объединений. С одной стороны, в ней обозначена необходимость решения таких глобальных проблем человечества, как бедность, ухудшение экологии, борьба с системными заболеваниями, возникающими эпидемиями, последствиями природных и техногенных катастроф, защита прав детей и т. д., с другой, заложены идеи всеохватывающего продвижения основ демократии, построения глобального общества равных прав и возможностей.

В конце XX в. появляются волонтерские структуры, которые интегрируются на международном уровне, но свою деятельность локализуют в определенных территориальных рамках. Они реализуют международные программы, направленные на развитие волонтерства за счет консолидированного бюджета, выделяемого на решение этих задач правительствами разных стран. Подобные структуры решают задачи культурной и социальной интеграции определенных общностей, включающих в себя людей разной национальной принадлежности. В интересах отдельных людей такие волонтерские организации предоставляют возможности для реализации различных видов мобильности (образовательной, профессиональной). В интересах государственных структур они способствуют решению проблем трудовой занятости населения.

Международные организации волонтеров формируют идеологию развития волонтерского движения, определяют основные направления их деятельности, выступают в качестве «наднациональной надстройки», детерминирующей стратегию социальной политики отдельных государств в отношении волонтерства. Международные общественные организации, как правило, имеют сетевую структуру. Иерархичность в организациях способствует тому, что представительства таких объединений, по возможности, обязательно создаются на национальном уровне в отдельных государ-

ствах, в некоторых случаях имеют свои отделения и на локальном уровне.

В отдельных странах стихийно или целенаправленно создаются волонтерские структуры разных типов. Они могут возникать и функционировать как под эгидой международных организаций при экономической, организационной и информационной поддержке с их стороны, так и в рамках реализации государственной политики отдельных стран под патронажем их правительственных структур.

Подобные объединения являются одним из механизмов, обеспечивающих групповую мобильность волонтеров как внутри стран, так и за ее пределами. Подобные организации позволяют не только вовлекать в добровольческие практики коренное население стран, но и привлекать для реализации неквалифицированных видов работ, на которые трудно задействовать коренное население, жителей других стран или иммигрантов, которые таким образом проходят аккультурацию, адаптируются к новым социальным и культурным условиям. Подобная система выстроена и успешно функционирует в ряде многонациональных государств.

В отдельных странах создаются специальные государственные агентства, в зоне ответственности которых находится развитие и поддержка волонтерских инициатив граждан этих стран, реализуемых как в рамках своей страны, так и за ее пределами. В кругу задач таких учреждений может быть решение социально-экономических проблем своей страны, в частности безработицы. В борьбе с ней безработные вовлекаются в волонтерские проекты. Стимулируется развитие отдельных территорий, районов, штатов, провинций, когда специалисты разного профиля, не имеющие постоянной занятости, но при этом добровольно желающие работать, в качестве волонтеров организовано отправляются в проблемные регионы. Может также оказываться помощь населению развивающихся стран в получении элементарных технических знаний и трудовых навыков, осуществляться просветительская деятельность, медицинская и социальная помощь нуждающимся в других странах. В этом случае государственные организации также координируют направление волонтеров за пределы своего государства.

В большинстве стран институты государственной власти и ряд политических институтов предоставляют ресурсное обеспечение деятельности волонтерских структур на уровне стратегии и тактики. Создается нормативно-законодательная база, выделяются средства из государственных бюджетов, планируются и реализуются государственные программы. Одной из ключевых задач, которая находит свое решение таким образом, является активное вовлечение населения в жизнедеятельность общества. В этом контексте волонтерство рассматривается как механизм формирования гражданской и политической активности.

В странах постсоветского пространства волонтерские структуры формируются по двум сценариям. В первом случае доминируют международные организации, выстраивается иерархическая сеть, представляющая в первую очередь международные волонтерские объединения, функционируют представительства головных организаций. Здесь третий сектор чаще всего привлекает в свою деятельность волонтеров за счет ресурсов международных доноров.

Во втором случае по российскому сценарию выстраиваются сети формальных и неформальных волонтерских структур. Неформальный характер носят сети добровольческих объединений и добровольческих организаций, построенные на принципах виртуальности, взаимодействия и взаимной поддержки со стороны их членов. Формализовано выстраивается сеть волонтерских государственных учреждений – региональных центров развития волонтерства, которые создаются на базе государственных учреждений отдельных областей по согласованию с областными органами исполнительной власти, как правило, ответственными за осуществление молодежной политики. В задачи этих организаций входит информационная, консультационная, методическая поддержка НКО, отдельных граждан, волонтерских движений и групп волонтеров на локальном уровне.

На этом уровне (территории отдельных штатов, провинций, областей, городов, сельских поселений) стихийно организуются волонтерские группы, в которые волонтеры могут объединяться ситуативно при возникающих потребностях в решении определенных

проблем либо входить на более или менее постоянной основе, образуя волонтерские движения. Добровольческие движения, как правило, территориально привязаны к религиозным общинам, отдельным образовательным учреждениям, местам работы, досуговым учреждениям.

Другим типом волонтерских структур локального уровня являются общинные, региональные, городские организации третьего сектора, которые в свою деятельность активно вовлекают добровольцев, организуют и направляют их деятельность. Эти структуры отличаются направленностью и характером действий волонтеров. С одной стороны, члены волонтерских объединений самостоятельно могут оказывать помощь конкретным людям, включаться в деятельность других структур (НКО, государственных учреждений). С другой стороны, сами организации привлекают отдельных волонтеров и волонтерские сообщества для осуществления своей деятельности.

Таким образом, волонтерство имеет сложную многоуровневую, интегрированную структуру, включающую в себя общности волонтеров различных организационных форм, их деятельность, которая на институциональном уровне регулируется легитимными нормами и правилами, основанными на общечеловеческих и гуманистических ценностях. Как правило, эта деятельность связана с культурными и историческими традициями общества и сама формирует традиции и образцы поведения добровольцев.

В рамках деятельности международных волонтерских организаций разработан ключевой документ, обозначающий цели, ценности, нормы, принципы и стандарты волонтерской деятельности. Это «Всеобщая декларация добровольцев», которая была принята на XXI Всемирной конференции Международной ассоциации добровольческих усилий (IAVE). Сейчас этот документ является основой деклараций волонтеров отдельных стран, национальных и региональных концепций, программных документов отдельных организаций и движений. Он не только обозначает ключевые ценности волонтерства, но и регламентирует деятельность волонтерских общностей.

В разных типах обществ сформированы волонтерские традиции светского и религиозного характера, во многом определяющие сущность волонтерства и специфику волонтерских структур.

В ряде стран нормы волонтерской деятельности объективированы в правовом и социальном полях. Они исторически сложились и нашли свое закрепление. На объективном уровне волонтерские структуры интегрированы в государственный, коммерческий и некоммерческий секторы, они обеспечивают волонтерам вход на рынок труда, в образовательную, культурную и социальную сферы. На субъективном уровне с позиций христианского вероисповедания религиозная норма «помощь ближнему» в ряде стран постепенно становится социальным правилом.

В Европе, Скандинавских странах и США большинство граждан из числа верующих людей воспринимают волонтерскую практику как норму, так как для них достаточно привычно поступать именно так в соответствии со своими религиозными убеждениями. С позиции светской этики в ряде государств выстроена система социальных правил, согласно которой любой член общества может использовать социальные ресурсы (получать образование, государственную поддержку в виде пособий, иметь возможность трудоустройства и т. д.) только при условии своего личного участия в волонтерских практиках.

Это находит свое закрепление в законодательных решениях, а также связывается с рядом социальных норм, когда люди сознательно верят, что предписываемое им поведение истинно. Сущностной основой формирования волонтерства как социальной нормы в данном случае является личный самостоятельный выбор человека, который реализуется в желании участвовать или не участвовать в волонтерской деятельности, принимать или не принимать те «правила игры», которые предлагаются ему обществом, государством, местным сообществом. В волонтерских структурах такого типа доминирует активность волонтера как субъекта деятельности.

Иная ситуация складывается в странах постсоветского пространства. На протяжении достаточно длительного времени в идеологии этих государств господствовали идеи важности социально значимой общественной деятельности, которые имели неоднозначную оценку среди населения из-за ее добровольно-принудительного характера и отсутствия должного подкрепления таких

практик культурными, историческими традициями. Это во многом оказало существенное влияние на формирование ментальности «постсоветского человека», отразилось на волонтерских структурах современной России, где доминируют государственные инициативы и ресурсы, а активность и инициативы отдельных граждан не играют решающей роли.

Различные организационные формы добровольчества, ограниченные пространственно-временными рамками, определяют то, какими видами ресурсов обладает волонтерство как социальная общность. В системе объективных связей между различными социальными институтами (государством, церковью, политическими партиями, образованием, СМИ и т. д.) формируется структура социального пространства, включающая в себя четыре группы капитала: экономический, культурный, социальный и символический.

С позиции ресурсного подхода в экономическом плане на поддержку волонтерских организаций, волонтерских движений вкладываются достаточно крупные материальные средства в бюджеты международных организаций, которые формируются из взносов стран, поддерживающих эту деятельность. Существенную долю финансовых средств на деятельность НКО и соответственно на поддержку волонтерства выделяют «доноры»: международные организации, государственные и частные фонды, корпоративные благотворители, крупные предприятия и организации. Эти средства, как правило, концентрируются в специальных фондах, осуществляющих их дальнейшее распределение. Существенным оказывается и объем ресурсов частной филантропии. И. В. Мерсиянова и Л. И. Якобсон отмечают, что в странах англосаксонской традиции он в 2 раза выше средней величины и достигает 1 % ВВП. В странах Западной Европы (за исключением Скандинавии), в Канаде и Израиле масштабы частных филантропических ресурсов также выше среднего уровня. Их объем достигает 0,7 % ВВП в среднем по этой группе стран. В прочих странах доля частных филантропических ресурсов в ВВП находится на уровне 0,3–0,4 %⁵².

---

⁵² Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2010. С. 116.

Таким образом, на социетальном уровне для развития волонтерства и осуществления волонтерских практик концентрируется колоссальный экономический ресурс, необходимый для построения организационных структур, обеспечивающих условия для использования членами общности волонтеров своего социального, культурного и символического капитала. Это, в свою очередь, приводит к тому, что общность волонтеров, увеличивая свою численность, укрепляет позиции, расширяет спектр действий, увеличивает и оптимизирует ресурсную базу. Вследствие этого раздвигаются границы социального капитала общности волонтеров. На уровне общества он выступает как основа его либерализации, на индивидуальном уровне дает человеку серьезные преимущества в достижении жизненных целей, карьере, доступе к информации, расширению своей социальной сети, новому качеству взаимодействия внутри общности и с членами иных общностей.

Социальный капитал волонтерских общностей в зарубежных странах проявляется в высоком уровне доверия к их деятельности. Это обеспечивает существенный экономический эффект, который проявляется в ее профессионализации, оптимизации поиска ресурсов с привлечением технологий фандрайзинга для ее осуществления. Происходит технологизация волонтерства, уменьшаются затраты на соблюдение формальных правил и прохождение бюрократических процедур путем использования сформированного уровня доверия населения к институту волонтерства. Формируются стандарты обучения, профессиональные стандарты деятельности организационных структур (волонтерских организаций, благотворительных фондов, НКО, движений и т. д.).

Одним из ключевых элементов социального капитала в этом случае является полное признание среди членов общества ценности волонтерства. Оно находит свое выражение в различных символических формах: от формально организованных общественных мероприятий – конгрессов, конференций, символических дат (день, год, десятилетие волонтерства) – до общепринятых волонтерских практик (корпоративных, семейных и т. д.) и систематических пожертвований на их реализацию.

Волонтерские общности в развитых обществах обладают культурным капиталом, который в форме объективации свидетельствует о высоком уровне образовательной квалификации человека, занимающегося добровольчеством на определенном этапе своей жизни, например, в процессе получения образования в ведущих учебных заведениях мира. В данном случае культурный капитал предрасположен функционировать в качестве символического капитала, подтверждающего высокий интеллектуальный уровень и социальный статус людей, первоначально занимающихся волонтерством, а при дальнейшем своем профессиональном и карьерном продвижении жертвующих крупные финансовые средства на его развитие.

Волонтерские практики выступают культурным атрибутом хорошего воспитания, высокого уровня образования индивида, в отдельных случаях символизируют ситуацию социального успеха. На наш взгляд, волонтерство можно рассматривать как восприятие социального мира, как продукт двойного структурирования. С объективной стороны оно сконструировано социально, так как основано на гуманистической этике и морали. С субъективной стороны конструирование реализуется в процессе восприятия и оценивания индивидом его ресурсности с позиции символического значения, которое открывается благодаря всеобщему признанию ценности волонтерства и высокому уровню доверия к нему в обществе.

При рассмотрении внутренней структуры волонтерства можно выделить ее основные элементы: субъект, объект, деятельность и ее цель. Исходя из анализа специфики этих элементов, прослеживаются основные типы и виды волонтерства, на описании которых мы и остановимся далее.

В роли субъекта деятельности может выступать как конкретный индивид – волонтер, работающий в НКО, социальной службе, либо оказывающий по собственному желанию без участия в каких-либо социальных организациях определенные услуги или помощь нуждающимся, так и группа волонтеров. Таким образом, волонтерство может быть двух типов: индивидуальным и групповым.

В свою очередь групповое волонтерство может быть разных видов в зависимости от того, с деятельностью каких социальных

групп оно сопрягается. Например, в трудовых коллективах речь идет о корпоративном волонтерстве и включении работников организации в волонтерские проекты своей компании. В рамках профессиональных объединений группы людей, разделяющие определенные ценности, оказывают профессиональную помощь или услуги, сопряженные с профилем своей деятельности. В этом случае обосновано выделение профессионального волонтерства. Когда волонтерством длительное время занимаются члены одной семьи, можно говорить о семейном волонтерстве. Такая деятельность совместно с членами своей семьи, трудового коллектива, соседями, с теми, с кем приходится также формально взаимодействовать и при других условиях, способствует формированию общих ценностей, интересов, установок как основы социальной идентичности рассматриваемой общности.

Немаловажно и включение волонтерства в институциональные группы в рамках деятельности политических партий и образовательных учреждений, религиозных общин. В этих случаях отдельный индивид оказывается членом волонтерского движения, волонтерских отрядов, объединяющих людей, добровольно наделенных активностью, оказывающих услуги, работающих на безвозмездной основе сообща в рамках светского либо религиозного волонтерства. В результате можно заключить, что субъектами волонтерской деятельности выступают реальные социальные общности, которые могут быть социально-территориальными, религиозными, социально-профессиональными и образовательными, формальными и неформальными, официальными и неофициальными.

Можно выделить различные возрастные группы волонтерства: детского и подросткового (до 14 лет), юношеского или раннего молодежного (от 14 до 18 лет), среднего молодежного (от 18 до 25 лет), позднего молодежного (от 25 до 30 лет), волонтерства взрослых (от 30 до 55 лет), волонтерства пожилых (после 55 лет). Все перечисленные типы способствуют сохранению и передаче традиций волонтерства, формированию поведенческих паттернов, восприятию членами различных типов общностей волонтерской деятельности как социальной нормы.

Предполагается выделение мужского и женского типов волонтерства при рассмотрении в качестве основания для построения типологии половой принадлежности. По типу занятости субъекта реализуется волонтерство безработных и людей, имеющих постоянное место работы. По уровню здоровья волонтеров выделяют инклюзивное волонтерство и добровольчество здоровых людей.

В качестве объекта волонтерской деятельности может рассматриваться «природный предмет» или какая-либо сфера, например, окружающая среда, памятники культуры либо социальные институты: семья, система социальной защиты, здравоохранение, образование. По данному принципу выделяют спортивное, политическое, культурное, экологическое волонтерство. Если объект деятельности – социальные группы: инвалиды, ветераны, социальные сироты, малоимущие, лица, попавшие в трудную жизненную ситуацию, то можно сказать, что речь идет о социальном волонтерстве. Сегодня актуализируется тенденция к рассмотрению в качестве объекта волонтерской деятельности не только депривированных социальных групп, но и групп, имеющих определенный социально-значимый потенциал, например, молодежи, подростков, молодых семей и т. д. Именно в этом случае можно говорить о том, что объектом деятельности оказывается сам субъект, который направляет активность на собственное «я» во имя самопознания или самоизменения.

При определении объекта деятельности появляется возможность выделить два вида волонтерства, где первый связан с непосредственной работой с людьми, проявляющейся в прямом оказании помощи, второй ассоциируется с опосредованной помощью, реализуемой при работе с документами, оборудованием, информацией и т. д.

Третьим элементом структурного рассмотрения волонтерства выступает деятельность, которая проявляется в самых различных формах и видах. По своему содержанию волонтерство может реализовываться как педагогическая, психологическая, правозащитная, информационная деятельность либо деятельность в сфере социаль-

ной работы. Ключевыми ее характеристиками является сознательность и целенаправленность. Данная деятельность в итоге приводит объект либо к изменению, преобразованию, трансформации, либо сохраняет его в целостности и неприкосновенности.

Волонтерская деятельность может реализовываться в различных секторах экономики: в государственных учреждениях, некоммерческом секторе либо коммерческих организациях. Она может иметь разный принцип организации, носить стихийный (самоорганизация людей) либо организованный характер (деятельность инициируется социальными учреждениями, активизируется и стимулируется по месту учебы или работы, поддерживается органами местного самоуправления и т. д.). В этом контексте волонтерская деятельность может быть напрямую связана с самостоятельным поиском волонтерами ресурсов, необходимых для ее осуществления, а может быть реализована при наличии уже созданной на институциональном уровне ресурсной базы. Волонтерская деятельность разделяется на системную и проектную по качественным характеристикам, содержанию, принципу включенности в нее добровольцев. Волонтерство первого типа осуществляется на постоянной основе без временных и ресурсных ограничений, когда волонтеры с определенной регулярностью включены в ту или иную безвозмездную деятельность на благо общества. Второй тип волонтерской деятельности реализуется в условиях, когда четко заданы извне временные рамки для ее реализации, определены конкретные текущие проблемы, намечены пути их разрешения, а волонтеры рекрутируются под специально поставленные задачи.

С позиции оценки вовлеченности субъекта и частоты реализации волонтерства деятельность может быть единовременным разовым участием в какой-либо социальной акции или трудовой практикой, длящейся определенный период времени.

По наличию выплат волонтеру можно выделить компенсаторную и полностью безвозмездную волонтерскую деятельность. Например, в «Концепции развития добровольчества в Смоленской области на 2010–2013 гг.» компенсаторное добровольчество опреде-

ляется как «форма добровольческой деятельности, при которой доброволец безвозмездно оказывает социальные услуги, но получает компенсацию за потраченное время»⁵³.

Территориальные границы ареала деятельности определяют внутреннее или национальное волонтерство и внешнее, т. е. международное волонтерство. В связи с интенсивным развитием современных коммуникативных технологий, расширением информационной среды получило развитие не только реальное, но и виртуальное волонтерство. Стремительный рост виртуального пространства за счет постоянного увеличения информационных ресурсов способствует привлечению все большего числа волонтеров для их создания, наполнения, поддержания степени их актуальности и востребованности со стороны интернет-аудитории.

Отталкиваясь от оценки целеполагания волонтеров, можно представить карьерное и альтруистическое волонтерство. Это позволяет выделить как основу для выделения вышеобозначенных типов две ключевые группы целей волонтерской деятельности, напрямую связанные с мотивацией субъекта деятельности. Первая группа коррелирует с интересами, желаниями, предпочтениями волонтеров. Эти цели направляют деятельность на решение проблем отдельного человека в психологическом, социальном, экономическом плане. Во второй группе целей доминирует социальная значимость деятельности, ее направленность на интересы других людей, выраженный социальный эффект. В реальной жизненной ситуации, как правило, эти цели пересекаются и взаимно дополняют друг друга, определяя субъект и характер самой деятельности.

Методологический подход к исследованию волонтерства как социальной системы, социального института, социальной общности и социальной деятельности ведет к постановке вопроса о выделении и систематизации его функций.

---

⁵³ Концепция развития волонтерства в Смоленской области на 2010–2013 гг. // Молодежь Смоленщины 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.molodezh67.ru/2010-06-10-09-37-56/2010-06-22-09-00-19/2010-2013-#_Тoc231291731 (дата обращения: 21.03.2013).

Вследствие того, что волонтерство – это сложный социокультурный феномен, имеющий многоуровневую структуру, функции системы, института, общности и деятельности могут взаимно пересекаться, дополнять друг друга, равно как иметь разную направленность – внутреннюю и внешнюю. Но в любом случае волонтерство укрепляет социальные связи с другими системами общества и формирует отношения между различными подсистемами внутри него.

При таком подходе на первом месте по своей значимости оказывается *консолидирующая функция*. С одной стороны, волонтерство в своем системном качестве определяет внутреннее единство и сплоченность общности волонтеров, с другой – играет роль в единстве и сплоченности населения отдельных территориальных общностей и интеграции между различными социальными общностями в структуре общества.

Как общественная система взаимодействующих структур, добровольчество реализует *мобилизационную функцию*, выступая механизмом эффективного использования и распределения между государственным, коммерческим и некоммерческим секторами социальных, экономических, политических, культурных ресурсов на международном, национальном и локальном уровнях для достижения социального эффекта и практической пользы в отношении конкретных объектов волонтерской деятельности.

В институциональном плане, наряду с консолидирующей, к социально направленным функциям волонтерства следует отнести *функцию социальной стабилизации*. По мнению Л. Я. Кудринской, волонтерство способствует уменьшению социальной энтропии в обществе в его стратификационной и национальной структурах⁵⁴.

Регулятивная функция волонтерства как социального института показывает характер взаимодействия между членами волонтерской общности и их отношений с определенными слоями, социальными группами общества, а также с политическими, экономическими, культурными, религиозными и образовательными институтами.

---

⁵⁴ Кудринская Л. А. Добровольческий труд : опыт теоретической реконструкции. М., 2006. С. 153.

Нормообразующая функция волонтерства осуществляется в процессе формирования набора норм, правил, стандартов, которые получают легитимный статус и общественное признание как на уровне взаимодействия различных организационных форм волонтерства, так и в процессе реализации самой волонтерской деятельности.

Следующая функция может быть названа *трансляционной*. Ее суть состоит в межгрупповой и внутригрупповой, межпоколенной и межнациональной трансляции гражданских ценностей, способов, умений и навыков волонтерских практик, в передаче традиций деятельности, способствующей их закреплению и сохранению.

Не менее важна *стимулирующая функция*. Ее особенность заключается в том, что волонтерство способствует поддержанию в обществе определенного уровня активности и проявлению этой активности в различных сферах жизни общества: политической, экономической, социокультурной. Она предполагает оказание воздействия на общественное сознание и поведение различных социальных групп и слоев. Диапазон и характер этого воздействия очень широк: от политики до воспитания, от влияния на развитие карьеры социально успешных до стимулирования активности депривированных социальных групп.

Функция *формирования и развития гражданского общества* означает возможность влияния волонтерских структур на развитие и дееспособность третьего сектора, на формирование и реализацию социальной, информационной и экономической политики, на деятельность государственных и политических институтов. Кроме того, по мнению С. Т. Кирдиной, «Гражданское общество служит одним из выражений реальных процессов, обозначением сферы деятельности граждан за пределами частной жизни, их готовности и возможности активно участвовать в происходящих социальных процессах»⁵⁵. В этом смысле ключевую роль играет желание людей реализовывать «гражданское участие», т. е. самоорганизовывать-

---

⁵⁵ Кирдина С. Т. Гражданское общество : уход от идиологемы // Социс. 2012. № 2. С. 73.

ся, включаться в общесоциальный контекст, проявлять инициативу. С учетом специфики базовой институциональной структуры российского общества именно волонтерство – один из механизмов решения проблем безмолвия и неучастия российских граждан в социальной жизни.

Можно выделить две основные группы функций при рассмотрении волонтерства как социальной общности. К первой относятся функции, направленные на сохранение и укрепление позиций волонтерской общности как с точки зрения внутриобщностных связей, так и в сфере ее отношений с другими социальными общностями. Такой подход позволяет выделить *интегрирующую функцию*, имеющую внешний и внутренний характер своего проявления. Прежде всего речь идет о взаимодействии членов волонтерской общности с многочисленными социальными институтами, организациями, социальными группами. Внутренний характер интегрирующей функции волонтерской общности проявляется в процессе совершенствования внутриобщностных отношений путем активизации взаимодействия между ее членами, чему способствует реализация еще одной функции данной группы – *коммуникативной*.

Ее суть заключается в постоянной поддержке взаимодействия между членами волонтерской общности, органами социального управления, той частью населения, на которую непосредственно направлена деятельность волонтеров, и широкой общественностью.

Существенное значение имеет *функция социализации*. Она означает освоение членами волонтерской общности, участниками волонтерской деятельности ее норм и ценностей, образцов поведения, соответственно осмысление и осознание общечеловеческих ценностей, а также передачу социального опыта и достижений общества в целом.

Необходимо также выделить функции, охватывающие процессы, связанные с идентификацией волонтерской общности, с влиянием волонтерства на формирование образа жизни, профессиональной и личностной реализацией ее членов. К ним относятся преимущественно личностно-направленные функции: *функция формирования социального, культурного и символического капи-*

тала, функция самопознания, самоутверждения, познавательная функция и функция профессионализации. Суть данных функций, с одной стороны, проявляется в создании условий для процесса отождествления личностью себя с волонтерской общностью, выражающегося в усвоении и овладении присущими ей социальными ролями, нормами, сознанием и поведением, с другой, – в создании условий для самоидентификации, профессионального и личностного развития.

Рассмотрев функции волонтерства как социальной системы, социального института и социальной общности, обратим внимание на экономические, социальные и культурные функции волонтерства как деятельности. К экономическим функциям следует отнести *влияние волонтерства на формирование социально-профессиональной структуры общества*, прежде всего через интеграцию государственного, коммерческого и некоммерческого секторов экономики, а также перераспределение трудовых и финансовых ресурсов в соответствии с реальными потребностями общества и возможностями его членов. На индивидуально-личностном уровне экономические функции реализуются в контексте категории «польза», т. е. в реальных результатах деятельности по отношению к нуждающимся в них людям. К социальным функциям волонтерства как деятельности следует отнести функции: *профессиональной мобильности, мобилизационную или функцию активизации социальных связей.* Культурная функция волонтерской деятельности состоит в *воспроизводстве и развитии культуры общности волонтеров* как акторов.

Наряду с явными функциями можно выделить латентные функции волонтерства.

На макроуровне проявляется скрытая *функция стратификации.* Волонтерство определенным образом способствует усилению социального неравенства. Происходит социальное разделение волонтерской общности на неравные по своим характеристикам подобщности. По своей сути разные виды добровольчества определяют неравенство волонтеров, детерминируют поляризацию отдельных волонтерских групп и сообществ, отличающихся не только по ста-

тусным позициям, субъективным характеристикам их членов, характеру и содержанию труда, но и по доступу к ресурсам общества, определяющим жизненные возможности волонтеров.

С развитием общества происходит реализация еще одной латентной функции – *функции рационализации волонтерства* как деятельности, связанной с необходимостью организационных мероприятий с определенными бюрократическими процедурами, с поиском требуемых ресурсов, с использованием современных коммуникативных технологий. На макроуровне это находит свое отражение в процессе включения волонтерства в политику и экономику. Волонтерство оказывается управляемой и корректируемой добровольной деятельностью. Исследования показывают, что в промышленно развитых странах развитие волонтерства происходит на фоне кризиса финансов, когда усиливается критика уровня благосостояния общества и увеличивается спрос на социальные услуги. В этом случае государственные социальные услуги во многом заменяются услугами, которые оказывают волонтеры⁵⁶.

Вместе с тем требуют своего исследования не только функции волонтерства, но и его дисфункциональные характеристики. В контексте управления развитием волонтерского движения можно говорить о проявлении дисфункциональных аспектов исследуемого феномена. Увеличение возможностей и усложнение структуры рынка труда волонтеров способствует формированию идеологии товарно-денежных отношений между государственным, коммерческим и некоммерческим секторами экономики.

Крупные финансовые вложения в развитие волонтерства входят в противоречие с такой его характеристикой, как свобода от различных видов принуждения. Так как в современных условиях волонтерство во многих своих проявлениях не может реализовываться без ресурсов, оно оказывается зависимым от институтов власти, политики, крупного бизнеса, которые не только финансируют проекты, но и могут влиять на формирование идеологии, определять приоритетность видов и форм волонтерской деятельности.

---

⁵⁶ Ascoli U., Cnaan R. Volunteering for human service provisions : Lessons from Italy and the USA // Social indicators research. 1997. Vol. 40, Iss. 3.

Централизация в управлении процессами развития волонтерства приводит к существенному изменению локальной идентичности волонтерских практик на местах, в отдельных регионах. В условиях ограниченности, т. е. «несвободы», оказываются региональные и локальные волонтерские движения, отдельные организации и группы.

Еще одним крайне важным дисфункциональным проявлением можно считать неудовлетворенность результатами волонтерской деятельности со стороны субъектов и объектов этой деятельности. В ряде случаев желание волонтеров оказать помощь наталкивается на непонимание необходимости и целесообразности таких действий со стороны представителей некоторых депривированных или асоциальных групп. Они могут оказывать явное противодействие, проявлять неприятие, в крайних случаях агрессию, по отношению к волонтерам.

Реальная практика демонстрирует также отдельные случаи, когда в силу недопонимания сути волонтерства со стороны чиновников, представителей различных организаций и учреждений волонтеры воспринимаются как бесплатная рабочая сила, как объект для временной эксплуатации. В данном случае директивные установки на массовое развитие волонтерства «сверху» могут привести к его формализации, к искажению сути деятельности и формальности ее результатов.

Представленная позиция автора иллюстрирует всю сложность волонтерства как социокультурного феномена, демонстрирует не только объективную потребность в понимании траекторий его развития в различных социокультурных условиях, но и возможности его исследования на различных уровнях с целью грамотного управления волонтерством. Выделение внутренней и внешней структур рассматриваемого феномена позволяет определить его место и роль в общественной жизни как в объективном, так и в субъективном плане. При комплексном рассмотрении волонтерства становится понятным, что ряд охарактеризованных функций способствует его усилению и развитию за счет активизации внутренних ресурсов, позитивной направленности идеологических и ценностных

оснований. Прогнозирование дисфункциональных проявлений позволяет увидеть истоки возникающих социальных проблем в определенных политических, культурных, экономических и социальных условиях, скорректировать развитие волонтерских практик, запустить более эффективные механизмы социального управления.

1.3. Волонтерство как предмет теоретико-социологического изучения

Социологическое знание позволяет сгенерировать новую концептуальную схему, разработать теоретическую модель системы социального управления волонтерством при его изучении как социального института, социальной общности и деятельности. Высокий уровень теоретического мышления, характерный для классической социологической мысли, позволяет использовать концептуальные идеи и подходы ее представителей для осмысления волонтерства с позиции его социологической трактовки. Уже начиная с О. Конта, можно рассматривать характеристику волонтерства как деятельности, которая вписывается в «контовское» понимание разделения труда не только как экономического, но и социального факта, лежащего в основе общественной солидарности.

В работах Э. Дюркгейма первейшим объективным объединяющим началом в обществе выступает сложное разделение труда, которое создает систему зависимых отношений между людьми. На основе теории французского социолога волонтерство можно рассматривать, с одной стороны, как вид труда в системе его общественного разделения, с другой – как необходимость для поддержания нормальной жизни в обществе, как следствие, влекущее за собой осознание людьми потребности в объединении, т. е. формировании «органической солидарности».

В современных реалиях волонтерство может рассматриваться как один из новых социальных механизмов формирования той самой «социальной солидарности», о которой писал Э. Дюркгейм. По нашему мнению, это обусловлено тем, что в сути исследуемого

феномена лежат не экономические интересы индивида и общественные приоритеты, а коллективное и индивидуальное осознание необходимости и значимости этой деятельности для общества. На его основе происходит и процесс формирования самой общности волонтеров, во многом схожей по своим ключевым характеристикам с профессиональной группой, способной преодолевать состояние аномии в обществе. Ключевые социальные роли членов общности волонтеров заключаются в создании всякого рода образцов, т. е. «обязательных способов действия»⁵⁷, в формировании условий для урегулирования конфликта интересов, в установлении социального порядка, в нравственном воздействии на другие общности и общество в целом.

Еще одним важным для нашей исследовательской методологии аспектом теории Э. Дюркгейма является рассмотрение условий прогресса личности и разделения труда, которые зависят от одних и тех же причин – состояния морали и права. Личность волонтера может рассматриваться подобно личности профессионала как самостоятельного источника действия, одаренного свободой воли, проявляющейся в целях и мотивах, где движущие силы, управляющие поведением индивида, коллективны, следовательно, безличны. С одной стороны, разделение труда способствует усложнению содержания деятельности, освобождению индивидуальности актора от коллективного воздействия, с другой, принадлежность к различным функциональным группам в условиях разделения труда является единственной силой, умеряющей индивидуальный эгоизм.

Как значимый вклад в формирование методологии исследования волонтерства может рассматриваться теория изучения общества и общности Ф. Тенниса, который отмечал, что отношения между членами общности во многом базировались на эмоциональной сущностной связи, на оказании добровольной помощи друг другу, а сама общность рассматривалась им как некое «единство во множественности или множественность в единстве»⁵⁸. Волонтерство

---

⁵⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. С. 9.

⁵⁸ Теннис Ф. Общество и общность. СПб. : Владимир Даль, 2002. С. 9.

наряду с профессиональными союзами, объединениями жильцов в рамках его теории может рассматриваться как «институт, базирующийся на солидарных, не выработанных с помощью регламентации позитивного права, а обусловленного нравами и обычаями структурах»⁵⁹. В иной интерпретации волонтерство способствует тому, что общественная разобщенность преодолевается, так как конструируется круг людей, которые становятся связанными, оставаясь разделенными. Возникающая вследствие этого социальная связь между волонтерами способствует не только укреплению их общности, но и сплочению с теми, кому необходима помощь, и теми, кому она реально оказывается на уровне общественного взаимодействия.

В своих работах Э. Дюркгейм и Ф. Теннис активно поддерживают и развивают приоритет общественного над индивидуальным, при этом подчеркивая важность анализа такого сущностного признака социальных явлений, как сочетание объективного и субъективного. В то же время с позиции классика немецкой социологической мысли М. Вебера отправной точкой в исследовании жизни общества является изучение социальных действий людей. Сама категория «действие» интерпретируется им как осмысленное поведение, с которым непременно связан субъективный смысл⁶⁰.

В то же время его типология социальных действий позволяет дать характеристику общности волонтеров, оценить волонтерство как деятельность, имеющую осознанную направленность, определенную гуманистическими ценностями и идеалами, рационально поставленную цель, ориентирующую поведение индивида.

Как еще один значимый шаг в развитии методологии исследования волонтерства можно рассматривать обращение к теоретическому наследию Г. Зиммеля. Его исследования группового взаимодействия и развития индивидуальности личности при струк-

---

⁵⁹ Шпакова Р. П., Гергилов Р. Е. От механизации к рационализации : идейное влияние Ф. Тенниса на В. Зомбарта // Социс. 2007. № 1. С. 61.

⁶⁰ Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Теоретическая социология : антология : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. С. П. Баньковской. М. : Университет, 2002. С. 70–146.

турировании и объяснении противоположности, взаимопроникновения и интеграции социального и индивидуального помогают раскрыть принцип целостности социальных феноменов.

Интересно также отметить, что роль группы в процессах индивидуализации и социализации личности является определяющей, так как человек как член этой группы получает от нее «форму» и «содержание своего собственного существа»⁶¹. В итоге общими для всей общности волонтеров становятся ценности, интересы, установки, которые являются базой социальной идентичности группы и лежат в основе личной идентичности ее членов. В концепции Г. Зиммеля одним из ключевых звеньев в реализации социального существования индивида является деятельность, которую он рассматривает через категории «труд» и «профессиональное призвание». Логика его анализа демонстрирует возможность понимания волонтерства через выделение такого признака, как наличие цели для достижения определенных результатов, значимых для индивида, социальной общности и социальной системы.

Несколько отличными, но при этом также фундаментальными для развития методологии исследования волонтерства можно считать взгляды К. Маркса. Благодаря его работам, где в основу понимания будущего общества был заложен принцип свободы, можно в полной мере охарактеризовать и раскрыть сущностные характеристики свободной деятельности как признака волонтерства. К. Маркс решает проблему утраты человеком своей сущности через снятие отчуждения, ограничивающего развитие человеческого, особо акцентируя внимание на специфике приоритета в общественном развитии товарно-денежных отношений, доминировании ценности капитала, ограничивающего свободное развитие общественной природы. В капиталистическом обществе цель любых видов деятельности – получение прибыли. В коммунистическом же обществе цель любой деятельности – альтруистическая, что способствует оценке производительных сил как средства достижения поставленных задач.

---

⁶¹ *Зиммель Г. Как возможно общество? // Зиммель Г. Избранное. Т. 2 : Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. С. 509–528.*

К. Маркс в своих трудах концентрирует внимание на общественной роли акторов, подчеркивая особую важность социальных, экономических и политических последствий их деятельности. Речь шла о целом социальном классе, который своими усилиями должен способствовать тому, что в наивысшей фазе развития общества труд перестанет быть только средством для жизни, а станет самой первой потребностью⁶². При этом следует отметить, что согласно этой теории условия жизни, окружающие людей и господствовавшие над ними, подпадут под власть и контроль людей, сделавших сознательный выбор в пользу своего собственного объединения в общество.

В наследии К. Маркса и Ф. Энгельса сформулированы первые теоретические основания осмысления добровольного объединения людей для решения конкретных проблем. В их работах и политической деятельности продемонстрирована возможность перевода результатов теоретизирования в плоскость их практического применения на примере организации коммунистической партии и международного рабочего движения. Ряд ключевых идей, составивших основу теории пролетарской партии, схожих по своей сути с принципами и признаками волонтерского движения, сформулированы в «Манифесте Коммунистической партии» 1847 г. Этот документ включает в себя описание принципов стратегии и тактики коммунистов: отстаивание общих, не зависящих от национальности интересов всего пролетариата; представление каждым членом движения общих интересов в целом, а не своих индивидуальных; побуждающее начало добровольного объединения в коммунистическую партию через понимание условий, хода и общих результатов пролетарского движения и т. д.⁶³

Схожим признаком интернационального движения рабочих и волонтерства выступает сочетание национальных и интернациональных проявлений активности их членов. Строя Интернационал

---

⁶² Маркс К. Критика готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 19. С. 20.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 1955. Т. 4.

на широкой основе существовавших в то время разнородных рабочих организаций, К. Маркс стремился поднять их до осознания революционных задач, постепенно, шаг за шагом привести их к единой теоретической программе⁶⁴.

Таким образом, работы классиков социологии в силу объективных причин, напрямую не рассматривающих исследуемый нами феномен, в методологическом плане открывают возможность оценивать все многообразие социального мира с фундаментальных позиций. Концептуализация исследовательского подхода, где новые процессы и формы общественной жизни изучаются на более широком уровне обобщения, позволяет рассматривать волонтерство через анализ сочетания объективного и субъективного, выделение и оценку уровней и структур социального взаимодействия, исследование его содержания. Именно в классический период выдвигались первоначальные понятия социологии, разрабатывались фундаментальные основания социологического подхода к исследованию социальной действительности, которые были в дальнейшем развиты в крупных социологических теориях XX – начала XXI в.

В рамках современного этапа теоретическая наука наряду с разработкой исследовательской методологии все теснее сближается с практикой, обслуживая и удовлетворяя потребности различных структур⁶⁵. Социологическая специфика изучения волонтерства как системы и социального института, в первую очередь, адресует нас к нескольким фундаментальным традициям прошедшего столетия. Применительно к изучению нашего феномена, наиболее актуальными видятся парадигмы структурно-функционального анализа, конфликта, теории обмена, институциональные теории. В развитии идей классиков относительно понимания сущности волонтерства как деятельности и общности приоритетны деятельностно-активистские теории, теории общественных движений, социального капитала и доверия.

---

⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 1955. Т. 16. С. 8.

⁶⁵ Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI в. Екатеринбург : Изд-во Гуманитар. ун-та, 2007. С. 24.

Волонтерство имеет довольно сложную структуру, выполняет функции в контексте реализации различных видов социальных отношений. Рассматривая волонтерство как одну из «систем действия» через призму подхода Т. Парсонса, можно выделить три ее ключевых аспекта: социальную систему, систему личности волонтера и культурную систему, на основе которой строятся действия субъектов. В качестве исходной единицы анализа нашей проблемы выступает не общество в целом, не отдельная личность волонтера, а система, в которой взаимодействуют социальные механизмы институционализации практик волонтерства и «среда», влекущая за собой стихийную самоорганизацию людей для решения конкретных проблем. «Эталонные переменные» или стандарты культурных значений в этих условиях, как нормативные или идеальные аспекты структуры системы действия⁶⁶, имеют интегральную значимость. Они являются компонентом ценностных ориентаций индивидов в ситуации выбора альтернатив действия (личностный уровень), входят в систему волонтерства на уровне коллектива как аспекты определения ролей, прав и обязанностей членов общности (общностный уровень). Данные переменные включены на культурном уровне, как аспекты ценностных эталонов, являются в этом смысле правилами и предписаниями для конкретных действий в обществе (социетальный уровень).

Если рассматривать волонтерство как социальную систему, нужно особо отметить, что такая ее характеристика, как «открытость» демонстрирует отношения взаимозависимости и взаимопроникновения волонтерства с рядом других окружающих его систем. В этом смысле волонтерство как деятельность интегрируется в систему общественного разделения труда, взаимодействует с различными профессиональными сферами и видами деятельности, как социальный институт – с политическими, экономическими, религиозными, образовательными и культурными институтами.

Понятие «открытости» в теории Т. Парсонса становится «синонимом международного взаимопонимания, доверия, сотрудничества

---

⁶⁶ Парсонс Т. О структуре социального действия / под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М. : Акад. проект, 2000. С. 218.

во имя реализации общечеловеческих идеалов»⁶⁷. Нормативно-ценностные основания волонтерства, связанные с реализацией гуманистических принципов, являются фактором массового распространения данного феномена в различных культурных условиях, стимулируют его становление как социального института.

При определении института волонтерства с позиции «старого» институционализма, как «распространенного способа мышления или действия, запечатленного в привычках групп и обычаях народа»⁶⁸, можно рассматривать ценности и нормы различных общностей как традиционные основания практик взаимопомощи их членов. Институционализированные и исторически закреплённые нормы формального и неформального волонтерства (феномен присутствует практически во всех культурах сегодня, однако он может не идентифицироваться как волонтерство) регулируют действия добровольно объединяющихся людей. С ослаблением традиционных оснований обществ, с интенсивным развитием коммуникаций, благодаря международным социальным институтам (в том числе волонтерству) происходит замещение или совмещение традиций и обычаев отдельных общностей с идеями и правилами, обосновывающими поведение людей в русле глобализации. Структура локальных обществ развивается, приспосабливается к изменяющейся обстановке лишь вследствие перемены в образе мысли некоторых социальных групп или по причине изменения, происходящего в привычном образе мысли составляющих общность личностей⁶⁹. Фокус классического институционализма обращен на коллективные действия людей.

В еще одном ракурсе институциональные теории применимы к изучению волонтерства в традиции социетального анализа⁷⁰. В этом ключе волонтерство является одним из основных ресурсов

---

⁶⁷ Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренькова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 5.

⁶⁸ Нуреев Н. М. Эволюция институциональной теории и ее структура // Институциональная экономика / под ред. А. Олейника. М. : Инфра, 2005. С. 31.

⁶⁹ Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. С. 62.

⁷⁰ Кудринская Л. А. Добровольческий труд : сущность, функции, специфика // Социс. 2006. № 5. С. 15.

развития гражданского общества, элементом «третьего сектора», где концентрируется самоорганизация граждан для уменьшения эффекта социальной энтропии, решения социальных проблем, порожденных вторым сектором. Именно в третьем секторе функционирование института благотворительности проявляется в практиках добровольчества и денежных пожертвований⁷¹.

Институциональные теории во многом позволяют рассматривать волонтерство как институт посредством анализа частных форм и видов его проявления не только в экономическом, но и в правовом и политическом контекстах. Становление института волонтерства в определенных территориальных или географических рамках способствует объективному построению новых организационных структур, формирующих, регламентирующих и контролирующих новые «правила игры»⁷² среди его членов.

Институты как созданные человеком структуры взаимодействия превращают его ценностные представления в важнейший фактор поведенческой мотивации, уменьшают неопределенность, организуют повседневную жизнь. Этот процесс оказывает существенное влияние на жизненный мир, систему мировоззрения членов социальных общностей, включенных в институциональное поле волонтерства.

Принципиальные теоретические обобщения неинституциональных теорий позволяют рассматривать волонтерство со следующих методологических позиций: в данном институте следует выделять не только узаконенные нормы социальных взаимоотношений, но также широко практикуемые неформальные правила, координирующие взаимодействие людей при отсутствии легитимных норм; важно учитывать, что нетрадиционные правила, установленные волонтерами как акторами на основе рационального выбора, непротиворечащие действующей «системе правил», в конечном

---

⁷¹ Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО : региональное измерение. М. : НИУ ВШЭ, 2011. С. 19.

⁷² Норт Д. Институты, институциональные изменения функционирования экономики. М. : [Б. и.], 1997. С. 17.

счете, закрепляются законом; волонтерство как социальный институт динамично реагирует на социально-экономические, политические, социально-культурные изменения и иные процессы.

Для понимания социальной динамики, в рамках которой волонтерство из неформального института как результата тесного совместного существования людей в некоторых случаях превращается в формальный институт, закрепленный в правовых нормах, созданный и поддерживаемый специально уполномоченными на это людьми, уместно применить в анализе ключевые идеи теории конфликтов. Р. Дарендорф при обосновании изменения как одной из функций конфликта писал: «Смысл и следствие социальных конфликтов заключаются в том, чтобы поддерживать изменения в глобальных обществах и их частях и способствовать этим изменениям»⁷³.

Интересно отметить, что волонтерство – это именно тот социальный феномен, который входит в ситуацию конфликта между государством и обществом. В ряде случаев волонтерство выступает против политики государства, не разделяя тех ценностей, которые идеологизируются и продвигаются в рамках социальной, демографической, экологической политики, в отдельных ситуациях предлагая свои сценарии действий, механизмы поиска решений сложившихся проблем.

В современной России получает активное развитие политическое волонтерство, когда желания людей повлиять на политическую ситуацию в стране выливаются в конкретные действия (добровольный общественный мониторинг за выборами, безвозмездное участие в агитационных кампаниях и т. д.) по защите гражданских прав. Волонтеры также сегодня выступают одними из акторов, которые включены в экополитические конфликты, вызванные проникновением глобализации на местный уровень⁷⁴. В логике О. Н. Яницкого это те конфликтные действия, которые представляют собой попытку защитить, реконструировать или адаптиро-

---

⁷³ Дарендорф Р. Тропы из утопии / пер с нем. В. Скуратова, В. Близнецова. М. : Праксис, 2002. С. 372.

⁷⁴ Халий И. А. Общественные движения как инновационный потенциал местных сообществ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / ИС РАН. М., 2008. С. 50.

вать некоторый слабый элемент социальной системы. «Если конфликты представляют собой механизмы для изменения систем принятия решений и, таким образом, являются факторами изменения структуры политических сил в самом широком смысле этого слова, предлагается говорить о борьбе»⁷⁵.

В структуре самого волонтерства также существуют отношения конфликта в разных своих проявлениях: внутри общности волонтеров; с членами других социальных групп, непосредственно пересекающимися с волонтерами в процессе осуществления их деятельности; с людьми, которым оказывается та или иная помощь. Например, А. А. Клепикова, анализируя работу волонтеров с детьми-инвалидами, отмечает случаи напряженных отношений между волонтерами и сотрудниками дома-интерната⁷⁶. Она находит объяснение возникающим противоречиям в различии взглядов на содержание деятельности со стороны профессионалов и волонтеров, оказывающихся в одной и той же ситуации.

При рассмотрении конфликтной природы взаимодействия волонтерской общности с другими социальными группами в стратификационном измерении необходимо отметить, что она способствует сохранению статусных различий в обществе и в то же время открывает «социальные лифты» восходящей мобильности. «В обществах, где восходящая мобильность институционализована и преобладает не приписанный, а достижительный статус, враждебность в отношениях между стратами смешивается с сильным позитивным влечением к тем, кто стоит выше в социальной иерархии и задает модели поведения»⁷⁷. В обществах, где волонтерство является моделью успешного поведения, оно становится более привлекательным для представителей разных статусных групп.

---

⁷⁵ Яницкий О. Н. Развитие экологических движений на Западе и Восток Европы // Социс. 1992. № 1. С. 32–39.

⁷⁶ Клепикова А. А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью : конструкты волонтерства и профессионализма // Журн. исследований социальной политики. 2011. Т. 9, № 3. С. 391–417.

⁷⁷ Козер Л. Функции социального конфликта / пер. О. Назаровой ; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М. : Идея-Пресс, 2002. С. 57.

Изучение добровольных организаций показывает, что члены групп, более других приверженные групповым целям и ценностям, наиболее активны в групповой деятельности, но при этом достаточно конфликтны. По мнению Л. Козера, частота конфликтов в подобных группах не является признаком их нестабильности; напротив, она свидетельствует об относительно высокой активности членов в групповой жизни и деятельности⁷⁸.

Поскольку в рамках вышеобозначенных теорий конфликт рассматривается как всеобщее универсальное отношение между отдельными людьми и группами людей, мы можем исследовать волонтерство как конкретный социальный феномен, который не только вписывается в рамки этой парадигмы, но и по сути своей вытекает из различных типов конфликтных отношений.

Если сделать попытку сближения векторов анализа волонтерства как деятельности, общности и института, то одним из общих объектов исследования будет поведенческое взаимодействие или «элементарное социальное поведение», выступающее в виде обменных отношений⁷⁹. Именно парадигма обмена позволяет рассматривать волонтерство на микроуровне через призму межличностного взаимодействия. Интерпретируя поведение волонтеров с позиции этой теории, можно предположить, что каждый из них рационально рассчитывает свои усилия и ту выгоду, которую он может получить в результате собственных действий. При наличии баланса соответствия вознаграждения и затраченных усилий данное действие закрепляется, постепенно становится нормой.

П. Блау утверждает, что люди хотят получить социальное одобрение за свои решения, действия и мнения. Согласно его идеям эгоистические мотивы лежат в основе любой альтруистической деятельности, и при наличии одобрения со стороны общества у людей проявляется стремление к ее воспроизводству. Применимы и результативны для анализа нашего феномена и ряд постулатов

---

⁷⁸ Козер Л. Функции социального конфликта / пер. О. Назаровой; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М. : Идея-Пресс, 2002. С. 110.

⁷⁹ *Homans G. Social Behavior as Exchange // American J. of Sociology. 1958. Vol. 63. P. 606.*

Д. Хоманса, объясняющих социальное поведение. Согласно первому постулату позитивный опыт волонтерской деятельности в прошлом, благодаря которому человек получил вознаграждение (социальное одобрение, признание и т. д.), повышает вероятность того, что он выполнит эту или какую-то подобную деятельность в настоящем и будущем. Второй постулат демонстрирует зависимость волонтерской деятельности, ее регулярности и интенсивности от частоты получаемой «благодарности». Речь идет о признании и признательности со стороны тех, кому оказывается помощь, а также от лица тех людей, которые организуют этот процесс взаимодействия. Третий постулат раскрывает прямую зависимость значимости ценности волонтерства для волонтера и человека, которому он помогает. Чем ценнее «единица деятельности», тем чаще будет выполняться эта деятельность и, соответственно, большим и значимым будет одобрение⁸⁰. Четвертый постулат – депривации или пресыщения – гласит следующее: «Чем регулярнее вознаграждался поступок человека, тем менее он начинает ценить каждое последующее вознаграждение»⁸¹. С этой теоретической позиции во многом объяснима дискретность деятельности людей, время от времени занимающихся волонтерством, разнообразие волонтерских практик, стихийность волонтерского движения.

Интересно отметить, что реальные события в одном из ведущих учебных заведений России – Уральском федеральном университете – демонстрируют работоспособность представленной теории. При организации мероприятий областного значения был сформирован отряд добровольцев, способных оказать существенную помощь в организации и проведении выставки международного уровня. Так как работа была выполнена безупречно, областная власть выделила средства на материальное поощрение активного студенчества. Неожиданно выплаченное финансовое вознаграждение

---

⁸⁰ Хоманс Дж. К. Социальное поведение : его элементарные формы / пер. В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. 2001. № 3. С. 132–169 (Сер. 11. Социология).

⁸¹ История социологии в Западной Европе и США / под общ. ред. Г. В. Осипова. М. : Норма, 2001. Гл. 17.

волонтерам неоднозначно сработало в последующем. При наборе волонтеров для проведения подобных мероприятий это стало одним из ключевых мотивов, который руководил желанием большей части студентов принять участие в подобных проектах. Кроме того, ожидания тех, кто единожды получил достаточно ощутимое материальное вознаграждение за свою добровольную работу, не оправдались в дальнейшем и послужили одной из причин разочарования в целесообразности своих действий.

Потенциал парадигмы обмена широко используется зарубежными исследователями для построения отдельных теорий волонтерства. Д. Хаски, анализируя целый ряд отдельных исследований, подчеркивает, что сущность социального обмена как основы волонтерства заключается в том, что любой человек получает помощь (для себя или своих близких) от общества и благодаря этому чувствует себя обязанным. Волонтерство же является реальным способом снять такое обязательство⁸². Применительно к анализу нашего феномена в контексте парадигмы обмена в целом волонтеры оцениваются как люди, которые отдают свое время, помогая другим, чтобы получить в ответ личное удовлетворение, социальное одобрение, т. е. личную выгоду. Эта выгода может осознаваться или не осознаваться самими волонтерами, может иметь внутренние или внешние проявления⁸³, различные для определенных социальных групп. Теория обмена предполагает, а исследователи доказывают, что пожилых людей привлекает добровольчество, потому что оно позволяет компенсировать душевные и социальные выгоды (общение, связи), которые ранее они получали на оплачиваемой работе⁸⁴. Для молодежи волонтерство помогает приобрести

---

⁸² *Haski-Leventhal D. Altruism and Volunteerism : The perceptions of altruism in four disciplines and their impact on the study of volunteerism // J. for the Theory of Social Behaviour. 2009. Vol. 39(3). P. 271.*

⁸³ *Cnaan R. A., Amroffell L. Mapping volunteer activity // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1994. Vol. 23. P. 335–351.*

⁸⁴ *Мерсиянова И. В. Факторы вовлеченности россиян в добровольческую деятельность // Эмпирические исследования гражданского общества. 2011. № 2. С. 43.*

практические навыки и умения, открывает доступ на рынок труда, дает старт карьеры⁸⁵.

Парадигма обмена позволяет рассматривать волонтерство как явление, которое жестко вписывается в ситуацию обменных отношений между отдельными людьми и различными социальными группами. В силу своих ограничений эта парадигма не дает полного объяснения интегративной роли волонтерства, его устойчивости в условиях постоянных изменений и жизнеспособности феномена в различных политических, экономических и культурных условиях. Однако ее положения, по нашему мнению, хорошо применимы в понимании различных аспектов социального управления волонтерством (его системности), о котором мы будем говорить далее.

В. А. Ядов, оценивая потенциал современной российской социологии, особо подчеркивает, что деятельность социальных субъектов (в нашем случае волонтеры таковыми и являются) регулируется формальными и неформальными правилами в разных полях взаимодействия: экономическом, поле социальных повседневных взаимодействий, правовом, в поле политики и социально-культурном⁸⁶. В этом ключе деятельностно-активистская парадигма, интегрирующая теоретические идеи П. Бурдьё, П. Штомпки, А. Турена, Ф. Фукуямы, представляется сегодня наиболее адекватной для изучения волонтерства.

Определяющими здесь являются следующие теоретические установки: институциональные изменения есть постоянное становление, результат человеческих практик; ключевыми элементами социальных институтов являются не только индивиды, но и коммуникации, практики и взаимодействия; наибольшую активность

---

⁸⁵ *Hackl F., Halla M., Pruckner G. J. Volunteering and income : The fallacy of the Good Samaritan? // Kyklos. 2007. Nr 60. P. 77–104; Katz E., Rosenberg J. An economic interpretation of institutional volunteering // European J. of Political Economy. 2005. Nr 21. P. 429–443.*

⁸⁶ *Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная основа исследования российских трансформаций. Изд. 2-е. СПб. : ИнтерСоциологические исследования, 2009. С. 39.*

проявляет «агент» или «актор»⁸⁷. При таком подходе практические действия волонтеров как многообразных социальных субъектов определяют направленность социальных изменений, формируют поле межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношений. П. Штомпка подчеркивает, что любая общность может рассматриваться не как жесткая система, а как «мягкое поле» взаимоотношений между индивидами со своими привязанностями, образом жизни, «сетями» взаимодействия, она «является специфической общественной средой, или тканью, соединяющей людей друг с другом»⁸⁸. Межличностное поле волонтеров находится в постоянном движении. Определяющей характеристикой здесь является постоянство процессов группировки и перегруппировки, организации и реорганизации, выстраивающих и структурирующих поле волонтерства и его взаимодействие с другими структурными полями, в первую очередь, с полем мировой и региональной политики.

В процессе изучения значения поля волонтерства в отношении с другими полями выявлено, что существует доказанная связь между высоким уровнем трат на социальное обеспечение и высоким уровнем добровольчества и благотворительности⁸⁹. Наряду с полем политики существенное влияние на развитие волонтерства оказывают поля религии и экономики⁹⁰. Кросс-культурные социологические исследования доказывают существующие тренды вовлеченности населения в волонтерство, отличающиеся в странах с разным уровнем экономического развития и характером политического режима⁹¹.

---

⁸⁷ *Ситнова И. В.* Активистско-деятельностная методология в моделировании процесса «институциональных изменений» // Социс. 2012. № 7. С. 37.

⁸⁸ *Штомпка П.* Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. проф. В. А. Ядова. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 27.

⁸⁹ *Salamon L. M., Sokolowski W.* Volunteering in cross-national perspective : Evidence from 24 countries // Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project. Nr 40. Baltimore : Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 2001.

⁹⁰ *Ram C., Kasternakis A., Wineberg R.* Religious people, religious congregations, and volunteerism in human services : Is there a link? // Nonprofit and Voluntary Sector. 1993. Nr 22. P. 33–51.

⁹¹ *Anheier H. K., Salamon L. M.* Volunteering in cross-national perspective : Initial comparisons // Civil Society Working Paper. 2001. Nr 10.

При составлении плана исследования объективной структуры отношений между позициями акторов в рамках поля волонтерства выделяются два специфических его сегмента. Д. Вильсон и М. Мьюсик обозначают их как формальный и неформальный волонтерский труд⁹². Безусловно, что участие в одном виде деятельности, санкционированном культурой и обществом, поощряет участие и в других видах такой деятельности⁹³. Однако согласно данной теории участие человека в организованных волонтерских проектах стимулирует его желание оказывать неформальную помощь кому-либо. При этом сети неформальной помощи, образованные вокруг личных отношений, не преобразуются в формальные волонтерские практики. В свою очередь, общественные факторы, которые поддерживают формальное волонтерство, имеют положительное влияние на вероятность оказания помощи и на менее формальной основе.

Оказываясь включенными в структуру поля волонтерства, добровольцы как субъекты, проявляющие активность, накапливают свой личный капитал (культурный, социальный), наращивают капитал волонтерской общности во всех его проявлениях. Они формируют своей деятельностью капитал общества в целом, где волонтерство само выступает в качестве ресурса, а волонтеры рассматриваются как человеческий капитал. По мнению П. Бурдьё, капитал в зависимости от области, в которой он функционирует, может выступать в трех основных обликах: экономического, культурного, социального капитала⁹⁴. Относительно социального капитала волонтерства следует особо отметить, что социальные взаимоотношения открывают волонтерам доступ к ресурсам волонтерской общности, где качество этого капитала у отдельно взятого добровольца напрямую зависит от качества ресурсов, которые он использует.

---

⁹² *Wilson J., Musick M.* Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work // *American Sociological Review*. 1997. Vol. 62. P. 694–713 ; *Wilson D.* Volunteering // *Annual. Reviews. Sociol.* 2000. Nr 26. P. 215–240.

⁹³ *Smith D.* Determinants of voluntary association participation and volunteering // *Nonprofit Volunt. Sect.* 1994. Nr 23. P. 243–63.

⁹⁴ *Бурдьё П.* Формы капитала // *Эконом. социология*. 2005. Т. 6, № 3. С. 60.

В. Вильсон в своей концепции рассматривает волонтерство как почетный труд, наделяющий волонтеров неким статусом, который обеспечивает престиж наряду с благотворительностью и другими добродетелями⁹⁵. И в этом смысле волонтерство для конкретного человека выступает в качестве социального капитала. Габитус волонтеров как агентов, занимающих различные позиции в структуре поля, получает свое объяснение в «теории социального влияния». Социальные роли волонтера оказывают существенное влияние на принятие решений и его действия. Во многом габитус добровольцев зависит от господствующей социальной идеологии в отношении волонтерства, которая определяет нормы поведения в данном обществе⁹⁶. Л. Пеннер доказывает, что «социальное давление» играет важную роль в принятии решения человеком работать или не работать волонтером⁹⁷.

Конец XX – начало XXI в. характеризуется большим количеством исследований волонтерства, теоретико-методологическим основанием которых является теория социального капитала. Определяя ценность социального капитала волонтерства на макроуровне, исследователи пытаются найти закономерности, объясняющие различия в развитии волонтерства в разных социокультурных условиях, делают попытки выделить характеристики среды, социальные, экономические и политические факторы, оказывающие существенное влияние на волонтерство⁹⁸.

Структура поля волонтерства детерминирует статус добровольца и его поведение, предлагает ему как актору определенные

---

⁹⁵ *Wilson J., Musick M. Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work. P. 694–713.*

⁹⁶ *Bennett P., Bozionelos G. The theory of planned behavior as predictor of condom use : A narrative review // Psychology, Health and Medicine. 2000. Nr 5. P. 307–326.*

⁹⁷ *Penner L. A. Volunteerism and social problems : Making things better or worse? // J. of Social Issues. 2004. Nr 60. P. 645–666.*

⁹⁸ *Cnaan R., Goldberg-Glen R. Measuring motivation to volunteer in human services // J. Appl. Behav. 1991. Nr 27. P. 269–285 ; Handy F., Hustinx I., Kang C. H., Cnaan R. A., Brudney J., Haski-Leventhal D., ... Zrinscak S. A cross-cultural examination of student volunteering : Is it all about resume' building? // Nonprofit and Voluntary Sector. 2010. Nr 39. P. 498–523 ; Glaeser E. L., Laibson D., Sacerdote B. An economic approach to social capital // Economic J. 2002. Nr 112. P. 437–458.*

правила, предоставляет возможности, создает условия для реализации своей собственной активности. Социальный капитал волонтерства связан с рядом ценностей и установок людей, определяющих то, как они относятся друг к другу и насколько эффективно взаимодействие между ними в определенных условиях. Особенно важны установки и ценности, которые имеют решающее значение для социальной стабильности и сотрудничества. Доверие – одна из таких наиболее важных интегрирующих констант. Оно бывает личным – к конкретному человеку, и абстрактным, когда строится не на основе личных (семейных, дружеских и т. п.) отношений, а порождается социальными институтами⁹⁹.

«Теория доверия» – одна из базовых теорий, используемых сегодня для понимания волонтерства. В ее разработке активное участие принял Ф. Фукуяма, по мнению которого принцип добровольности лежит в основе социального развития, а образование различных социальных общностей объяснимо в терминах добровольного договора между индивидами. С его точки зрения, объединение людей с целью взаимопомощи зависит от доверия между ними. Само же доверие может быть обусловлено существующей культурой, а может базироваться на «разумном эгоизме» индивидов в сочетании с необходимыми правовыми механизмами общества вроде контрактной системы, что компенсирует дефицит доверия между его членами и позволяет незнакомым людям создавать организации, работающие на достижение общей цели. «Доверие – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами»¹⁰⁰. С этих теоретических позиций волонтерство, с одной стороны, базируется на сфере «фундаментальных ценностей», с другой – на эгоистических интересах людей, не связанных с культурными основаниями общества.

---

⁹⁹ Патрушев С. В. Социальный капитал // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». 2012 [Электронный ресурс]. URL: www.civisbook.ru/files/File/Patrushev_soz_kapital.pdf. (дата обращения: 05.01.2014).

¹⁰⁰ Фукуяма Ф. Доверие : социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Ф. Фукуяма. М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 22.

В условиях социальных изменений, их нарастающей динамики, которая ассоциируется в гуманистическом направлении с прогрессом, возрастает роль индивидуальных субъектов, каждый из которых в состоянии преобразовать своими повседневными действиями собственное общество¹⁰¹. Волонтерство здесь выступает социальным институтом, порождающим общественный капитал, создающим условия для успешного действия в рамках того или иного устоявшегося сообщества или коллектива.

Отношения в социуме определяются актуальной нормой доверия. Это нормативное доверие задает условия, ограничения, масштаб для доверия межличностного, персонального, институционального, социального. По мнению российских исследователей волонтерства, именно социальное доверие «порождает» социальный капитал, который определяет практики взаимодействия на любой из социальных дистанций: от ближнего окружения индивида до общественных организаций¹⁰². Л. Гудков в рамках теоретического и эмпирического измерений доказывает, что различные виды социального доверия, образующие институционализированный «социальный капитал», соотносятся с разными сетями общения и взаимодействия¹⁰³. Именно тесная связь теорий социального капитала и доверия может выступать основанием для анализа феномена волонтерства. Например, при прогнозировании комплекса проблем, связанного с развитием волонтерства в современной России под опекой государства при относительно низком уровне доверия со стороны населения к его основным институтам. С другой стороны, нельзя не выделить в волонтерстве ресурс повышения уровня социального доверия в обществе. В межсекторном взаимодействии (государства и третьего сектора, бизнеса и НКО) волонтеры видят,

---

¹⁰¹ *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005.

¹⁰² Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации: отчет ФОМ. 2012. С. 17 [Электронный ресурс]. URL: <http://soc.fom.ru/dobrovolchestvo.html> (дата обращения: 29.01.2013).

¹⁰³ *Гудков Л. Д.* Доверие в России: смысл, функции, структура // НЛЮ. 2012. № 117.

что реально делают региональные и местные власти, сотрудники социальных служб, служб МЧС и т. д. Сотрудники коммерческих организаций в проектах корпоративного волонтерства имеют возможность оценить реальную дееспособность третьего сектора, важность и значимость института благотворительности.

История развития волонтерства демонстрирует популяризацию и массовое распространение данного явления в мире во второй половине XX – начале XXI в. С этого периода проявляется конкретный интерес социологов к изучению различных форм массовых коллективных действий. Интенсивное общественное развитие происходит через социальные изменения, которые, как правило, сопряжены с массовыми социальными движениями.

В этом смысле при рассмотрении волонтерства как социального движения можно исследовать сущность волонтерской деятельности в качестве процесса самопроизводства и самотрансформации, осуществляемого посредством инвестирования знаний, умений, способностей и усилий волонтеров. Здесь добровольцы выступают действующими лицами, противопоставляемыми друг другу отношением господства и конфликта, имеющими одинаковую культурную ориентацию¹⁰⁴. Они способны регулировать и организовывать формы своей деятельности, благодаря своей активности освобождаться от форм и норм воспроизводства поведения и потребления.

Рассмотрение волонтерства в русле теорий социального движения позволяет охарактеризовать его как общность, в которой коллективное поведение ее членов, дистанцирующихся от своих инвестиций, но при этом идентифицирующих себя как активных субъектов деятельности, обеспечивает им статус не потребителя, а создателя общественной ситуации. Данная общность представляет собой сообщество действующих людей, способных в локальных условиях решать конкретные социальные проблемы, достигать поставленных целей. В рамках «теории коллективного действия», сформировавшейся в исследованиях социальных движений, волон-

---

¹⁰⁴ См.: Турен А. Возвращение человека действующего : Очерк социологии. М. : Научный мир, 1998. С. 190–193.

терство представляется как легитимная часть политической и управленческой систем, институционализирующаяся в виде новых организационных структур, популяризируемых добровольческих практик, формирующих новые ценностные основания существования и жизнедеятельности общества как на национальном, так и на мировом уровнях¹⁰⁵.

Как социальное движение, имеющее институциональные характеристики, волонтерство представляет собой горизонтальное образование сетевого характера, где элементы сопряжены интенсивными связями солидарности, которые проявляются вне границ конкретных организаций¹⁰⁶. Линия раздела между социальными движениями и формальными организациями представляется весьма зыбкой, так как хорошо организованные движения постепенно усваивают бюрократические черты и превращаются в формальные организации.

Теории социальных движений рассматривают волонтерство лишь как один из многочисленных видов коллективных действий людей, наряду с протестной и революционной активностью. При этом предлагается использовать наработанный в этом направлении теоретический потенциал для объяснения сущности волонтерства как вида коллективных действий в контексте мобилизации. Мобилизация волонтеров, волонтерского движения и общности, как правило, инициирована природной, геополитической, техногенной катастрофами или социальными противоречиями и проблемами, вызванными конфликтными ситуациями, противоречиями правового или нормативного характера. Мобилизация волонтеров как социальный процесс имеет позитивную направленность, как правило, он не ориентирует действия членов данной общности на существенные экономические и политические системные преобра-

---

¹⁰⁵ Халий И. А. Общественные движения как инновационный потенциал местных сообществ в современной России : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / ИС РАН. М. : МГИМО, 2008. С. 6.

¹⁰⁶ Яницкий О Н. Элементы теории социальных движений // Официальный сайт ИС РАН. 2012 [Электронный ресурс]. URL : <http://www.isras.ru/publ.html?id=2429> (дата обращения: 20.04.2013).

зования. В теоретическом плане проводятся различия между общественными активистами, ориентированными на социальные изменения, и волонтерами, стремящимися решать конкретные проблемы¹⁰⁷.

Нам импонирует методологическая позиция И. А. Халий, предлагающей рассматривать любое социальное движение одновременно в трех контекстах: историческом (цивилизационном), макросоциальном и ситуационном. В цивилизационном контексте волонтерство вписывается в совокупность базовых норм, господствующих в локальном обществе, соответствует доминирующим взглядам на мир в рамках распространенности норм религиозной и светской этики. В макросоциальном контексте на развитие волонтерства оказывают существенное влияние нормы экономической, социальной и культурной жизни. Именно эти условия определяют взаимоотношения государства и гражданского общества, структуру возможностей для действий волонтеров как социальных акторов. Ситуационный контекст как непосредственная экономическая, политическая, социальная и природная среда создает условия для зарождения волонтерской активности и определяет стратегию ее дальнейшего существования. В этой связи процессы глобализации, связанные с коммуникативной свободой и интенсивной урбанизацией, с одной стороны, предоставляют возможности, с другой, вынуждают индивидов самореализовываться через организованные группы, присоединяться для достижения своих целей к другим людям, преследующим аналогичные интересы. Это ведет к образованию большого числа добровольных организаций, ориентированных на многочисленные цели, сопряженные с потребностями и интересами разных людей. Нередко то, в какие добровольные группы индивид вступает, почти никак не связано ни с его экономическим положением, ни с другими базовыми факторами, которые определяют его существование в современном мире¹⁰⁸.

---

¹⁰⁷ *Markham W., Bonjean C. Community orientations of higher-status women volunteers // Social forces. 1995. Vol. 73. P. 1553–1572.*

¹⁰⁸ *Вурт Л. Урбанизм как образ жизни / пер. В. Г. Николаева // Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93–118.*

Несмотря на сложную сетевую структуру современного волонтерства и зависимость складывающихся взаимодействий от ситуационного контекста, от воли, желаний и ответственности отдельных индивидов, выстраиваемая форма взаимных связей имеет сложную, изменчивую иерархию отношений макро- и микроуровня. Это во многом объяснимо общепринятой в современной социологии позицией, согласно которой индивидуальные (личностные) сети суть результат взаимодействия макроструктурных сил (истории, институтов, социальной структуры и экономических процессов) и микро-индивидуальных процессов, т. е. личностной специфики индивида¹⁰⁹.

В первом десятилетии XXI в. зарубежные исследователи сделали несколько попыток обобщить частные теории волонтерства с целью построения единой интегративной теории. В 2008 г. в докладе Американской социологической ассоциации по исследованиям некоммерческих организаций и волонтерской активности С. М. Чамбрэ и К. Энолф выделили три парадигмы, проявляющиеся в теоретических дискуссиях и эмпирических исследованиях волонтерства¹¹⁰.

В рамках первой парадигмы, объединяющей наибольшее число частных теорий, волонтерство рассматривается в экономическом дискурсе как труд или работа. Теория труда С. Тилли и С. Тилли классифицирует волонтерство как один из четырех видов труда. Волонтерский труд анализируется по одинаковым основаниям, наряду с оплачиваемым в формальном секторе экономики трудом, трудом в неформальном секторе и домашним трудом¹¹¹. Ключевой характеристикой здесь является экономическая ценность труда, а волонтеры трактуются как рабочая сила. В рамках этой парадигмы рассматриваются характеристики социального капитала волон-

---

¹⁰⁹ Яницкий О. Н. Сети социальных движений в России // *Общественные науки и современность*. 2010. № 6. С. 52–62.

¹¹⁰ Chambré S., Einolf C. Is volunteering work, prosocial behavior, or leisure? An empirical study // Center for nonprofit strategy and management. Working papers series. 2008. USA. P. 30.

¹¹¹ Tilly C., Tilly C. *Work under capitalism*. Boulder, CO: Westview Press, 1998.

терства, классифицируются ключевые мотивы деятельности волонтеров из разных социально-демографических групп.

Вторая парадигма связывает теории, конституирующие трактовку волонтерства как разновидность просоциального поведения через категорию альтруизма, через понимание социального взаимодействия, оценку вовлеченности населения в гражданское общество¹¹². В контексте данной парадигмы рассматриваются теории, объясняющие взаимосвязь религии и волонтерства, сочетание альтруистических настроений и личной выгоды волонтеров. В ряде теорий доказывалась связь волонтерства с жизненным циклом, с разными периодами жизни человека, такими как детство, юношество, период родительства и т. д.¹¹³ Еще одна группа теорий посвящена характеристике волонтерства в контексте гражданской активности и политического участия. В этом случае опять же рассматривается социальный капитал волонтеров в несколько ином контексте, не только как результат волонтерской активности, но и как предпосылка к такого рода деятельности. В частности, М. Окун и Д. Митчел доказывают, что существует тесная взаимосвязь между высоким уровнем социального капитала, их социальным статусом и волонтерской активностью людей¹¹⁴.

В третьей парадигме объединены теории, рассматривающие добровольчество как один из аспектов образа жизни, вид досуговой практики, наиболее характерной для людей пожилого возраста. В ряде теорий представляется преемственность волонтерского участия в течение всей жизни человека, при этом выделяется следующая закономерность: люди, проявляющие мультиролевое поведение, активно включенные в жизнь своей общности и занимающиеся волонтерством, поддерживают этот поведенческий паттерн

---

¹¹² Penner L. A., Dovidio J. F., Piliavin J. A., Schroeder D. A. Prosocial behavior // *Annual Review of Psychology*. 2005. Nr 56. P. 365–392.

¹¹³ Rotolo T., Wilson J. Work histories and voluntary association memberships // *Sociological Forum*. 2003. Nr 18(4). P. 603–619 ; Rotolo T., Wilson J. The effects of children and employment status on the volunteer work of American women // *Nonprofit and Voluntary Sector*. 2007. Nr 36. P. 487–503.

¹¹⁴ Okun M. A., Michel J. Sense of community and being a volunteer among the young-old // *J. of Applied Gerontology*. 2006. Nr 25(2). P. 173–188.

и в другие периоды своей жизни¹¹⁵. В целой группе теорий волонтерство характеризуется как социальная активность. В отличие от понимания данного феномена как просоциального поведения, это означает, что люди участвуют в волонтерстве для удовольствия, в дополнение к любым мотивам альтруистического и эгоистического характера¹¹⁶. Второе теоретическое объяснение преемственности в волонтерстве является социоэмоциональным. Согласно этой точке зрения есть пожизненный процесс отбора, в соответствии с которым люди стратегически и адаптивно развивают свои социальные сети, чтобы максимизировать социальные и эмоциональные выгоды и минимизировать социальные и эмоциональные риски¹¹⁷.

Итак, в оценке волонтерства как предмета теоретико-социологического изучения методологические ориентиры и аксиомы анализа сформулированы классиками социологической теории в начале XX в. Именно в этот период заданы приоритетные векторы изучения волонтерства как деятельности и общности. В середине XX столетия в социологическом знании выстроена система (алгоритм) исследования, позволяющая применять макротеории к анализу различных социальных феноменов (в том числе волонтерства), отдавая приоритетность рассмотрению их системных и институциональных проявлений. Постклассический период дает обширный объем разрозненных эмпирических материалов в контексте исследования волонтерства как деятельности и общности (как труд и капитал), но демонстрирует отсутствие внимания исследователей в теоретическом и эмпирическом измерениях к изучению волонтерства как системы и института. В частных теориях волонтерства актуализируется необходимость в теоретическом обобщении более высокого порядка, выходящем за пределы социологии труда и социологии гражданского общества. Динамика социальных

---

¹¹⁵ Butrica B. A., Johnson R. W., Zedlewski S. R. Volunteer transitions among older Americans. Washington DC: Urban Institute, 2007.

¹¹⁶ Bekkers R. Participation in voluntary associations : Relations with resources, personality, and political values // Political Psychology. 2005. Nr 26(3). P. 439–454.

¹¹⁷ Carstensen L. L. Social and emotional patterns in adulthood : Support for socio-emotional selectivity theory // Psychology and Aging. 1992. Nr 7. P. 331–338.

изменений, фрагментарность волонтерских практик и при этом единство волонтерского движения в различных социальных, политических, экономических и культурных условиях диктуют необходимость построения теории, которая будет адаптивна к разным культурам, откроет перспективы для объяснения специфики российского волонтерства в контексте мировых трендов.

1.4. Научные подходы к исследованию волонтерства

Широкий общественный резонанс в отношении популяризации волонтерства в разных странах активизирует научный интерес к данной проблематике со стороны специалистов разных направлений. В последние годы ученые делают попытки провести обобщение отдельных теорий в разных предметных сферах, реализовать некоторые исследовательские подходы. В этом контексте, на наш взгляд, следует рассмотреть волонтерство как социальный феномен, раскрыть его специфику как объекта социологического исследования сквозь призму разнообразных подходов, причем как предметных (дисциплинарных), так и методологических (межпредметных).

Попытки выделить и классифицировать научные подходы к анализу волонтерства представлены во многих научных работах исследователей, занимающихся данной проблематикой. Например, Л. А. Кудринская в докторской диссертации «Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции» выделила четыре методологические традиции в изучении добровольчества: историческую традицию; традицию социетального анализа, интегрирующую генезисно-системные и субъектно-деятельностные подходы к обществу; традиции, реализуемые в рамках экономической социологии и социологии труда¹¹⁸.

---

¹¹⁸ Кудринская Л. А. Добровольческий труд : опыт теоретической реконструкции. М. : МГУ, 2006. С. 32.

Е. А. Луговая при изучении феномена добровольчества в социокультурном пространстве России также попыталась структурировать ряд научных подходов к объекту своего исследования. С ее точки зрения, в качестве основополагающего выступает системный подход, который позволяет рассматривать добровольчество в социокультурном пространстве как самостоятельный феномен, имеющий комплекс внутренних и внешних связей. Структурно-функциональный подход раскрывает факторы, влияющие на динамику и трансформацию добровольчества. Культурологический подход, по мнению автора, открывает возможность для рассмотрения феномена добровольчества как важнейшего элемента культуры общества, необходимого для укрепления доверия, саморегуляции. Отдельно Е. А. Луговая выделила социологический подход, который «направляет исследование на изучение демографической, социальной и профессиональной структуры феномена, а также выводит на проблему мотивации волонтеров»¹¹⁹.

Если говорить о методологических подходах к анализу волонтерства в научных работах по отдельным дисциплинарным направлениям, то в качестве примера можно рассмотреть диссертацию Н. В. Черепановой, в которой выделены аксиологический, гуманистический, системный, личностно-деятельностный, смысло-ориентированный, диалогический и контекстный подходы. Представим трактовки лишь некоторых из них. С позиции автора благодаря аксиологическому подходу волонтерство рассматривается как бескорыстное служение людям и обществу на основе ценностных ориентаций добровольца.

Гуманистический подход ориентирует на рассмотрение добровольческой активности через оценку человека как главной ценности этой деятельности. Личностно-деятельностный подход открывает видение добровольческой деятельности как условия полноценного развития и саморазвития личности. Смысло-ориентированный подход позволяет исследовать волонтерство как уникальную

---

¹¹⁹ Луговая Е. А. Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России : автореф. дис. ... канд. культурол. наук / СГТУ. Саратов, 2012. С. 8.

значимую общественно полезную деятельность для человека и процесса его профессионального становления¹²⁰.

Рассмотрев целый ряд¹²¹ научных позиций исследователей, занимающихся изучением волонтерства или добровольчества, сформируем некоторые общие методологические замечания. Во-первых, практически во всех теоретических исследованиях волонтерства выборочно или фрагментарно представлены лишь отдельные предметные и межпредметные подходы. Во-вторых, потенциал фундаментальных методологических традиций исследователями недооценивается; как правило, приоритет в работах отдается каким-то отдельным дисциплинарным подходам. В-третьих, выделенные подходы не позволяют рассмотреть феномен через оценку его междисциплинарного характера, так как авторы углубляются в изучение частных проблем экономической, педагогической, психологической и других предметных сфер. В отдельных работах представлены ошибочные трактовки, смешиваются сущностные, содержательные и инструментальные подходы. Выделенные нами проблемные моменты характеризуют отсутствие системного взгляда на предметное поле исследования, демонстрируют тот факт, что затрагиваются лишь его отдельные аспекты.

---

¹²⁰ Черепанова Н. В. Социальное обучение в добровольческом движении : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь : Сев. Кавказ. гос. техн. у-т, 2006. С. 6.

¹²¹ Трохина А. В. Занятость волонтеров в России : формирование и регулирование : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М. : МГУ, 2012 ; Жаворонков Р. Н. Гражданско-правовое регулирование добровольческой и благотворительной деятельности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГЮА, 2004 ; Сикорская Л. Е. Волонтерство как форма трудового воспитания студенческой молодежи // Знание. Понимание. Умение. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2009. № 1 ; Козодаева Л. Ф. Добровольческая деятельность как основа воспитания нравственных качеств студенческой молодежи // Вестн. ТГУ. 2010. № 11 (91) ; Азарова Е. С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск : Дальневост. гос. ун-т путей сообщ., 2008 ; Косова У. П. Психологические характеристики волонтерской деятельности // Высшее образование сегодня. 2009. № 12 ; Паршина Ю. В. Нравственное становление старшего подростка в волонтерской деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Воронеж : Воронеж. гос. пед. у-т, 2011 ; и др.

Обратимся к характеристикам волонтерства с позиции философии, экономики, истории, педагогики, психологии, права и социологии. По нашему мнению, эти предметные подходы ни в коей мере не противоречат, а дополняют друг друга. Они позволяют увеличить исследовательское поле применения общеметодологического анализа, усилить возможности социологического подхода, в теоретическом плане дополнив стратегию, в методическом – тактику реализации его в нашем исследовании.

Основа фундаментального понимания волонтерства заложена в философском знании. Как правило, *философский подход* позволяет рассматривать волонтерство как системный процесс, направленный на наше общественное сознание, на его осмысление и принятие нового мировоззрения. Он нацеливает исследователей на рассмотрение онтологических и гносеологических оснований деятельности волонтеров, позволяет объяснить закономерности их бытия и осознания своего целеполагания, смысложизненного поиска, связанного со свободной и нравственной деятельностью, личностным совершенствованием. Применительно к изучению нашего феномена акцент в исследованиях сделан на прикладную роль философии, отвечающей принципу понимания целостности бытия и сознания¹²².

Философский подход направлен на анализ эволюции восприятия, практики и философии добровольцев. Это выводит исследователей на осмысление и признание разнообразия представлений о волонтерстве, тем самым расширяет видение природы человеческого развития в целом¹²³.

Философы исследуют волонтерство через противопоставление личного и общественного, тем самым выделяют, конкретизируют и объясняют нравственные императивы человеческого поведения.

---

¹²² Гринь А. В. Системные принципы организации объективной реальности. М. : МГУП, 2000.

¹²³ Devereux P. International Volunteers : Cheap help or transformational solidarity toward sustainable development. Murdoch University, 2010. P. 147 [Электронный ресурс]. URL : <http://researchrepository.murdoch.edu.au/3551/2/02Whole.pdf> (дата обращения: 01.01.2015).

Как правило, они проблематизируют свободу мыслей, поступков и действий, дают критическую оценку проявлений милосердия, любви и доверия к ближнему.

Во многих аспектах философский подход к волонтерству тесно связан с этическими исследованиями. Они позволяют в изучении добровольчества реализовать многостороннюю оценку деятельности людей путем поиска в ней проявлений духовности, принципов альтруизма и гуманности. Исследователи анализируют сущность двойственности материального и духовного, изучают противопоставления эгоистического и альтруистического начал человеческой природы. Необходимо отметить, что все особенности развития добровольчества, рассматриваемые философами, «носят, как правило, локальный характер, не нарушая нашего общечеловеческого природного, бессознательного духовного развития»¹²⁴.

Одним из наиболее разработанных в научном мире является *экономический подход* к анализу волонтерства. Его суть заключается в выявлении тесной связи между волонтерской деятельностью, экономическими затратами на нее, социально-экономическими выгодами для индивида, общности и общества в целом. Он выводит исследования на измерение количественных показателей, позволяющих дать оценку стоимости волонтерства как экономического феномена, т. е. провести сравнительный анализ финансовых показателей ценности индивидуального труда волонтера и наемного работника, сопоставить стоимость оказанных услуг в рыночных условиях и в некоммерческом секторе.

Экономический подход предполагает анализ экономической ценности деятельности волонтеров на трех уровнях: микроуровне, организационном и уровне макроэкономического анализа. Микроуровень связан с измерением экономической стоимости труда волонтера как для самого волонтера, так и для того, кому он оказывает помощь. На организационном уровне анализа проводят оценку стоимости мероприятий, проектов, которые организация смогла реализовать благодаря привлечению труда волонтеров. Изучению

---

¹²⁴ Дворко С. Б. Философия добровольчества. 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.razmah.ru/showarticle.asp?id=2298> (дата обращения: 21.01.2013).

подвергается также уровень вложений организации, затраченных на подготовку волонтеров к работе и управление их деятельностью. На макроуровне оценивается совокупный уровень экономики общественного сектора, подсчитывается вклад волонтерского труда в общественное развитие в национальном и глобальном масштабе¹²⁵. Благодаря специфике экономического подхода появляется возможность осуществлять исследования труда волонтеров, отличающиеся наличием унифицированных методик получения и интерпретации данных из разных стран.

Российские исследователи А. М. Зинатулин, Л. А. Карсева сформулировали принципы экономико-теоретического анализа волонтерства, который дает возможность получить точную оценку социально-экономических и финансовых основ добровольческой деятельности, сформулировать институциональные направления координации и поддержки добровольчества¹²⁶.

Применение экономического подхода к изучению волонтерства открывает экономические и политические перспективы, по результатам исследований в стратегическом плане становится возможным получать поддержку развития волонтерства в политической сфере на международном и национальном уровнях, в тактическом – проводить оценку эффективности системы управления волонтерским трудом, успешно использовать волонтерство как ресурс социального развития.

Данный подход широко представлен в трудах, где изучаются проблемы трудовой занятости населения, исследуются условия формирования и функционирования рынка волонтерского труда, а также решаются практические задачи, связанные с обоснованием его необходимости, уточнением требуемого объема и характера поддержки волонтерства со стороны государства.

---

¹²⁵ *Salamon M., Wardell F., Lishman J. Measuring the economic value of volunteer work globally : concepts, Estimates and a roadmap to the future // Annals of Public and Cooperative Economics. Johns Hopkins University. USA. 2011. Vol. 82, Nr 3. P. 224.*

¹²⁶ *Зинатулин А. М., Карсева Л. А. Экономико-теоретический подход к организации добровольческого движения // Эконом. жури. 2011. Т. 23, № 3. С. 111–121.*

Для экономических исследований добровольчества характерен акцент на проблематике функционирования и развития деятельности организаций третьего сектора. Этот подход характеризуется представлениями о совокупном, а не индивидуальном субъекте трудовой деятельности¹²⁷, а производимые благодаря волонтерскому участию в деятельности НКО услуги трактуются как социально значимые блага, производство и потребление которых сопряжено со значительными внешними эффектами. Это актуализирует необходимость в формировании грамотной политики, опирающейся на адекватное законодательство, задача которого снимать экономические и социальные противоречия и регулировать трудовые, экономические и социальные отношения.

В связи с этим должного внимания требуют нормативно-правовые аспекты регулирования волонтерства и *правовой подход* к нему. Его предметом являются нормы, составляющие правовую основу благотворительной и добровольческой деятельности, а также практика их применения¹²⁸. Правовой подход позволяет определить статус субъектов волонтерской деятельности, выделить те стороны их взаимодействия, которые нуждаются в законодательном регулировании в определенных территориальных рамках.

В анализе правовых аспектов исследуемого нами феномена подвергается оценке характер построения законодательства, регулирующего положение и деятельность волонтерства в разных странах, изучаются правопреемственность международных норм, особенности регионального и местного правотворчества. Особое внимание уделяется исследованию практик правоприменения в разных странах. Именно использование правового подхода позволяет описать модели регулирования волонтерской деятельности, которые функционируют в различных социальных, культурных и экономических условиях.

---

¹²⁷ Кудринская Л. А. Добровольческий труд : опыт теоретической реконструкции : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М. : МГУ, 2006. С. 5.

¹²⁸ Жаворонков Р. Н. Гражданско-правовое регулирование добровольческой и благотворительной деятельности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГЮА, 2004. С. 5.

В правовом плане исследования связаны с изучением законодательства, регулирующего волонтерство, затрагивающего сферу деятельности некоммерческих организаций, государственных органов исполнительной власти, коммерческих организаций, занимающихся благотворительной деятельностью, а также отдельных волонтеров и самоорганизующихся для добровольческой деятельности групп людей.

Необходимо отметить, что законодательство в сфере волонтерства включает в себя нормативно-правовые акты трех уровней: международные документы (договоры, резолюции, соглашения), национальное законодательство и законодательство локальных территорий, например таких, как субъекты РФ. На международном уровне проблемы волонтерства регулируют документы, разработанные международными организациями и ратифицированные большинством стран.

Одной из проблем, которая изучается благодаря использованию правового подхода, является регулирование волонтерства на национальном уровне, так как сегодня не существует одинаковой для всех стран практики правоприменения. Главным образом, это связано с разнообразием волонтерских инициатив в мире, но также с тем, что разные страны, принимая свои законы, преследуют различные цели. При этом национальные законы, напрямую регулирующие волонтерство, могут вообще отсутствовать, что, однако, не влияет на его популярность и распространенность в стране. Существующие в разных странах нормативно-правовые акты о волонтерстве несхожи по своим целям и задачам, типам регулируемой ими волонтерской деятельности и степени регулирования отношений между волонтером и организациями¹²⁹. Подробный анализ правовых основ регулирования волонтерства в различных государствах, в том числе и в России, будет представлен в следующей главе.

---

¹²⁹ Милославская Д. Законодательство о волонтерской деятельности на примере стран Европы // Портал о некоммерческом российском законодательстве. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law-ngo.ru/library/detail/372/> (дата обращения: 24.02.2013).

Относительно изучения правовых аспектов волонтерства в РФ следует особо исследовать те условия и правовые нормы, которые, регулируя одни формы волонтерства, могут исключать существование других форм (политического, неформального, ситуативного волонтерства и т. д.). При исследовании законодательной базы волонтерства необходимо проводить оценку его социального эффекта, анализировать правовые нормы не только в ракурсе регламентации деятельности различных субъектов, но и с позиции создания условий для ее облегчения и стимулирования. Важно изучать позицию государства относительно защиты волонтеров, конкретизировать формы и методы стимулирования самих волонтеров, а также государственных, некоммерческих и коммерческих организаций, способствующих развитию благотворительности и волонтерства.

По числу представленных научных материалов, статей, диссертационных исследований, по публикационной активности их авторов можно заключить, что наиболее разработанными в российской науке являются педагогический и психологический предметные подходы к исследованию волонтерства. На наш взгляд, это связано с рядом следующих причин. Во-первых, эти подходы в полной мере позволяют раскрыть различные аспекты реализации социализации волонтеров, особенно в условиях состояния аномии, которое длительное время охватывает российское общество. Во-вторых, востребованность психологических и педагогических исследований связана с возрастными характеристиками добровольцев, так как среди членов общности волонтеров больше всего представлено подростков и молодых людей. В-третьих, очень много в деятельности волонтеров сопряжено с решением проблем подрастающего поколения (обеспечение социальной безопасности, решение проблем социального сиротства, организации досуга, трудоустройства и т. д.). В-четвертых, одним из ключевых аспектов волонтерства является мотивация людей к добровольческой деятельности, которую можно понять благодаря психологии, стимулировать и развивать в процессе реализации педагогической деятельности. В-пятых, на развитие волонтерской деятельности среди детей и под-

ростков не требуется (в сравнении с другими видами волонтерских практик) больших экономических вложений со стороны государства.

Педагогический подход к волонтерству заключается в рассмотрении его как одного из ключевых элементов воспитательного процесса подрастающего поколения; механизма социализации; технологии профессиональной подготовки или обучения; неотъемлемой составляющей сферы воспитания и образования, где формируются основные качества личности. Как правило, подход затрагивает аспекты социализации молодежи, профессионализации молодых специалистов в таких сферах, как педагогика, психология, социальная работа, медицина и т. д. Он реализуется через оценку и технологизацию широко представленных в России волонтерских практик подростков и молодежи, направлен как на объяснение внутреннего педагогического потенциала самого волонтерства и исследование педагогической специфики обучения волонтеров, так и на включение в педагогический и воспитательный процесс различных образовательных институтов, имеющих отношение к этому феномену.

Педагогические исследования связаны с анализом волонтерства как социально-педагогического феномена, нацелены на объяснение его содержания как образовательной деятельности, способствующей формированию социальной компетентности, социальной ответственности молодых людей разного возраста. Данный подход позволяет получить представления о внутренней готовности молодежи эффективно исполнять роли добровольцев при оказании помощи людям, а также активно действовать в сложных жизненных ситуациях, реализуя, наряду с профессиональными ролями, и свою социальную роль гражданина.

Педагогический подход к исследованию волонтерства выводит исследователей на проблемы организации волонтерской деятельности (цели, методы, педагогические технологии, результаты и т. д.). Это приводит к проблематизации и рассмотрению сложностей осуществления трудового воспитания подрастающего поколения в новых социально-экономических условиях, формирования в разных образовательных средах нравственных качеств человека с помощью труда.

Еще одной проблемой в теории и практике профессионального образования, рассмотрение которой включает в себя педагогический подход, является исследование волонтерства как технологии профессиональной подготовки специалистов, работающих в социальной сфере. В этом контексте волонтерство анализируется как педагогический процесс, способствующий развитию в обучении профессиональных умений и навыков, способности целесообразно действовать на основе полученных знаний в профессиональной области, самостоятельно решать профессиональные задачи и оценивать результаты своей деятельности.

Психологический подход позволяет раскрыть структурно-содержательные характеристики добровольческой деятельности через оценку ее структурных элементов, анализ их функциональной нагрузки посредством исследования субъекта этой деятельности и его активности. Он направлен на анализ предметного содержания деятельности и оценку волонтера как ее субъекта, с акцентом на его личностные позиции и внутриличностные механизмы. Психологическому анализу подвергаются мотивы, цели и задачи деятельности волонтера, субъективные представления о ее результатах, текущие условия ее осуществления, среди которых важными являются способы достижения цели.

Заданная подходом логика, состоящая в реализации исследования через методологическое единство понятий «личность» и «деятельность», позволяет получить представления об основных психологических аспектах добровольчества, четче представить внутренний, собственно психологический план волонтерской деятельности.

Основные акценты психологических исследований, как правило, сосредоточены на анализе личностного уровня деятельности, на экспертной оценке того, как реализуются субъектом деятельности функции познания, самопознания, социализации и самоутверждения.

Теоретические и эмпирические психолого-педагогические труды по добровольчеству сконцентрированы на изучении индивидуально-психологических характеристик людей, занимающихся волонтерством, на исследованиях внешней и внутренней мотивации,

на оценке форм и методов стимулирования волонтерского труда. Как правило, данное направление исследований в рамках реализации психологического подхода связано с выявлением условий полноценного развития и саморазвития личности и ориентировано на практическое применение результатов этих исследований в педагогике. С этой позиции волонтерство рассматривается как «основа, средство и условие изменения, развития и преобразования личности волонтера – его ценностей, способностей, умений, потенциалов»¹³⁰. Психологами оценивается воспитательный эффект участия в волонтерской деятельности, дается характеристика волонтерства в контексте изучения аспектов нравственного становления личности¹³¹.

В ходе реализации педагогических, экономических, психологических, социологических исследований волонтерства ученые обращаются в своих работах к *историческому подходу*.

Плоскость междисциплинарного взаимодействия истории, философии, социологии иллюстрирует поиски регуляторов, образцов, принципов, «законов», столь же постоянных, как и законы окружающего, физического мира¹³². Исследования направлены на изучение исторических взаимосвязей, анализ аспектов проявления сущностных характеристик волонтерства в различные исторические периоды, оценку особенностей его институционального оформления в прошлом и закрепления в настоящем времени. Подход демонстрирует становление и закрепление волонтерства в социальной жизни через сопоставление исторических фактов, анализ действий исторически значимых лиц и отдельных социальных общностей.

---

¹³⁰ Абдалиева Л. В., Григорович М. В. Психологические аспекты добровольческой деятельности в подростковом возрасте // Вестн. ТГУ. 2011. № 7 (99). С. 100.

¹³¹ Паришина Ю. В. Нравственное становление старшего подростка в волонтерской деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Воронеж : Воронеж. гос. пед. у-т, 2011.

¹³² Романовский Н. В. Социология и история : перспективы взаимодействия // Портал «Фонд исторической перспективы». 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/history/sociologija_i_istorija_perspektivy_vzaimodejstvija_2010-09-06.htm (дата обращения: 02.02.2014).

Исторический подход нацелен на эффективное использование волонтерских практик, которые накопило за свою историю человечество. Он объясняет генезис волонтерства в рамках культурно-исторического развития отдельных стран. Исследователи доказывают, что у каждой страны есть свои специфические традиции взаимной поддержки людей на уровне сообщества, существовавшие ряд столетий, и многие из них пересекаются с современным пониманием добровольчества как формы социального поведения, осуществляющейся свободно¹³³.

Таким образом, исторический подход к осмыслению волонтерства обнаруживает необходимость поиска методологических оснований унификации в исследовании логики его исторического развития в разных странах. Это связано с тем, что траектории институционализации изучаемого феномена зависят от конкретно-исторических и цивилизационных обстоятельств. По нашему мнению, в качестве таковых можно рассматривать доминирующие в обществе идеологии, формирующие мировоззрение населения разных стран, моральные и религиозные нормы, характеристики институционального взаимодействия светских и религиозных институтов, исторические и политические события, культурную и экономическую ситуацию в определенный исторический период.

Оценка данного феномена с концептуальных позиций его исторического генезиса в социокультурных условиях разных стран выводит исследователей на проблемы включения волонтерства в логику развития гражданского общества, становления третьего сектора экономики.

В российской научной традиции исторический подход к исследованию волонтерства применяется при рассмотрении добровольчества как целостного культурно-исторического явления,

---

¹³³ Понимание добровольчества в целях развития в Юго-Восточной Европе и Содружестве Независимых Государств : уроки, направленные на расширение деятельности // Powell S. Understanding Volunteerism for Development in South-Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States: Strategies for Expansion. Bonn : UNV/UNDP, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://europeandcis.undp.org>. (дата обращения: 05.01.2015).

«имеющего корни в “истории русского духа”, в русской ментальности и православной духовности»¹³⁴. Данный подход приводит к рассмотрению проблем влияния родового общественного устройства России в дореволюционное время на становление различных форм благотворительности, в советский период – на развитие различных видов общественной деятельности. Также важна проблема сочетания и проявления общественной и частной благотворительной деятельности в истории России, где волонтерство уходит своими корнями в историю развития филантропии, меценатства¹³⁵, включается в череду исторических событий (войн, трагедий и т. д.), формировавших традиции «бескорыстного служения», проявления патриотической и гражданской позиций¹³⁶, оказывается вписанным в процессы становления институтов общественного призрения, становления государственной системы социальной защиты¹³⁷.

В современных социокультурных условиях, когда отсутствует замкнутость отдельных государств и обществ, стираются временные и пространственные границы, в исследовании феномена волонтерства одним из самых продуктивных оказывается *социологический подход*. Его суть состоит в системном понимании того, что волонтерство является одним из важнейших социальных феноменов, выступающих неотъемлемым компонентом всей общественной системы, в исследовании его влияния на общество и в изучении влияния общества на него. Социологический подход направлен на анализ общественного мнения относительно волонтерства, на оценку отношения волонтеров к своей деятельности. Он включает в себя сочетание исследования объективных характеристик и субъективных оценок рассматриваемого феномена.

---

¹³⁴ Болотина Д. И. «Добровольчество» как феномен культуры России : способы самопрезентации участников белого движения : автореф. дис. ... канд. культурологии. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. С. 3.

¹³⁵ Благотворительность на Урале : парадоксы времени. Екатеринбург : СВ-96, 2003. С. 259.

¹³⁶ Тончу Е. Российское добровольчество. М. : Изд. дом Тончу, 2011. С. 9.

¹³⁷ Кубицкий С. И., Бабкина Л. Ф., Власова А. В. Благотворительность в социальной жизни Урала. Челябинск, 2006. С. 80.

Сегодня нельзя представить общество без включения в него общности людей, которые занимаются волонтерством, без социальных институтов, которые регулируют деятельность волонтеров, исключив социальные процессы, направленные на формирование умений и навыков волонтеров, определяющие их активность как социальных акторов. Именно в рамках социологического знания волонтерство может рассматриваться с различных позиций, исследоваться комплексно на макро-, мезо- и микроуровнях социального взаимодействия с учетом общественно значимого характера самого феномена.

Согласно данному подходу можно рассматривать волонтерство как социальный институт, социальную систему, которые, с одной стороны, «вбирают в себя» социальные характеристики общества, с другой, оказывают существенное влияние на развитие этого общества как гражданского.

Анализ волонтерства как в зарубежной, так и в российской социологии традиционно ограничен проблемами исследования волонтерства как труда или деятельности в рамках отраслевых социологий, таких как экономическая социология и социология труда. В рамках экономической социологии характерно рассмотрение добровольчества в контексте функционирования и развития деятельности третьего сектора и становления гражданского общества. В социологии труда рассматривается добровольческий труд, его содержание, характер, виды, на индивидуально-личностном уровне – мотивация и стимулирование развития личных качеств волонтеров. Целостные же социологические исследования волонтерства как социального феномена пока отсутствуют.

Т. Ротоло и Д. Вилсон, занимаясь обобщением исследований проблемного поля волонтерства в мировой социологии, выделяют три большие группы «теорий макроуровня»¹³⁸, позволяющих систематизировать проблемы, рассматриваемые в рамках социологического подхода к изучению волонтерства. Как нам кажется, речь идет

---

¹³⁸ *Rotolo T., Wilson J.* State-level differences in volunteerism in the United States: research based on demographic, institutional, and cultural macrolevel theories // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2011. Nr 41(3). P. 452–473.

все же о теориях среднего уровня, выводящих социологические исследования изучаемого феномена на проблемы стратификации, социальной мобильности и мобилизации. Согласно данному исследованию социологический подход к волонтерству сопряжен с рассмотрением проблем, которые связаны с выявлением отличий волонтерской активности населения различных территорий. Исследователи отталкиваются от результатов оценки социально-демографических характеристик общностей, проживающих на этих территориях (этническая однородность, уровень образования населения, уровень занятости, количество детей в семье и т. д.).

В институциональных теориях, построенных на данных междо-национальных исследований, в качестве проблем, которые благодаря социологическому подходу оказываются включенными в исследовательское поле, рассматривается функционирование социальных институтов как регуляторов поведения волонтеров. Социологи выявляют и анализируют нормы и правила, которые позволяют им функционировать, так как, по их мнению, без «правильного институционального контекста» (законов, налоговых льгот, государственных учреждений, государственной политики, развитого третьего сектора и т. д.) уровень мобилизации волонтеров будет низким¹³⁹.

Социологический подход в исследованиях, которые привели к разработке «культурных теорий»¹⁴⁰, выводит на проблемы мотивации волонтерства, где анализ направлен на определение аспектов зависимости развития личности от характеристик культуры общности, в которой человек проживает¹⁴¹.

Система социологического знания, как уже отмечалось нами в предыдущем подразделе, позволяет рассматривать волонтерство с различных позиций, анализировать его комплексно как социальную систему, социальный институт, социальную общность и деятельность. Необходимо особо подчеркнуть, что это не только

---

¹³⁹ *Anheier H., Salamon L. Volunteering in cross-national perspective : Some initial comparisons // Law and Contemporary Problems. 1999. Nr 65. P. 43–78.*

¹⁴⁰ Термин введен в научный оборот Т. Ротоло и Д. Вилсоном.

¹⁴¹ *Ruiter S., De Graf N. National context, religiosity, and volunteering : Results from 53 countries // American Sociological Review. 2006. Nr 71. P. 191–210.*

не исключает из «дизайна исследования» иных дисциплинарных подходов (педагогического, психологического, исторического и т. д.), но и наращивает их потенциал за счет различных общенаучных и методологических подходов, применяемых в нашей работе.

Одним из ключевых среди них выступает *системный подход*. Он направляет вектор специального научного познания социальных практик на раскрытие целостности объекта, позволяет выявить обеспечивающие ее механизмы посредством определения многообразных типов связей сложного объекта путем сведения их в единую теоретическую картину.

Безусловно, основа системного понимания волонтерства заложена в философском знании. Однако специфика системного подхода в рамках социологии сформулирована и проработана Т. Парсонсом. В рамках его позиции системный подход позволяет рассмотреть волонтерство в качестве общественной системы, которая функционирует в контексте социальных, экономических, политических отношений как внутри локальных общностей, так и в глобальном пространстве, где люди как акторы совершают определенные действия и вступают в коммуникацию на межличностном, групповом и межгрупповом уровнях.

Системный подход направлен на анализ социальной структуры волонтерства, которая представляет собой стандартизированную систему отношений между такими акторами, как волонтеры, объединяющиеся в самоорганизующиеся группы; социальные движения, включающиеся во всемирное волонтерское движение; волонтерские организации, образующие волонтерские сети. В качестве структурных элементов данной системы отношений выступают общенациональные, региональные и муниципальные центры развития волонтерства, ресурсные центры, международные организации, социальные институты, призванные поддерживать единство и внутреннюю координацию волонтерства как системы. Кроме того, подобный подход позволяет получить системное представление о ценностях и нормах, которые выступают связующим и объединяющим началом данной системы.

Благодаря методологии системного подхода, можно проанализировать основные условия целостности и адаптируемости волонтерства как системы; исследовать аспекты его интеграции в систему разделения труда (оно включается в процессы профессионализации), образования (рассматривается в процессе социализации членов общества); объяснить сущность феномена с позиции «функционального императива» адаптации, целедостижения, интеграции личности в социальную систему, поддерживающую ценностные образцы поведения волонтеров как акторов.

Одним из важнейших, на наш взгляд, аспектов применения системного подхода к исследованию данного феномена является анализ проблем, в рамках которых рассматривается система социального управления волонтерством. Ключевое значение здесь приобретает изучение отдельных механизмов, формирующих институциональную среду функционирования системы управления, ресурсов общности волонтеров, а также профессионализации их деятельности, которая активизируется в рамках межсекторного взаимодействия в процессе формирования и реализации государственной политики в отношении волонтерства.

Волонтерство в логике системного подхода, по нашему убеждению, может характеризоваться как целостная система основных составляющих ее элементов, в единстве их связей и взаимодействий, раскрыть которые возможно благодаря синергетическому эффекту междисциплинарности, достигаемой в исследовании, в том числе при использовании потенциала социокультурного и аксиологического подходов.

Сущность *социокультурного подхода* к волонтерству состоит в рассмотрении его сквозь призму единства в нем культуры и социальности. Этот подход позволяет исследовать феномен волонтерства как важнейший элемент культуры общества, необходимый для укрепления доверия, саморегуляции и самовоспроизводства культурной системы в целом. Сущностные характеристики и ментальные основы волонтерства проявляются в социально-культурных гражданских инициативах, направленных на формирование

гражданских отношений, на развитие социального творчества с целью преобразования, улучшения качества жизни социума и личностного совершенствования человека как его созидателя¹⁴².

В несколько ином смысле волонтерство понимается как социокультурный феномен, имеющий многовековую историю, как элемент культуры, связанный с образом жизни, свойственным многим социальным общностям. Во все времена и практически у всех народов (общая антропологическая характеристика) в той или иной степени была актуализирована традиция оказания помощи неимущим, слабым, нуждающимся, пострадавшим.

Говоря о социокультурном осмыслении волонтерства как феномена культуры, следует иметь в виду его ценностную основу. В связи с этим представляет интерес *аксиологический подход* к рассмотрению волонтерства. Он направлен на объяснение ценностной природы волонтерства, которая, по нашему мнению, проявляется в ценностях волонтерской деятельности на личностном, общественном и социетальном уровнях. В рамках данного подхода рассматриваются не только ценности волонтерства, но и само волонтерство как ценность.

На уровне личности в аксиологическом плане раскрываются ценностные ориентации волонтера, их противоречивая природа, во многом связанная с личностным ростом, самоопределением, самореализацией и в то же время пересекающаяся с реализацией ценностей свободы, социальной справедливости, социальной ответственности и толерантности. Аксиологический подход выводит на рассмотрение еще одного ценностного противоречия добровольчества, связанного с внутренней и внешней мотивацией волонтеров как акторов. В первом случае речь идет о ценностно-мотивационной ориентации личности (о предрасположенности к определенной деятельности из-за интереса к ней и субъективного ощущения ее ценности), во втором – о внешних стимулах (таких, как денежное вознаграждение, слава или доступ к определенным ресурсам).

---

¹⁴² Оленина Г. В. Педагогика социально-культурного проектирования и продвижения гражданских инициатив молодежи : автореф. ... дис. д-ра. пед. наук. Барнаул : Алтай. гос. акад. культуры и искусств, 2011. С. 9.

Необходимо отметить, что большинство волонтеров всего мира работают именно на основе внутренней (ценностной) мотивации¹⁴³. Это обстоятельство определяет одну из ключевых характеристик общности волонтеров и более подробно будет рассмотрено при анализе потенциала общностного подхода.

Особую значимость приобретает социологическая проблематизация рассмотрения духовных ценностей общества, проявляющихся в традициях благотворительности и активного служения обществу, ценностей гражданского общества, семейных ценностей. Точнее сказать, подход включает в себя анализ определенного сочетания в культуре общества традиционных и либеральных, светских и религиозных ценностей и их влияние на волонтерство.

Таким образом, исследуемый феномен в своем социокультурном и аксиологическом смыслах включен в образовательно-культурную среду, которая сохраняет и транслирует духовные ценности общества, поддерживает ценности общности волонтеров, способствует тому, что они постоянно трактуются, воспроизводятся и преумножаются волонтерами как субъектами деятельности.

Наиболее применяемым к анализу волонтерства в современной социологии является *институциональный подход*. Он открывает методологическую перспективу исследования волонтерства через выделение в нем самых общих признаков социального института, к которым можно отнести: определенный круг субъектов, вступающих в процессе деятельности в отношения, приобретающие устойчивый характер; определенную (более или менее формализованную) организацию; наличие специфических социальных норм и предписаний, регулирующих поведение людей в рамках социального института; наличие социально значимых функций института, интегрирующих его в социальную систему и обеспечивающих его участие в процессе интеграции последней¹⁴⁴.

---

¹⁴³ Главное желание? // Biz-bote : информ.-метод. журн. образовательно-информационного центра российско-германского дома в Москве. 2011. № 4. С. 9.

¹⁴⁴ Гавра Д. П. Категория социального института в социологии // Регион. Политика. Экономика. Социология. 1999. № 1. С. 82.

Понятию социального института принадлежит одно из центральных мест в системно-структурном анализе общественной жизни, что, на наш взгляд, предполагает возможность обобщения, абстрагирования и сравнения многообразных действий людей через оценку различных видов деятельности: профессиональной и непрофессиональной, формализованной и неформализованной и т. д.

Суть институционального подхода к исследованию рассматриваемого феномена состоит в понимании того, что, реализуя свои функции, институт волонтерства регулирует деятельность волонтеров как членов общества в рамках социальных отношений, возникающих как внутри волонтерской общности, так и за ее пределами; создает возможности и условия для удовлетворения потребностей самих волонтеров и тех членов общества, кому оказывается непосредственная помощь; обеспечивает социальную интеграцию и поддерживает устойчивость общественной жизни; осуществляет социализацию индивидов.

В исследовании института волонтерства данный подход направлен на анализ роли общности волонтеров в развитии институциональных структур и норм, на оценку институциональных механизмов, обеспечивающих внутри- и межинституциональные взаимодействия данной общности с политическими и экономическими институтами, институтами образования и профессии. Институциональные теории во многом позволяют рассматривать волонтерство как институт посредством анализа частных форм и видов его проявления не только в экономическом, но и в правовом и политическом контекстах.

Применительно к исследованию волонтерства именно институциональный подход позволяет объяснить, как развивается волонтерство в определенных социальных и культурных условиях в разные исторические периоды, как меняются в его рамках формы самоорганизации людей, как оно вписывается в процессы профессионализации личности и общества, а также дает ответ на вопрос: какие виды и методы целенаправленного воздействия и сознательного регулирования социальных связей и взаимодействий в рамках института волонтерства результативны и эффективны в конкретных социально-исторических условиях.

Институциональный подход включает в себя необходимость и возможность рассмотрения в рамках социологического исследования следующих проблем. Во-первых, актуализируется изучение института волонтерства как созданной человеком структуры взаимодействия, превращающей ценностные представления индивида в важнейший фактор поведенческой мотивации, уменьшающей неопределенность, организующей повседневную жизнь. Этот процесс оказывает существенное влияние на жизненный мир, систему мировоззрения членов социальных общностей, включенных в институциональное поле волонтерства. Во-вторых, важна проблема, в рамках которой изучаются разные типы взаимодействия волонтеров: с людьми, нуждающимися в их помощи, с чиновниками, с оплачиваемыми на рынке труда специалистами. В-третьих, институциональный подход в изучении волонтерства выводит вектор исследований на анализ не отдельного волонтера или общества в целом, а общности волонтеров.

Еще одним методологическим подходом к анализу нашей проблемы является *деятельностный подход*. Суть его заключается в рассмотрении волонтерства как определенного вида деятельности в системе образа жизни волонтеров, который реализуется членами волонтерской общности. Этот вид деятельности могут характеризовать не только условия его реализации и определенное содержание, но и рождающееся в нем специфическое отношение волонтеров к окружающему миру и самому себе.

С позиции данного подхода волонтерство может рассматриваться через анализ изменений субъектов, обусловленных их практической активностью в сфере реализации добровольческой деятельности. В несколько другом аспекте деятельностный подход к изучению волонтерства как одного из видов социально полезной деятельности открывает возможность выявить отличия ее содержания от содержания профессиональной деятельности в социальной сфере.

Важно, что ситуативный контекст, в котором решают практические задачи и реализуют свою деятельность члены волонтерской общности и профессиональных сообществ (социальные работ-

ники, социальные педагоги, социальные психологи, медики и т. д.), один и тот же, однако условия, нормы и правила, регламентирующие деятельность как первых, так и вторых, существенно различаются. Эта характеристика исследуемого феномена приводит к тому, что деятельностный подход выводит на целый комплекс проблем, связанных с профессионализацией волонтерства в сфере социальной работы в государственном и третьем секторах.

Оценка деятельностных практик волонтеров и профессионалов сферы социальной работы в современном российском обществе позволяет исследовать то, как профессионалы государственного и некоммерческого секторов соединяют в себе различные интересы и движутся к профессионализации различными путями, тем не менее, включая в этот процесс опыт волонтерства.

Необходимо отметить, что все рассматриваемые нами общеметодологические подходы применительно к волонтерству находятся в тесной взаимосвязи. Например, связь институционального и деятельностного подходов позволяет перенести акценты в исследовании с анализа институциональной структуры волонтерства на деятельность волонтеров как активных субъектов, которые, реализуя свою активность, трансформируют данный институт, саму общность, культуру и т. д. Согласно идеям Э. Гидденса волонтеры могут рассматриваться как агенты, первоначально социализирующиеся в рамках тех институтов, которые уже функционируют, и лишь через определенное время, после освоения необходимых ресурсов, своими практическими действиями трансформируют его в процессе структуриации¹⁴⁵.

Представленные элементы методологии анализа волонтерства предполагают оценку социальной общности волонтеров, реализующих своего рода «поле возможностей» и проявляющих свою деятельностную активность. Это предполагает анализ социального движения волонтеров как динамичной формы организации социальных субъектов, создаваемой их активностью в определенных условиях пространственно-временного континуума.

---

¹⁴⁵ Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуриации. 2-е изд. М. : Акад. проект, 2005.

Еще одним методологическим подходом является *общностный подход*, который применительно к волонтерству состоит в изучении особенностей и структуры общности волонтеров, через оценку ее сложной многоуровневой модели, в анализе ресурсов, которыми обладает сама общность и ее члены, в изучении повседневных практик социальной общности волонтеров и их образа жизни.

Исходя из классификации общностных признаков¹⁴⁶, применительно к волонтерской общности можно выделить следующие из них: включенность волонтерства в широкий социальный контекст, систему общественных отношений; наличие у членов волонтерской общности значимого основания действовать сообща либо находиться в данной общности; наличие в общности волонтеров взаимодействия разных уровней – от сильного (в рамках ситуативно самоорганизующихся групп) до весьма слабого (уровень международного движения), обеспечивающего функционирование социальных связей внутри общности; наличие у волонтеров схожих характеристик условий жизни и деятельности; наличие социально-пространственных и социально-временных характеристик социальной общности; наличие определенных правил, традиций, ценностей, установок и образцов поведения, характерных для большинства членов общности волонтеров; признание данной общности социальным окружением в социальной среде (учебного учреждения, производственного коллектива, некоммерческой организации, семьи и т. д.), формирующее ее идентичность.

На наш взгляд, одним из ключевых системообразующих признаков волонтерской общности является наличие у нее определенных ресурсов – социальных, политических, культурных и символических. Это позволяет получить научные представления о том, каким капиталом обладает общность волонтеров, как она способствует тому, чтобы ее члены наращивали свой культурный капитал (повышали уровень образования, развивали профессиональные и личностные компетенции); формировали социальный капитал

---

¹⁴⁶ Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург : Изд-во Гум. ун-та, 2009. С. 109.

(использовали социальные связи общности на рынке труда, в образовательной и политической сферах, формировали социальные сети); аккумулировали символический капитал (приобретали статусные характеристики, престиж, доверие).

Общностный подход направлен на рассмотрение социальной общности волонтеров как сообщества действующих людей, способных в локальных условиях решать конкретные социальные проблемы, достигать поставленные цели. Он позволяет рассмотреть особенности ее структуры в условиях свободы коммуникации, когда в постоянной динамике расширяется и сужается число взаимодействующих людей, дать оценку ресурсам, которые необходимо привлекать и которые привлекаются в заданных условиях для решения конкретных проблем. Общностный подход открывает перспективы в рассмотрении проблемы расширения границ объективного и субъективного понимания природы возникновения и стабильного существования волонтерской общности. В рамках феноменологической исследовательской традиции подвергается анализу социально-психологическая самоидентификация волонтеров, интерпретируются их субъективные представления в качестве реального основания социального структурирования их общности. Подход включает в себя также рассмотрение проблемы выявления социально-демографических отличий волонтеров, определения их социальных и статусных позиций как членов общества и данной общности.

Еще одним срезом применения в нашей работе общностного подхода является возможность изучения повседневных практик волонтеров. Их объем и содержание раскрывают контекст «вписывания» волонтерской деятельности в образ жизни людей. Это позволяет понять, как волонтерские практики пересекаются с трудовой и досуговой деятельностью, что они представляют собой в организационном плане при включении в семейную, образовательную и производственную сферы.

Анализ волонтерских практик демонстрирует, как члены волонтерской общности включаются в государственные, экономические, политические и иные структуры, различные их организации,

которые в определенном смысле тоже представляют собой социальные группы и общности. Каждый из проанализированных в данном подразделе подходов обладает своими достоинствами, акцентирует внимание на специфических аспектах волонтерства как социального феномена, позволяет рассматривать его под разными углами зрения. В качестве определяющих для социологического исследования поставленной в работе проблемы, как уже отмечалось, нам представляются системный, институциональный, общностный и деятельностный подходы.

1.5. Специфика управленческого подхода к исследованию волонтерства

Потребности в понимании возможностей управления социальными процессами, связанными с волонтерством, общностью волонтеров и различными аспектами их деятельности, актуализируются во всех сферах жизни общества. По нашему мнению, именно управленческий подход в своем практическом значении позволит дать оценку современному состоянию и развитию волонтерства как социального института, социальной общности и социального движения в определенных пространственно-временных рамках. Суть данного подхода заключается в поиске управляемости различных видов взаимодействий волонтеров, в выявлении закономерностей функционирования и трансформации регулятивных механизмов различных типов социальных отношений волонтеров на разных уровнях управления в различных секторах экономики.

Управленческий подход позволяет рассмотреть процессы социального управления волонтерством в коммерческой и некоммерческой сферах, выделив в них общие и отличные признаки, сравнив управленческие структуры и цели основных субъектов волонтерской деятельности. М. А. Осипова подчеркивает, что, «несмотря на схожесть управленческих структур на разных уровнях, цели

в них, как правило, различны»¹⁴⁷. В этом ключе оценка процессов целеполагания волонтеров и организаторов волонтерской деятельности важна с точки зрения учета возможностей, интересов, мнений и предложений самих волонтеров.

Благодаря управленческому подходу открывается возможность прогнозировать социальные последствия принимаемых в отношении волонтеров управленческих решений в конкретной организации либо в органах государственной власти федерального, регионального и муниципального уровней; выявлять специфику внутриобщественного и институционального регулирования волонтерства.

Если в основу нашего анализа заложить понимание управления как «встроенного в социальный процесс сознательно конструируемого и направляемого социокультурного механизма регуляции отношений между участниками какой-либо совместной деятельности»¹⁴⁸, то управленческий подход в изучении волонтерства позволяет не только прогнозировать, но и осуществлять социальное проектирование траекторий развития волонтерства на определенных территориях, в отдельных городах, регионах, федеральных округах.

В этом контексте на различных уровнях государственного управления на основе построенной теоретической модели волонтерства возможно осуществлять социальное планирование распределения ресурсов для поддержки волонтерских структур, для продвижения отдельных, востребованных направлений волонтерской деятельности, для создания условий популяризации волонтерских практик среди различных социальных групп и общностей (молодежи, пенсионеров, инвалидов, предпринимателей и т. д.).

Еще один важный аспект применения управленческого подхода связан с разработкой различных видов и типов социальных технологий организации взаимодействия волонтеров, позволяющих управлять их групповым поведением и мотивацией внутри

---

¹⁴⁷ *Осипова М. А.* Социология управления : проблемы определения предметной области // Вестн. РУДН. 2009. № 1. С. 98–105 (Сер. Социология).

¹⁴⁸ *Тихонов А. В.* Социология управления как научно-исследовательская программа // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11, № 2. С. 192.

отдельных организационных структур. Необходимо отметить, что в данном случае управлению должны будут подлежать не сами волонтеры и их действия, а существующие механизмы их регуляции – посредством придания волонтерской активности новых смыслов и целей.

По мнению А. В. Тихонова, «только различение действий и механизмов их регуляции создает онтолого-гносеологические основания для “вписывания” управления в природные и социальные процессы»¹⁴⁹. Именно поэтому требуется разработка комплекса технологий, направленных на продвижение волонтерства, способствующих созданию для этого организационной среды взаимодействия корпоративного сектора экономики с некоммерческим и государственным секторами. Данный технологический блок позволит определить место в этом процессе институтов государственной исполнительной власти, социальные роли профессионалов и самих волонтеров.

Важно подчеркнуть, что для полной реализации потенциала управленческого подхода необходима его интеграция с системным, институциональным, общностным и деятельностным подходами. В нашей работе именно эти общеметодологические подходы позволяют исследовать сам феномен волонтерства и сформулировать концептуальные основания его теоретической модели. Задача же управленческого подхода заключается в выведении исследовательской логики на аспекты практического приложения данной модели, применимости на практике ее основных положений.

При таких методологических установках волонтерство может исследоваться как ресурс социального управления, поскольку оно по своей сути поддерживает следующие универсальные признаки управления: «универсальное качество как способность управления влиять на сложившиеся “культурные образцы” социальных действий и взаимодействий, выступать “причиняющим фактором” их изменений; универсальное отношение как способность управления

---

¹⁴⁹ Тихонов А. В. Философские проблемы социологии : очерки. Основания социологии управления // Прил. к журн. «Философские науки». М. : Гуманитарий, 2013. С. 42.

устанавливать и сочетать линейные и нелинейные, формальные и неформальные, контактные и дистантные связи между различными видами действий, целями и ценностями; универсальный механизм как способность управления формировать персонифицированные социокультурные конструкции, необходимые и достаточные для удержания проблемных процессов в пределах управляемости...»¹⁵⁰

Через понимание онтологического аспекта универсальных принципов управления, устанавливаемых реальными практиками управления, в исследовании волонтерства выделим «субъекты управленческой практики», «практические действия» и «объекты», на которые эти действия направлены. В качестве субъектов управленческой деятельности по отношению к волонтерству могут выступать представители исполнительных органов государственной власти, профессионалы третьего сектора, специалисты государственных социальных служб, сами волонтеры. В качестве объекта в теоретическом поле рассмотрения волонтерства рассмотрим совместную деятельность волонтеров как процесс достижения ими определенных целей своего труда. Ключевой продуктивной целью настоящего волонтерства является помощь конкретным, нуждающимся в ней людям. В тех случаях, когда происходит замещение обозначенной выше цели какими-то другими, например, организационными (проведение мероприятия, оказание услуг и т. д.), проявляются системные кризисы, порождающие конфликтные ситуации и приводящие саму систему волонтерства к дестабилизации.

Посредством интеграции возможностей управленческого и системного подходов в исследовании волонтерства как социальной системы данный феномен «персонифицируем» в национальных границах со своим строением, структурой, расстановкой людей как акторов. Анализ стандартизированной системы отношений между волонтерами, объединяющимися в различные подобщности, социальные движения, волонтерские и благотворительные организации, а также изучение таких структурных элементов, как общена-

---

¹⁵⁰ Тихонов А. В. Социология управления как научно-исследовательская программа // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11, № 2. С. 189.

циональные, региональные и муниципальные центры развития волонтерства, ресурсные центры, международные организации, в перспективе нацеливают исследование на «программирование» социальных действий волонтеров, на установление связи между элементами управления в данной системе. Кроме того, подобный подход позволяет получить системное представление о ценностях и нормах, которые выступают связующим и объединяющим началом данной системы, о формальных и неформальных нормах взаимодействия различных элементов внутри нее, важных для реализации социального управления и планирования целевых управляющих воздействий на эту систему и отдельные подсистемы.

Относительно трактовки социального управления отметим, что в работе оно рассматривается как «форма информационного взаимодействия людей, характеризующаяся тем, что одна из сторон вырабатывает решения, доводит их до исполнителя, контролирует их исполнение, а другая сторона эти решения исполняет... Социальное управление выступает “сквозным” видом всех уровней управления в обществе»¹⁵¹.

Применительно к волонтерству возможными видятся два вида целевых управляющих воздействий. В первом случае управление волонтерскими организациями, общностями и подобностями волонтеров может осуществляться в условиях, когда «правила игры» диктуются извне, централизованно и унифицированно. Во втором случае управленческая активность рождается в самоуправлении волонтеров. В этом смысле волонтерство является самоуправляющейся системой, способной к автономному функционированию, самоорганизации и саморегуляции.

Исходя из сущностного значения волонтерской деятельности, связанной с добровольностью выбора и некоторой свободой действий волонтеров, социальное управление волонтерством не должно сопрягаться с проявлением власти одних людей над другими на межинституциональном уровне взаимодействия. Например, стремление к жесткому контролю со стороны органов государствен-

---

¹⁵¹ Зборовский Г. Е. Общая социология. 3-е изд. Екатеринбург : Гуманит. ун-т, 2003. С. 392.

ной власти за всеми протекающими процессами, сопряженными с добровольческой активностью и инициативностью населения, сокращает возможности появления и развития самоуправления со стороны самих волонтеров. Проявление и реализация власти в таком ключе сопряжены с определением ее задач как «подчинения всех субъектов системы воле носителей власти»¹⁵².

М. В. Рубцова подчеркивает, что управление не обязательно связано с властью, оно не требует применения власти как волевой основы принятия решений. По ее мнению, «идеальное управление не прибегает к власти, оно обеспечивает управляемость самостоятельно. Власть применяется в случае... проведения решений, которые заведомо не получают поддержку. В связи с этим, сам факт применения власти рассматривается как свидетельство утраты управляемости»¹⁵³. Мы считаем необходимым не согласиться со сделанным в научной статье выводом о том, что «как таковое управление не обязательно связано с властью»¹⁵⁴. Прямое подтверждение нашей позиции можно найти в этой же работе, где анализируется характер связи понятия власти с управлением и управляемостью в концепциях и теориях М. Крозье, Н. Лумана и Э. Гидденса.

Исследовательница подчеркивает, что М. Крозье видит во власти свойство, которое в разной мере присуще всем членам организации, а Э. Гидденс соотносит власть со способностью индивидов воплощать решения в конкретные действия и с «мобилизацией направленности», заданной институтами общества. Таким образом, управление в рамках социальной системы волонтерства, по нашему убеждению, обладает ресурсом власти, так как является коллективным действием, а сами волонтеры способны не только реализовывать волонтерскую деятельность, но и при наличии в обществе альтернатив действия и бездействия в отношении конкретных социальных проблем добиваться признания своих решений.

---

¹⁵² Рубцова М. В. Управляемость и власть : соотношение понятий в социологии управления // Социология власти. 2009. № 1. С. 58.

¹⁵³ Там же. С. 59.

¹⁵⁴ Там же.

Такой подход к пониманию управления волонтерством представляет собой разновидность социального конструктивизма. Члены волонтерской общности в координатах времени и пространства конструируют объективную реальность, сотканную из множества противоречий, базирующуюся на диалектике индивида и общества, личной идентичности волонтеров и социальных структур, в которые они оказываются включены. По своему сущностному значению волонтерство здесь проявляет себя крайне противоречиво. С одной стороны, оно способствует «созданию человеком самого себя», с другой стороны, формирует социальный мир и социальные структуры, где волонтеры реализуют разные виды взаимодействий в соответствии с совокупностью правил поведения, моральных принципов и предписаний, ценностей, обеспечивающих мотивационную динамику их институционализированного поведения. В связи с данной противоречивостью понимание управления волонтерством должно соотноситься с осмыслением активности самих волонтеров как субъектов, производящих и поддерживающих управляемость системы изнутри, а также формирующих различные связи за ее пределами и создающих для этого институциональные управленческие механизмы.

В объективной реальности современной России взаимоотношения институтов управления волонтерством и власти, волонтеров и чиновников представляют собой опять же живое противоречие. Это своеобразное столкновение намерений чиновников, которые пытаются решать свои бюрократические проблемы, использовать волонтеров как средство исполнения власти, а волонтеры хотят оставаться автономными и независимыми в своих действиях. Место общности волонтеров в системе волонтерства в обществе и на отдельных территориях определяется их борьбой за сохранение своей самобытности, независимости.

Следует отметить, что сегодня российское государство в лице чиновников односторонне воздействует на отдельные волонтерские подобщности. Вырабатываемая государством программа деятельности (информационный образ волонтерской активности) не всегда соотносится с потребностями и видением своих возмож-

ностей самими волонтерами. Кроме того, большинство волонтерских инициатив воплощаются добровольцами на основе самостоятельно выработанных ими программ и реализуются на принципах самоуправления. В итоге в современной России нет единства управления волонтерской общностью и процессов самоуправления в ней. Попытки абсолютизации управленческого воздействия на волонтеров со стороны государства встречают неоднозначную реакцию самих волонтеров в России.

На фоне вышеобозначенного проблемного поля ключевой задачей социального управления должно являться достижение баланса между рычагами внешнего управления и самоуправления волонтеров, приводящее к успешному преобразованию общества и территорий – областей, городов, где проживают волонтеры. По нашему мнению, это возможно и достижимо, если на различных уровнях управления, наряду с учетом потребностей населения, запросами органов местного самоуправления, региональных и федеральных властей, будут также учтены желания и возможности, определяющие потребности и интересы волонтеров, проживающих на этих территориях.

Таким образом, системный и управленческий подходы в своем единстве направлены на разработку принципов выделения подбобщностей волонтеров для включения в социальную систему дифференцированного подхода к государственному и общественному управлению волонтерством на разных его уровнях: федеральном, региональном и локальном. Они позволяют разрабатывать алгоритмы осуществления социального планирования и прогнозирования развития различных направлений волонтерства в национальных и региональных границах, смоделировать систему эффективного распределения ресурсов для его развития с учетом специфики разных видов активности волонтеров.

Интеграция управленческого и институционального подходов дает возможность расширить границы исследования волонтерства, охватив все многообразие сфер и уровней социального управления им; допускает исследователей к оценке роли самой волонтерской общности в развитии различных институциональных структур,

норм и правил, обеспечивающих внутриобщностные и межинституциональные виды взаимодействия ее членов с политическими, экономическими институтами, средствами массовой информации, институтами образования и профессии.

В рамках институционального подхода анализируются модели управленческих отношений в социальной структуре (общественное управление, государственное управление, управленческое воздействие через СМИ, управление в организации и т. д.). С этим подходом связано исследование условий функционирования волонтерства как социального института, когда учитываются интересы всех участников волонтерской деятельности, изучаются формы, виды и типы их организации и самоорганизации, выявляются формальные и неформальные нормы и правила эффективного взаимодействия волонтеров, продуцирующие устойчивые социальные связи и отношения на межличностном, общностном и социетальном уровнях.

Для управленческого подхода важно исследование институциональной среды волонтерства. На государственном уровне она фиксируется благодаря существующей нормативно-правовой базе, регулирующей волонтерскую деятельность. Объективно на уровне регионов и муниципальных образований создаются конкретные условия и механизмы для непосредственной организации деятельности членов волонтерской общности, организационные структуры различных типов. На региональном уровне осуществляется распределение ресурсов, регулирующее включение труда волонтеров в государственный и некоммерческий секторы экономики. Сама же деятельность волонтеров сосредоточена непосредственно на отдельных территориях, в городах и поселках. Именно на локальном уровне реализуется программа конкретных действий, направленных на взаимодействие управляющих субъектов в государственных социальных учреждениях и НКО с волонтерами. Именно в локальных пространствах появляются различные формы стихийного объединения волонтеров для самостоятельного решения социальных проблем и оказания помощи конкретным людям.

Становление института волонтерства в определенных территориальных или географических рамках способствует объективному построению особых организационных структур, формирующих, регламентирующих и контролирующих новые «правила игры»¹⁵⁵ среди их членов. С несколько иной позиции институт волонтерства можно изучать как созданную человеком структуру взаимодействия, превращающую ценностные представления волонтерства в важнейший фактор его поведенческой мотивации, уменьшающую неопределенность, организующую повседневную жизнь и вписывающую волонтерство в образ жизни членов данной социальной общности. Этот процесс оказывает существенное влияние на жизненный мир, систему мировоззрения членов разных подобщностей волонтеров, включенных в институциональное поле волонтерства, и требует к ним применения особого подхода в управлении.

В итоге системного применения управленческого и институционального подходов в рамках социологического исследования волонтерства открывается возможность структурировать механизмы формирования социальных норм и волонтерских традиций в обществе, воспроизводимых в практиках межинституционального взаимодействия общности волонтеров. В нашей работе мы классифицируем управленческие инструменты создания условий для развития формального (институционализированного) волонтерства и поддержки неформальных волонтерских практик, а также обозначаем векторы возможной трансформации нормативно-правового поля, регламентирующего деятельность волонтеров в различных сферах.

Указанные подходы позволяют учитывать многофакторность, оказывающую влияние на волонтерство, при моделировании траекторий его развития и выборе методов целевого воздействия на определенные подобщности волонтеров. Представляется возможным проследить взаимосвязь экономических, политических и социальных процессов, формирующих среду осуществления волонтерами

---

¹⁵⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения функционирования экономики. М., 1997. С. 17.

своей деятельности как пространство управленческих взаимодействий. В расчет включаются интересы населения определенных территорий и самих волонтеров.

Говоря о системном осмыслении феномена волонтерства, нужно особо подчеркнуть важную методологическую установку, показывающую возможность интеграции управленческого и общеметодологических подходов. Она заключается в том, что центральное звено в нашей теоретической модели исследования занимает понятие «общность волонтеров». В этой связи интеграция управленческого и общественного подходов в изучении волонтерства как социальной системы, социального института и деятельности требует обращения к анализу ресурсного потенциала волонтерской общности.

Суть такого интегрированного использования двух подходов заключается в том, что волонтерская общность исследуется как ресурс социального управления наряду с анализом тех ресурсов, которыми обладают члены данной общности и само волонтерство как социальный феномен.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что мы не представляем общность волонтеров как объект только государственного управления. Нашей целью не является поиск возможных путей для манипулирования членами данной общности. Мы исследуем волонтерскую общность в качестве ресурса социального управления как фактора общественного развития, в основу понимания которого положены принципы эффективного взаимодействия и согласования интересов всех его участников.

Социальный ресурс общности волонтеров могут характеризовать как объективные, так и субъективные аспекты. Волонтеры обладают определенными умениями и навыками для того, чтобы оказывать помощь другим людям. Волонтеры объективно не могут рассматриваться вне наличия ресурса своей общности, связанного с оказанием реальной помощи тем, кто в ней нуждается. Наряду с этим у них есть ресурсные признаки субъективного плана, связанные с их ценностными ориентациями, жизненными планами, мотивацией поведения. Когда совпадают в основном объективные

аспекты с субъективным пониманием социального ресурса, которым обладают волонтеры, тогда можно говорить о настоящих волонтерах и «идеальных примерах» волонтерства.

Частичное несовпадение, иногда даже расхождение объективных характеристик ресурса общности и его субъективных аспектов у волонтеров приводит к появлению различных типов подобщностей, члены которых обладают ресурсом лишь частично и соответственно реализуют его не в полной мере, либо фрагментарно. Эти волонтеры требуют к себе и своей работе особого отношения со стороны тех, кто с ними взаимодействует. Кроме того, другие типы взаимодействия членов данных подобщностей на вертикальном (с институтами власти, образования, политики, культуры) и горизонтальном (с другими городскими общностями) уровнях выстраиваются по иным принципам. По нашему глубокому убеждению, это влечет за собой отличие в ресурсных характеристиках таких подобщностей.

В этом плане управленческий подход закладывает понимание общности волонтеров через оценку ее специфической особенности, которая заключается в том, что ее члены выступают одновременно в роли как субъектов, так и объектов социального управления.

Современное состояние волонтерства как социального явления характеризует множественность волонтерских подобщностей с разными векторами ориентации их членов – от интересов власти до потребностей конкретных нуждающихся в этой помощи людей. В итоге это приводит к разному уровню развития подобщностей добровольцев. По нашему убеждению, в этом смысле волонтерская общность может рассматриваться как «парадоксальная» общность, состоящая из «парадоксальных» людей. С одной стороны, у всех членов волонтерской общности есть объективные основания для их объединения, с другой, волонтеры настолько разные, что могут объединиться только на уровне отдельных подобщностей. Там, где решаются задачи государства, развиваются одни типы волонтерства. В это же время там, где отсутствуют интересы чиновников, развиваются другие типы добровольчества.

Таким образом, объединению общностного и управленческого подходов способствует преимущественное направление исследования на изучение взаимодействия членов волонтерской общности, взаимосвязи формальных и неформальных структур волонтерства, определяющих структуру общности волонтеров, специфику ее основных подобиностей в социально-пространственных и социально-временных рамках. Такая логика анализа позволяет понять и классифицировать механизмы стимулирования и мотивации волонтеров, технологизировать практики взаимодействия с ними на уровнях управления организациями и отдельными коллективами.

Волонтерскую общность как субъект и объект управления на различных его уровнях можно рассматривать как ресурс, возникающий в ходе деятельности людей. В этой связи применение управленческого подхода пересекается с деятельностным подходом. Суть такой интеграции заключается в двух направлениях.

В первом реализуется оценка потенциала социального движения волонтеров как динамичной формы организации социальных субъектов. Приоритетность понимания ресурсов и возможностей волонтеров с позиции социального управления заключается в том, что В. А. Ядов называет «активным преобразованием форм их социального бытия с учетом всего контекста природных и социальных условий на момент социального действия»¹⁵⁶. Поиск «рычагов» и управленческих инструментов управляемости стихийной самоорганизацией добровольцев и их активностью не вопреки работе профессионалов, а в единстве с ними с учетом общих целей – одна из важнейших задач в социологическом исследовании и практической деятельности.

В рамках второго направления анализируется содержание волонтерской деятельности, выделяются ее отличия от других видов человеческой деятельности (досуговой, профессиональной и т. д.) посредством изучения функциональных характеристик взаимодействия волонтеров и тех, кому оказывается помощь, волонтеров

---

¹⁵⁶ Ядов В. И. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. : Омега-Л, 2007. С. 21.

и профессионалов, волонтеров и чиновников. Определяющим в такой интеграции подходов является то, что управление в отношении к деятельности волонтеров рассматривается как рациональный способ ее регуляции наряду с другими способами: властью, правом, организацией, самоорганизацией и саморегуляцией.

Различные типы взаимодействий волонтеров на уровне отдельных организаций и коллективов единомышленников в контексте их повседневной деятельности, в сотрудничестве с профессионалами, специалистами третьего сектора помогают понять организационную культуру тех сообществ, которые вовлекают в свою деятельность добровольцев. Становится возможным выделить базовые принципы организации совместной деятельности таких коллективов, классифицировать управленческие механизмы, позволяющие соединять личные интересы волонтеров с групповыми и организационными целями.

Наряду с анализом рациональных схем действий всех участников такого взаимодействия в рамках отдельных волонтерских организаций и НКО именно управленческий и деятельностный подходы позволяют выявить те социальные механизмы, которые «периодически на наших глазах ломают рациональность повседневных практик...»¹⁵⁷ путем измерения не только позитивного потенциала волонтерской общности, но и посредством оценки способностей ее членов активизировать время от времени социальные связи, способные по своей сути вызывать дисфункциональность других систем и социальных институтов.

Анализ волонтерства в рамках управленческого подхода дает возможность следующим образом систематизировать ключевые позиции с учетом вышеобозначенных в работе общеметодологических подходов:

1. Интеграция подходов позволяет рассматривать условия становления волонтерства как социального института на определенной социокультурной почве с двух сторон. Во-первых, через анализ

---

¹⁵⁷ Десять вопросов об экономической социологии профессору В. Радаеву // Эконом. социология. 2007. Т. 8, № 2. С. 6–12.

самоорганизации различных подобщностей волонтеров, продуцирующих нормы и правила взаимодействия и осуществления своей деятельности в повседневных практиках. Во-вторых, через оценку проектов его развития, спускаемых «сверху», исходя из государственных интересов и реальных практик планирования и проектирования «сценариев будущего».

2. При изучении волонтерства как социальной системы следует в качестве константы рассматривать место волонтеров в системе социального управления не как объекта манипулирования со стороны бюрократического аппарата исполнительных органов государственной власти, а в качестве субъекта активной преобразовательной деятельности. Задачи же управления волонтерством заключаются в создании системы таких отношений, которые позволят процессы самоорганизации волонтеров сделать управляемыми без использования административно-командных методов и манипуляций. В этом плане управление внутренними и внешними связями в системе волонтерства должно обеспечивать ее целостность и противостоять тенденциям массового распространения псевдоволонтерства и квазиволонтерских практик.

3. Управление волонтерством как деятельностью напрямую связано с разработкой и реализацией целого комплекса социальных технологий, которые могут быть реконструированы и органично включены в системы управления различных уровней с учетом социокультурных особенностей организационной среды волонтерства.

4. Исследование ключевых аспектов управления общностью волонтеров базируется на том, что различные типы взаимодействий членов разных подобщностей волонтеров пронизывают все уровни общества (социетальный, институциональный, региональный, локальный, а также уровень отдельных организаций), имеют отличные характеристики и требуют к себе дифференцированного подхода в теоретической разработке и практической реализации управленческих воздействий.

Итак, в данной главе выделены сущностные основания добровольческой деятельности, а также признаки волонтерства как определенные неотъемлемые его характеристики, которые, по наше-

му твердому убеждению, являются основополагающими и не претерпевают каких-либо трансформаций, несмотря на сложность, подверженность постоянным изменениям и противоречивость исследуемого феномена. В работе систематизированы принципы, выступающие фундаментальными основаниями исследования управления волонтерством. Выделенные принципы и признаки демонстрируют всю сложность как самого феномена волонтерства, так и его теоретического определения.

Систематизация результатов теоретических и эмпирических исследований позволила сформулировать ряд взаимодополняющих друг друга сущностно-содержательных трактовок волонтерства с позиции системного, институционального, общественного и деятельностного подходов. Авторские теоретические определения волонтерства характеризуют «идеальные типы» исследуемого феномена, которые в различных социальных, культурных, экономических и политических условиях подвергаются определенным трансформациям. В главе обозначено смысловое значение новой теоретической категории – «полуволонтерство», которая отражает целый ряд социальных противоречий, возникающих сегодня в реальных добровольческих практиках. Разнообразие проявлений самого феномена нашло отражение в анализе внешней и внутренней структуры волонтерства, в систематизации его функций и дисфункций как социального института, социальной деятельности и социальной общности, в выделении и описании разных видов и типов добровольчества.

Оценка теоретических аспектов и возможностей социально-гуманитарного знания четко показала, что классики социологической теории определяют методологические основания нашего анализа, приоритетные векторы изучения волонтерства как деятельности и общности. Ученые XX столетия задают определенный алгоритм исследования, отдавая приоритетность рассмотрению системных и институциональных проявлений добровольчества. Последние десятилетия демонстрируют серьезный объем эмпирических исследований волонтерства как деятельности и общности (как труд и капитал). Важным видится появление частных теорий среднего

уровня, одновременно отражающих динамику социальных изменений и фрагментарность разных волонтерских практик в отдельных странах.

Наше обращение к теориям и к эмпирическим исследованиям показывает, что специфика волонтерства как объекта социологического исследования может быть раскрыта благодаря междисциплинарному (предметному) анализу, концептуальные рамки изучения управления добровольчеством задаются в интеграции управленческого подхода с методологическими (межпредметными): системным, институциональным, общественным и деятельностным.

С одной стороны, системный подход в изучении добровольчества перспективен для раскрытия целостности объекта исследования как глобального феномена, с другой стороны, он направлен на выявление проблем социального управления российским волонтерством, его системных качеств посредством оценки единства связей всех субъектов взаимодействия. Возможности институционального подхода позволяют объяснить, как в международном контексте развивается волонтерство в определенных социальных и культурных условиях в разные исторические периоды, а также систематизировать институциональные механизмы, регулирующие деятельность волонтеров в нашей стране. Деятельностный подход определяет исследовательскую логику в рассмотрении профессионализации волонтерства на разных уровнях системы социального управления добровольчеством, в изучении деятельности российских добровольцев в сфере социальной работы государственного и некоммерческого секторов, в определении специфики профессионализма волонтеров в нашей стране. Общественный подход фокусирует исследовательский взгляд на анализ структуры и особенностей общности волонтеров.

В изучении системности социального управления волонтерством в качестве сущностного основания развития добровольчества следует рассматривать его ресурсы. Деятельность разных волонтерских подобщностей является ресурсом развития общества как социальной системы, а вклад волонтеров сегодня имеет не только экономическую, но и высокую социальную значимость. В свою

очередь, ресурсы самих добровольцев как членов особой социальной общности оказываются сопряженными с их активностью в разных сферах жизнедеятельности и могут в теоретическом плане рассматриваться как универсальный конструкт для планирования, организации и реализации управленческих практик, выстраиваемых на понимании сущности социального обмена.

Исследовательский подход, заключающийся в системном рассмотрении волонтерства как социального института, общности и деятельности, открывает возможности планирования, прогнозирования и управления добровольцами в пространственно-временном континууме. Рассмотрим разные траектории развития волонтерства в мире, обобщим опыт отдельных стран и России.

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ВОЛОНТЕРСТВА ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ

2.1. Волонтерство в европейских странах: генезис и развитие

Волонтерство в европейских странах обладает спецификой распространения и представленности в различных частях Европейского союза (ЕС). Во многом это обусловлено тем, что ЕС, несмотря на декларируемые ценности объединения, является искусственным образованием, преследующим политические и экономические интересы. Все участники европейского конгломерата имеют свою культуру и историю, различающиеся политические системы и традиции, в том числе затрагивающие развитие волонтерства. Такая характеристика общности европейцев объясняет исследовательский интерес к изучению волонтерства как системы и социального института в границах Европейского союза в целом, а также необходимость изучения особенностей волонтерской деятельности и оценки самих волонтеров в отдельных его странах.

Рассмотрим основные вехи исторического развития волонтерства в Европе, выделив проблемы и противоречия его функционирования в рамках ЕС с использованием институционального, деятельностного и общностного подходов.

С. В. Синецкий, исследуя эволюцию добровольчества, затрагивает его европейскую историю, выделяя в ней ряд значимых этапов¹.

---

¹ Синецкий С. В. Эволюция добровольчества : история становления новой социальной парадигмы // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. 2006. № 17 (62). С. 104–107 (Сер. Социально-гуманитарные науки).

Первый этап он ограничивает периодом Средневековья, когда происходит стихийное зарождение данного явления, формируются предпосылки выделения его общественным сознанием, а само волонтерство характеризуют недостаток организующего начала и отсутствие идентификации волонтеров как социальной общности, отличной от других. Второй значимый этап обозначен рубежом XVIII–XIX вв. С точки зрения С. В. Синецкого, он связан с началом доминирования капитализма, когда неравномерное распределение ресурсов требовало новых инструментов поддержания социального мира. В плане эффективности формирования имиджа экономических элит благотворительность стала одним из таких инструментов. Социальное одобрение населения привело к рационализации этого вида деятельности и способствовало переходу волонтерства в новое качество, проявившееся на следующем важном этапе, датируемом XIX в. В этот период волонтерство становится полноправным «инвариантом благотворительности», а сам этап характеризуется созданием волонтерской инфраструктуры.

Безусловно, в задачи ученого не входило построение полной периодизации именно европейского волонтерства. Он сделал попытку найти точки пересечения событий, имеющих отношение к развитию добровольчества в России и Европе, не затронув в своем анализе аспекты динамики волонтерства в XX–XXI вв. В целом такой исследовательский подход достаточно спорен и противоречив. С одной стороны, он привел к тому, что выделение данных периодов не дает возможность оценить культурную специфику волонтерства разных государств или групп стран как отдельных частей Европейского союза. С другой стороны, он позволяет обратить наше внимание на ряд важных для авторского исследования особенностей.

Во-первых, в данной работе подчеркнут противоречивый характер самого феномена «волонтерство», рассмотрена его история как «парадоксальная для современного рыночного сознания» с направленным в «обратную сторону» вектором². Во-вторых, подчеркнута

---

² Синецкий С. В. Эволюция добровольчества. С. 104.

важное значение для развития волонтерства общественного мнения. В-третьих, показана взаимосвязь эволюционирования волонтерства как социальной практики с изменением общественного сознания, представлена авторская интерпретация процесса формирования европейской волонтерской традиции. По нашему глубокому убеждению, сопоставление и поиск общих императивов развития волонтерства в не имеющем длительной общей истории, искусственно созданном политическом образовании вне контекста общемирового развития достаточно затруднительны.

Обратимся к еще одной периодизации волонтерства. Анализируя трансформации исследуемого феномена в Европе, Канаде и США, Р. Стеббинс выделяет три этапа в его развитии³. По нашему мнению, в основу выделения данных периодов он закладывает представления об изменении мотивации волонтеров в соответствии с изменением объективных условий социальной системы, стимулирующих волонтерство в различные исторические периоды. Первый этап его периодизации датируется 1300–1960 гг. Определяющим стимулом волонтерства этих столетий выступает религия или идеология, а волонтеров данного периода характеризует внутренне мотивирующее чувство долга.

Второй период длится с 1960-х по 1980-е гг. На данном этапе волонтерство в мире, в том числе в Европе, начинает развиваться с новой силой, а сами волонтеры очень сильно отличаются от «идеологических волонтеров» прошлого этапа. Р. Стеббинс описывает их как «ответственных граждан, которые без всякого принуждения выбирали работу в нескольких из 16 основных институциональных секторов современной общественной жизни»⁴. Если в XIX в. борьба с бедностью и забота о здоровье людей были основными направлениями деятельности волонтеров в Европе, то в XX в. они — лишь часть из множества направлений. В течение второго периода основное стимулирование развития волонтерства исходило от дея-

---

³ *Stebbins R. Between Work and Leisure : A Study of the Common Ground of Two Separate.* [Б. г.], 2004. P. 61–63.

⁴ *Stebbins R. Between Work and Leisure.* P. 63.

тельности национальных государств, которые финансировали его развитие, инициировали различные программы и проекты. Такая политика способствовала созданию мощнейшей общественной инфраструктуры волонтерства, развитию новых сервисов, услуг, популяризации волонтерства в различных европейских странах, появлению большого числа волонтеров.

Третий этап начинается с 1980-х гг. и длится до наших дней. Он характеризуется сокращением целевого финансирования многих волонтерских проектов. В этих условиях созданная инфраструктура остается без финансирования, а сами волонтеры вынуждены искать средства для того, чтобы реализовывать свою деятельность. Ключевые стимулы развития волонтерства в этот период лежат в деятельности «третьего сектора», который сегодня включает в себя не только благотворительные организации и фонды, но и «мир живой неформальной помощи». Ведущей мотивацией волонтеров, по мнению Р. Стеббинса, на данном этапе становятся желание и возможности организовать свой «серьезный досуг».

Однако согласиться с выводом канадского социолога достаточно трудно. Эмпирические исследования, которые мы анализируем в нашей работе, показывают, что, с одной стороны, природа волонтерской деятельности, мотивация волонтерского труда в XXI в. очень сложны и не могут найти однозначного объяснения, так как тесно сопряжены с включенностью людей в различные «социальные сети», группы и общности (церковные общины, ассоциации, интернет-сообщества и т. д.) и глубоко индивидуализированы. Например, П. Деккер и Л. Хольман, анализируя ценность волонтерства в кросс-культурной перспективе, пишут: «Индивидуализация, возможно, есть самое важное ценностное изменение, затрагивающее в настоящее время волонтеров и то, что они делают»⁵. С другой стороны, само волонтерство находится в тесной взаимосвязи с экономической и политической ситуацией и, как правило, имеет пространственно-временную локализацию.

---

⁵ Dekker P., Halman L. The Values of Volunteering : Cross-Cultural Perspectives. [Б. г.] : Springer Science and Business Media, 2003. P. 6.

На наш взгляд, описанные выше попытки построения периодизации истории волонтерства, так или иначе затрагивающие европейскую его часть, характеризуются отсутствием критериев, составляющих единство оснований для выделения этапов развития исследуемого феномена. Это во многом объяснимо не только отсутствием постоянства территориальных границ ЕС и трудностями пространственного выделения именно европейского волонтерства в разные исторические эпохи, но и социокультурной спецификой жизнедеятельности населения отдельных стран-участников ЕС, особенностями их истории, динамикой изменений векторов внешнего и внутреннего политического взаимодействия государств в Европейском пространстве. Общая социокультурная характеристика Европейского союза как «единство в многообразии» отражается в различных социальных процессах и явлениях европейского общества, в том числе в его волонтерах и их активности.

Предложим свой подход к построению периодизации европейского волонтерства. В качестве основания выделения этапов представим критерии, отражающие изменения его социальной структуры как стандартизированной системы отношений европейских волонтеров. В качестве таковых обозначим содержательные особенности волонтерской деятельности, характеристики общности европейских волонтеров, уровень развития институциональных структур и норм.

Первый этап – *становление волонтерства в Европе как определенного вида деятельности* – длится с начала XIX в. по 1920-е гг. Деятельность волонтеров в этот период характеризуется доминированием в их мотивации религиозных оснований. Благотворительные практики населения развиваются во всех европейских странах. История показывает, что логика появления и развития образов волонтерства в рамках европейского пространства в этот период очень схожа.

На данном этапе общность европейских волонтеров обладает признаками религиозного или идеологического единства, но не объединения. Исследователи отмечают: «В большинстве европейских стран, начиная с XIX в., церковь продвигала волонтерскую

активность, взаимную помощь жителей друг другу в рамках местных сообществ»⁶. В то же время в некоторых странах параллельно развивались и светские формы взаимопомощи горожан друг другу. Например, волонтерские традиции Швеции уходят далеко в историю XVII в.⁷ В Германии активность волонтеров развивалась благодаря «свободным объединениям», которые и по настоящее время в основном ведут социальную работу в стране, привлекают волонтеров и поддерживают большинство социальных учреждений. К самым крупным церковным организациям относится благотворительная католическая «Каритас» и протестантская «Диаконишес Верк» (благотворительное дело). Светские объединения представляют «Рабочая благотворительность» – благотворительная организация, вышедшая из социал-демократической партии Германии, и «Немецкий паритетный благотворительный союз» – ведущая организация мелких объединений и союзов.

Первый этап характеризуется становлением европейского волонтерства прежде всего как деятельности, непосредственно связанной с развитием разных видов и форм социальной работы в отдельных европейских странах. Одной из основных характеристик волонтеров рассматриваемого этапа является их включенность в разные благотворительные практики в рамках каких-либо социальных объединений (светских или религиозных), занимающихся преимущественно социальными вопросами взаимопомощи.

Второй этап *активизации светского международного волонтерства в пространстве Европы* датируется первой половиной XX в. и связан с Первой и Второй мировыми войнами. Он характеризуется появлением первых международных объединений волонтеров из разных европейских стран. Примером этих объединений являлись «волонтерские рабочие лагеря» (Service Civil International), в которых волонтеры из Австрии, Англии, Франции, Германии и других стран Европы восстанавливали разрушенные во время мировой

---

⁶ Volunteering in the European Union. A Final Report submitted by GHK for the Educational, Audiovisual and Culture Executive Agency (EAC-EA), Directorate General Education and Culture (DG EAC). 2010. 17 Febr. P. 45.

⁷ Ibidem.

войны деревни. С конца 1940-х гг. и на протяжении 1950-х гг. именно волонтеры сыграли важную роль в восстановлении Европы. Процесс интеграции волонтеров Европы направлял Координационный комитет международной добровольной службы ЮНЕСКО, созданный в 1948 г. На данном этапе происходит объединение волонтеров Европы при активном содействии этим процессам международных организаций.

По нашему мнению, второй этап характеризует развитие европейского волонтерства как социальной общности, так как именно в XX в. европейские волонтеры начинают взаимодействовать друг с другом вне национальных границ при активном содействии международных благотворительных структур и институтов. Расширяется и спектр направлений волонтерской деятельности. Наряду с социальной работой в Европе активизируется экологическое, политическое, культурное волонтерство. Немаловажную роль в формировании европейской общности волонтеров на данном этапе сыграл опыт коллективной деятельности и социальных движений середины XX в. Членство в различных объединениях (трудовых, профсоюзных, политических), опыт участия в мирных социальных движениях существенно влиял на интерес к волонтерству, так как люди были хорошо знакомы с преимуществами коллективного действия⁸. В условиях территориальной близости европейских стран и определенного культурного единства начинают активно функционировать различные организационные структуры, обеспечивающие групповую мобильность волонтеров.

Третий этап – это время *институционализации волонтерства Европейского союза*. Он начинается в 1990-е гг. и продолжается до наших дней. Его главной особенностью является создание общей для всех стран ЕС институциональной структуры волонтерства, определяющей его развитие. Построение единого политического пространства ЕС сопряжено с построением единой нормативно-правовой базы, регулирующей волонтерство, а также с запуском общих для всех стран объединения социальных программ,

---

⁸ Stebbins R. Between Work and Leisure. P. 63.

направленных на развитие и популяризацию волонтерства. Европейское волонтерство в рамках третьего этапа представляет собой реально действующий социальный институт, который характеризуют: общепринятые всеми странами-участниками ЕС формальные правила внутреннего взаимодействия членов волонтерской общности друг с другом; общая европейская инфраструктура, способствующая развитию третьего сектора как провайдера реализации отдельных направлений волонтерской деятельности, а также неформальные нормы и традиции взаимодействия волонтеров в рамках отдельных стран, отражающие их национальную специфику.

С одной стороны, такой исследовательский подход к выделению этапов развития европейского волонтерства позволяет найти и обозначить общие для всех стран ЕС тенденции в его развитии, например, схожие тренды в изменении характера деятельности волонтеров и их мотивации как членов одной социальной общности. С другой стороны, предложенная периодизация показывает отличия в организации волонтеров по отдельным странам объединенной Европы, порождающие специфические, характерные именно для европейского пространства современного этапа институциональные проблемы, например, связанные с отличиями в национальных практиках нормативно-правового регулирования волонтерства в отдельных странах, с отношением населения к волонтерству и т. д.

Представленная периодизация позволяет обратить исследовательское внимание и очертить, в первую очередь, круг проблем современного европейского волонтерства именно как социального института. Однако в процессе исследования мы будем углубляться в некоторые аспекты его исторического развития, объясняющие, по нашему мнению, проблемы, которые связаны с развитием волонтерства как деятельности, отражающие изменение ее характера и содержания, а также проблемы европейских волонтеров как членов единой европейской общности, включающей в себя множество национальных подобщностей.

В качестве одной из важнейших в социологическом плане обозначим первую *проблему наличия общих институциональных структур ЕС, в рамках которых волонтерство развивается*

по своей траектории в национальных границах отдельных государств союза. Исторический контекст позволяет условно выделить в современном европейском пространстве две отличные по сценариям развития волонтерства группы стран. К первой относятся те государства, которые имеют давние традиции волонтерства, укоренившиеся в их культуре и являющиеся неотъемлемой частью образа жизни местного населения. Во вторую группу могут быть включены страны, в которых волонтерская традиция не сформирована, а добровольческий сектор по-прежнему слабо развит⁹. Следует отметить, что результаты эмпирических исследований демонстрируют сохранение этой поляризации.

Например, данные опроса Института Гэллапа в 2009 г. показывали, что наибольшее число организованных (работавших в НКО) и неорганизованных волонтеров европейских стран в Ирландии (38 % и 65 % соответственно), Великобритании (28 % и 63 %), Голландии (37 % и 51 %) и Германии (26% и 55%); наименьшее – в Хорватии (2 % и 23 %), Греции (3 % и 28 %) и Болгарии (5 % и 32 %)¹⁰.

По данным исследования «Европейское качество жизни», которое было проведено в сентябре 2011 – феврале 2012 г. среди жителей 27 стран ЕС (резидентов ЕС на протяжении 6 месяцев) старше 18 лет, в среднем один из трех европейцев (32 %) работал волонтером. Из числа всех опрошенных (в каждой стране согласно выборке проведено от 1000 до 3000 интервью «лицом к лицу» в соответствии с численностью населения) 17 % респондентов принимают участие в волонтерской деятельности каждую неделю или каждый месяц. Наиболее высокие показатели регулярно работающих волонтеров и их общего числа среди населения выявлены в Австрии (35 % и 53 % соответственно), Швеции (31 % и 49 %) и Ирландии (31 % и 49 %). В целом волонтеров больше, чем в среднем по ЕС, в Финляндии (48 %), Голландии (45 %) и Германии (45 %).

---

⁹ Европейский молодежный портал [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/youth/lu/article/volunteering-europe_en (дата обращения: 21.01.2014).

¹⁰ People less likely to volunteer time than donate money, help stranger [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/poll/145589/Civic-Engagement-Highest-Developed-Countries.aspx#2> (дата обращения: 10.01.2016).

Наименьшее число волонтеров зафиксировано в Болгарии (13 %), Венгрии (17 %), Польше (19 %), Румынии (20 %), Латвии (21 %) и Литве (22 %) ¹¹.

Наличие такой группировки стран по показателям численности волонтеров объясняется исследователями зависимостью развития волонтерства от уровня жизни населения. В 12 странах с наименьшими показателями численности регулярно работающих волонтеров 15 % респондентов – граждане с наименьшим доходом, а 30 % волонтеров относят себя к наиболее обеспеченным жителям этих стран. В свою очередь, в 15 странах, где выявлено наибольшее число волонтеров, это соотношение равно 28 % к 42 % ¹². Именно с этой позиции корреляции данных о волонтерской активности с показателями уровня жизни населения и экономического развития стран в целом – объясняются сравнительно низкие показатели волонтерства в таких странах старой Европы, как Греция и Италия.

В качестве одной причины, объясняющей различия в показателях распространенности волонтерства в Европе, можно рассматривать их сопряженность с индикаторами экономического благополучия отдельных государств, показывающими отличия в реализации национальных стратегий государственной социальной политики в каждой из них. По данным Европейского исследования ценностей 1990, 1999 и 2008 гг., где социологи проанализировали динамику волонтерской активности граждан девяти развитых европейских государств, выявлено, что чем выше ВВП, тем больше рост числа волонтеров. Было установлено, что государственные вливания в сферу здравоохранения уменьшают число волонтеров среди населения.

---

¹¹ Third European Quality of Life Survey Quality of life in Europe : Impacts of the crisis. Cataloguing data can be found at the end of this publication. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2012. P. 89 [Электронный ресурс]. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/publications/recently_published (дата обращения: 07.11.2014).

¹² Third European Quality of Life Survey Quality of life in Europe : Impacts of the crisis. Cataloguing data can be found at the end of this publication. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2012. P. 88 [Электронный ресурс]. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/publications/recently_published (дата обращения: 21.01.2013).

Однако государственные расходы на другие социальные цели, наоборот, способствуют росту показателей волонтерства во всех странах. Д. Лакруз и А. Маркелло делают вывод о том, что повышение ВВП и улучшение индивидуальных условий трудовой занятости стимулируют на личностном уровне волонтерское участие. Экономический рост генерирует улучшение условий жизни населения, что, в свою очередь, влияет на волонтерскую активность¹³.

Другая причина, поддерживающая разделение европейских стран по количественным и качественным показателям развитости и популярности волонтерства среди населения, связана со *второй проблемой исторически обусловленного институционального закрепления традиций и норм волонтерской деятельности в одних государствах, отсутствия таковых в других.*

Примером страны, где укоренена традиция волонтерской деятельности, может выступать Германия. Традиция координации благотворительности является важной частью ее социальной истории. В середине XIX в. здесь была создана уникальная негосударственная благотворительная система индивидуальной добровольной помощи нуждающимся, названная «Эльберфельдская система попечения о бедных». Суть ее заключалась в том, что добровольные попечители из числа горожан опекали по несколько нуждающихся семей, проживающих в одном городском округе с их попечителем¹⁴. Она во многом определила национальную специфику волонтерской деятельности в современной Германии, способствуя формированию и закреплению идеологии волонтерской общности на национальном уровне. Примерно схожая ситуация характерна для Великобритании. Исследования социологов показывают, что «коренные британцы уже родились волонтерами (формальными или неформальными), в отличие от тех, кто живет в Англии, но родился за ее преде-

---

¹³ Gil-Lacruz A., Marcuello C. Voluntary Work in Europe : Comparative Analysis Among Countries and Welfare Systems // Springer Science + Business Media B. V. 2012. Soc Indic Res. 2013. Nr 114. P. 371.

¹⁴ Ларионова Т. П. Модель координации благотворительной деятельности в современной Германии // Учен. зап. Казан. ун-та : гуманитар. науки. 2010. Т. 152, кн. 5. С. 18.

лами»¹⁵. В таких странах, как Франция и Швеция, добровольчество уходит корнями глубоко в Средневековье к функционированию гильдий и других посреднических благотворительных институтов¹⁶.

Из сути второй обозначенной нами социологической проблемы волонтерства вытекает проявляющаяся именно в институциональном измерении третья *проблема сохранения низкого уровня волонтерской активности среди населения европейских стран бывшего социалистического лагеря даже в условиях активного внешнего стимулирования волонтеров на различных уровнях управления.*

Причины невысокой заинтересованности населения в волонтерской работе польские исследователи объясняют отсутствием традиции, наличием отрицательных примеров «общественных работ» коммунистического периода, а также считают следствием недоработки в воспитательном и образовательном процессах в семье и школе, где основной акцент делается на индивидуальный успех ребенка¹⁷. Проблема заключается в том, что даже в таких странах, как Венгрия, где до второй половины XX в. существовали сложившиеся традиции благотворительной и волонтерской деятельности, волонтерство не получает широкого распространения среди населения в современный период. «Коммунистический режим остановил развитие некоммерческого сектора, большинство же общественных объединений были запрещены, а то, что осталось, было национализировано и поставлено под жесткий контроль государства»¹⁸.

В подтверждение сделанных выше обобщений К. Шафранек приводит результаты опроса молодых европейцев в возрасте от 15 до 30 лет, проведенного Евробарометром в 2011 г. Согласно

---

¹⁵ Involving of third country nationals in volunteering : final project report. 2006. P. 22.

¹⁶ Volunteering in EU. Educational, Audiovisual and Culture Executive Agency (EAC-EA) Directorate General Education and Culture (DG EAC). Final Report submitted by GHK. 2010. P. 45.

¹⁷ *Szafranec K.* Youth Poland. 2011. Warsaw, 2011. P. 293.

¹⁸ Volunteering in EU. Educational, Audiovisual & Culture Executive Agency (EAC-EA) Directorate General Education and Culture (DG EAC). Final Report submitted by GHK. 2010. P. 46.

данным этого исследования молодые поляки собирают формальные свидетельства о своей волонтерской деятельности в шесть раз чаще, чем молодые французы, в три раза чаще, чем молодые граждане Бельгии, намного чаще, чем в среднем по странам ЕС. Молодые поляки надеются, что эти формальные документы будут полезны им, они уверены, что благодаря данным дипломам и свидетельствам возможно получить признание в школе или в дальнейшем найти работу. В целом же молодое поколение поляков характеризует низкий уровень социальной чувствительности и социальной вовлеченности в дела тех сообществ, в которые они оказываются включены.

Несмотря на внешние усилия единого правительства ЕС, которые заключаются в разработке рекомендаций по реализации государственной политики относительно волонтерства на национальном уровне отдельных государств-участников ЕС, в выделении средств на реализацию общеевропейских волонтерских программ, в общеевропейском распределении ресурсов на развитие волонтерства, стимулирующие в целом рост числа членов европейской общности волонтеров, отличия между этими двумя группами стран сохраняются на протяжении более десяти лет.

В качестве четвертой проблемы европейского волонтерства как социального института отметим *противоречивость нормативно-правового регулирования волонтерства на общеевропейском и национальном уровнях государственного управления*. В тех странах Западной Европы, где волонтерство является устоявшейся исторически-значимой традицией, отработано и законодательное регулирование. Например, в Германии основные положения, касающиеся волонтерской службы, отражены в Гражданском кодексе, а также прописаны в региональных законах. В странах Центральной, Восточной и Южной Европы в последние 15 лет было создано особое правовое поле, способствующее развитию волонтерства. Началом этого послужили инициативы ООН и Совета Европы 1980–1990 гг. Правительствам европейских государств было рекомендовано включать волонтерство в национальные стратегии социально-экономического развития. Эксперты ООН отмечали, что законодательство о волонтерах в отдельных странах должно облегчать волонтерскую

деятельность, а не регламентировать ее; не осуществлять слишком жесткое регулирование, так как это может подавлять спонтанные инициативы и угнетать дух волонтерства; регулировать одни виды волонтерства таким образом, чтобы не исключать существование других, например, неформальных волонтерских инициатив и т. д.¹⁹

Д. Милославская отмечает, что разные страны Европейского союза, принимая свои законы, преследовали неодинаковые цели. Законы, принятые в государствах ЕС, сильно различаются по своим задачам, типам регулируемой ими волонтерской деятельности, имеют отличия в степени регулирования отношений между волонтером и его организацией²⁰. В бывших странах социалистического лагеря такие законы носят либо рамочный характер, либо жестко регламентируют деятельность волонтеров, открывая возможности для их контроля со стороны государства, через механизмы регистрации и управления третьим сектором.

Пятая проблема, выделенная благодаря институциональному подходу, связана с тем, что на уровне общеевропейского управления волонтерство «эксплуатируется» институтами власти *как механизм или технология решения внутренних социально-экономических проблем европейцев (безработицы, нехватки квалифицированных кадров и т. д.)*. Эта проблема связана с противоречием между объективными потребностями государственной политики, государства как института и субъективными желаниями людей и их возможностями. В таких условиях волонтерство превращается для самих волонтеров в средство решения других, более насущных для них вопросов.

Суть проблемы заключается в том, что социальные тенденции, характерные для европейского общества, в частности, старение населения, возрастающее число работающих женщин, увеличение

---

¹⁹ Меснянко А. Волонтер на перепутье // Православный портал о благотворительности и социальной деятельности. М., 2013 [Электронный ресурс] URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/volonter-na-perepute>. (дата обращения: 15.03.2014).

²⁰ Милославская Д. Законодательство о волонтерской деятельности на примере стран Европы // Портал о российском некоммерческом законодательстве. М., 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law-ngo.ru/library/detail/372/> (дата обращения: 24.02.2013).

числа мигрантов, оказывают существенное влияние на разработку программ, направленных на развитие волонтерства в отдельных социальных группах посредством активизации организаций третьего сектора, специализирующихся на определенных направлениях социальной работы. В итоге волонтерские социальные программы ориентированы не на интересы европейских волонтеров, их желания и потребности, а на проблемы социально-экономической повестки дня ЕС в целом и втягивают европейцев в решение этих проблем за счет волонтерского труда.

Сложившаяся ситуация существенно меняет поведение волонтеров, характер их мотивации. Таким образом, волонтерство оказывается связанным не с самостоятельным осознанным выбором волонтерской деятельности европейцами или присоединением к волонтерским проектам, благодаря их включенности в определенные «социальные сети» (общности по интересам, трудовые коллективы, клубы, различные ассоциации и т. д.), а с государственной политикой, создающей условия для «выживания» своих граждан. Изучение социологами опыта развития волонтерства в отдельных европейских странах показывает во многом логику реализации общеевропейской политики в отношении волонтерства.

Эмпирические исследования продемонстрировали, что различные коллективные практики одновременно порождают и волонтерскую активность. Наибольшие показатели участия населения в деятельности клубов, различных социальных объединений и ассоциаций (70–71 %) выявлены в Швеции, Дании, Голландии, наименьшие (от 20 до 14 %) в Болгарии, Румынии и Латвии²¹. Когда люди включены в различные социальные объединения различных типов, они более социальны и более расположены к волонтерской деятельности как к коллективному труду.

Подобного рода общеевропейская политика обусловила появление ряда проблем, связанных с функционированием волонтерской общности Европейского союза, с нивелированием принципа

---

²¹ Third European Quality of Life Survey Quality of life in Europe : Impacts of the crisis. Cataloguing data can be found at the end of this publication. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2012. С. 87.

добровольности волонтерского труда среди членов различных социальных групп, таких как безработные, мигранты, инвалиды и т. д.

Во-первых, в отдельных странах ЕС она приводила к разным результатам, которые стали очевидны в кризисной ситуации. В этот период единый вектор социальной политики в отношении стимулирования населения разных стран ЕС в равной мере не оправдал политические ожидания от эффективности многих волонтерских программ во всех государствах – участниках ЕС. Существенные отличия опять же проявились между странами, где волонтерство является многовековой традицией и социальной нормой, и европейскими странами бывшего социалистического лагеря. «В посткризисный период 2009 г. в таких странах, как Ирландия и Нидерланды, добровольческие центры отмечали резкий наплыв волонтеров, увеличение их числа на 80 % по сравнению с 2008 г. В таких же странах, как Эстония, Латвия, Литва и Польша, некоммерческий сектор зафиксировал резкое падение числа добровольцев среди населения»²². Если в первом случае среди волонтеров доминирует внутренняя мотивация к волонтерской деятельности, то в отношении населения стран Центральной и Восточной Европы в определенные периоды работает (или не работает) внешнее стимулирование.

Во-вторых, несмотря на особое внимание (информационную и ресурсную поддержку) европейского правительства к молодежному волонтерству, в конце XX – начале XXI в. начали проявляться проблемы, затрагивающие молодых волонтеров и отличные от проблем волонтеров других возрастных групп.

По нашему мнению, описанные выше проблемы европейского волонтерства как социального института напрямую связаны с особенностями и спецификой развития общности европейских волонтеров. В этом плане общностный подход позволяет выделить в нашем исследовании целый ряд сложных проблем, напрямую сопряженных как с историей отдельных стран ЕС, так и с развитием общеевропейских отношений.

---

²² Volunteering in EU. Educational, Audiovisual and Culture Executive Agency (EAC-EA) Directorate General Education and Culture (DG EAC) : Final Report submitted by GHK. 2010. P. 68.

В качестве шестой проблемы обозначим проблему *социальной обусловленности состава, численности волонтерской общности в Европе*. Социально-демографические отличия населения разных стран отражаются в отличиях волонтерских общностей разных государств ЕС. Например, в тех европейских странах, где проживает больше молодых людей (Ирландия, Кипр, Болгария, Чешская Республика, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Польша), доминируют молодые волонтеры. В Словакии 70 % всех добровольцев – в возрасте до 30 лет. В странах Западной Европы волонтеров во всех возрастных группах примерно пропорциональное число²³.

Следует отметить, что данные исследований фиксируют сокращение числа волонтеров среди молодежи даже в тех странах, где волонтерство укоренено исторически и является национальной традицией. Во многом рассматриваемая проблема сопряжена с экономическими, демографическими и социокультурными трансформациями, происходящими в Европе. В последние десятилетия в целом отмечаются существенные изменения в структуре европейского населения за счет активизации демографических процессов среди мигрантов. В условиях экономической нестабильности, связанной с негативными изменениями в структуре доходов и занятости, в наиболее уязвимом положении оказывается опять же молодое поколение, сталкивающееся с проблемами безработицы. Официальная статистика фиксирует рост случайной занятости и невостребованность на рынке труда квалифицированных выпускников учебных заведений.

По результатам широкомасштабного лонгитюдного исследования А. Маккулах среди родившихся с 1935 по 1975 г. жителей Великобритании установил, что число волонтеров в разных поколениях британцев отличается. Среди молодежи значительно меньше тех, кто занимается волонтерской деятельностью. Наряду с экономическими причинами сложившейся ситуации он выделяет ряд социокультурных причин. В качестве одной из них в его работе рассматривается снижение уровня участия современной молодежи

---

²³ Официальный вебсайт ЕС. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/youth/lu/article/volunteering-europe_en (дата обращения: 20.11.2014).

жи в профсоюзных движениях и профессиональных союзах²⁴. Другую причину он связывает с рыночными условиями и высоким уровнем конкуренции на рынке труда, которые подорвали привычки и традиционные характеристики личности, такие как социальность и обязательность, столь необходимые для волонтерства.

В целом можно говорить не только о динамике численности волонтерской общности в Европе, но и об изменениях в структуре мотивации *европейских добровольцев различных социальных групп* как следующей, седьмой проблеме европейского волонтерства.

Альтруистические мотивы волонтерской деятельности в условиях внешнего системного стимулирования на общеевропейском и национальном уровнях начинают уступать приоритетное место прагматически ориентированному поведению населения, включающемуся в волонтерскую деятельность. Мы уже отмечали выше, что общеевропейская государственная политика ставит население в такие условия, когда граждане вынуждены оказываться в социальной роли волонтеров. Эта тенденция характерна практически для всех стран ЕС, включая те государства, где волонтерство имеет давние традиции.

Британские социологи отмечают, что мотивация волонтеров, которые проходят собеседование и обучение для волонтерской работы с людьми, имеющими проблемы со здоровьем, психические отклонения, инвалидность, на рубеже веков начинает существенно изменяться. «Превалирует не альтруизм, а возможность выхода на рынок труда в дальнейшем. Волонтерство начинает в обществе рассматриваться как способ получения оплачиваемой работы»²⁵.

В этом же контексте происходит переоценка мотивации европейских волонтеров старших возрастных групп. «Ключевыми мотивами пожилых европейцев являются желание избежать тяжелых психических заболеваний, связанных с утратой близких людей, и поиск новой компании для общения, а не альтруизм»²⁶. Более того,

---

²⁴ McCulloch A. Cohort Variations in the Membership of Voluntary associations in Great Britain 1991–2007 // *Sociology*. Sage. 2014. Vol. 48(1). P. 167–185.

²⁵ Wardel F., Lishman J., Whalley L. J. Who volunteers? // *British J. of social work*. 2000. Nr 30. P. 230.

²⁶ Там же. P. 245.

официальная статистика показывает, что в промышленно развитых странах стремительно увеличивается число квалифицированных пенсионеров, которые готовы к самореализации в волонтерстве, так как они удовлетворены условиями своей жизни и материально обеспечены государством²⁷.

Восьмая проблема социологического исследования европейских волонтеров как общности – это *стимулирование на общеевропейском уровне включения депривированных социальных групп в волонтерскую деятельность*. Активность общеевропейского правительства в этом направлении связана со стремлением искоренить в объединенной Европе различные проявления социальной изоляции отдельных социальных групп и общностей. Волонтерство как деятельность в этом плане используется для преодоления социальной и культурной разобщенности европейцев.

Однако включение волонтерства как институционального механизма, позволяющего детерминировать процессы культурной и социальной евроинтеграции, по сути своей не решает проблемы социальной разобщенности, социального неравенства и социальной исключенности (эксклюзии) отдельных социальных групп, таких как мигранты, безработные, инвалиды и т. д.

Рассмотрим опыт применения волонтерских проектов с целью интеграции мигрантов в европейское общество. Далеко не секрет, что этническая миграция является серьезнейшей проблемой для многих развитых стран ЕС. В 2002–2006 гг. при поддержке Европейской комиссии по занятости и социальным вопросам была запущена транснациональная программа, направленная на борьбу с социальной изоляцией. Она охватила изучение волонтерской активности в среде мигрантов, проживающих в таких социально благополучных странах, как Австрия, Дания, Франция, Германия, Голландия, Англия. Были изучены и систематизированы различные проекты, инициированные в данных странах как национальными правительствами с целью решения каких-либо социально значимых

---

²⁷ Active ageing and solidarity between generations // A statistical portrait of the European Union 2012. Eurostat. 2011. P. 128.

вопросов, так и самими этническими общностями и некоммерческими организациями, представляющими интересы национальных общностей мигрантов в этих странах.

Европейский консультативный комитет на основе систематизации опыта отдельных государств представил общие рекомендации национальным правительствам стран Европейского союза по разработке и реализации нормативно-правового регулирования волонтерства среди общностей мигрантов, проживающих в этих странах, тем самым задав единое направление в управлении волонтерством среди мигрантов, проживающих на территории ЕС²⁸.

В официальных документах Европейской комиссии декларируется, что волонтерство способствует ресоциализации мигрантов (приобретению базовых знаний о принимающей стране); повышает возможности мигрантов «вписаться» в рынок труда, содействует расширению их прав и активизирует их способность к самопомощи; оказывает влияние на коренных граждан стран ЕС, влияя на практики их коммуникации (бытовой, профессиональной, культурной и т. д.) с представителями различных этнических общностей мигрантов²⁹. По нашему глубокому убеждению, несмотря на заявленные общеевропейские цели, реальная активность волонтеров среди этнических мигрантов оказывается локализованной в определенной социокультурной среде этнических общностей и не решает проблему их «социального исключения» и обособления.

Примерно схожая ситуация складывается и в развитии волонтерства среди других общностей, подвергающихся социальной изоляции. Государственная политика Европейского союза в этом отношении связана с убеждением в том, что единый вектор организации инклюзивных практик в области социальной работы может решить проблемы людей на уровне целых групп, например, инвалидов или безработных. Однако организация волонтерства среди таких групп не решает проблему их исключения из жизни

---

²⁸ MEM-VOL. Migrant and Ethnic Minority Volunteering. European Synthesis Report. 2003. August. P. 77 [Электронный ресурс]. URL: www.mem-volunteering.net. (дата обращения: 21.11.2013).

²⁹ Involving of third country nationals in volunteering : final project report. 2006. P. 97.

европейского общества. Инвалиды, как правило, работают в организациях, деятельность которых связана с решением проблем инвалидов, безработные задействованы там, где происходит сосредоточение таких же европейцев, как они³⁰. Национальных отличий между всеми странами – участниками ЕС в этих процессах не наблюдается.

По нашему мнению, подобная общеевропейская политика проблемна по своей сути. Р. Левитас, специалист по проблемам социальной эксклюзии, в своем теоретическом исследовании доказывает, что в современном дискурсе европейских стран само понятие «эксклюзии» противопоставляется сегодня понятию «интеграция», как правило, в контексте интеграции на рынке труда. Она утверждает, что «социальное исключение приводит к обесцениванию значимости неоплачиваемой работы»³¹. Таким образом, сама трактовка решения проблем эксклюзии выводит на приоритет трудовой занятости для социального статуса личности европейца, на место оплачиваемой работы в разобщенности общества, где роль и значимость волонтерства обесцениваются.

Изучение исследуемого феномена сквозь призму деятельностного подхода выводит на социологическое рассмотрение следующих, описанных нами ниже четырех (с девятой по двенадцатую) проблем волонтерства в ЕС.

В качестве девятой обозначим *проблему изменения восприятия волонтера и его труда, связанную с возникновением в сознании европейцев образа волонтерской деятельности как малопrestижной профессии или труда, не требующего профессиональной квалификации*. Ухудшение имиджа волонтерства в Европе опять же сопряжено с реализацией целенаправленной общеевропейской государственной политики в отношении острых социальных проблем за счет труда добровольцев.

---

³⁰ Volunteering for All? Exploring the link between volunteering and social exclusion. Centre for Voluntary Action Studies. University of Ulster. P. 66 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iriv-vaeb.net/fichiers/Ressources%20Europe/Volunteering%20and%20social%20exclusion-%20UK%202005.pdf> (дата обращения: 11.11.2012).

³¹ Levitas R. The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony // Critical Social Policy. 1996. Nr 16 (46). P. 5–20.

Например, большое число государственных программ в конце 1970-х – начале 1980-х гг. было направлено на привлечение к общественнополезным работам людей, бывших безработными, с целью их интеграции в рынок труда. По этому поводу К. Бидерман пишет: «Волонтерский центр Великобритании и Национальный совет волонтерских организаций подвергли критике эту политику: “...добровольческий сектор используется как свалка для одной из серьезнейших проблем на рынке труда”»³². Такая массированная государственная политика привела к тому, что волонтеров в обществе стали воспринимать как представителей тех социальных групп, которые находятся в статусе социального исключения. Представим в качестве подтверждения цитату – высказывание одного респондента из исследования Д. Смита: «Давайте смотреть правде в глаза, мы живем в обществе, где ценность людей состоит в том, сколько они зарабатывают, и как они получают свои деньги через то, что они это делают. Если кто-то спросит вас: что вы делаете? и вы говорите: работаю добровольцем, – они смотрят на вас либо как на некомпетентного человека, либо как на безработного неудачника или, может быть, инвалида»³³.

Другой аспект этой проблемы связан со стереотипизацией в средствах массовой информации ЕС образа волонтера. В отчете исследовательского коллектива британских ученых отмечается: «В Великобритании закрепился давний стереотип волонтера как человека среднего возраста, который работает в формальной организации, является белым и относится к представителям среднего класса»³⁴. Соответственно многие люди, которые не попадают под такое описание, полагают, что волонтерство – это не та деятельность, которой они могут заниматься и с которой они могут себя идентифицировать.

Таким образом, следует подчеркнуть, что наряду с изменением личности европейского волонтера, трансформацией отношения

---

³² Бидерман К. Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании. С. 13.

³³ Volunteering for All? Exploring the link between volunteering and social exclusion. P. 15.

³⁴ Ibid. P. 13.

населения к данному феномену изменяется и характер самой волонтерской деятельности. Поэтому выделим десятую проблему европейского волонтерства – *изменение характера волонтерского труда, его условий и ключевых характеристик*.

Предложенная нами периодизация европейского волонтерства демонстрирует, как в начале XX в. развивалась волонтерская деятельность в русле коллективных практик социальной работы и взаимопомощи, преимущественно религиозных. В середине этого столетия коллективная деятельность европейских волонтеров становилась разнопрофильной, развивались различные ее направления в разных секторах экономики, усложняя структуру волонтерской общности, предлагая волонтерам значительно больше возможностей для своей самореализации. В конце XX – начале XXI в. она становится не массовой деятельностью, а «“новые волонтеры” менее заинтересованы в выполнении своей работы на регулярной основе, предпочитают более специфические цели и больше свободы в своих действиях»³⁵. Итак, европейские исследователи после многолетнего изучения феномена добровольчества приходят к выводу, что на современном этапе волонтерская деятельность есть «высоко индивидуализированная активность»³⁶.

В институциональном плане общеевропейская государственная политика в странах ЕС направлена на все большую дифференциацию форм и видов государственной поддержки третьего сектора, которая приводит к специализации НКО. В целом по Европейскому союзу общее число НКО увеличивается. Но, например, ситуация в Великобритании свидетельствует о том, что вновь появляющиеся организации являются менее заинтересованными в массовой мобилизации граждан как волонтеров. По мнению А. Маккулаха, они ориентированы на целевое управление гражданскими объединениями³⁷. С другой стороны, изменяются ориентации самих волонтеров.

---

³⁵ Dekker P., Halman L. The Values of Volunteering : Cross-Cultural Perspectives. P. 8.

³⁶ Wardel F., Lishman J., Whalley L. J. Who volunteers? P. 247.

³⁷ McCulloch A. Cohort Variations in the Membership of Voluntary associations in Great Britain, 1991–2007 // Sociology. Sage. 2014. Vol. 48(1). P. 167–185.

Наиболее вероятным видится их участие в деятельности НКО не на регулярной основе на протяжении длительного периода времени, а в рамках проектной работы, когда реализуются короткие программы. Эксперты – сотрудники организаций третьего сектора в Голландии – отметили, что акцент в активности волонтеров смещается больше к краткосрочным проектам с четко определенными задачами и целями³⁸.

Практика такого вида социального взаимодействия профессионалов и волонтеров во многом помогает естественным образом поддерживать четкое разграничение между оплачиваемым профессиональным трудом и деятельностью волонтеров как в функциональном значении, так и в этическом плане.

Обозначим еще одну проблему волонтерской деятельности, имеющую длительную историю своего проявления в европейском обществе, одиннадцатую по счету – *соблюдение на институциональном уровне границ между деятельностью профессионалов и волонтеров в системе социального обеспечения, в сфере социальной работы*.

По данному поводу К. Бидерман отмечает, что, исходя из экономических изменений, которые влекут за собой передачу государством заказов общественным организациям, например, на общественнополезные работы по месту жительства, есть опасность, что на волонтеров может быть возложено слишком много задач, а их труду грозит потеря характера добровольности. По ее мнению, в Великобритании, благодаря этой проблеме «баланса прав всех участников взаимодействия», получила развитие хорошая инфраструктура, обеспечивающая волонтерство в стране.

Функции контроля за соблюдением прав всех участников данного взаимодействия взяли на себя так называемые посреднические организации: Национальный центр волонтерской работы (NCV), Национальный совет волонтерских организаций (NCVO) и сеть волонтерских агентств (Volunteer Bureaux), которые объединены

---

³⁸ Van Hal T., Meijs L., Steenbergen M. Volunteering and participation on the agenda : Survey in volunteering policies and partnerships in the EU. Utrecht : CIVIQ, 2004.

в головной организации Национальной ассоциации волонтерских агентств (NNVAB)³⁹. Интересно отметить, что данные управленческие структуры имеют сетевую природу, основаны и финансируются из государственного бюджета, при том что защищают, в первую очередь, права волонтерских организаций и самих волонтеров. Кроме того, данная управленческая структура сдерживает интересы государства в направлении сокращения расходов на социальные службы за счет труда добровольных помощников, вовлекает в процессы волонтерской деятельности бизнес-структуры, тем самым способствуя сохранению статуса добровольности деятельности волонтеров в Великобритании.

На уровне отдельных организаций эта проблема проявляется в пересечении социальных ролей, создающем напряжение в отношениях между профессиональными социальными работниками и волонтерами, которое связано с борьбой за сферы влияния и ответственности на микроуровне взаимодействия, за долю на рынке труда — на макроуровне. Решение проблемы (поддержание статус-кво) зависит от волонтерского менеджмента на всех уровнях управления.

В современный период обозначенная исследовательницей 15 лет назад проблема все еще остается актуальной для Великобритании. Реформирование сектора здравоохранения и социальной помощи не дает четкого представления о развитии социальной работы в будущем. «Демографические, социальные и экономические проблемы, вероятно, будут иметь важные последствия для трудовых ресурсов этих сфер. Роль волонтерства и его соотношение с профессионалами или наемными работниками сегодня также остаются неопределенными»⁴⁰.

Двенадцатая проблема сопряжена с недооценкой в общественном дискурсе ЕС неформальных видов волонтерской деятельности.

---

³⁹ Бидерман К. Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании. С. 6.

⁴⁰ Galea A., Naylor C., Buck D., Weeks L. Volunteering in acute trusts in England Understanding the scale and impact // Сайт The British associations of social workers. England : The Kings Fund, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.basw.co.uk/resource/?id=2692> (дата обращения: 02.10.2014).

Официальное признание в статусе волонтера только тех, кто работает в организациях третьего сектора, приводит к исключению целого ряда волонтеров из поля исследований европейского волонтерства. Данная проблема обуславливает отсутствие в обществе идентификации, узнаваемости целого ряда волонтерских практик. «Люди, вовлеченные в волонтерство, не всегда могут описать то, что они делают, как “волонтерство”. Люди просто делают то, что приходит естественно»⁴¹.

Повышенное внимание со стороны институтов власти к организованному волонтерству и недооценка неформальных видов волонтерской деятельности характерны для Европейского союза наряду с проявлениями существенных отличий между волонтерами, которые работают в организациях на формальной основе, и теми, кто занимается неформальными волонтерскими практиками. Д. Дин подчеркивает исключительную важность неформального волонтерства как «природного, биологического феномена», доказывает, что подобная волонтерская активность имеет большее значение для рабочего класса. По его мнению, неформальные социальные связи обеспечивают больше поддержки со стороны рабочих друг другу, нежели для среднего класса «идеалы приращения социального капитала»⁴². Становится очевидной необходимость в учете различий между волонтерами внутри всей общности при планировании и организации их деятельности.

Тенденции, связанные с развитием волонтерства как социальной общности и деятельности, демонстрируют тот факт, что практически во всех странах ЕС проблемы в его развитии становятся идентичными, даже несмотря на национальную специфику отдельных государств и отличия волонтерства как социального института. Таким образом, достижения, опыт и проблемы, выявленные в иссле-

---

⁴¹ Volunteering for All? Exploring the link between volunteering and social exclusion. P. 13.

⁴² Dean J. Challenging narratives : the importance of informal volunteering // Research archive SHU. NCVO/VSSN Researching the Voluntary Sector Conference 2011. NCVO. London, 7–8 September 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://shura.shu.ac.uk/6455> (дата обращения: 15.05.2014).

довании европейского волонтерства с использованием институционального, деятельностного и общностного подходов, демонстрируют противоречивость самого феномена, позволяют выделить не только его особенные черты, но и общие тренды, характерные для разных социокультурных пространств и исторических периодов.

2.2. Развитие волонтерства в США

В данном подразделе мы реализуем социологический подход в изучении американского волонтерства, исследуем его институциональное становление в русле истории США как отдельного государства, рассмотрим данный феномен как социально-значимую деятельность, ее популяризацию среди членов отдельной социальной общности граждан США, ограниченной территориально и имеющей свои специфические отличия.

Методология нашего исследования позволяет осуществить социологический анализ в рамках институционального, деятельностного и общностного подходов, обозначенных в первой главе. Таким образом, открываются возможности для выявления целого ряда сквозных проблем волонтерства как социального феномена, которые вытекают в результате применения вышеуказанных общеметодологических подходов. Рассмотрение данных проблем требует обращения также и к историческому подходу, позволяющему раскрыть логику развития волонтерства по определенным этапам.

Проанализируем историю развития волонтерства в США от этапа к этапу, обозначим временные, пространственные и содержательные критерии для построения периодизации. В соответствии с временными критериями обозначим исторические этапы зарождения, закрепления и развития волонтерства с XVIII в. до наших дней. С помощью пространственных критериев выделим географический ареал распространения идеологии и практик «добровольного служения» американцев в разные исторические периоды. Обращение к содержательным критериям позволит дать оценку

отдельным направлениям волонтерства, его организационным формам, типам и видам деятельности волонтеров, характерным именно для США.

Рассмотрим более подробно три основных этапа в развитии американского волонтерства. Первый из них длился с XVIII в. до начала XX в., второй охватывал первую половину XX столетия, третий период берет начало в 1960-е гг. и продолжается по настоящее время.

Первый этап можно охарактеризовать как период стихийного зарождения волонтерства и самоорганизации американских граждан. Исторически практики добровольной взаимопомощи тесно связаны с эпохой, когда американцы начали заселяться на новые земли. Именно тогда от общинного образа жизни и соседской взаимопомощи во многом зависела жизнь каждого члена общности. В этот период американские граждане начинают активно объединяться в рамках религиозных и светских благотворительных организаций для того, чтобы оказывать помощь нуждающимся людям.

Второй этап (первая половина XX в.) условно можно обозначить как этап национального становления американского волонтерства. Если начальный период преимущественно связан с процессами стихийной самоорганизации людей для добровольной помощи друг другу, характеризуется созданием первых форм гражданского общества, то второй во многом определяется включением волонтерства в контекст государственной внутренней политики США.

Третий этап представленной периодизации – период активного развития американского волонтерства. XX в. демонстрирует целый ряд примеров успешного применения волонтерских практик в социальной сфере. Он характеризуется развитием национальной нормативно-правовой базы, регулирующей волонтерство в стране; совершенствованием механизмов централизованного управления волонтерством в рамках реализации внутренней и внешней государственной политики США на национальном и международном уровнях; развитием различных типов и видов волонтерства; его практическим внедрением в процессы интеграции социальной и экономической сфер общества. В ходе третьего этапа видно, как

в неблагоприятных социальных, экономических и политических условиях американское правительство использует потенциал волонтерства для решения внутренних проблем своей страны, а в периоды благополучия и стабильности эффективно включает его в контекст международных политических отношений.

В рамках институционального подхода первой и наиболее важной, на наш взгляд, является *проблема формирования традиций американского волонтерства*. Почти весь период становления США как государства – три столетия американской истории тесно сопряжены с развитием волонтерства как национальной традиции. По глубокому убеждению С. Эллис и К. Кэмпбелл, написавших «Историю американцев как волонтеров»⁴³, добровольный принцип объединения соседствующих друг с другом фермеров сыграл очень важную роль в истории страны. Он проявлялся в объединении усилий американцев не только для уборки урожая, но и для строительства церквей, обустройства общинных приходов. По мнению данных авторов, благодаря добровольным действиям граждан развивались малые города. Первые признаки волонтерства можно увидеть в организации «воскресных школ» для детей из бедных семей, в добровольных гражданских действиях жителей отдельных общин, например, в организации уличного освещения в их поселениях и общей ответственности всех домовладельцев за эту деятельность.

Общинный образ жизни и стремление к созданию условий для сохранения коллективной безопасности привели к тому, что еще в начале XVIII в. американцы начинают формировать гражданские неформальные объединения по борьбе с пожарами в таких городах, как Бостон, Филадельфия и Нью-Амстердам (Нью-Йорк). Концепция организации борьбы с пожарами быстро распространилась по всей колонии. В современный период более 70 % пожарных в США являются волонтерами⁴⁴.

---

⁴³ Ellis S. J., Campbell K. H. By the people : A history of Americans as volunteers, new century edition. Washington : Energize Inc, 2005. P. 386.

⁴⁴ Ellis S. J., Campbell K. H. Volunteering : an american tradition // The Spirit of Volunteerism. Washington, 2012. P. 8.

Другая точка зрения на истоки зарождения и превращение волонтерства в американскую традицию связывает его популярность с религиозными убеждениями американцев. В начале XIX в. Америка переживала «религиозное возрождение», что стало одной из причин активизации социального движения против рабства. Именно в этот период в рамках христианской ассоциации молодых людей (YMCA), которая начала свою деятельность в одном из колледжей Мичигана, молодежь особенно активно включалась в различные акции помощи нуждающимся людям. Местные церкви в этот период активизировали все виды социальной поддержки своим прихожанам, массово были запущены программы для бездомных, жертв непредвиденных обстоятельств и т. д.⁴⁵ Во время гражданской войны американские женщины при церковных приходах добровольно шили форму солдатам. К. Бартон в 1881 г. основала «Американский красный крест» в Вашингтоне, который сегодня считается отделением самой большой в мире волонтерской организации, имеющей свои представительства в 187 странах⁴⁶. В 1887 г. в Денвере была учреждена первая благотворительная организация United Way of America, которая координировала оказание услуг нуждающимся американцам и сбор средств, необходимых для благотворительной деятельности в общинах⁴⁷. В докладе 1993 г. «От веры к приверженности», официально опубликованном НКО «Независимый сектор», доказываются, что религиозные организации повсеместно были основными поставщиками различных услуг для местного населения⁴⁸.

---

⁴⁵ *Warta T.* History of Volunteerism in America. 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://charity.lovetoknow.com/History_of_Volunteerism_in_America (дата обращения: 06.09.2014).

⁴⁶ Американский красный крест [Электронный ресурс]. URL: <http://www.redcross.org/about-us/history> (дата обращения: 20.02.2014).

⁴⁷ United Way of America [Электронный ресурс]. URL: <http://www.united-way.org/pages/history/> (дата обращения: 23.04.2013).

⁴⁸ *Hodgkinson V. A., Murray S. W.* From Belief to Commitment : The Community Service Activities and Finances of Religious Congregations in the United States. Washington, D. C.: Independent Sector, 1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.resourcingchristianity.org/grant-product/from-belief-to-commitment-the-community-service-activities-and-finances-of-religious-congregations-in-the-united-states> (дата обращения: 25.10.2014).

Социологический подход к анализу традиций позволяет рассматривать американское волонтерство в рамках двух тенденций. Во-первых, как своего рода «социокультурный ген»⁴⁹, который однозначно детерминирует характер американского общества, исходя из истории его развития как общества свободных трудолюбивых граждан. Во-вторых, – как «процесс и результат производства, изобретения и последующего воспроизведения... в качестве воспринятой из социокультурного наследия...»⁵⁰ социальной нормы, конструируемой американским правительством более 100 лет.

В этой связи последние два исторических периода нашей периодизации отражают суть второй важной с позиции институционального анализа *проблемы включенности волонтерства во внешнюю и внутреннюю политику США*. В первой трети XX в. сложилась практика государственной поддержки и организации «американского служения», которая в дальнейшем на протяжении всей истории своего развития органично вписывается в государственную политику США. В этот исторический отрезок времени ключевой исторической вехой в развитии американского волонтерства считается период Великой депрессии, когда число безработных в стране достигло угрожающих размеров. Д. Рейвик подсчитал, что в 1932 г. каждый четвертый молодой человек в возрасте от пятнадцати до двадцати четырех лет не имел работы, еще 29 % из данной возрастной группы граждан работали неполный рабочий день⁵¹. Кроме того, в стране резко увеличилось число граждан, которые оставляли свои дома и вели кочевой образ жизни в поисках средств к существованию. В 1933 г. президент Ф. Рузвельт создал «Гражданский корпус сохранения» (Civilian Conservation Corps) для удовлетворения общественных потребностей. Сегодня он рассматривается как первая невоенная национальная программа служения (волонтерства)

---

⁴⁹ Термин введен А.Б. Гофманом.

⁵⁰ Гофман А. Б. Социология традиций и современная Россия // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М. : Ин-т социологии РАН, 2008. С. 340.

⁵¹ Salmond J. A. The Civilian Conservation Corps, 1933–1942 : A New Deal Case Study. Durham, North Carolina : Duke University Press, 1967. P. 5.

в США. Отвечая на проблемы, вызванные высоким уровнем безработицы, особенно среди молодежи и городского населения, в период с 1933 по 1942 г. программа набрала около 3 млн участников.

Если политика Ф. Рузвельта в отношении волонтерства была направлена на решение проблем внутри США, то с начала 1960-х гг. президент Дж. Кеннеди продемонстрировал возможности развития и использования волонтерства преимущественно в реализации внешней политики страны. Он создал «Корпус мира» (Peace Corps), который являлся программой правительства США по оказанию добровольной помощи людям за пределами Америки. По мнению Дж. Кеннеди, экономическая помощь США и работа американских волонтеров должны быть направлены на борьбу с негативными образами «злых американцев» и «империализма янки», а отправка идеалистически настроенных американцев на работу в страны третьего мира поможет остановить в них рост коммунизма⁵². Сегодня по этой программе более чем 210 тыс. разного возраста и профессии работают в 139 странах по всему миру в качестве волонтеров, годовой бюджет корпорации в 2012 г. составил 375 млн долл., на 2013 г. запланирован в объеме 377 295 млн долл.⁵³

Следующий президент США Л. Джонсон в рамках борьбы с бедностью применил идею национального служения не только в реализации внешней, но и внутренней политики. В 1965 г. он создал программу «Волонтеры на службе Америке» (VISTA). Добровольцы служили в общинах всех штатов, реализуя образовательные программы и программы профессиональной подготовки неимущих сограждан. К концу 1960-х гг. по всей стране были запущены сотни программ-проектов VISTA, ориентированные на разные социальные группы – от студентов до пенсионеров⁵⁴. В 1993 г. VISTA была включена в деятельность «Корпуса мира». Сегодня данная програм-

---

⁵² Teaching with documents : founding documents of the Peace Corps // National archives and records administration [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archives.gov/education/lessons/peace-corps/> (дата обращения: 29.03.2014).

⁵³ Peace corps [Электронный ресурс]. URL: <http://www.peacecorps.gov/about/history/> (дата обращения: 07.10.2014).

⁵⁴ VISTA... In Service to America // Corporation for National and Community Service. USA, 2006. P. 3 (дата обращения: 29.03.2014).

ма предлагает 1200 различных проектов, где могут работать волонтеры⁵⁵. Бюджет программы в 2011 г. составлял 37425 млн долл.⁵⁶ В 1990 г. Дж. Буш создал «Комиссию национального общественного служения» (The Commission on national and Community Service). В 1993 г. Б. Клинтон учредил «Корпорацию национального и общественного служения» (CNCS) – независимое федеральное агентство, которое объединило весь комплекс национальных программ служения под эгидой одной централизованной организации, и создал новую национальную программу «Корпус Америки» (AmeriCorps). CNCS поддерживает и развивает НКО, предоставляя гранты, техническую помощь, а также реализует программы обучения для сотрудников НКО. В 2002 г. президент Дж. Буш создал «Корпус свободы США» (USA Freedom Corps) для координации национальных усилий добровольцев в ответ на теракты 11 сентября 2001 г. «Корпус свободы США» стимулировал создание нескольких новых волонтерских программ, направленных на защиту и охрану граждан, которые активно включились в волонтерскую деятельность в связи с последствиями чрезвычайных ситуаций в стране. В 2009 г. Б. Обама ввел в действие «Закон о служении Америке», подтверждающий и расширяющий национальные волонтерские программы, проводимые CNCS. Конгресс доверил штатам важную роль в управлении национальными волонтерскими ресурсами путем создания назначаемых губернаторами «Государственных комиссий служения» (State Service Commissions) практически в каждом штате и в большинстве территорий. Каждый год губернаторы и комиссии распределяют более чем 250 млн долл. из средств федерального национального фонда служения на реализацию волонтерских проектов.

Благодаря анализу истории американского служения можно обозначить третью социологическую проблему – *системного развития волонтерства как определенной структуры гражданского*

---

⁵⁵ Corporation for national and community service [Электронный ресурс]. URL: http://www.americorps.gov/about/programs/vista_legacy.asp (дата обращения: 22.03.2014).

⁵⁶ Peace corps [Электронный ресурс]. URL: <http://www.peacecorps.gov> (дата обращения: 07.10.2014).

общества. Суть ее заключается в том, что волонтерство является результатом активности граждан, которая находит поддержку со стороны государственной власти, способствующей процессам становления и развития практик «американского служения». На первом этапе нашей периодизации гражданские общественные организации начинают стихийно формироваться, на втором и третьем этапах они активно развиваются, получая государственную поддержку.

На рубеже XVIII–XIX вв. волонтерская деятельность развивалась благодаря активности церковных приходов в общинах, в первые десятилетия XX в. в Америке по инициативе ее граждан начинает создаваться целый ряд традиционных гражданских волонтерских организаций, таких как Rotary Club, The Lions Club, Kiwanis и др. Сегодня в США функционирует сложная система неправительственных учреждений, светских и религиозных организаций, реализующих услуги по различным социальным направлениям. Соответственно этому волонтеры активно привлекаются к деятельности в совершенно разных сферах. Почти половина американцев (44,1 %) активно участвуют в работе различных общественных, религиозных и школьных групп. Двое из трех граждан (65,1 %, или 143 млн 700 тыс. человек) принимают активное участие в делах своих общин⁵⁷.

По последним данным (2011), волонтеры США, привлеченные к труду в некоммерческом секторе, были задействованы в четырех ключевых видах деятельности: занимались фандрайзингом (26,2 %); участвовали в сборе, приготовлении и распространении еды (23,6 %); принимали участие в различных трудовых работах и перевозках (20,3 %); работали тьюторами и принимали участие в организации образовательных программ (18,2 %). В периоды стихийных бедствий именно эти виды деятельности являются самыми востребованными в обществе и соответственно развиваются НКО.

Привлечение волонтеров к деятельности НКО осуществляется через посредничество «Корпорации национального и обществен-

---

⁵⁷ Volunteering and Civic Life in America 2012. Key findings on the volunteer participation and civic health of the nation [Электронный ресурс]. URL: National-Service.gov (дата обращения: 21.12.2014).

ного служения». В этом процессе ежегодно участвует более 4 млн граждан, вовлеченных в деятельность 70 тыс. организаций по всей стране. Для этих целей Корпорация аккумулирует федеральные и частные средства для поддержки организаций и достижения конкретных результатов. В 2012 г. из разных источников на волонтерство в США привлечено более 1 млрд долл. Эти средства в своей деятельности потратили различные организации, базирующиеся в 500 городах с населением не менее 30 тыс. человек⁵⁸.

Важно отметить, что системное развитие волонтерства как структуры гражданского общества, активно поддерживаемой и курируемой со стороны органов исполнительной власти США, становится возможным только при условии высокого уровня доверия со стороны населения к тому, что делает государство, в том числе и при реализации отдельных направлений социальной политики. В этом контексте волонтерство выступает эффективным инструментом решения острых социальных проблем, таких как безработица, увеличение числа людей без определенного места жительства и т. д. Высокий уровень доверия населения к политике государства в отношении поддержки волонтерства также во многом связан с вехами истории развития «американского служения», с чередой ключевых событий, представленных в данном разделе. Все шаги (решения, законы, национальные программы и т. д.), которые на протяжении более 100 лет предпринимали в этом направлении американские президенты и поддерживал конгресс США, демонстрируют тенденции активного привлечения населения к решению национальных проблем, его вовлечения в актуальные волонтерские практики.

В связи с этим четвертой социологической проблемой, которая проявляется на личностном, общественном, культурном, институциональном уровнях, может выступать *социальное воспроизводство «взаимодействующего доверия» в американском обществе* (между волонтером и теми, кому они помогают, между НКО

---

⁵⁸ Mayors Day of Recognition for National Service [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nationalservice.gov/about/initiatives/mayorsforservice.asp> (дата обращения: 12.03.2014).

и бизнесом, между государством и обществом) как условие популяризации и «жизнеспособности» практик американского волонтерства. В данном случае доверие рассматривается как фундаментальное условие социального порядка, как социальная норма, связанная с ожиданиями, исторически укорененными в определенной социальной общности. Волонтерство тесно сопряжено со степенью доверия граждан друг к другу, напрямую связано с уровнем доверия в обществе к институтам власти, третьему сектору. Социальное доверие или, как его называют использующие социетальный подход к его изучению исследователи, «обобщенное доверие»⁵⁹, можно рассматривать в качестве индикатора накопленного американским обществом социального капитала.

Среди волонтеров США отмечается достаточно высокий уровень доверия к людям, проживающим по соседству. Всем, кто живет рядом, доверяют 15,6 % волонтеров, почти всем – 41,1 %, некоторым соседям полностью верит каждый третий (34,6 %) из числа всех добровольцев⁶⁰. На наш взгляд, это обусловлено сформированной в общности нормой взаимности, когда люди помогают тем, кто их окружает, оказывают содействие тем, кто может в будущем помочь или уже помогал им. Кроме того, это напрямую связано с ростом трудностей и рисков в современном обществе, когда от «помощи ближнего» во многом может зависеть не только личное благосостояние, но и жизнь, и здоровье.

Высокая степень доверия к власти в США может рассматриваться как следствие реализации принципов правовой справедливости (верховенство закона и жесткого контроля над его соблюдением в стране). Она коррелирует с распространением в США образования, демократической открытостью институтов власти, является результатом эффективной траты бюджетных средств на реализацию социальных, в том числе и волонтерских, проектов и программ.

---

⁵⁹ Алексеева А. А. Уверенность, обобщенное «доверие» и межличностное «доверие»: критерии различения // Социальная реальность. 2008. № 7. С. 85–98.

⁶⁰ Volunteering and Civic Life in America 2012. Key findings on the volunteer participation and civic health of the nation [Электронный ресурс]. URL: National-Service.gov (дата обращения: 21.12.2014).

В то же время доверие к третьему сектору формируется в процессе углубления отношений между профессионалами НКО и волонтерами. Такое межличностное доверие формирует «систему доверия», распространяя эти отношения на макроуровень, где они выступают в форме нормативных предписаний⁶¹, влияя на развитие процесса взаимодействия третьего сектора и бизнеса. Совместная работа профессионалов и волонтеров делает все процессы (формирование и расходование бюджета, реализацию видов социально значимой деятельности, взаимодействие с государственными структурами и т. д.) открытыми. По данным социологических опросов среди американцев участие в деятельности различных организаций в качестве волонтера существенно повышает уровень доверия граждан к деятельности третьего сектора, стимулирует его к проявлению благотворительности. Согласно результатам телефонного опроса Gift Fund's survey⁶², американцы, которые добровольно работают в НКО, потратили на благотворительность в среднем в 10 раз больше денег, чем люди, которые не являются волонтерами (2593 долл. в год, тогда как в среднем траты рядового американца – 230 долл.). Две трети (67 %) американцев отметили, что они обычно делают финансовые пожертвования той организации, где они работали или работают в качестве волонтеров. И те же самые люди, активные волонтеры говорят, что они, скорее всего, увеличат свой вклад (финансовый и временной) в благотворительность в следующем году⁶³.

Именно в Америке волонтерство исторически закреплено как механизм конструирования социального доверия, играющий важную роль в формировании нормы взаимности в обществе. В этой связи волонтерство может рассматриваться как практика, создающая

---

⁶¹ Швери Р. Теоретическая социология Д. Коулмена : аналит. обзор // Социол. журн. 1996. № 1/2. С. 62–81.

⁶² Телефонный опрос 18–25 октября 2009 г. (случайная выборка, 1005 респондентов старше 18 лет).

⁶³ Fidelity Charitable Gift Fund and Volunteer Match Form Alliance and Release Landmark Study on Volunteering. Boston, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fidelitycharitable.org/about-us/news/12-03-2009.stml> (дата обращения: 29.03.2014).

в американском обществе «взаимодействующее доверие, порождающее взаимные двусторонние обязательства и соответственно — выигрыши (доходы, прибыли) двухстороннего действия»⁶⁴ между волонтером и теми, кому они помогают, между НКО и бизнесом, между государством и обществом.

Пятая социологическая проблема связана с *противоречием между выраженной автономностью политического курса отдельных штатов и общегосударственным вектором институционального регулирования и управления развитием волонтерства на федеральном, региональном и локальном уровнях в контексте социальных, политических и экономических изменений в стране и мире*. Политика отдельных штатов по многим вопросам является определяющей (например, формирование бюджета территорий, выражение отношения власти штата к употреблению наркотиков, реализации смертной казни, политики усыновления, опеки и т. д.). Что же касается волонтерства, то история США демонстрирует несколько иную логику развития государственной политической стратегии в этом направлении. Ключевая линия государственной поддержки волонтерства задается на федеральном уровне, как в идеологическом, так и в финансовом контекстах. Стратегически определяется и законодательно закрепляется общий для всех штатов перечень направлений волонтерства, исходя из первоочередности проблем, которые могут решаться на местах благодаря потенциалу волонтерства. В отдельных штатах есть отличия лишь в тактике решения этих проблем с учетом специфики отдельных территорий, сложившихся традиций, экономической, социальной и культурной ситуации.

Исследуя волонтерство в США как деятельность, мы считаем важным выделить ряд социологических проблем, связанных с анализом ее содержания, включенностью в повседневность американских граждан, работающих волонтерами. На наш взгляд, это во многом дает понимание рождающемуся в рамках американских практик служения специфическому отношению волонтеров к окружающему

---

⁶⁴ Сасаки М., Давыденко В. А., Ромашикина Г. Ф., Воронов В. В. Сравнительный анализ доверия в различных странах // Социс. 2013. № 3. С. 64.

миру и самим себе. Шестой социологической проблемой является проблема *сущностного значения волонтерской деятельности для американских граждан, ее нормативно-правовая репрезентация и ментальные характеристики*. Если рассматривать исследуемый феномен сквозь ряд сущностных противоречий, следует подчеркнуть, что ведущим признаком волонтерства в Америке является не личное альтруистическое желание людей оказывать помощь ближнему, а организованный характер волонтерской деятельности, который наряду со всеми своими достоинствами еще и обеспечивает минимальный уровень удовлетворения первичных потребностей людей в сложных жизненных ситуациях, формирует «структуру социальных возможностей»⁶⁵ личности, выступает ее социальным и культурным ресурсом. Таким образом, выявленная в рамках деятельностного подхода проблема коренится в рассмотрении американского волонтерства как определенного вида деятельности, включенного в систему образа жизни волонтеров, где успешно сочетаются альтруистические и эгоистические мотивы личности.

История развития волонтерства в США демонстрирует длительный период, формирующий национальные традиции взаимопомощи, которые реализуются членами волонтерской общности. С другой стороны, эта же история отражает множество примеров успешного системного формирования в обществе государственной системы, стимулирующей активность волонтеров. Ключевая задача, которую решает, таким образом, государство, заключается в создании благоприятной среды для развития личности посредством предоставления волонтерам различных ресурсов для повышения их статусных характеристик, путем формирования условий для реализации различных видов мобильности (профессиональной, социальной, географической и т. д.) в обществе.

Ментальные характеристики американского восприятия волонтерства находят отражение в законодательстве США, дающем четкую трактовку понятия «волонтер» и соотносящим волонтерскую деятельность только с организованными и управляемыми формами

---

⁶⁵ Термин введен проф. О. Н. Яницким.

деятельности в государственном и некоммерческом секторах экономики. В правовом поле дается следующее определение: «Волонтер – физическое лицо, оказывающие услуги для некоммерческой организации или государственного органа, которое не получает компенсации (кроме разумного возмещения или пособия по фактически понесенным расходам) или любой другой ценной вещи, вместо компенсации, стоимость которой превышает 500 долл. в год»⁶⁶. Американские волонтеры не проявляют самостоятельную активность, они пользуются посредничеством формализованных структур (светских или религиозных), организующих деятельность волонтеров. По нашему мнению, неформальное волонтерство в США не пользуется популярностью, в том числе и в связи с тем, что судебные разбирательства по любому поводу очень популярны в этой стране. В данных условиях только формализованные структуры и позиция государства по отношению к волонтерскому движению могут защитить волонтеров от судебных преследований. 18 июня 1997 г. конгрессом США был принят «Закон о защите волонтеров» (The Volunteer Protection Act). Целью закона является ограничение возможности подачи исков против волонтеров, служащих в некоммерческих и частных организациях, а также в государственных учреждениях.

На законодательном уровне четко прописаны не только условия деятельности волонтеров, их права и обязанности, но и поддержка, а также защита их деятельности со стороны государства, конкретизированы и детализированы механизмы мотивации волонтеров в США. Например, в рамках программы «Государственный и национальный корпус Америки» (AmeriCorps State and National), ориентированной на молодежь, прописаны возможности выплаты волонтерам пособий на проживание, на студенческие кредиты, гарантирована оплата медицинского страхования, выплата денежных средств, необходимых для ухода за детьми. После успешного завершения срока службы по условиям программы волонтеры получают

---

⁶⁶ Volunteer protection act of 1997. Public law. 18.06.1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-105publ19/pdf/PLAW-105publ19.pdf> (дата обращения: 12.12.2013).

премию AmeriCorps Education Award в размере 5550 долларов. Эта награда может быть использована для погашения студенческих кредитов или для оплаты колледжа, аспирантуры или профессионального обучения в вузе.

Седьмой проблемой, выявленной в процессе применения деятельностного подхода к анализу американского волонтерства, является *рассмотрение кризисных ситуаций как ключевого элемента социального контекста, продуцирующего активность волонтеров*. На фоне того, что государственная политика в США относительно волонтерства направлена на формирование среды, продвигающей в рамках институционализированных структур (общественных организаций и социально-ориентированных учреждений) деятельность коллективных социальных акторов, важное значение приобретает ситуативный контекст глобального, национального и местного уровней⁶⁷. Как правило, в его основе лежат противоречия между обществом и природой, трудом и капиталом, порождающие сложные жизненные ситуации (политические конфликты, природные, стихийные, техногенные кризисы, экономически неблагоприятные ситуации и т. д.), где волонтерство выступает доступным ресурсом для личности, общности и американского общества в целом.

Государство создает условия, гражданин получает возможность использовать или не использовать представленные государством ресурсы, третий сектор приобретает импульс к развитию. Законодательство США четко отражает реакцию власти на экономические и социальные изменения в американском обществе. Например, в соответствии с Федеральным законом «О сокращении стоимости обучения в колледже в 2007 г.» (The College Cost Reduction and Access Act of 2007) в контексте общемирового экономического кризиса в стране создано две новых федеральных программы Public Service Loan Forgiveness и Income-Based Repayment plan (IBR) для погашения федеральных кредитов. Согласно закона лица, имеющие

---

⁶⁷ В работе использован подход к трактовке термина «контекст» проф. О. Н. Яницкого.

федеральные студенческие кредиты, могут сократить сумму долга или сроки выплаты по кредитным обязательствам за счет службы в государственном и некоммерческом секторах, в том числе в качестве волонтера. Например, принимая участие в волонтерских программах «Корпуса мира» или «Корпуса Америки».

Кризисные ситуации, не только наводнения, ураганы, террористические акты, но и экономические катаклизмы в США оказывают существенное влияние на подъем активности волонтеров по всей стране. И. В. Мерсиянова и Л. И. Якобсон отмечают, что финансовый кризис в Америке повлиял на массовый приток трудовых ресурсов в некоммерческий сектор. Число волонтеров, работающих в НКО, увеличилось на 25–65 %. Исследователи подчеркивают, что в 2008 – начале 2009 г. в НКО крупных американских городов в качестве волонтеров пришли работать безработные высококвалифицированные профессионалы. Они были готовы не только давать консультации по юридическим и финансовым вопросам, но и выполнять различные виды работ в благотворительных организациях для бедных и бездомных людей⁶⁸.

При рассмотрении волонтерской деятельности как динамичной формы организации социальных субъектов, создаваемой их активностью в условиях определенного пространственно-временного континуума, следует особо выделить восьмую проблему – *проблему формирования «национального сценария» развития корпоративного волонтерства в США*. Активность американских корпораций в продвижении волонтерской деятельности выступает своеобразным каналом распространения и популяризации волонтерства, получившим массовое распространение в стране. Многие американские компании создают и реализуют корпоративные волонтерские программы. Они целенаправленно мотивируют и стимулируют своих сотрудников для занятий волонтерством, как правило, предлагая им освобождение от работы с сохранением заработной платы на несколько часов в неделю, либо предоставляя возможность уйти в отпуск на срок до одного года для работы в качестве волон-

---

⁶⁸ Потенциал и пути развития филантропии в России. С. 163.

тера в долгосрочных волонтерских проектах организации. По имеющимся данным, как минимум 24 % сотрудников американских компаний ежегодно принимают участие в таких проектах как волонтеры⁶⁹. Волонтерская деятельность американских профессионалов с позиции оценки ее сущностно-содержательных характеристик становится частью их образа жизни, органично пересекаясь с профессиональной занятостью, бытовой деятельностью и досугом.

В условиях либеральной рыночной экономики именно в США наглядно проявляется противоречивость значения волонтерской деятельности в американском обществе, исходя из понимания личной выгоды волонтеров как акторов, экономической пользы для субъектов коммерческого и некоммерческого секторов экономики, общественной значимости для американского общества и его граждан.

С одной стороны, в экономическом секторе США управление компаниями направлено на защиту прав собственности акционеров. Топ-менеджмент все время стремится публично подтверждать стоимость компании путем повышения ее доходности. С другой стороны, актуальная управленческая стратегия делает американские компании «пионерами» в области развития политики «корпоративной социальной ответственности». Это требует от них серьезных вложений в реализацию социальных проектов и активизацию корпоративного волонтерства⁷⁰. Подобная деятельность связана с глобальными экономическими интересами американских компаний, которые превращаются в транснациональные корпорации с политикой интенсивного проникновения на рынки других стран. На наш взгляд, корпоративное волонтерство используется рационально и напрямую связано с понятием «выгода». В США оно выступает в качестве инструмента достижения чисто экономических

---

⁶⁹ Шлихтер А. А. Направления и механизмы взаимодействия социально-ответственного бизнеса с некоммерческим сектором США. М. : ИМЭМО РАН, 2010. С. 37.

⁷⁰ Brammer S., Jackson G., Matten D. Corporate Social Responsibility and institutional theory : new perspectives on private governance // Socio-Economic Review. 2012. Nr 10. P. 3–28.

интересов корпораций, формирует уровень доверия органов власти, населения других стран к деятельности компании, обеспечивает узнаваемость ее бренда, товаров и услуг.

В деятельности таких организаций, как правило, реализуются две модели корпоративного волонтерства: «местные услуги» и «международные или трансграничные услуги»⁷¹. В первом случае к деятельности местных сообществ в качестве волонтеров привлекаются работники региональных отделений компании. Например, компания General Electric для 300 тыс. действующих и 100 тыс. вышедших на пенсию сотрудников создала более 140 региональных волонтерских советов на базе своих отделений по всему миру. По второй модели волонтерской деятельности сотрудники компании выезжают за пределы своей страны, как правило, на территории стран, представляющих потенциальный коммерческий интерес для корпорации.

Отметим опыт американской компании IBM, которая, используя профессиональные навыки своих сотрудников и собственные технологии, реализуя в своих корпоративных проектах обе вышеописанные модели, способствует распространению волонтерства в разных странах через создание «информационных порталов содействия», одновременно демонстрируя при этом эффективность своих технологических решений на международном уровне. В сфере глобального здравоохранения компания Pfizer ежегодно направляет десятки своих высококвалифицированных сотрудников для работы в ключевых некоммерческих и государственных организациях развивающихся стран⁷².

Развитие корпоративного волонтерства в США как определенного вида деятельности еще раз демонстрирует, как в подобных практиках успешно реализуются понятия личной выгоды, экономической пользы и общественной значимости. Волонтерство становится выгодным для сотрудников корпораций, для деятельности

---

⁷¹ Хиллз Г., Махмуд А. Добровольчество во имя социальных изменений. Лучшие практики международного корпоративного добровольчества. FSG : Social Impact Advisors, 2009. С. 57.

⁷² Там же.

самих корпораций в формировании их внутренней корпоративной и внешней экономической политики, для государства, получающего доступ к новому виду ресурсов, необходимому для решения текущих социальных задач.

Еще одна грань выделенного противоречия находит свое отражение в деятельности американских волонтеров-профессионалов высокой квалификации, которые принимают добровольное участие в международных волонтерских программах и получают за свою деятельность заработную плату. Уровень этих доходов в реальности оказывается совершенно несопоставимым с тем доходом, который соответствует их уровню квалификации. При этом рациональность сделанного добровольного выбора, как правило, связана с реализацией научных интересов, заинтересованностью в открытии новых направлений деятельности, карьерном росте, сохранением работы и т. д.

Представленные факты, в конечном счете, выводят наше исследование волонтерства в США на осознание того, что в американском обществе оно не является полностью бескорыстным и влечет за собой определенный уровень ожиданий членами волонтерской общности компенсации со стороны бизнес-среды и государства. Для американского волонтерства характерно личностное (внутриличностное) противоречие. С одной стороны, добровольчество представляется и реализуется как личный выбор, с другой, сопрягается с глубоким внутрикоренным мотивом (установкой, ценностной ориентацией) на материальный успех (или хотя бы не потерю), влияющим на рациональный выбор американского гражданина в пользу волонтерской деятельности.

Общностный подход в изучении американского волонтерства позволяет обозначить *сложную структуру общности волонтеров в США, включенную в структуру американского общества в целом*, как девятую проблему, выделенную в нашем исследовании. По данным официальной статистики волонтерская общность американцев – одна из самых многочисленных в мире. Ежегодно с 2002 г. «Бюро статистики труда» США в процессе проведения текущего обследования населения собирает данные о волонтерской деятельности

граждан страны старше 16 лет⁷³. После урагана Сэнди в 2011 г. число волонтеров достигло самого высокого уровня в стране за пять лет, – 64,3 млн американцев за этот период работали волонтерами в различных организациях. Общее число добровольцев, привлеченных к деятельности формальных организаций в 2011 г., увеличилось на 1,5 млн человек и составило 26,8 % от числа взрослого населения страны. В общей сложности волонтеры организованно проработали 7900 млн часов и своим трудом принесли стране доход в размере 171 млрд долл.

Демографические характеристики волонтеров США оказываются достаточно стабильными с первого массового обследования, проведенного по всей стране в 1970 г. Среди американских женщин 29,8 % работали волонтерами, среди всех мужчин – 23,3 % (по данным опросов 2009–2011 гг.)⁷⁴.

Число волонтеров среди молодежи также варьируется несущественно: с 2002 г. доля молодых волонтеров в возрасте 16–18 лет составляет 27–32 %, 19–24 лет – 18–20% от числа всех молодых американцев данных возрастных групп⁷⁵. Среди поколения родившихся после 1980 г. (*millennials*) американцев волонтерами работали 21,6 % человек. Самый высокий уровень волонтерства отмечается среди людей среднего возраста. Исследователи называют волонтеров, родившихся в 1965–1981 г., «Поколением X» (*generation X*). Существует ряд доказательств, что именно эта возрастная группа больше всего вовлекается в корпоративное волонтерство, что позво-

---

⁷³ В качестве волонтеров рассматриваются лица, которые выполняют какие-либо работы безвозмездно на территории своего проживания или работали без оплаты в организации в течение года. В официальных отчетах представляются данные о волонтерстве, собранные не только благодаря ежегодному обследованию населения, но и в рамках ежемесячных обследований 60 тыс. домохозяйств (100 тыс. человек старше 18 лет), проводимых «Бюро переписи населения» США совместно с «Бюро статистики труда».

⁷⁴ The Federal Agency for Service and Volunteering. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.volunteering.in.america.gov/special/Men>. (дата обращения: 02.04.2013).

⁷⁵ Kirby E., Kawashima-Ginsberg K., Godsay S. Youth Volunteering in the States : 2002 to 2009. USA : Jonatan M. Tisch College of citizenship and public service, 2011. P. 2.

ляет самим волонтерам освобождать время для своей семьи, получая от работодателя дополнительные выходные дни⁷⁶. Среди граждан, родившихся в послевоенное время – с 1946 по 1964 г. (*baby boomers*), волонтерами работали 29,2 % от числа всех членов данной возрастной группы. Среди пожилых американцев пенсионного возраста добровольческий опыт имели 23,9 %⁷⁷.

Данные официальной статистики демонстрируют постоянство потенциала волонтерской общности, члены которой реализуют свою деятельность в условиях, когда общество сталкивается со все большим числом сложных чрезвычайных ситуаций (природные катаклизмы, террористические акты и т. д.), требующих добровольного участия граждан. Однако проблема прогнозируемого снижения числа волонтеров и выделения среди них определенного типа склонных к волонтерству людей среди американских граждан может быть связана с процессами урбанизации. В этой связи актуализируется еще одна, десятая социологическая проблема – *внутренней территориальной дифференциации, связанной с формированием в США социальных групп граждан с разным отношением к волонтерству*.

Р. Флорида в своей работе отметила, что социолог из Техасского университета Р. Кушинг, предпринявший проверку теории социального капитала, человеческого капитала и креативного капитала, обнаружил обратную связь между показателями развития социального капитала (в том числе волонтерства) и региональным ростом и развитием инноваций. При помощи данных о посещении церквей, участии в клубах и обществах, добровольческой работе и приеме американцами гостей у себя дома он сгруппировал регионы в категории низкого и высокого социального капитала и установил, что социальный капитал почти не имеет отношения к экономическому росту и развитию региона. По данному поводу она пишет: «Места с высоким уровнем социального капитала демон-

---

⁷⁶ Volunteers in Action // The Spirit of Volunteerism. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/publication/2011/11/2011> (дата обращения: 03.11.2014).

⁷⁷ Там же.

стрируют ярко выраженную склонность к “социальной изоляции” и “безопасности и стабильности”, отличаясь наименьшими темпами роста по причине того, что Р. Кушинг назвал “ментальностью закрытых дверей”»⁷⁸. Таким образом, в американском обществе, по мнению исследователя, формируется два типа общества. Один из них отмечается креативностью, разнообразием, быстрым ростом численности населения не за счет повышения показателей рождаемости, а вследствие роста показателей мобильности и смешения урбанизированных социальных групп, высококвалифицированных специалистов разных областей, представителей богемы, массмедиа, имеющих слабые связи внутри своего сообщества и меньшее число волонтеров среди своего круга. Другой тип общества характеризует наличие более тесных социальных, можно сказать, общинных связей. Его члены опираются на церковь, а ядром гражданского общества являются представители рабочего класса и жители сельскохозяйственных районов. В обществе такого типа всегда большое число волонтеров среди населения.

Почти четверть из общего числа граждан, проживающих в крупных городах, работали волонтерами (23,4 %); 27,5 % волонтеров из числа всех – жители пригородов, 28 % из числа граждан, которые имеют постоянное место жительства в сельской местности, работали добровольцами. Большее число волонтеров зафиксировано в тех штатах, где проживает больше религиозного населения (независимо от конфессиональной принадлежности), а также на тех территориях, где основу экономики составляют сельское хозяйство либо сфера обслуживания⁷⁹.

Одиннадцатая проблема, выявленная в исследовании волонтерства в США благодаря использованию общностного подхода, связана с *поддержанием волонтерской общностью социальной*

---

⁷⁸ Флорида Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2005. С. 153.

⁷⁹ 5 штатов с большим числом волонтеров: Юта (40,9 %), Айдахо (38,8 %), Айова (38,4 %), Миннесота (38 %), Южная Дакота (36,8 %). 5 штатов, где население помогает своим соседям: Юта (76,7 %), Западная Вирджиния (74,5 %), Нью-Хэмпшир (74 %), Монтана (73,2 %), Айова (73 %).

дифференциации и классового разделения в американском обществе. Современная социологическая теория устанавливает зависимость социальной структуры общества от различных социальных позиций, занимаемых людьми, их статусных характеристик, а также выполняемых ими функций и ролей. Волонтерство в США популярно среди определенных социальных групп, при этом в разных социальных контекстах выполняет разную социальную функцию. Например, среди образованной молодежи это престижный и необходимый для социального роста вид деятельности, способствующий реализации целого ряда прагматических задач на личностном уровне. На общественном же уровне волонтерство гипотетически должно способствовать интеграции и взаимопониманию между членами определенной общности, «генерировать в молодежной среде новое понимание бедности, повысить среди молодежи приверженность социальной справедливости»⁸⁰.

Если же говорить о социальной дифференциации и классовом разделении в американском обществе, то, по данным исследований, «добровольное служение» и работа в НКО в большей степени влияют на оправдание социальной дистанции и классового неравенства в обществе. Результаты исследований С. Ненги из Юго-восточного университета Джорджтауна доказывают, что три из четырех поведенческих стратегий богатой молодежи, работавшей волонтерами, демонстрируют увеличение «социального расстояния» между этими волонтерами и «бедными» или «нуждающимися» согражданами. Молодые люди минимизировали практики межклассового взаимодействия после окончания высших учебных заведений, тем самым, по мнению социолога, оправдывая свой «привилегированный социальный статус»⁸¹.

Двенадцатой социологической проблемой в рамках общественного подхода представляется *понимание волонтеров США как социальной общности, члены которой работают на определенные*

---

⁸⁰ Davidson T. C. Attributions for Poverty among College Students : The Impact of Service-Learning and Religiosity // College Student J. 2009. Nr 43. P. 44–136.

⁸¹ Nenga S. K. Volunteering to give up privilege? How affluent youth volunteers respond to class privilege // J. of contemporary ethnography. 2011. Nr 40(3). P. 263– 289.

типы общностей (возрастных, социальных, территориальных и т. д.). Разнообразие государственных волонтерских программ демонстрирует учет специфики, интересов и потребностей разных общностей в структуре американского общества. Важно отметить, что государственная политика, направленная на поддержку развития волонтерства, учитывает демографические, экономические и политические изменения в стране. Например, ориентируясь на тенденцию увеличения социальной группы людей старше 60 лет, в стране запущено много волонтерских проектов и программ, по которым американские НКО могут привлекать и привлекают к своей деятельности активных пенсионеров, профессионалов, еще способных оказывать другим какие-либо услуги. Такие добровольцы работают с трудными подростками, исполняют роль наставников для молодых матерей, занимаются с детьми-инвалидами, оказывают эмоциональную помощь лицам, подвергшимся насилию. Пожилые волонтеры поддерживают своих сверстников и более пожилых американцев, которые испытывают трудности в повседневной жизни. Они оказывают помощь социальным работникам, врачам и членам семей, где проживают люди, в силу возраста или болезней не способные к самостоятельному проживанию без дополнительной опеки и ухода.

Структура общности волонтеров США отражает естественную структуру общества, где наиболее типичной формой повседневной жизни людей выступает семья. В качестве тринадцатой социологической проблемы рассмотрим проблему *влияния семьи как разновидности социальной общности на развитие волонтерства в США.* В американском обществе официально установлен «День семейного волонтерства» (Family volunteer day). В субботу перед Днем благодарения большинство американских семей выходят работать в свои общины в качестве волонтеров для того, чтобы поддерживать национальные традиции и таким образом воспитывать своих детей. Анализируя общую ситуацию, следует отметить, что число волонтеров больше, чем в среднем по стране, почти на 4 % среди американцев, которые имеют несовершеннолетних детей (33,7 %). Эта тенденция отмечается исследователями и позволяет рассмат-

ривать школы как центры волонтерства и общественнополезной деятельности в США. Родители-волонтеры (22,7 %) потратили на работу в формальных организациях около 2,5 млрд часов и принесли пользу обществу в размере 54 млрд долл. Четверо из десяти таких волонтеров (38 %) – работающие женщины-матери. Они играют ключевую роль в развитии волонтерства в образовательных учреждениях. Около 43,1 % родителей работали волонтерами не только в школах, но и в организациях, оказывающих различные услуги детям и молодежи, объясняя это высоким уровнем доверия к деятельности данных учреждений (90,4 %) ⁸².

Четырнадцатой социологической проблемой волонтерской общности в США является проблема *целенаправленного формирования ее национальной идентичности*. Идентификация общности, ограниченная национальными рамками, связана с сознанием общности и ее отдельных членов, в котором отражается осознание интересов своей нации, потребностей и общих возможностей людей, проживающих на определенной территории, в том числе с целью своего самосохранения. Важная характеристика данного социального процесса – его управляемость. Репрезентация волонтерских практик, стереотипов успешного поведения и гражданского участия через формируемые образы, результаты деятельности членов волонтерской общности, публичное представление ресурсов посредством массмедиа и интернет-коммуникаций обеспечивают и поддерживают уровень престижа волонтерской деятельности в США. Как уже отмечалось, в американском обществе целенаправленно формируется образ волонтера, американского патриота, успешного человека, способного справиться с трудностями и прийти на помощь другим людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. В 2013 г. дата «9 апреля» назначена в США днем признания общественного служения. В этот знаменательный день проводились публичные мероприятия с активным использованием традицион-

---

⁸² Volunteering and Civic Life in America 2012. Key findings on the volunteer participation and civic health of the nation [Электронный ресурс]. URL: National-Service.gov (дата обращения: 21.12.2014).

ных и социальных медиа с целью продемонстрировать американцам общественное признание практик национального служения, особо выделялась значимость волонтерства в жизни городов и отдельных штатов. В круг задач этого общенационального дня входит освещение деятельности «Корпорации национального и общественного служения», городских служб, «Национальной лиги городов» и других учреждений, организующих работы волонтеров по разным направлениям.

Общенациональные традиции волонтерства в США принимают различные институциональные формы. К одной из таких традиций можно отнести распространение «дней служения», первоначально инициированных гражданами и НКО. Затем эти дни взаимопомощи окружающим находят поддержку со стороны власти и объявляются в стране как общенациональные праздники. В 1994 г. конгрессом США назначен «День Мартина Л. Kinga» в третий понедельник января как федеральный праздник, но не выходной день. Дата является частью программы «Служение, которое нас объединяет» (United We Serve), активно поддерживается президентом Б. Обамой, который в этот день принимает непосредственное участие в волонтерских работах и официально призывает население реализовывать социальнозначимые инициативы⁸³. К таким же дням можно отнести «День заботы» (United Way Days of Caring), учрежденный в 1992 г. Т. Д. Эриа⁸⁴, 11 сентября как «Национальный день служения и памяти», учрежденный в 2009 г.

Другими институциональными формами, влияющими на формирование национальной идентичности общности волонтеров, являются публичные мероприятия, круглые столы, семинары, конференции, которые регулярно проводятся по всей стране на национальном, региональном и местном уровнях. «Корпорация национального и общественного служения» ежегодно готовит отчет «националь-

---

⁸³ About Martin Luther King, Jr. Day of Service. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://mlkday.gov/about/serveonkingday.php> (дата обращения: 25.12.2014).

⁸⁴ United Way Laurence E. Richardson. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dayofcaring.info> (дата обращения: 21.12.2014).

ного гражданского здоровья» (Nation's civic health)⁸⁵ и публично представляет его в рамках «Национальной конференции гражданского участия» (The National Conference of Citizenship), которая учреждена конгрессом США и проводится с 1953 г.⁸⁶

С социологической точки зрения при использовании в исследовании различных подходов (институционального, деятельностного, общностного) в рамках единого системного рассмотрения феномена волонтерства открываются перспективы для выявления в развитии американского волонтерства как его позитивных, так и ряда негативных характеристик. Результаты проведенного анализа демонстрируют особый путь развития волонтерства в США, его национальную специфику, определенные достижения. В дальнейшем в книге с позиции использования американского опыта обозначенные позитивные моменты будут особым образом подвергаться оценке, исходя из их применимости в российских условиях.

2.3. Развитие волонтерства в России: проблемы и противоречия

Российское волонтерство (добровольчество) сегодня находится на стадии своего активного институционального становления, оно активно включается в экономические и политические процессы современной России. Противоречивость и сложность истории нашей страны создают базис для социологического рассмотрения данного феномена как общепризнанного социально значимого вида деятельности, в тех или иных формах реализуемого в разные исторические периоды. На наш взгляд, также важна социологическая оценка добровольчества, которая позволяет выявить проблемы

---

⁸⁵ Volunteering and Civic Life in America 2012. Key findings on the volunteer participation and civic health of the nation [Электронный ресурс]. URL: National-Service.gov (дата обращения: 21.12.2014).

⁸⁶ National conference of Citizenship [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ncoc.net/about> (дата обращения: 21.12.2014).

формирования российской общности волонтеров, особенности добровольческой деятельности россиян с учетом специфичности формирующего ее социокультурного контекста. Выделим проблемы и противоречия в развитии российского волонтерства с использованием институционального, деятельностного и общностного подходов.

Обратимся к проблемам исторического развития российского добровольчества. Ряд отечественных исследователей в рамках культурологических, педагогических, социологических исследований применяли разные подходы к построению периодизации истории добровольчества в России. Например, Е. А. Луговая, утверждая, что социокультурный феномен добровольчества укоренен в российском культурном пространстве, предложила выделить шесть этапов его развития с X в. до наших дней. Согласно данному подходу I этап обозначен как дохристианский период взаимопомощи внутри родовой общины; II этап (конец X в. – середина XVI в.) характеризуется развитием добровольчества, основанного на нормах христианской добродетели; III этап (середина XVI в. – конец XVIII в.) связан с секуляризацией добровольческой деятельности, ее частичной институционализацией в рамках государственных благотворительных учреждений; на IV этапе (XIX в. – 1917 г.) характерно развитие добровольчества под патронатом представителей аристократии, появление женского добровольчества, добровольческий труд как выражение гражданской активности интеллигенции; V этап (1922–1991) связан с добровольческим трудом в СССР; VI этап (с 1991 г.) – с добровольчеством в РФ⁸⁷.

Рассматривая российское волонтерство как историко-педагогический феномен, Н. В. Тарасова также выделила шесть исторических периодов, начиная с IX в., назвав их этапами развития волонтерского движения в России. В основе ее периодизации доминируют значимые для страны исторические события и факты. Первый этап (до 988 г.) связан с благотворительностью в Древней Руси;

---

⁸⁷ Луговая Е. А. Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России. С. 8.

второй этап (988–1551) привязан к принятию христианства («нищелюбие») и развитию христианской благотворительности; третий этап (1551–1649) характеризуется сотрудничеством светских и церковных властей в благотворительной деятельности; на четвертом этапе (1649–1750) выделено значение борьбы с нищенством за счет развития государственной благотворительности; пятый этап (1750–1917) обозначен в связи с развитием благотворительности как формы социального служения, принципы и формы которого определялись Церковью и членами императорской семьи; шестой этап (1917–1990) исторически обусловлен развитием идей добровольчества в советский период; седьмой этап (1990 г. – настоящее время) охарактеризован в качестве периода, когда добровольческая деятельность как форма социальной взаимопомощи признается государством, благодаря чему совершенствуется политика самого государства⁸⁸.

Представленные периодизации отражают наиболее часто встречающиеся сегодня точки зрения российских исследователей относительно истории добровольчества. Однако, на наш взгляд, с одной стороны, они лучше всего демонстрируют объективные причины для критики используемых в них критериев и оснований выделения представленных этапов, с другой, позволяют обозначить ряд социологических проблем в развитии российского добровольчества сквозь призму институционального подхода.

Во-первых, в описанных выше авторских позициях относительно истории возникновения и развития исследуемого феномена в значительной мере нашли отражение исторические социокультурные предпосылки возникновения общественно-значимых видов деятельности в нашем государстве, российских традиций благотворительности и милосердия. Во-вторых, авторами смешивается развитие российской государственной системы «общественного призрения», форм и видов благотворительности, филантропства, социальной работы, а также проявлений гражданской активности

---

⁸⁸ *Тарасова Н. В.* Волонтерская деятельность как историко-педагогический феномен // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 48–51.

российского населения. В-третьих, очень сложно проследить суть авторских трактовок (самого значения понятия «волонтерство» – добровольчество), поскольку периодизации демонстрируют синонимическое использование таких терминов, как «волонтерское движение», «добровольческая деятельность» при полном отсутствии в исследовательском контексте общности добровольцев как акторов, субъектов деятельности и т. д.

В связи с этим нам ближе подход, использованный Л. А. Кудринской⁸⁹, которая одновременно фокусирует исследовательский взгляд на генезисе добровольческого труда с выделением его особенностей в генезисе гражданского общества. Согласно ее мнению говорить о возникновении в России добровольчества и добровольческого труда возможно лишь с XIX в.

С учетом политического и экономического контекста исторического развития России выделим четыре ключевых этапа, существенных для российского добровольчества. В качестве ключевых критериев для их определения будем рассматривать включенность волонтерства в общественную жизнь россиян, изменение характеристик добровольчества как элемента социальной системы, соответствующего экономическому и политическому состоянию развития российского общества в разные периоды.

Первый этап длится с XVI до середины XIX в. В значительной мере он является *этапом формирования предпосылок возникновения добровольчества в России*, длительным историческим отрезком времени, когда закладываются фундаментальные основы, традиции, определяющие его национальные особенности. Важными характеристиками данного этапа оказываются сильное проявление авторитаризма в государственном управлении Россией, давление крепостного права и ограничение свобод. Его характеризуют сила традиции взаимопомощи в российской крестьянской общине, доминирование христианской православной идеологии, власть и влияние русской Церкви. Результатом этого этапа можно считать разви-

---

⁸⁹ Кудринская Л. А. Добровольческий труд : опыт теоретической реконструкции. С. 15.

тие церковно-приходского добровольчества. Так называемая организованная благотворительность развивалась с 1551 г. при монастырях и церковных приходах под государственным присмотром⁹⁰.

Второй этап охватывает вторую половину XIX в. и длится до 1917 г. XX в. – это время *зарождения добровольческой деятельности*, когда в России начинают проявляться различные формы гражданской активности разных групп населения. Л. А. Кудринская связывает это прежде всего с земской реформой, запустившей в период индустриализации России процессы формирования гражданского общества⁹¹. Данный этап характеризуется целым рядом социально-экономических условий, послуживших толчком к развитию в России добровольческой деятельности светского характера. К ним можно отнести активизацию частной благотворительности купечества и предпринимателей, социальную активность русской интеллигенции, распространение деятельности общественных организаций и благотворительных фондов. Кроме того, именно в этот период (в 1894 г.) впервые в России было официально заявлено о волонтерской деятельности, когда благодаря профессору В. И. Герье были учреждены городские попечительства о бедных, собирающие добровольные пожертвования и привлекающие к своей деятельности добровольцев⁹². Общее число благотворительных учреждений Российской империи 1 января 1899 г. составляло 14 854, в том числе 7349 благотворительных обществ и 7505 благотворительных заведений⁹³. Уже в начале XX в. процесс образования различных общественных организаций приобрел массовый характер. В марте

---

⁹⁰ Нечипорова Е. В. Основные идеи и практики милосердно-благотворительной деятельности христианских церквей : компаративный анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 22.

⁹¹ Кудринская Л. А. Добровольческий труд : опыт теоретической реконструкции. С.15.

⁹² Общественная и частная благотворительность в России : сб. ст. СПб., 2012. С.18.

⁹³ Благотворительные учреждения Российской Империи. (Опубликовано по высочайшему повелению собственно Е. И. В. Канцелярией по учреждениям императрицы Марии). СПб. : Типография Е., 1900 [Электронный ресурс]. URL: <http://gbooks.archeologia.ru> (дата обращения: 04.10.2013).

1906 г. был принят закон о благотворительных обществах «Временные правила об обществах и союзах»⁹⁴.

Третий этап развития *добровольчества, как этап советской общественной деятельности*, берет свое начало с Великой Октябрьской революции и длится до 1990-х гг. Понятия общественной благотворительности и добровольчества, популярные в царской России в своем первоначальном смысле, исчезают из марксистско-ленинского дискурса. Однако в этот период добровольцами считаются те, кто самостоятельно принял решение идти на Великую Отечественную войну либо работал на крупных коллективных стройках и целине, так как добровольность коллективного труда в Советском Союзе поддерживалась идеологически и во многом носила практически обязательный характер (по заданию Коммунистической партии).

Во второй половине XX в. в СССР получают развитие различные формы общественной деятельности молодого поколения, которые, на наш взгляд, следует рассматривать как прообразы квазиволонтерства и полуволонтерства. В первом случае можно говорить о деятельности студенческих отрядов, в которых молодежь работала в добровольно-принудительном порядке и частично получала за это оплату своего труда. По мнению О. В. Щупленкова, государство через систему студенческих отрядов приобщало молодое поколение к труду, прививало базовые ценности, воспитывало чувство высокой гражданской сознательности и патриотизма⁹⁵. Примером полуволонтерства можно считать деятельность в рамках общественных молодежных и детских организаций октябрят и пионеров, где по прообразу «тимуровских команд» советские школьники помогали ветеранам, собирали макулатуру и металлолом, прини-

---

⁹⁴ Сулакишин С. С., Бачурина Д. В., Вилисов М. В., Каримова Г. Г., Киш И. Р., Куропаткина О. В., Макурина Л. А., Сулакишина А. С. Благотворительность в России и государственная политика. М. : Науч. эксперт, 2013. С. 59.

⁹⁵ Щупленков О. В. История молодежного движения в России в исследовательском поле // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Ч. 2. Тамбов : Грамота, 2012. № 1 (15). С. 211–215.

мали участие в общественных мероприятиях и т. д. Мы относим эти виды деятельности именно к полуволонтерству, так как основным принципом включения детей и подростков в данные общности являлась обязательность. Но по своей сути в одном коллективе могли состоять те, кто оказывал помощь другим людям по своему собственному желанию, в соответствии со своими убеждениями, и те, кто делал это формально или по принуждению.

Четвертый этап – *становление и развитие добровольчества в демократических условиях* – начинается с конца XX в. и длится до настоящего времени. Благодаря серьезным политическим изменениям 1990-х гг. для процессов глобализации и глобальных международных явлений границы современной России открываются. В большом количестве в стране начинают работу международные общественные организации, международные и национальные благотворительные фонды, волонтерские центры и добровольческие движения; ратифицируются международные правовые документы по волонтерству; создается нормативно-правовая база, фрагментарно регулирующая деятельность третьего сектора, частично затрагивающая аспекты развития волонтерства в государственном, частном и некоммерческом секторах экономики; поднимается авторитет Русской православной церкви. Данный этап характеризуется возрождением российского добровольчества под патронажем церковных общин, а также развитием идеологии международного светского добровольчества, созданием национального «прогосударственного» волонтерского движения.

Идея развития и популяризации волонтерства в нашей стране по образу и подобию ведущих мировых держав впервые была представлена на общероссийской конференции по вопросам адаптации населения России к рыночным условиям в 1991 г. ведущим международным экспертом в области волонтерства, президентом Международной ассоциации добровольческих усилий (IAVE) (1994–2000) К. Алленом⁹⁶. Однако с начала XXI в. сделан ряд неодно-

---

⁹⁶ Онищенко Е. В. Перспективы развития волонтерского движения в России // Вестн. МГОУ. 2011. № 2. С. 183. (Сер. Психологические науки).

значных попыток сформулировать национальную идеологию российского волонтерства, отраженную в ряде официальных документов в виде концепций и нормативно-правовых актов.

Итак, рассмотрение основных характеристик выделенных исторических этапов развития волонтерства в России как специфического социокультурного контекста, формирующего традиции российского добровольчества, позволяет обозначить ряд социологических проблем в эволюции исследуемого феномена сквозь призму институционального подхода. Их проявления в том или ином виде можно увидеть на всех этапах развития российского добровольчества в исторической ретроспективе.

В качестве одной из важнейших в социологическом плане обозначим первую проблему – проблему *доминирования государства, ведущей роли монархии, правителей государства* (от царей до президентов), а не самого российского населения в развитии добровольчества. Речь идет о формировании и закреплении модели «государственной благотворительности», когда за счет частных пожертвований и безвозмездной работы русских людей с середины XVII в. развивалась государственная система общественного призрения, а в последние десятилетия XX в. – система социальной защиты населения с активным привлечением частных благотворителей и филантропов.

Феномен российского волонтерства в процессе исторического становления всегда демонстрировал свою органичную включенность в практики частной благотворительности и социальной деятельности института государственной власти; подтверждал оправданность социального расслоения общества, где высшие слои всегда оказывали и оказывают благотворительную помощь нуждающимся; репрезентировал доминирование в активизации подобных практик «инициатив сверху, а не снизу», например, государственных инициатив, инициатив отдельных политических лидеров либо представителей экономической элиты; подтверждал тот факт, что социально-значимая деятельность русских людей, их гражданская активность, инициативность и самостоятельность всегда оставались под контролем государства.

Все исторические этапы развития добровольчества дают возможность выделить вторую значимую в институциональном плане *социологическую проблему, связанную с формированием и закреплением социальной нормы волонтерской деятельности как нормы долга перед обществом, основанной на жертвенности личности в интересах общества*. Этот процесс прослеживается начиная от христианских идей соборного служения, популярных в царской России, до самоотречения от различных социальных благ в соответствии с идеологией советской общественной работы. В контексте исторического развития сущность добровольчества в России отражает включение проявлений доброй воли в систему ценностей и норм, которые характеризуют общество в различные исторические периоды. В царской России ведущим было христианское вероисповедание, соборность определяла национальные ценности в противовес проявлению индивидуализма и корыстолюбия. В СССР идеология добровольного труда продвигалась репрессивными мерами, имеющими ограниченное значение, и системой идеологического воспитания, где групповые ценности трансформировались в коллективизм.

В качестве третьей проблемы назовем проблему *несформированности в современной России национальной традиции волонтерства*. Религиозное добровольчество, получившее широкое распространение и развитие до 1917 г., в советский период не могло развиваться по политическим причинам. Авторитет Русской православной церкви в СССР был значительно подорван, как были утрачены и те нормы, стереотипы поведения, которые она формировала в обществе не одно столетие. Немногочисленным остается число «воцерковленных» россиян (по данным фонда «Общественное мнение», в 2013 г. из 64 % наших сограждан, причисливших себя к православным, таковыми являются лишь 12 %) ⁹⁷, которые в рамках своих религиозных общин способны заниматься волонтерской и благотворительной деятельностью. Международная идея

---

⁹⁷ Кожеевникова К. «Верит – не верит» : особенности российской религиозности // ФОМ. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/blogs/10955#> (дата обращения: 11.11.2014).

светского волонтерства привнесена «извне» и не успела стать социальной нормой, так как возрождение добровольчества начинается только со времен перестройки. Прообразы квазиволонтерства советского периода, носившие обязательно-принудительный характер, привели к формированию негативного отношения населения к инициативам государства.

Четвертая проблема, которую мы ставим в исследовании, – *формирование в современной России институционального контекста для целенаправленной государственной поддержки развития волонтерства*. Мы уже отмечали в первой главе, что без «правильного институционального контекста» уровень мобилизации волонтеров в стране остается крайне низким. В этом плане рассмотрим российское добровольчество исходя из положений теории «добровольческих провалов» М. Саламона⁹⁸. (Ключевые положения теории анализируются в работах как российских⁹⁹, так и новозеландских исследователей¹⁰⁰.)

По нашему мнению, данная теория как результат исследований некоммерческого сектора в США и других развитых странах может быть применима к анализу российского волонтерства ввиду того, что она позволяет объективно рассмотреть практики взаимодействия власти, бизнеса и гражданского общества и выявить те экономические, политические и социальные условия, при которых будет достигнут максимально полезный результат для всего общества.

В рамках этого исследовательского подхода некоммерческий сектор является базисом для развития волонтерства. По результатам серии эмпирических исследований М. Саламон выделил четыре «добровольческих провала» (сбои «третьего сектора»), которые оправдывают государственное участие и поддержку общественно-

---

⁹⁸ Salamon L. Partners in public service : the scope and theory of government nonprofit relations // The Nonprofit Sector. A Research Handbook. New Haven : Yale University Press, 1987.

⁹⁹ Аузан А. А., Тамбовцев В. Л. Экономическое значение гражданского общества // Вопр. экономики. 2005. № 5. С. 28–49.

¹⁰⁰ Crampton P., Woodward A., Dowell A. The role of the third sector in providing primary Care services – theoretical and policy issues // Social Policy J. of New Zealand. 2001. Iss. 17. December. P. 1–21.

го сектора: 1) благотворительная недостаточность; 2) благотворительный партикуляризм и фаворитизм; 3) благотворительный патернализм; 4) благотворительный дилетантизм.

Все вышеобозначенные «провалы» сегодня характерны для нашей страны. В первом случае можно утверждать, что российское население и бизнес не готовы регулярно вносить пожертвования на деятельность третьего сектора и благотворительных организаций, включаться в их деятельность в роли волонтеров. Во многом это объясняется отсутствием традиций благотворительности, а также низким уровнем доверия населения по стране в целом и к третьему сектору в частности. По данным мониторинга состояния гражданского общества, проведенного НИУ ВШЭ, с утверждением: «Большинству людей можно доверять» в России в 2007–2009 гг. согласились лишь 18 % опрошенных. В целом Россия по уровню обобщенного доверия (18 %) в разы уступает Дании (67 %), Норвегии (62 %), Финляндии (58 %) и Швеции (56 %) и др.¹⁰¹ За последние 2–3 года благотворительные пожертвования не делали ни разу 48% россиян, добровольной и безвозмездной деятельностью на благо других людей не занималась треть российского населения (75 %) ¹⁰².

По результатам опроса общественного мнения в 2012 г. 40 % взрослого населения РФ полагали, что российские НКО не приносят ни пользы, ни вреда, а их деятельность для большинства граждан не заметна и не важна¹⁰³.

Второй провал, или «филантропическая ограниченность», также характеризует российский третий сектор. Волонтерские проекты,

---

¹⁰¹ Мураева В. Прозрачность и подотчетность российских НКО как ресурс повышения эффективности их деятельности // НКО : законы развития. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nkozakon.ru/materials_comments/235/ (дата обращения: 01.03.2013).

¹⁰² Мерсиянова И. В. Проблема доверия к НКО : взаимосвязь с межличностным доверием и доверием к институтам власти и рынка. СПб., 2010 [Электронный ресурс]. URL: soc-spb.ru/assets/files/Mersiyanova.ppt. (дата обращения: 01.03.2013).

¹⁰³ Отношение граждан к некоммерческим организациям в свете ужесточения законодательства об НКО. 2012. Сент. [Электронный ресурс]. URL: zircon.ru/upload/iblock/8f1...k_NKO_19-11-12.pptx (дата обращения: 01.04.2015).

реализуемые НКО и волонтерскими движениями, направлены на те направления, которые лучше всего поддерживаются немногочисленными донорами и государственными органами власти в рамках отдельных целевых программ. Неспособность российских НКО самостоятельно искать дополнительные источники для реализации своих проектов может быть объяснена как «благотворительный патернализм». Используемый М. Саламоном термин «благотворительный патернализм» означает зависимость НКО от реальных доноров, жертвователей, которые в обмен на ресурсы получают возможность контролировать благотворительный сектор и делают организации третьего сектора зависимыми. «Благотворительный дилетантизм» реально проявился в кризисных ситуациях, когда неподготовленные и необученные волонтеры попали в экстренные ситуации и ни морально, ни физически не были готовы справляться с возникающими в чрезвычайных положениях трудностями.

Таким образом, институциональный контекст развития волонтерства во многом определяется взаимодействием государства, третьего сектора и бизнеса, где на национальном уровне ключевую роль все же играет практика государственного регулирования данного взаимодействия. Важное социальное противоречие заключается в том, что *объективно поддержка российского волонтерства со стороны государства необходима, однако со стороны большинства профессионалов третьего сектора, добровольцев стихийно организующихся волонтерских групп активность государства и чиновников в этом направлении вызывает серьезные опасения.*

По нашему мнению, во многом это обусловлено тем, что в современной российской истории отношение государства к некоммерческому сектору, к гражданской активности и самостоятельности достаточно неоднозначное. Принятие новых законов и внесение поправок к уже действующим, во многом ограничивающих гражданские инициативы населения и деятельность третьего сектора, а также затрагивающих социальнозначимые темы (ФЗ РФ №-65 ФЗ «О внесении изменений в кодекс РФ об административных правонарушениях» и ФЗ РФ №-114 ФЗ «О внесении изменений

в статью 7 ФЗ “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”», ФЗ РФ № 8-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “О некоммерческих организациях”»; ФЗ РФ № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» и т. д.), не только не способствуют реальному развитию третьего сектора, но и оказывают существенное влияние на отношение людей к новым законодательным инициативам. Они демонстрируют только желание государственных служащих вести учет, регистрировать гражданские инициативы активистов, в том числе и добровольцев России.

В этом плане актуализируется еще одно социальное противоречие – между содержанием проекта закона о волонтерах и реальными возможностями его правоприменения в процессе нормативно-правового регулирования деятельности российских добровольцев. Представленный общественности проект декларативно был нацелен на позитивные изменения, на упорядочивание добровольческой деятельности, на регулирование взаимодействия волонтеров, государства, третьего сектора и благотворителей, но его не проработанное содержание в реальности только могло усложнить ситуацию, так как вызывало у специалистов очень много вопросов (к определению статуса волонтера, к ограничению перечня направлений добровольческой деятельности, к процедуре официальной регистрации добровольцев и т. д.).

Обозначим следующую, пятую, проблему – *отсутствие системности нормативно-правового регулирования российского добровольчества*. Практика правового регулирования российского волонтерства ведет свое начало с 1995 г. Развитие добровольчества связано с реализацией Стратегии государственной молодежной политики в РФ, утвержденной Правительством РФ 18 декабря 2006 г. и определяющей совокупность приоритетных направлений, ориентированных на молодежь, включающих задачи, связанные с участием молодежи в реализации приоритетных национальных проектов. Один из проектов Стратегии – «Доброволец России». Ключевым из действующих сегодня российских законов, который содержит правовую норму, касающуюся добровольцев, является Федеральный

закон № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Он регулирует взаимодействие добровольца и благополучателя, регламентирует условия участия добровольца в благотворительной деятельности юридического лица, открывает НКО возможности для возмещения расходов, связанных с исполнением добровольцами своей добровольческой деятельности.

В 2009 г. утверждена «Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ», которая содержит комплекс необходимых мер поддержки развития благотворительного сегмента некоммерческого сектора. Основной целью государственной политики в этой области является активизация потенциала благотворительности и добровольчества как ресурса развития общества, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности, позволяющего дополнить бюджетные источники для решения социальных проблем внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы добровольцев¹⁰⁴.

В отдельных субъектах РФ приняты региональные концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ, как правило, дублирующие основные положения федерального нормативно-правового акта. Существует целый ряд отдельных законов (ФЗ № 82-ФЗ, ФЗ № 7-ФЗ, ФЗ № 98-ФЗ и др.), которые регулируют деятельность общественных объединений и НКО, так или иначе затрагивающих отдельные аспекты волонтерства.

В отдельные федеральные документы включены пункты, связанные с волонтерством. Например, в ФЦП «Развитие физической культуры и спорта в РФ на 2006–2015 гг.» к одной из основных задач относится создание и развитие системы волонтеров (добровольных помощников) в массовом спорте. В приказе Министерства природных ресурсов РФ от 22 апреля 2003 г. № 342 утверж-

---

¹⁰⁴ Концепция содействия развитию благотворительности и добровольчества в Российской Федерации // Благотворительность в России. М., 2009. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusblago.ru/arhiv/2009/22009/> (дата обращения: 24.06.2013).

дены основные направления развития системы государственных природных заповедников и национальных парков в РФ на период до 2015 г. В документе указано, что в сфере эколого-просветительской деятельности представляется необходимым, среди прочего, развивать институт волонтеров для работы в заповедниках и национальных парках. ФЗ № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи» дает право оргкомитету привлекать граждан РФ, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, законно находящихся на территории РФ, в качестве волонтеров для участия в организации и (или) проведении Олимпийских игр и Паралимпийских игр. Таким образом, в разных правовых документах сделаны попытки для выборочного регулирования каких-то аспектов волонтерства, обозначения перспектив развития отдельных видов волонтерской деятельности.

Целая серия лесных пожаров в 2010 г., где наибольшую активность и результативность в борьбе с природной стихией по всей России проявили именно добровольцы, стимулировала принятие 6 мая 2011 г. ФЗ № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране». Анализ дискуссий на форумах добровольцев, принимавших реальное участие в ликвидации пожаров, позволяет заключить, что данный нормативно-правовой акт содержит много белых пятен. Он не вводит реальных гарантий со стороны государства добровольным пожарным, но подразумевает дополнительную бюрократическую волокиту (введение реестра, прохождение добровольцами медицинского освидетельствования и т. д.), которая не может не оказать влияние на результативность деятельности добровольных пожарных.

В ряде регионов введена (но не всегда выплачивается) оплата труда добровольным пожарным. Много свидетельств того, что в добровольные пожарные записывают добровольно-принудительно или по разнарядке. По мнению руководителя лесного отдела Гринпис России А. Ярошенко, данный Федеральный закон «не работает и не может работать из-за своей врожденной несовместимости

с реальной жизнью. Даже официальная добровольная пожарная охрана создается органами государственной власти и органами местного самоуправления вопреки требованиям этого закона»¹⁰⁵.

Совет Федерации Федерального собрания РФ разработал и представил на обсуждение проект ФЗ «О добровольчестве (волонтерстве)». Данный документ вызвал ожесточенную дискуссию со стороны широкой общественности и профессионального сообщества третьего сектора. Это объясняется рядом причин. Во-первых, данный закон (точнее его проект) не решал реальных проблем НКО, привлекающих к своей деятельности волонтеров, дублировал уже действующие законодательные нормы, не вносил ясности в размытые юридические нормы, регулировал только отдельные виды волонтерства. Во-вторых, текст закона выглядел непроработанным. Многие положения не получили должного разъяснения, не прояснились механизмы реализации многих мероприятий.

По мнению большинства руководителей НКО, благотворительных фондов и добровольческих организаций, закон позволял многие нормы трактовать неоднозначно, что в качестве итога могло бы привести к большому количеству дополнений или изменений, либо позволило бы государственным органам власти ограничивать инициативу волонтеров, давало бы чиновникам инструменты управления и подавления волонтерской активности, способствовало бы снижению инвестиций в сферу волонтерства и росту коррупции. Проект нормативно-правового акта в предложенном для обсуждения виде удовлетворял преимущественно потребности государственного бюрократического аппарата, а не институтов гражданского общества.

Законодательная база, затрагивающая различные аспекты волонтерства в нашей стране, носит фрагментарный характер. Большинство документов (концепций, программ и т. д.) декларативно по своему содержанию. Ситуативно регулируются отдельные направления волонтерства, что, на наш взгляд, является следствием

---

¹⁰⁵ Как не работает ФЗ № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране»: пример Томской области // Greenpeace [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?f=48&t=13654> (дата обращения: 21.11.2013).

реализации тактики реагирования на возникающие проблемы при отсутствии спланированной стратегии его государственной поддержки в России. Российские нормативно-правовые акты разных уровней не согласованы между собой и не позволяют дать точные правовые определения волонтерства (добровольчества), обозначить права волонтеров и сферы их деятельности, разъяснить гарантии в отношении их деятельности со стороны государства, а также четко прояснить экономические и правовые механизмы стимулирования развития волонтерства в деятельности государственного и третьего секторов.

Перейдем к анализу проблем и противоречий, выявленных благодаря применению деятельностного подхода к анализу российского волонтерства.

В процессе анализа волонтерской деятельности предполагается оценка волонтеров как акторов, реализующих свою деятельностную активность при определенных условиях. В России эти условия во многом зависят от эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти, которые решают либо не решают различные социальные проблемы населения. Существенную роль играет нормативно-правовая база, в рамках которой открываются возможности для решения этих проблем. Важным видится отношение и желание населения проявлять социальную активность, оказывать помощь другим людям.

В сложившейся ситуации актуализируется необходимость ответа на следующие вопросы: как сегодня в России формально и неформально определяется волонтерство (добровольчество)? кто такой волонтер? что он реально может делать? Постановка данной проблемы в таком ракурсе выводит на рассмотрение в нашем исследовании шестую проблему, связанную с противоречивостью *определения понятия волонтерства в нормативно-правовом поле РФ и сознании россиян*. В законах РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» «добровольцы – физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добро-

вольческой деятельности)»¹⁰⁶. Условия осуществления добровольцем благотворительной деятельности могут быть закреплены гражданско-правовым договором добровольца как с благополучателем, так и с юридическим лицом. Во втором случае договор может рассматривать возмещение расходов добровольцев на наем жилого помещения, проезд до места назначения и обратно, питание, оплату средств индивидуальной защиты, уплату страховых взносов на добровольное медицинское страхование добровольцев при осуществлении ими добровольческой деятельности.

В ФЗ от 30.07.2010 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с организацией и проведением XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи и развитием г. Сочи как горно-климатического курорта» под волонтерами понимаются «граждане РФ и иностранные граждане, заключившие с Оргкомитетом “Сочи 2014” гражданско-правовой договор об участии в организации и (или) проведении Олимпийских игр и Паралимпийских игр путем применения своего опыта, знаний, умений и навыков в целях осуществления мероприятий по организации и проведению Олимпийских игр и Паралимпийских игр без предоставления указанным гражданам денежного возмещения за осуществляемую ими деятельность»¹⁰⁷. Закон гарантирует волонтерам предоставление на безвозмездной и безвозвратной основе форменной одежды и предметов вещевого имущества по нормам и в сроки, которые установлены Оргкомитетом «Сочи 2014».

ФЗ от 25.12.2012 г. № 257-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О физической культуре и спорте в РФ”» определяет

---

¹⁰⁶ О благотворительной деятельности и благотворительных организациях : ФЗ от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/104232/> (дата обращения: 21.12.2015).

¹⁰⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с организацией и проведением XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи и развитием г. Сочи как горно-климатического курорта : ФЗ от 30 июля 2010 г. № 242-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103249/ (дата обращения: 21.12.2015).

волонтеров как «граждан РФ и иностранных граждан, участвующих на основании гражданско-правовых договоров в организации и (или) проведении физкультурных мероприятий, спортивных мероприятий без предоставления указанным гражданам денежного вознаграждения за осуществляемую ими деятельность»¹⁰⁸. Следуя данному закону, организаторы физкультурных или спортивных мероприятий определяют условия и порядок предоставления волонтерам компенсационных выплат, связанных с оплатой стоимости питания, проезда, проживания, а также условия и порядок предоставления спортивного снаряжения, оборудования, спортивной и парадной формы.

Согласно проекту Федерального закона о волонтерстве «Доброволец (волонтер) – физическое лицо, осуществляющее в свободное от работы (учебы) время добровольную социально направленную, общественно полезную деятельность в формах и видах, предусмотренных настоящим Федеральным законом, без получения денежного или материального вознаграждения (кроме случаев возможного возмещения, связанных с осуществлением добровольческой (волонтерской) деятельности, затрат)»¹⁰⁹.

Приведенные определения не всегда совпадают по набору прав и компенсаций. Этот факт демонстрирует «разбросанность» и фрагментарность законодательства, затрудняющего правовую идентификацию и формализованное определение статуса волонтера.

Нет четкого представления о волонтерах и добровольцах и в сознании россиян. Отвечая на вопрос: как называют людей, которые по собственному желанию и без вознаграждения, в свободное от работы (учебы) время делают общественно полезные дела либо помогают нуждающимся – гражданам, животным и т. п., 38 % респондентов, принявших участие во всероссийском опросе населения,

---

¹⁰⁸ О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в РФ»: ФЗ от 25 декабря 2012 г. № 257-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139762/ (дата обращения: 21.12.2015).

¹⁰⁹ Сайт Общественной палаты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oprf.ru/ru/discussions/1389/newsitem/20345?PHPSESSID=g7ceu68lpp64va08eg4tuv1r6> (дата обращения: 21.12.2015).

затрудились дать какой-либо ответ, 32 % назвали их волонтерами, 6 % – добровольцами, 11 % – добрыми, хорошими, милосердными людьми, альтруистами и т. д.¹¹⁰ И эти данные неудивительны, так как практически каждый второй из числа всех опрошенных (49 %) ничего не знает о деятельности добровольцев (волонтеров) в своем городе, селе или поселке. По результатам другого исследования ФОМ отмечается, что даже «внутри сообщества добровольцев нет общепринятых представлений (языка) о таких фундаментальных вещах: кто может, а кто не может считаться добровольцем, чем должны, а чем не должны заниматься волонтеры»¹¹¹.

Следующей, седьмой проблемой волонтерства, выделенной благодаря использованию в исследовании деятельностного подхода, является проблема *стихийного объединения людей и активизации волонтерской активности россиян вне институционализированных структур*. Активность волонтерского движения в России обусловлена определенными условиями, такими как повышение «коммуникативной свободы» россиян (упрощение доступа к получению и предоставлению информации, возможность быстрой коммуникации без пространственных и временных ограничений); функциональная ограниченность исполнительной власти по оперативному оповещению и решению проблем населения в кризисных ситуациях; несовершенство российского законодательства; неразвитость третьего сектора как следствие «незрелости» гражданского общества и ограничений со стороны институтов государственной власти.

Традиции исследования волонтерства напрямую связаны с изучением проблем гражданского общества. В теории третьего сектора в структуру гражданского общества включают: социальные сети, местные организации и НКО¹¹². Кризисные ситуации с пожарами

---

¹¹⁰ Данные опроса «ФОМнибус» 18–19 мая 2013 г. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/10927> (дата обращения: 10.06.2014).

¹¹¹ Иванова И. И., Петренко Е. С. Авангардные группы – основа российского добровольчества. М. : ФОМ, 2012. С. 17.

¹¹² Аузан А. А., Тамбовцев В. Л. Экономическое значение гражданского общества // Вопр. экономики. 2005. № 5. С. 48.

в России (2010–2011) и наводнение в Краснодарском крае (2012) реально продемонстрировали ключевые признаки национального гражданского общества. Благодаря этим событиям отчетливо проявились жизнеспособность и результативность функционирования социальных сетей волонтеров, которые, благодаря интернет-коммуникации, самоорганизовывались в добровольческие отряды, выезжали на места трагедии. Благодаря СМИ и сети Интернет россияне увидели реальную работу НКО и благотворительных фондов, которые занимались сбором, доставкой и распределением гуманитарной помощи и частных пожертвований. Трагедии консолидировали местные сообщества, в рамках которых жители отдельных территорий объединялись для решения текущих проблем.

Чрезвычайные события последних лет помогли выявить социальное противоречие, связанное с практиками взаимодействия волонтеров, населения и чиновников, представляющих органы государственной исполнительной власти, демонстрирующих сложности институционального взаимодействия волонтерства и власти. Оно заключается в том, что *наряду с реальным запросом общества на помощь волонтеров проявляется неоднозначная реакция чиновников на волонтерскую деятельность*. Речь идет об отсутствии взаимодействия, о разных позициях, непонимании, а в некоторых аспектах даже противостоянии волонтерского сообщества и бюрократии.

Волонтерство самим населением оценивается позитивно. Это обусловлено тем, что волонтеры оказывали непосредственную помощь конкретным людям, обеспечивали информационную доступность к проблемам и их решению как очевидцы событий. Они способствовали общественному контролю над деятельностью различных специалистов на местах, выявляли и по возможности предотвращали факты коррупции. Позиция же чиновников базируется на том, что с деятельностью волонтеров сопряжен целый комплекс проблем. Это и отсутствие у добровольцев специальной подготовки, необходимой для работы в кризисных ситуациях; и недостаток должной организации их действий; распространение дезинформации, обеспечивающей на местах трагедии хаос и панику; вмешательство в работу профессионалов.

В связи с этим четко обозначилась восьмая проблема, связанная с *необходимостью структурирования волонтерского движения, регулирования взаимодействия волонтеров и государственных структур, а также с важностью принятия мер для поддержки развития волонтерства со стороны государства*. Однако здесь следует отметить и противоречие, которое заключается в том, что *законодательные инициативы государства, направленные на упорядочивание деятельности волонтеров, самими волонтерами рассматриваются как ограничение свободы их действий*. Во многом это противоречие обусловлено российской традицией государственного управления, связано с попытками государственных чиновников осуществлять тотальный контроль за активностью своих граждан.

Деятельностный подход, реализованный в исследовании российского волонтерства, позволил выявить девятую проблему, также связанную с реализацией государственной политики, с желанием российских чиновников *ограничивать одни виды деятельности волонтеров и способствовать развитию других*. Изменение законодательной базы РФ показывает, что активно стимулируется спортивное волонтерство среди молодежи и т. д. Проект закона о волонтерах продемонстрировал попытку официального запрета волонтерства в политической сфере. Суть проблемы заключается в том, что при существующей государственной политике приоритет отдается не интересам населения, исходя из анализа конкретных социальных проблем, а задачам государства и чиновников, которые реализуют свои политические амбиции, проводят выборы, осуществляют масштабные проекты.

Поддержка активности волонтерского движения молодежи развивается вокруг организации и проведения целого ряда массовых спортивных мероприятий, таких как XXVII Всемирная летняя универсиада в Казани (привлекались 20 тыс. волонтеров), зимние Олимпийские и Паралимпийские игры в Сочи (задействованы 25 тыс. волонтеров) и т. д. Подобное положение дел демонстрирует параллельное существование государства и российского третьего сектора, развивающего более традиционные для России формы волонтерства.

При организации крупных международных соревнований власть отдельно от действующих в России волонтерских организаций решает свои текущие задачи. П. В. Шевченко, исследующий московское добровольчество, отмечает, что в этих условиях опыт действующих волонтеров фактически проигнорирован властью. По его убеждению, информационная кампания и привлечение внимания преимущественно к спортивному направлению может привести лишь к кратковременному росту интереса населения к волонтерству¹¹³. В это же время гражданская активность населения в политической сфере вызывает опасения у представителей властных структур.

В связи с международными событиями 2014 г. в России негласно (особенно заметно в медийном дискурсе включение позиции государственных чиновников) поддерживается военное волонтерство.

В несколько другом аспекте деятельностный подход к изучению волонтерства как одного из видов социальнополезной деятельности открывает возможность обозначить *десятую проблему* – *вхождения деятельности волонтеров в различные противоречия с деятельностью профессионалов*. Эта проблема находит свое отражение как в организационном, так и в эмоционально-психологическом планах, затрагивая в большей мере область социальной работы. В российских социальных учреждениях и организациях сферы здравоохранения деятельность волонтеров не получила широкого распространения. Во многом это связано с отсутствием сложившихся традиций подобного взаимодействия; с неразработанностью системы специальной подготовки волонтеров в сферах здравоохранения и социальной защиты (как правило, реализуемой в других странах на базе некоммерческих организаций); с ограничениями нормативно-правовой базы, не позволяющей сотрудникам подведомственных социальных учреждений привлекать к своей деятельности волонтеров без участия НКО, а также с отсутствием у большинства администраторов и специалистов необходимых ресурсов и опыта организации такой деятельности.

---

¹¹³ Шевченко П. В. Социальная роль московского волонтерства // Социс. 2013. № 8 (340). С. 68.

В эмоционально-психологическом плане пересечение деятельности добровольцев и профессионалов может, с одной стороны, рассматриваться как вмешательство в профессиональную сферу деятельности лиц с ограниченным уровнем компетенции. С другой стороны, делать «закрытую» для широкой общественности деятельность социальных работников, социальных педагогов, обслуживающего персонала больниц и т. д. публичной, тем самым опосредованно влиять на ее качественные характеристики.

Возможные сценарии решения выявленной проблемы могут рассматриваться в развитии специализированных НКО и активизации взаимодействия социальных учреждений и институтов образования. Волонтерские организации в этом случае, по мнению А. А. Клепиковой, отвечают не только за поиск ресурсов, рекрутинг и организацию деятельности волонтеров, но и за то, что функции и роли, выполняемые волонтерами в отношении подопечных, не пересекаются с теми, что зарезервированы за государственными учреждениями и их работниками¹¹⁴. НКО и социальные учреждения выступают как партнеры, которые решают совместными усилиями конкретные проблемы, при этом каждый из участников остается в своем статусно-правовом поле¹¹⁵. Кроме того, в российской практике имеется опыт взаимодействия социальных учреждений с высшими учебными заведениями, где осуществляется подготовка специалистов «помогающих профессий».

Необходимость разработки федеральных и региональных программ взаимодействия медицинских учреждений с волонтерами, лидерами которых могут стать студенты-волонтеры, отмечает А. В. Старшинова¹¹⁶. Согласно ее мнению в этом объективно за-

---

¹¹⁴ Клепикова А. А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью : конструкты волонтерства и профессионализма // Журн. исследований социальной политики. 2011. Т. 9, № 3. С. 405.

¹¹⁵ Кривоносова Л. А. Проблемы бездомных граждан – поле взаимодействия органов власти с некоммерческими организациями // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 3. С. 93–97.

¹¹⁶ Старшинова А. В. Волонтерская деятельность в детском здравоохранении и профессиональное развитие студентов, обучающихся социальной работе // Системная интеграции в здравоохранении. 2011. № 4(15). С. 70–79.

интересованы как студенты – будущие профессионалы, так и образовательные и медицинские учреждения. Подобное взаимодействие обеспечивает дополнительные возможности организации деятельности студентов для профессионального развития. В работе же высокотехнологичных медицинских учреждений, где отсутствует возможность финансирования сервисных услуг, таких как уход за пролеченным больным в восстановительный и реабилитационный период, открывается поле деятельности для волонтеров.

Общностный подход в исследовании волонтерства в России позволяет очертить одиннадцатую проблему – *четкого определения качественных и количественных характеристик российских волонтеров как общности в определенных территориальных границах*. В Российской Федерации официальная статистика по волонтерству отсутствует. В последнее время все попытки чиновников официально «пересчитать» добровольцев не приводят к желаемому результату. Данные же различных исследовательских организаций, проводивших опросы общественного мнения среди населения, имеют отличия, объяснимые, как правило, особенностями исследовательской методологии, объединением волонтерства с другими формами благотворительности или обобщением различных видов «помагающего поведения».

Согласно результатам международного исследования Gallup в 2010 г.¹¹⁷ число граждан, работавших в России волонтерами в организациях, составляло 26 % от числа всех опрошенных, в то время как оказывали помощь незнакомым людям 36 % респондентов¹¹⁸. По результатам исследования 2011 г. в качестве волонтеров в различных организациях работали 23 % от всех опрошенных россиян, в том числе 26 % из числа мужчин и каждая пятая (20 %) из числа

---

¹¹⁷ Данные исследования World View World Poll – долгосрочное исследование общественного мнения, которое проводится в 153 странах и охватывает около 95 % населения мира (около 6,96 млрд человек). Выборка по России – 2000 человек. Ошибка выборки не более 4,7 %.

¹¹⁸ Civic Engagement Highest in Developed Countries. 18.11.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/poll/145589/civic-engagement-highest-developed-countries.aspx#2> (дата обращения: 17.03.2014).

женщин, принявших участие в опросе. Помогали нуждающимся незнакомым людям также 36 % россиян, 38 % представителей мужской части населения и 35 % от числа опрошенных женщин¹¹⁹.

По данным ВЦИОМ 2011 г. «добровольно и бесплатно на пользу обществу в течение последних трех лет хотя бы однажды трудился каждый второй россиянин (53 %)»¹²⁰. Такой высокий показатель во многом объясняется тем, что к добровольчеству в рамках исследования была отнесена благотворительность граждан в виде пожертвований денежных средств или вещей. Согласно результатам опроса, проведенного в 2012 г. Левада-центром, численность россиян, которые лично за последние пять лет оказывали кому-либо какую-то благотворительную помощь, значительно меньше, таковых 24 % от числа всех опрошенных. Различными видами волонтерской деятельности хоть раз за этот период занимался лишь каждый десятый (10 %) гражданин России, 14 % опрошенных жертвовали деньги либо участвовали в сборе вещей и продуктов для нуждающихся людей¹²¹.

По данным ФОМ «за последние два-три года только 25% россиян добровольно работали на благо других людей. Регулярно занимались подобной работой 8 % опрошенных, редко, несколько раз – 14 %, лишь однажды – 2 %»¹²². Исследователи изучали «вовлеченность населения в благотворительную деятельность» как важный показатель самоорганизации общества, включая в него как безвозмездную деятельность на благо других людей, так и денежные пожертвования незнакомым нуждающимся людям.

---

¹¹⁹ Мировой рейтинг благотворительности : отчет. 2011. С. 54 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cafrussia.ru/> (дата обращения: 17.03.2014).

¹²⁰ Добровольчество в России : потенциал участия молодежи : пресс-выпуск № 1785. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111713> (дата обращения: 15.05.2014).

¹²¹ Каждый четвертый россиянин оказывал благотворительную помощь... : пресс-выпуск Левада-центра. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/05-12-2012/kazhdyi-chetvertyi-rossiyanin-okazyval-blagotvoritelnuyu-pomoshch-khotya-raz-za-poslednie/> (дата обращения: 12.09.2014).

¹²² Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации : отчет по проекту. М. : ФОМ, 2012. С. 12.

При обобщении данных российских исследователей определить общее число российских волонтеров достаточно сложно. По нашему мнению, ограничивать численность волонтерской общности только подсчетом граждан, оказывающих помощь нуждающимся людям в рамках организаций или каких-либо групп на регулярной основе (согласно методологии МОТ), в нашей стране нецелесообразно. Достаточно много россиян, которые оказывают помощь другим самостоятельно, без объединения с кем-либо в какие-либо группы. В исследовании ФОМ среди всего числа выявленных волонтеров безвозмездной деятельностью в одиночку занимались 13 % респондентов¹²³. Таким образом, велика доля тех россиян, кто оказывает помощь в одиночку, вне каких-либо институциональных объединений или групп.

Значительное число российских граждан могут помогать другим людям ситуативно, без участия в каких-либо организациях в силу традиций взаимопомощи, характерных для российской культуры. Придерживаясь схожей исследовательской позиции в оценке численности волонтерской общности, А. В. Трохина в 2011 г. определила, что доля волонтеров среди населения трех крупных субъектов РФ составила всего 3,9 % (опрос проводился Федеральной службой статистики в Краснодарском крае, Челябинской области, Татарстане)¹²⁴. Следует отметить, что данные территории лидируют по численности социально-ориентированных НКО.

Несмотря на то, что представленные выше результаты всероссийских исследований несколько завышены, численность волонтерской общности в России все равно довольно значительна. В связи с этим отметим ряд следующих моментов. Во-первых, исследование распространенности и представленности в России детского и юношеского волонтерства практически никто не занимается. Соответственно определить, сколько граждан данной возрастной группы действительно занимаются добровольчеством, не представля-

---

¹²³ Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации. С. 12.

¹²⁴ Трохина А. В. Занятость волонтеров в России : формирование и регулирование : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2012. С. 22.

ется возможным. Во-вторых, оценка всей общности волонтеров в России не дана, так как, по нашему мнению, исследуемая общность достаточно обширна и включает в себя людей разных социально-демографических групп (без возрастных ограничений), работающих и работавших на благо других членов общества с различной степенью интенсивности. В-третьих, существуют определенные сложности в реализации исследования из-за того, что многие виды деятельности не идентифицируются россиянами с волонтерством, хотя по своей сути включены в него. Также многие из российских волонтеров не желают делать эту деятельность публичной.

Важно отметить, что для российских граждан в целом характерно участие в жизни других людей. За последний год «помогающее поведение» проявляли 76 % россиян. Главным образом оказывали помощь ближайшему окружению: 46 % – родственникам, 39 % – друзьям, 31 % – соседям, 25 % – знакомым. Примерно каждый десятый россиянин (9 %) был вовлечен в добровольческую работу через те или иные организации¹²⁵. В основном это происходило по месту работы (4 %) или жительства (3 %), а также в составе инициативных групп (2 %). Эти данные косвенно демонстрируют ресурс гражданской взаимопомощи в российском обществе.

В качестве двенадцатой проблемы обозначим *сегментированность волонтерской общности в России и отсутствие единых оснований, которые позволяли бы в обществе идентифицировать саму общность, а внутри нее открывали бы возможность ее членам идентифицировать друг друга*. По нашему мнению, в России нет единой идеологической основы волонтерства. Это приводит к тому, что отдельно друг от друга функционируют разные типы волонтерских общностей: религиозные и светские волонтеры; занимающиеся «прогосударственным» волонтерством и работающие в третьем секторе; стихийно сложившиеся и централизованно организованные государственными органами исполнительной власти группы добровольцев. Во многом такое положение дел является

---

¹²⁵ Данные опроса «ФОМнибус» 18–19 мая 2013 г. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10927> (дата обращения: 10.06.2014).

следствием того, что государство пытается эксплуатировать ресурс волонтерства и оказывается «в разных взаимоотношениях» с различными группами волонтеров. Церковное добровольчество находится вне деятельности государства, практически не получает поддержки в содержании хосписов, благотворительных столовых и т. д. Стихийно самоорганизующиеся группы и добровольческие движения выполняют работу за «не справляющееся с проблемами населения» государство – ищут средства на лечение людей, борются с пожарами и наводнениями, решают проблемы с мигрантами и т. д. Волонтеры, работающие в прогосударственных НКО, выполняют задачи в интересах государства.

Следующая, тринадцатая, проблема, определенная нами благодаря применению в исследовании общностного подхода, связана с *нереализованностью желания россиян оказывать помощь другим, работать волонтерами*. Потенциальных членов общности волонтеров в России оказывается существенно больше, чем реальных. Практически все исследования демонстрируют, что среди российских граждан значительно число тех, кто никогда не работал волонтером, но при определенных условиях хотел бы это делать. Данные опросов показывали, что, несмотря на все усилия государства в этом направлении, молодежь наряду с пенсионерами оказывалась наименее вовлеченной в добровольческую деятельность¹²⁶. Благодаря активизации в стране молодежной политики, различным федеральным целевым программам, эта ситуация постепенно изменяется.

Однако начинает проявляться другая существенная проблема – *ограниченная включенность российской молодежи в добровольчество*. В современных условиях в поле волонтерской деятельности, как правило, оказывается организованная молодежь, во многом благодаря инициативам учебных заведений и принудительному характеру рекрутирования учащихся в волонтерские организации.

---

¹²⁶ Добровольчество в России : потенциал участия молодежи : пресс-выпуск № 1785. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111713> (дата обращения: 15.05.2014).

А. В. Стагнеева отмечала, что в России отсутствует система целенаправленной и последовательной подготовки молодежи к работе в качестве волонтеров. Это в итоге и приводит к значительным разрывам между числом молодых людей, заявляющих о потенциальной готовности участвовать в добровольческой деятельности, и числом тех, кто реально ведет такую работу¹²⁷.

Пятнадцатой проблемой, выявленной в исследовании российского волонтерства благодаря общностному подходу, является *проблема протестного потенциала добровольческого движения в России, которое может продвигать свои ценности и идеалы, объективно идущие вразрез с декларируемым направлением социальной и экономической политики*. Так как политическая и волонтерская активность характерна для одной и той же социальной группы населения (и в конструктивную, и в протестную деятельность включены представители одних и тех же групп, это сравнительно обеспеченные и образованные представители городского среднего класса¹²⁸), у власти это вызывает определенные опасения и желание вести учет или тотальную регистрацию членов волонтерской общности с целью не их поддержки, как в практике развитых стран, а бюрократизации процесса управления стихийной организацией населения.

Описанные в данном разделе проблемы и противоречия не являются исчерпывающими. Однако благодаря социологическому анализу с применением в исследовании общеметодологических подходов, раскрыта специфика российского волонтерства, что открывает возможность представить всю его сложность как социального явления.

---

¹²⁷ Стагнеева А. В. Развитие молодежного волонтерства : социально-технологический подход // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.online-science.ru/products/social_science/gid371/pg0 (дата обращения: 04.04.2014).

¹²⁸ Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации. С. 19.

2.4. Компаративный анализ мировых тенденций развития волонтерства

Выделенные социологические проблемы становления и развития волонтерства в России, США и Европейском союзе с использованием институционального, общностного и деятельностного подходов позволяют говорить о функционировании национальных моделей изучаемого социального феномена. Выявление, сопоставление и сравнение характеристик институционального развития волонтерства отдельных стран в пространственно-временном континууме открывают возможность рассмотреть не только отличия, отражающие специфику волонтерской деятельности и общностей добровольцев разных государств, но и выделить сущностные, принципиально значимые характеристики исследуемого глобального феномена, обозначить наиболее важные компоненты и общие тренды в развитии социального управления волонтерством как системой, спрогнозировать перспективы его дальнейшего развития в различных условиях.

Системный и управленческий подходы, описанные в первой главе, в реализации компаративного анализа волонтерства являются определяющими и интегрируют потенциал институционального, общностного и деятельностного подходов для выделения оснований, по которым будет осуществляться сравнение. В заданной логике исследования институциональный подход позволяет охарактеризовать в национальных моделях волонтерства субъекты управления, институциональную среду волонтерства и его формальную структуру, выделив различные структурные элементы и описав стандартизированную систему отношений, возникающих между ними. Благодаря общностному подходу, мы исследуем общность волонтеров и ее ключевые подобщности как объекты управления. В ходе применения деятельностного подхода проявляются отличия и сходство в системе «практических действий» и целях деятельности волонтеров различных подобщностей как объектов и субъектов управления.

Проведенный в главе анализ волонтерства в различных регионах, сравнение различных аспектов и выявление ключевых проблем в его развитии на основе изучения наиболее авторитетных исследований социологов, результатов опросов общественного мнения и нормативно-правовой базы позволил нам сделать вывод о том, что в современном мире волонтерство как социальный феномен может быть представлено рядом доминирующих моделей.

В отдельных странах исследуемый феномен развивается в определенных направлениях. В последние годы именно разные векторы развития обуславливают состояние волонтерства, которое возможно рассматривать в рамках конкретных моделей как «образцов», характеризующих суть изучаемого явления и имеющих ряд узловых свойств и признаков. По нашему убеждению, модель волонтерства – это комплекс его ключевых характеристик, выделенных сквозь призму системного рассмотрения волонтерства как института, общности и деятельности и по своей сути составляющих ее основу. В этом смысле общие характеристики различных моделей позволяют отличить развитие волонтерства в одной группе стран от другой группы через оценку выраженности в них модельных признаков изучаемого феномена и их системного проявления как института, общности и деятельности.

Выбор трех объектов исследования и сопоставление российского волонтерства с волонтерством США и Европейского союза обусловлены тремя причинами. Во-первых, изучаемый феномен в этих территориальных границах проявляет себя в разных моделях, демонстрируя различные траектории своего развития, при этом сохраняя определенные различия как между отдельными государствами, так и внутри каждой отдельной страны по штатам, округам, регионам и т. д. Во-вторых, американское волонтерство теоретически может рассматриваться как некая идеальная «традиционная демократическая модель», демонстрирующая во временной перспективе определенное постоянство направления развития волонтерства с учетом социальных и экономических изменений.

Данная модель может быть выделена в ряде развитых стран (Канада, Австралия и т. д.), в том или ином виде именно она ретранс-

лируется на многие развивающиеся страны. В то же время волонтерство в странах ЕС характеризуется в работе как «смешанная модель», реализующаяся на территории Европы. По данным «Мирового индекса благотворительности» из всех континентов именно Европа наряду с Америкой за пять последних лет демонстрирует реальный статистически значимый рост волонтерства и «помогающего поведения» среди населения¹²⁹. По нашему мнению, именно эта модель отражает возможные проблемы и перспективы развития российского волонтерства как «постсоветской или квазидемократической модели», так как охватывает в едином институциональном пространстве разные страны. В одних государствах этой территории доминируют элементы выделенной выше «традиционной модели», в других прослеживаются черты «постсоветской модели». Именно поэтому «смешанная модель» показывает возможности, функциональность и дисфункциональность интеграции не только разных стран, но и возможных направлений развития в них волонтерства. В-третьих, именно выбранные для анализа модели при всех своих отличиях представляют общие, характерные черты и специфические аспекты волонтерства как глобального явления.

Первый вариант – традиционная «демократическая модель». Ее специфика заключается в том, что волонтерство является частью государственной истории, представляет собой сформированную национальную традицию. В объективном плане оно развивается в рамках отрегулированного нормативно-правового поля в созданной государством инфраструктуре, поддерживаемой на уровне межсекторного взаимодействия государства, бизнеса и населения, где превалируют партнерский тип отношений и взаимовыгодное для всех участников взаимодействия сотрудничество. В субъективном плане волонтерство этой модели находит ярко выраженную поддержку и одобрение со стороны населения, демонстрирующего высокие показатели вовлеченности в различные волонтерские практики,

---

¹²⁹ Мировой рейтинг благотворительности. 2013. С. 51 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cafrussia.ru/> (дата обращения: 17.03.2014).

определенный уровень престижности волонтерства в обществе, признание его социального эффекта и значимости для отдельного гражданина.

Модель характеризуют: трансформирующаяся в соответствии с политической и экономической «повесткой дня» государственная политика развития и поддержки волонтерства; широкое разнообразие волонтерских программ и проектов, которое открывает населению социальные лифты для реализации социальной, географической, образовательной, профессиональной мобильности, предоставляет возможности для самореализации или решения каких-либо личных проблем. Этой модели присущи: национальная пропаганда и активная информационная кампания, сохраняющая имидж волонтерства как деятельности при переходе от доминирования традиционной – религиозно-ориентированной жизнедеятельности к распространенности светского образа жизни; сложная структура общности, где есть определенные императивы внутриобщностной идентификации ее членов; доминирование организованных форм волонтерства; развитость международного и национального добровольчества; высокий уровень профессионализации как самой деятельности волонтеров, так и управления ею.

Вторая модель волонтерства – «смешанная модель» – реализуется в границах Европейского союза. Ключевую особенность данной модели определяет тот факт, что в одном нормативно-правовом, экономическом и политическом пространстве объединены страны, где волонтерство проявляется либо в качестве национальной традиции, либо как относительно новое социальное явление. В силу разного исторического, социально-экономического и политического бэкграунда добровольчества в этих странах оно имеет существенно различающуюся степень распространенности. Содержание деятельности волонтеров характеризуется сильно дифференцированной мотивацией и поддержкой населения.

С объективной точки зрения, волонтерство данной модели определяется: наличием разной степени проработанности нормативно-правового регулирования на общеевропейском, национальном и локальном уровнях; существованием объединенной системы

международной, общеевропейской и национальных структур организации управления волонтерством, создающей условия для реализации социальной мобильности европейского населения; развитым третьим сектором; поливариантностью видов и типов волонтерской деятельности. В субъективном плане волонтерство этой модели демонстрирует тенденции прагматизации волонтерского труда, обусловленные изменением его мотивации.

По нашему мнению, в качестве характерных черт второй модели могут быть выделены: многоуровневая, мультикультурная, привязанная к тенденциям экономического развития ЕС политика, регулирующая и стимулирующая развитие волонтерства; существование зависимости управления волонтерством отдельных стран – участников ЕС от реализуемых в них национальных моделей государственного управления; активная информационная поддержка имиджа волонтерской деятельности; развитая структура третьего сектора; многообразие видов, типов и направлений деятельности волонтеров; профессиональный менеджмент волонтерской деятельности.

Третья модель, выявленная в ходе нашего исследования, – «постсоветская – квазидемократическая» – характерна для России и ряда стран постсоветского пространства. В рамках этой модели национальная история становления и развития волонтерства имеет дискретный, противоречивый характер, в результате которого в обществе нарушена реальная преемственность исторически сложившейся традиции, не закреплена и социальная норма волонтерской деятельности. Модель характеризуют: стихийность практик нормативно-правового регулирования различных видов взаимодействий волонтеров; несформированность третьего сектора; отсутствие инфраструктуры волонтерства; противоречивый характер институционального взаимодействия государства и институтов гражданского общества, в котором его реальные субъекты далеко не всегда получают поддержку; низкая активность в этом направлении бизнес-сообщества. Уровень когнитивной, эмоциональной и поведенческой вовлеченности населения в проблемы развития волонтерства достаточно невысокий, при общем одобрении волонтерской деятельности в обществе реальное участие населения

в нем незначительно. На макроуровне волонтерство в данной модели представляет собой «фантом», находящий свое отражение в официальной статистике, в массовизации добровольчества, доминировании среди населения случайного, эпизодического характера волонтерской деятельности. Оценивая данную модель волонтерства на мезоуровне социального взаимодействия, можно говорить о существовании определенной волонтерской общности (статистически значимой), члены которой, вопреки внешним условиям, стремятся реализовать свою мотивацию в добровольчестве, которое в данном случае оказывается сродни сподвижничеству.

Характерными чертами третьей модели являются: негибкая, бессистемная государственная политика в отношении поддержки ограниченного числа направлений волонтерской деятельности; неразвитость третьего сектора как «провайдера» волонтерской деятельности и реализации гражданской активности; низкий уровень вовлеченности в развитие добровольчества субъектов экономической сферы. Эту модель отличают: непроработанность системы государственной поддержки развития волонтерства и необходимой для этого инфраструктуры на федеральном, региональном и локальном уровнях; отсутствие национальной идеологии волонтерства; разобщенность членов волонтерской общности. Вместе с тем следует отметить распространенность неформальных видов деятельности волонтеров в условиях реализации традиции взаимопомощи друг другу как элемента национальной культуры.

Еще раз подчеркнем, что рассмотрение названных и описанных выше моделей осуществляется сквозь призму системного, институционального, общностного и деятельностного подходов, позволяющих выделить общие критерии и провести сравнение волонтерства в России, США и Европейском союзе, обозначив значимые отличия (табл. 2.1).

Системное рассмотрение волонтерства, выделение его модельных характеристик как института, общности и деятельности показывает, что при реализации той или иной модели в разных странах наибольшее число различий проявляется на институциональном уровне, наименьшее – на общностном и деятельностном уровнях.

Т а б л и ц а 2.1

**Сравнение системных характеристик российского, американского и европейского волонтерства
как института, общности и деятельности**

Критерии сравнения	Россия	США	Европейский союз
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА			
<i>Неформальные нормы и правила (механизмы формирования)</i>			
Система ценностей населения. Ценность доверия	Ценность межличностного доверия, значимость сетей межличностного общения	Значимость «генерализованного обобщенного доверия», социальное воспроизводство ценности «взаимодействующего доверия»	Разные страны демонстрируют разные значения ценностей межличностного и обобщенного доверия, однако ценность доверия к «новым знакомым» во многих странах ЕС невысокая
Потребность населения в волонтерах и самореализация в волонтерских практиках	Уровень готовности населения к волонтерству высокий, реальные показатели действия невысокие	Уровень одобрения деятельности волонтеров в стране высокий. Высокие показатели активности волонтеров в стране	Разные страны демонстрируют разные показатели
Традиции волонтерства	Исторические традиции не сформированы, последние квазиволонтерских практик советского периода затрудняют формирование традиций добровольчества	Волонтерские традиции имеют длительную историю формирования, в обществе сформированы социокультурные механизмы их поддержания и передачи от поколения к поколению	ЕС объединяет территории, где традиции сформированы исторически, а также страны, где эти традиции отсутствуют. В пространстве ЕС волонтерские традиции трансформируются

Продолжение табл. 2.1

Критерии сравнения	Россия	США	Европейский союз
Волонтерство в институтах образования, семьи, СМИ	Неработанность системы популяризации детского волонтерства. Отсутствие стратегии продвижения волонтерства в обществе. Невключенность волонтерства в образовательный и воспитательный процессы	Популярность семейного волонтерства. Наличие образовательных волонтерских программ для детей и молодежи. Сформированная идеология, спланированная информационная политика, формирующие американскую идентичность волонтера	Наличие системы волонтерских программ для детей и молодежи. Имиджевая информационная политика по популяризации волонтерства
Образцы и стереотипы поведения	Волонтерство – занятие «особых людей», долг перед обществом	Благотворительность, милосердие и волонтерство – практики «успешных людей». Данный стереотип поддерживается в обществе «значимыми другими», начиная с президента страны	Волонтерство – старт трудовой карьеры или ее продолжение
<i>Формальные нормы (механизмы формирования и реализации)</i>			
Нормативно-правовая база	Отсутствие признаков системности нормативно-правового регулирования волонтерства	Система нормативно-правового регулирования волонтерства	Наличие общих векторов формирования нормативно-правового поля, регулирующего волонтерство в отдельных государствах

Продолжение табл. 2.1

Критерии сравнения	Россия	США	Европейский союз
<p>Модели управленческих отношений в социальной структуре на уровне межсекторного взаимодействия</p>	<p>Государственный контроль третьего сектора, его ограниченная стихийная развитость. Слабая включенность в процессы развития волонтерства бизнес-сектора. Ориентация управленческих отношений на интересы и проблемы государства</p>	<p>Хорошо развитый третий сектор. Включенность бизнеса, развитые практики корпоративной благотворительности и волонтерства. Государственное планирование и ресурсная поддержка системного развития волонтерства. Ориентация управленческих отношений на проблемы и возможности волонтеров</p>	<p>Наличие общих рекомендаций для реализации национальной политики в отношении волонтерства. Развитый сектор, включающий международные и национальные организации. Общеввропейская политика, направленная на сетевое развитие третьего сектора. Смешанная ориентация управленческих отношений на проблемы волонтеров и интересы правительства ЕС</p>
<p>Организационная среда и инфраструктура</p>	<p>Фрагментарность инфраструктурной организации волонтерства. Управляются и регулируются отдельные виды волонтерства. Системное распределение ресурсов осуществляется преимущественно на федеральном и региональном уровнях.</p>	<p>Иерархическая система управления и организации волонтерства от федерального до локальных уровней</p>	<p>Общая институциональная структура ЕС, включающая международные и общесекторные организации, взаимодействующие с национальными волонтерскими организациями. Искусственное объединение национальных структур организации управления волонтерством</p>

Критерии сравнения	Россия	США	Европейский союз
	Инфраструктура на региональном и локальном уровнях формируется стихийно		вом и общеевропейских нормативных документов, программ и институтов
<i>Характеристики общности волонтеров</i>			
Структура общности	Сегментированная структура общности. Формальных волонтеров не более 3 % от числа всего населения старше 18 лет. Несформированность национальной идеологии волонтерской общности	Сегментированная структура общности. Большая численность формальных волонтеров, отсутствие неформального волонтерства. Наличие национальной идеологии и идентичности волонтерства	Сегментированная структура общности. Определенная национальная разобщенность членов общности. В разных странах разные показатели формального и неформального волонтерства
Субъективные характеристики общности: ценностные ориентации, жизненные планы, мотивация	Нереализованность потенциала намерений самореализации в волонтерстве. Ресурсные ограничения волонтеров как барьер	Доминирование эгоистических мотивов и прагматическое планирование личного и карьерного развития	Динамика мотивации волонтеров от альтруизма к прагматизму
Механизмы стимулирования и мотивации волонтерства	На организационном уровне складывается стихийно, на государственном не проработан	Разработана и внедрена в практики система нематериального и материального поощрения волонтеров на всех уровнях управления	Ретранслируется международный опыт стимулирования волонтеров

О к о н ч а н и е т а б л. 2.1

Критерии сравнения	Россия	США	Европейский союз
Оценка взаимодействия волонтеров	Неформальные социальные сети, определяющие характер взаимодействия в отдельных сообществах	Формальные организационные начала взаимодействия	Разные типы взаимодействия волонтеров
<i>Характеристика деятельности волонтеров</i>			
Специфика содержания деятельности	Развитость неформальных видов волонтерской деятельности, представленность и популярность отдельных видов формального волонтерства	Деятельность волонтеров жестко формализована, представлены ее различные направления и формы	Представленность всех видов, типов и форм волонтерской деятельности
Уровень технологизации деятельности	Низкий уровень технологизации волонтерства. Отсутствие профессиональной подготовки организаторов волонтерской деятельности. Ограниченная распространенность международных стандартов волонтерской деятельности	Высокий уровень технологизации волонтерства. Волонтерский менеджмент – профессиональная деятельность. Стандартизация труда волонтеров	Высокий уровень технологизации волонтерства. Волонтерский менеджмент – профессиональная деятельность

Несмотря на выделенные в данной главе региональные отличия в развитии волонтерства, существует ряд общемировых тенденций, характеризующих глобальный характер изучаемого явления и общие тренды, позволяющие делать прогнозы в отношении перспектив волонтерства в рамках той или иной модели. Обозначим глобальные тенденции в системном развитии волонтерства как социального института и его проявления в рамках анализируемых моделей.

Структура поля волонтерства детерминирует статус добровольца и его поведение, предлагает ему как актору определенные правила, предоставляет возможности, создает условия для реализации своей собственной активности. В результате анализа моделей волонтерства в странах Европейского союза, США и России нами установлено, что *неформальные нормы и правила взаимодействия волонтеров между собой и с теми людьми, кому они помогают, во многом зависят от институциональной среды, где развивается волонтерство*. В этом смысле одно из ключевых мест занимает система ценностей населения отдельной территории, определяющая потребности людей в помощи волонтеров, их оценки волонтерской деятельности и потребности населения в реализации себя в волонтерских практиках. Особенно важны установки и ценности, которые имеют решающее значение для социальной стабильности и сотрудничества. Многочисленные эмпирические исследования волонтерства показывают, что доверие – одна из таких наиболее важных интегрирующих констант.

Результаты последней волны WVS 2011–2014 гг. демонстрируют, что в странах, где волонтерство развивается по демократической модели, уровень «обобщенного генерализированного доверия»¹³⁰, отражающего число тех людей, кто в той или иной стране доверяет другим людям, так же, как и уровень доверия к власти, третьему сектору, СМИ, выше, чем в странах, где реализуется постсоветская модель. В этих странах значительно больше число доверяющих другим людям людей (на 5,5 % – в США, на 22,2 % –

---

¹³⁰ Сасаки М., Давыденко А. В., Латов Ю. В., Ромашкин Г. С. Доверие как элемент социального капитала России // Мир России. 2010. № 2. С. 78–97.

в Австралии), чем в современной России. Страны, где реализуется смешанная модель, демонстрируют разнообразие данного показателя от самого наибольшего значения в Германии (44,6 %) до наименьших в Польше (22,2 %) и Румынии (7,7 %), напрямую коррелируя со значениями распространенности волонтерства и помогающего поведения среди населения этих стран¹³¹.

В странах с постсоветской моделью развития волонтерства доминируют ценности доверия людей друг к другу в ближайшем окружении, проявляется недоверие к расширению социальных связей, к включению в них новых людей. Тех, кто в ходе WVS отметил полный уровень доверия к своим соседям, в России практически в три раза больше, чем в Австралии, на 10,4 % больше, чем в США. Страны, где реализуется смешанная модель развития волонтерства, наглядно демонстрируют определенные мозаичные отличия в распределении своего населения по уровню семейного и соседского доверия. Например, число жителей Германии, с разной степенью недоверия относящихся к членам своей семьи, практически в два раза больше (5 %), чем румын (2,7 %) и поляков (2 %)¹³².

Уровень недоверия к незнакомым значительно выше в России, в разной степени его отметили 78,7 % россиян, тогда как в США только 64,4 % от числа всех респондентов, в Австралии еще меньше – 54,9 % опрошенных. Это влияет наряду с невысоким уровнем доверия населения к государству и третьему сектору на распространенность среди россиян неформальных практик взаимопомощи, а также в некоторой степени объясняет трудности в институционализации формального волонтерства и его популяризации в рассматриваемых странах.

В рамках европейского пространства, где реализуется смешанная модель волонтерства, проявляется специфика его развития

---

¹³¹ World Values Survey. Wave 6 : 2010–2014. Online Data Analysis [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 05.01.2015).

¹³² Певная М. В. Ценность доверия как определяющий императив развития волонтерства // Социокультурное развитие большого Урала : тренды, проблемы, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 376–384.

в отдельных странах ЕС, сопряженная, по нашему мнению, с культурой и традициями этих стран, продуцирующая значимость среди своего населения разных видов доверия. Данная модель волонтерства воспроизводится не только в условиях различной представленности разных видов доверия как ценности населения ЕС, но и демонстрирует схожие тенденции в этих странах – высокие показатели недоверия среди населения ЕС к новым знакомым.

В качестве еще одной общей тенденции глобального уровня можно выделить *влияние на развитие волонтерства исторически сложившихся в тех или иных обществах традиций, определяющих социальные нормы «одобряемого поведения», поддерживающие определенные образцы и стереотипы восприятия волонтерства среди населения разных стран*. Россия, как и многие страны постсоветского пространства, демонстрирует определенные сложности с тем, что среди ее населения исторически не сформирована традиция волонтерской деятельности. В этом плане наследие религиозного русского добровольчества практически утеряно, светское квазиволонтерство советского периода дискредитировано, в общественном сознании стойко закрепился стереотип восприятия волонтеров как особых, «исключительных» людей, а волонтерства – как долга или обязанности. В странах бывшего социалистического лагеря живут традиции коллективной организации образовательно-воспитательного процесса с целью формирования доминирующей в обществе идеологии.

В странах, где реализуется демократическая модель волонтерства, можно говорить об исторически-сложившихся традициях этой деятельности, существовании целой системы механизмов их передачи от поколения к поколению, доминировании в обществе стереотипа восприятия благотворительности, меценатства и волонтерства как проявлений поведения успешных людей.

В территориальном пространстве Европейского союза с выделенной нами смешанной моделью волонтерства представлены страны, где анализируемые традиции сформированы исторически, а также государства, где они практически отсутствуют.

Описанные в нашей работе социологические проблемы европейского волонтерства позволяют отметить определенные векторы трансформации волонтерских традиций. Во-первых, религиозные основания, а следовательно, и традиции этой деятельности существенно ослабевают под воздействием экономической и политической нестабильности, при снижении численности верующих людей. Во-вторых, светские традиции волонтерства трудно формируются и закрепляются в мультикультурном, многонациональном пространстве, они все время требуют внешнего (ресурсного, организационного) стимулирования для своего развития.

Следующей общей тенденцией, характеризующей институциональное развитие волонтерства как глобальное явление, по нашему мнению, является его *тесная связь с различными типами кризисов (природными, техногенными, политическими, экономическими и т. д.), которые возможно рассматривать в одних случаях как среду формирования социальной нормы волонтерской деятельности или внешние стимулы волонтерской активности, в других – как ключевой элемент социального контекста, продуцирующий активность волонтеров независимо от типа модели, по которой развивается волонтерство.* В процессе систематизации теорий волонтерства Л. Хастинг, Р. Кнаан и Ф. Ханди также отметили, что в дополнение к долгосрочным процессам социальных изменений экономический спад, природные и техногенные катаклизмы и бедствия, политические кризисы имеют огромное влияние на развитие волонтерства¹³³.

Наш анализ показывает, что во всех странах без исключения кризисные ситуации, связанные с техногенными, природными катаклизмами, террористическими актами, военными действиями и политическими конфликтами, способствуют росту волонтерской активности населения.

Разница видна лишь в последствиях, сопряженных с деятельностью волонтеров во время таких кризисов и после них. Анализ российского волонтерства показал, что в странах, где волонтерство

---

¹³³ *Hustinx L., Cnaan R., Handy F. Navigating Theories of Volunteering : A Hybrid Map for a Complex Phenomenon // J. for the Theory of Social Behaviour. 2010. Vol. 40, Nr 4. P. 426.*

развивается в соответствии с «постсоветской моделью», наряду с активностью волонтеров обостряются проблемы их взаимодействия с институтами власти, структурами, призванными по своим функциям решать возникающие в обществе проблемы, связанные с безопасностью населения, как итог – нарастает социальная напряженность, проявляются моменты конфронтации институтов гражданского общества и государства. В странах, где представлена «демократическая модель» волонтерства, подобные кризисы активизируют волонтерские инициативы населения, а уровень доверия к институтам власти и самому волонтерству в обществе начинает повышаться.

Еще одна общемировая тенденция заключается в том, что вне природных, стихийных и техногенных кризисов *развитие волонтерства тесно сопряжено с уровнем экономического благополучия и социальной стабильности общества*. Результаты всероссийских и международных социологических исследований показывают (И. Мерсиянова, Т. Ротоло, Дж. Вилсон, Х. Анхер, Л. Саламон и др.), что на личностном уровне это проявляется в вовлеченности в волонтерскую деятельность чаще всего людей с более высоким уровнем образования и стабильным доходом. На макроуровне социологического анализа исследователи показывают, что в странах с более низкими темпами инфляции и безработицы численность волонтерства более высокая¹³⁴. История ряда европейских стран и США наглядно демонстрирует, что в ситуации экономической нестабильности развитием волонтерства, деятельностью волонтеров и волонтерским движением возможно управлять, руководствуясь государственными интересами и вкладывая в этот процесс определенные ресурсы.

По нашему мнению, развитие волонтерства в разных странах во многом обусловлено не только показателями экономической стабильности и исторически сложившимися в обществе волонтерскими традициями, определяющими менталитет их населения, но и *практиками государственного управления, формирующими тип*

---

¹³⁴ Hackl F., Halla M., Pruckner G. Volunteering and the State // Discussion Paper. Germany, 2009. Nr 4016. P. 17.

устройства социального государства и задающими определенный характер взаимодействию граждан с чиновниками и с институтами власти в целом.

Идеология патернализма в странах, где реализуется «постсоветская модель» волонтерства, по нашему мнению, порождает социальную пассивность большей части населения. Данные проанализированных нами опросов общественного мнения показывают, что число россиян, которые хотели бы принять участие в волонтерской деятельности, и число реально действующих волонтеров существенно расходятся.

На территории ЕС, где реализуется «смешанная модель» волонтерства, в разных группах стран (в средиземноморских странах, бывших странах социалистического лагеря и старой Европе) волонтерство развивается по своим сценариям не только из-за наличия или отсутствия устоявшихся волонтерских традиций, но и потому, что в них по-разному выстраиваются отношения населения с государством, которое неодинаково оказывает государственную поддержку населению своих стран. Изучая запросы населения европейских стран на государственную поддержку, О. С. Грязнова и В. С. Магун выявили, что существуют определенные отличия в ценностных предпочтениях их граждан¹³⁵. Согласно данным их исследования население стран постсоветского пространства и Средиземноморья менее активно и проявляет патернализм, перекладывает проблемы и ответственность на государство.

Жители стран бывшего социалистического лагеря в значительной мере ориентированы на ценности «сохранения», они выстраивают свою личную жизнь в расчете на поддержку со стороны своего близкого социального окружения. В то же время граждан средиземноморских стран отличает склонность к ценности «забота», которая проявляется в искренних переживаниях за судьбы других людей и уверенности в том, что им необходима помощь государства. Исследователи предполагают, что «более сильная выражен-

---

¹³⁵ Грязнова О. С., Магун В. С. Запросы жителей европейских стран на государственную социальную поддержку и их базовые ценности // SPERO. 2012. № 17. С. 33.

ность влияния ценностей на адресованные государству запросы связана с тем, что в постсоциалистических и “фамилиаристических” странах (государствах Средиземноморья) действуют менее прозрачные правила (пере)распределения социальной помощи и поддержки в сравнении с институционально более продвинутыми европейскими странами, относящимися к либеральному, консервативному или социал-демократическому типу устройства социального государства»¹³⁶.

Несмотря на то, что идеального типа полной институционализации общества в реальности не существует, в странах, где волонтерство развивается по «демократической модели», сами волонтеры действуют в рамках организационных структур. Они включаются в деятельность организаций, созданных либо под контролем, либо при активном содействии государства и обеспечивающих совпадение индивидуальных желаний, возможностей и действий своих граждан предлагаемым в обществе формам их организации.

В дополнение к вышеобозначенным тенденциям необходимо отметить *зависимость траектории развития волонтерства от институциональных механизмов, продуцирующих и ретранслирующих волонтерство как социальную норму*. Включение волонтерства в тех или иных видах в образовательно-воспитательный процесс (системная образовательная политика в этом направлении, наличие программ детского волонтерства, образовательные и социальные проекты, детские волонтерские клубы и движения в образовательных и досуговых учреждениях и т. д.), его системная репрезентация в информационном контенте (средствах массовой информации и социальных сетях) как следствие спланированной и активно реализуемой информационной политики в поддержку волонтерства, обеспечивают условия для формирования благоприятной социальной среды, порождающей волонтерскую активность. Важную функциональную нагрузку в этом плане выполняют ивент-менеджмент и ресурсы социальных сетей, обеспечивающие поддержание традиций благотворительной и волонтерской деятель-

---

¹³⁶ Грязнова О. С., Магун В. С. Запросы жителей европейских стран на государственную социальную поддержку и их базовые ценности // SPERO. 2012. № 17. С. 33.

ности в обществе, ретранслирующие определенные позитивные образцы и стереотипы поведения с национальной окраской и интернациональной значимостью.

В странах, где реализуется «постсоветская модель», эта тенденция проявляется лишь в ограниченных направлениях волонтерства, которые находят всестороннюю государственную поддержку. В странах с демократической моделью волонтерства информационная и образовательная политика в этом направлении четко структурирована и системна. Пространство ЕС демонстрирует возможности институционального влияния на развитие волонтерства, когда объединенное правительство разрабатывает идеологию общеевропейского волонтерского движения, выделяет ресурсы на его реальное развитие и информационную поддержку.

Следующая общемировая тенденция в развитии волонтерства сопряжена не только с необходимостью *развития третьего сектора, но и востребованностью в создании благоприятной среды для институционализации различных неформализованных стихийных практик гражданской активности на уровне отдельных государств*. В странах, где сегодня волонтерство развивается по первой выделенной нами модели, стимулирование уже существующей структуры третьего сектора не влечет за собой его существенных качественных и количественных изменений, а гражданские формы стихийной самоорганизации волонтеров начинают сосредотачиваться в виртуальном сетевом пространстве вне поля внимания действующей власти. В государствах ЕС, где реализуется смешанная модель волонтерства, наряду с развитым третьим сектором, представляющим возможности для формального волонтерства, существуют и начинают проявляться все большее число практик неформальной взаимопомощи граждан друг другу. В этом случае определяющую роль координатора данных процессов должно выполнять государство, планирующее и реализующее политику в отношении поддержки волонтерских инициатив своих граждан, динамично изменяющуюся и учитывающую не только текущие социальные проблемы, но и потребности, а также возможности самих волонтеров.

Рассмотрим общемировые тенденции, характеризующие изменения волонтерской деятельности и общности добровольцев вне каких-либо определенных национальных границ, а также их наиболее яркие проявления в выделенных нами моделях.

Отметим глобальную тенденцию появления *все большего числа направлений волонтерской деятельности и форм волонтерства, детерминирующих усложнение структуры волонтерской общности и усложняющих условия управления ею на всех уровнях (организационном, территориальном, национальном)*. Особенно это обнаруживается в странах, где реализуются «постсоветская» и «смешанная» модели волонтерства. В них повсеместно появляются все новые формы индивидуальной включенности населения в волонтерские практики, реализуемые без посредничества НКО. Развитие неформального волонтерства порождается возрастающими общественными потребностями населения в помощи со стороны других людей.

Еще одна тенденция, характеризующая изменения волонтерской общности вне каких-либо национальных границ, связана с *проблемами поддержания в разных типах общества социальной дифференциации ее членов, проявляющейся в волонтерстве, несмотря на его ключевые сущностные характеристики*. Близость социально-стратификационных позиций волонтеров усиливает солидарность внутри отдельных волонтерских подобщностей, но не способствует интеграции их в единую общность, где все члены имеют схожую идентификацию друг с другом.

Схожие тенденции в разных странах отражают также изменения мотивации волонтеров, многие исследования демонстрируют ее трансформацию от альтруизма к прагматическим, в некоторых случаях даже эгоистическим основаниям. В связи с этим изменениям подвергается и функциональная нагрузка волонтерской деятельности, которая связывает волонтера любой возрастной группы с рынком труда, становится его личностным ресурсом, обеспечивая ему определенный статус, набор компетенций и открывая дополнительные возможности для трудоустройства либо закрепления на рынке труда. Отличие территорий, где реализуют-

ся выделенные модели волонтерства, заключается в том, что в одних условиях (постсоветская модель) эти трансформации в значительной мере связаны с изменением мотивации самих волонтеров, в других (демократическая модель) – с разработанной системой внешнего стимулирования, реализованной в специальных государственных волонтерских программах.

Глобальным изменениям подвергаются и другие характеристики волонтерской деятельности. *Традиционные коллективные практики взаимопомощи уступают место индивидуализированной волонтерской деятельности, которая начинает носить дискретный проектный характер с учетом возможностей, желаний и предпочтений самих волонтеров, их личностных ресурсов.* Данная общемировая тенденция волонтерства, характеризующая опять же изменение волонтеров, их мотивации и деятельности в сторону прагматизации и рационализации, проявляется вне зависимости от модели, по которой развивается волонтерство в той или иной стране.

Согласно теории межгенерационной перемены ценностей Р. Инглхарта¹³⁷ сегодня происходит изменение в ценностных приоритетах людей. Исследователь выявляет в развитых странах тенденцию перехода от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения», от «традиционных» к «светско-рациональным ценностям», определяющим основные убеждения людей и приводящим к изменению условий их жизни, влияющим на их мотивацию как акторов, на изменение характера волонтерской деятельности, которую они выбирают или не выбирают.

Л. Хастинг, Р. Кнаан и Ф. Ханди отмечают, что в научный оборот сегодня введено понятие рефлексивного волонтерства, которое закрепляет включение волонтерской деятельности в активную реконструкцию индивидуальных биографий, самобытности и образ жизни самого волонтера. «По сравнению с традиционными формами волонтерства как неизменной приверженности коллективным привычкам и организационным процедурам, “новый тип волонтерства” характеризуется более эпизодическими усилиями самих

---

¹³⁷ Инглхарт Р. Постмодерн : меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис (Политические исследования). 1997. № 4. С. 6.

волонтеров, их эгоистической мотивацией и слабой привязанностью к каким-либо организациям»¹³⁸.

Учитывая выделенные общемировые тренды в развитии волонтерства, нельзя не констатировать, что стратегия управления российским волонтерством может быть универсальна и должна реализовываться с учетом нескольких ключевых положений:

- волонтерство является не только значимым явлением, но и социальным механизмом, прикладной технологией реализации различных направлений социальной политики, которые смогут развиваться в стране только в случае системного повышения уровня социально-экономического благополучия населения;

- необходимо встраивать технологии системного развития волонтерства в образовательно-воспитательный процесс с учетом национальных традиций воспитания и образования;

- для развития волонтерства необходимо повышать уровень доверия общества к институтам власти и третьему сектору;

- в концепции формирования государственной идеологии волонтерство может рассматриваться как национальная идея, требующая разработки согласованной информационной политики, направленной на ее поддержку;

- мониторинг и ресурсная поддержка неинституциональных видов волонтерства являются одними из перспективных направлений деятельности в отношении реализации возможности эффективного управления волонтерством;

- актуализированы развитие и популяризация коллективных форм волонтерства в отдельных сферах и сообществах (трудовых, образовательных, этнических, досуговых, религиозных), обеспечивающие возможности для построения сетей взаимодействия волонтеров и управления ими;

- наиболее продуктивным в отношении социального управления волонтерством является проектный подход;

- необходимы ресурсная поддержка социально-ориентированных НКО, а также создание условий для профессионализации специа-

---

¹³⁸ Hustinx L., Cnaan R., Handy F. Navigating Theories of Volunteering : A Hybrid Map for a Complex Phenomenon. P. 426.

листов третьего сектора как «провайдера» деятельности волонтеров и популяризации волонтерских практик в разных сферах общества.

Итак, достаточно яркие национальные и региональные отличия российского, американского и европейского волонтерства не только демонстрируют специфику каждой из выделенных моделей, но и отражают общемировые тенденции, характеризующие волонтерство и позволяющие прогнозировать его дальнейшее развитие в различных социокультурных контекстах. Четко обозначенные глобальные тенденции в системном развитии волонтерства фиксируют, что формальные и неформальные нормы, а также правила взаимодействия волонтеров между собой и с теми людьми, кому они помогают, во многом зависят от институциональной среды, где развивается добровольчество. Основу этой среды формирует система ценностей населения отдельных территорий и исторически сложившиеся в тех или иных обществах традиции волонтерства и взаимопомощи. Они находятся в тесной связи с уровнем экономического благополучия и социальной стабильности общества, вписываются в контекст определенных практик государственного управления, задающих условия развития третьего сектора и становления гражданского общества.

Такие институциональные основания развития волонтерства позволяют предполагать, что при поддержании определенного уровня «обобщенного генерализированного доверия» (к власти, третьему сектору, СМИ, другим людям) в странах, где волонтерство реализуется по демократической модели, направление его развития как социального института существенно не изменится. Результаты последней волны исследования жизненных ценностей — WVS 2011–2014 гг. демонстрируют, что в этих странах уровень обобщенного доверия выше, чем в современной России. Стабильному развитию волонтерства в рамках первой модели будет способствовать и экономический рост отдельных государств, например, по прогнозам в США его показатели вырастут в 2015 г. на 3 %¹³⁹.

---

¹³⁹ Robinson G. The 20 Fast Growing Economies This Year // Bloomberg Business. 2015 [Электронный ресурс]. URL: // Bloomberg.com (дата обращения: 25.02.2015).

Скорее всего, вектор развития волонтерства в рамках демократической модели будет наиболее устойчивым по сравнению с другими моделями даже при ухудшении экономической ситуации и дальнейших трансформациях добровольческих традиций в обществе. Во многом этому будут способствовать сформированный третий сектор, пользующийся высоким уровнем доверия со стороны населения, и хорошо отработанные социальные механизмы, запущенные в сферах образования, культуры, массовых коммуникаций, продуцирующие и ретранслирующие волонтерство как социальную норму.

Направление развития волонтерства в странах со смешанной моделью, по нашему мнению, прогнозировать сложнее всего. Ключевая проблема, определяющая несколько возможных вариантов, заключается в экономических и политических основаниях объединения стран – участников ЕС, имеющих существенные социальные и культурные отличия. Они оказываются в едином образовании, где общие регулирующие институты затрагивают своими решениями не только проблемы волонтеров отдельных стран-участников, но и работают на унификацию деятельности добровольцев в пространстве всего ЕС.

Разная степень и качественные характеристики развития третьего сектора отдельных европейских государств на фоне замедления темпов экономического роста (по прогнозам, в 2015 г. его показатели относительно экономики еврозоны составят не более 1,2%¹⁴⁰) и существования политических разногласий по отдельным вопросам порождают негативную динамику доверия европейцев друг к другу и к институтам власти. Неоднозначное влияние на отношение европейцев разных стран к волонтерству (его дискредитацию в общественном мнении) могут оказать и российско-украинские события 2014–2015 гг., в ходе которых был зафиксирован рост числа военных волонтеров – граждан европейских и постсоветских стран. Такая характеристика ситуации позволяет прогнозировать не только снижение численности реально действующих волонтеров ЕС,

---

¹⁴⁰ Robinson G. The 20 Fast Growing Economies This Year // Bloomberg Business. 2015 [Электронный ресурс]. URL: // Bloomberg.com (дата обращения: 25.02.2015).

но и изменение характера их деятельности даже в тех странах, где сильны добровольческие традиции. Сложно предсказывать, как повлияет на европейское волонтерство увеличение числа вынужденных мигрантов, а также усиливающиеся угрозы террористических актов по отношению к европейцам.

Однако не исключен и второй сценарий, согласно которому европейское волонтерство будет приближаться к демократической модели. Аккумуляция потенциала смешанной модели возможна за счет активной общеевропейской социальной политики, в том числе и по отношению к волонтерству, учитывающей контекст общегосударственных социальных проблем, динамику показателей экономической стабильности не только разных стран – участников ЕС, но и отдельных социальных групп европейцев. Экономическая и социальная стабильность является необходимым условием волонтерской активности. Более низкие темпы инфляции и безработицы в европейских странах на макроуровне, а также доход и занятость на индивидуальном уровне способствуют развитию волонтерства.

Как нам кажется, системная поддержка инфраструктуры формального волонтерства на общеевропейском уровне, программное распределение ресурсов на развитие его различных видов с учетом характеристик уже сложившейся общеевропейской информационной политики в отношении волонтерства, позитивно повлияют на распространенность и качественные характеристики волонтерства в странах ЕС.

Наиболее неоднозначные прогнозы развития волонтерства можно дать относительно стран, где представлена постсоветская модель. Например, в России во внешнеполитических кризисных условиях, когда уровень экономического благополучия россиян существенно ухудшился, можно ожидать провалов в развитии формального волонтерства и активизации проявлений неформальных видов самоорганизации россиян. По нашему мнению, это наиболее вероятный сценарий развития российского волонтерства в силу ряда следующих институциональных обстоятельств.

Во-первых, отсутствие экономической стабильности в стране сокращает не только ресурсы добровольцев, которые они могут тратить на волонтерство, но и возможности российского населе-

ния включаться в различные волонтерские практики, при том что потребность общества в помощи волонтеров только растет.

Во-вторых, слабо развитый третий сектор вследствие государственной политики получает в свой адрес удар за ударом, постепенно ограничивается ресурсная поддержка государства. Первый существенный удар третий сектор как институциональное основание инфраструктуры волонтерства получил благодаря Федеральному закону от 20.07.2012 г. №121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Следующий удар готовился посредством внесения проекта поправок в федеральный бюджет, подготовленный Министерством финансов РФ и предполагавший сокращение, еще хуже: ликвидацию финансирования государственной Программы поддержки социально-ориентированных НКО. Таким образом, государство делает попытки уменьшить возможности некоммерческого сектора, к которому и так в российском обществе на протяжении длительного времени остается низкий уровень доверия. По данным САФ только 6 % россиян готовы жертвовать деньги на благотворительную деятельность, и этот показатель не меняется с 2009 г.¹⁴¹ На фоне кризиса сокращается и корпоративная благотворительность.

В-третьих, благодаря опять же событиям на Украине в информационной повестке российских СМИ сам термин «волонтерство» (добровольчество) начинает ретранслироваться в своем милитаристском значении, практически во всех развитых странах давно ушедшем в прошлое. Само понятие «волонтерство», как и исследуемый нами феномен, при этом получает неоднозначные смысловые трактовки в медийном пространстве и соответственно в сознании россиян. Данный процесс способствует разделению россиян на полярные социальные группы «одобряющих» и «осуждающих» действия власти и поступки «российских добровольцев».

---

¹⁴¹ Мировой рейтинг благотворительности: Россия – 126-я // Филантроп : электрон. журн. о благотворительности [Электронный ресурс]. URL: <http://philanthropy.ru/analysis/2014/11/18/18828/> (дата обращения: 15.12.2014).

В-четвертых, в качестве социальных механизмов, ретранслирующих волонтерство как социальную норму в обществе, в нашей стране запущены отдельные волонтерские программы образовательно-воспитательного характера, ориентированные, как правило, только на организованную молодежь – студенчество. Инициированные и оплаченные государством общественные движения у большинства населения не вызывают доверия, а независимым НКО и группам волонтеров реклама в СМИ не нужна¹⁴², при том что информационная политика в отношении волонтерства на государственном уровне не спланирована и не реализуется.

Кризисная ситуация в стране, спровоцированная внешнеполитическими процессами и внутренним состоянием российской экономики, не будет способствовать наращиванию потенциала доверия в российском обществе. За 15 лет реформ создана система, в которой доверию не оказалось места. Само же доверие перестало быть элементом культуры общества, его традиции¹⁴³. Социально-экономическая нестабильность будет во многом детерминировать проявления стихийного неформального волонтерства. Россияне станут оказывать разные виды помощи друг другу, в обществе с «парализованным» третьим сектором начнут активизироваться процессы самоорганизации людей, направленные на решение насущных проблем.

При пассивной позиции исполнительной государственной власти волонтерство в России может стать неформальным сектором, который в дальнейшем только обострит негативное отношение населения к государству как институту власти. Стратегия «пассивности» субъектов власти федерального, регионального и локального уровней затрагивает не только проблемы волонтерства, но и практически все аспекты социальной жизни России. Это во многом связано с директивностью, авторитарностью управления в стране в целом. Чиновники разных уровней управления практически не прини-

---

¹⁴² Яницкий О. Н. Общественный активизм в России : вчера и сегодня // Власть. 2015. № 2. С. 54.

¹⁴³ Кривоусков В. В. Фактор доверия в минимизации институциональных рисков в системе обеспечения консолидации российского общества // Власть. 2013. № 1. С. 37.

мают самостоятельных решений, не проявляют особых инициатив, не оказывают поддержку инициативам «снизу», их задача – «попасть в струю». На любых уровнях управления, на любых должностных позициях в его иерархии мало кто думает о долгосрочных перспективах и последствиях.

По нашему мнению, волонтерские практики – благоприятное поле, порождающее гражданскую активность и аккумулирующее протестный потенциал россиян. Эмпирические исследования показывают, что российские волонтеры всегда вступают во взаимодействие (подчас конфликтное, даже тогда, когда конфликт не входит в намерения инициаторов) со сложившимися институтами. В этом взаимодействии активисты требуют либо изменения правил и практик, либо просто благ от властей, мало интересуясь правилами¹⁴⁴. Кроме того, добровольное участие волонтеров в протестном движении, ориентированном на побуждение власти к изменениям в системе или режимах правил, практика вполне самоочевидная¹⁴⁵. С позиции большинства населения именно социальная активность может преодолевать социальный фатализм¹⁴⁶. По нашему мнению, «синдром активности» как деятельности на благо общества, государства, не имеющего отношения к личности и ставящего личность в сугубо функциональные отношения, описанный А. Э. Страдзе¹⁴⁷, в кризисной ситуации перестанет срабатывать.

Ослабление государственной поддержки развития волонтерства в рамках любой из выделенных нами моделей в разной степени будет способствовать изменению структуры волонтерской общности, стимулировать появление новых видов волонтерства.

---

¹⁴⁴ Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации. С. 93.

¹⁴⁵ *Климов И. А.* Конструктивные и протестные движения как ресурс для изменения социальных практик и институтов // *Жури. исследований социальной политики.* 2014. Т. 12, № 2. С. 9.

¹⁴⁶ *Горшков М. К.* Российское общество как оно есть. М. : Новый хронограф, 2011. С. 278.

¹⁴⁷ *Страдзе А. Э.* Социальная активность в российском обществе : структурно-деятельностное измерение : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д : Юж. федер. ун-т, 2013. С. 6.

Модельные характеристики волонтерства как общности и деятельности имеют наименьшие отличия в разных странах. Практически повсеместно отмечается появление все новых и новых направлений волонтерской деятельности, что способствует увеличению числа волонтерских подобщностей, затруднению групповой идентификации и усложнению условий управления волонтерами.

Традиционные коллективные практики взаимопомощи уступают место индивидуализированной волонтерской деятельности, которая начинает носить преимущественно дискретный, проектный характер с учетом возможностей, желаний и предпочтений самих волонтеров, их личностных ресурсов. В связи с этим в научный оборот сегодня введено понятие «рефлексивного волонтерства», которое закрепляет включение волонтерской деятельности в активную реконструкцию индивидуальных биографий. Такая деятельность характеризуется чаще всего эпизодическими усилиями самих волонтеров, их эгоистической мотивацией и слабой привязанностью к каким-либо организациям¹⁴⁸. Она требует профессионального подхода к ее планированию, организации и управлению в нашей стране, что, в свою очередь, должно объективно стимулировать процессы профессионализации волонтерства. Необходимым представляется развитие общности профессионалов, умеющих организовывать деятельность волонтеров с разными возрастными и социально-демографическими характеристиками. Нужно обратить серьезное внимание на особенности профессиональной подготовки специалистов в сфере образования и социальной работы.

Вне зависимости от отличительных характеристик выделенных нами моделей во всех странах, где они реализуются, происходят процессы, влияющие на изменение мотивации волонтеров как акторов. Альтруистические основания волонтерской деятельности тесно переплетаются с эгоистическими мотивами, а сама деятельность становится более рациональной и прагматической.

Перейдем к подробному рассмотрению специфики управления волонтерством в нашей стране.

---

¹⁴⁸ Hustinx L., Cnaan R., Handy F. Navigating Theories of Volunteering : A Hybrid Map for a Complex Phenomenon. P. 426.

Глава 3

СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ ВОЛОНТЕРСТВОМ В РОССИИ

3.1. Характеристика системы социального управления российским волонтерством

В начале главы с помощью системного подхода рассмотрим систему социального управления добровольчеством в контексте определенных социальных, экономических, политических отношений, складывающихся в пространственно-временном континууме вокруг волонтеров, их деятельности и ее результатов. Во втором подразделе данной главы представим анализ процессов управления добровольцами и их деятельностью в институциональном срезе. В третьем подразделе исследуем ресурсы общности добровольцев с применением общностного подхода. В заключительном подразделе главы используем для анализа управления российским волонтерством возможности преимущественно деятельностного подхода, акцентируя внимание на процессах профессионализации волонтерского труда в России.

Специфика социального управления волонтерством проявляется в его системных качествах. Первоначально представим наше понимание системы социального управления волонтерством как определенной взаимосвязи прямо и опосредованно коррелирующих друг с другом системных элементов, тесно взаимодействующих между собой, функционирующих с определенными целями и оказывающих управленческие воздействия на волонтеров и их деятельность как объекты управления.

По нашему мнению, система социального управления российским добровольчеством обусловлена:

- Сложностью волонтерства как социального феномена (его структуры, функций, многообразием видов, типов и направлений).

- Включенностью системы управления волонтерством в систему государственного регулирования взаимодействия разных социальных общностей и спецификой внутриобщностного взаимодействия.

- Множественностью субъектов управления, в качестве которых выступают органы государственной законодательной и исполнительной власти, институт местного самоуправления, государственные подведомственные учреждения сферы культуры, образования, здравоохранения и социальной защиты, некоммерческие и коммерческие организации и их сотрудники.

- Фрагментарностью стихийно формирующейся объективной структуры системы социального управления волонтерством за счет ее механического включения в систему государственного управления и ее смысловой неопределенности в субъективном восприятии ключевых субъектов и объектов управления.

На рис. 3.1 представлена модель, в которой конкретизируются условно выделенные уровни управления, реальные субъекты и объекты в системе социального управления российским волонтерством. Волонтеры разных подобщностей включены в различные виды взаимодействия и на обозначенных выше уровнях социального управления попадают под прямое и опосредованное управленческое воздействие целого ряда субъектов управления.

Государство и его институты, структуры некоммерческого и коммерческого секторов в разных странах имеют специфические характеристики, их институциональное взаимодействие во многом определяет характер воздействия на волонтеров этих стран. Если в большинстве экономически развитых стран институциональное взаимодействие государственного и некоммерческого секторов выстраивается на партнерских основаниях, когда некоммерческий сектор развит наравне с государственным, при этом он ресурсно

Рис. 3.1. Модель системы социального управления российским волонтерством

независим и поддерживается населением, частным бизнесом, то в современной России реализуется патерналистская модель межсекторного взаимодействия.

В нашей стране ярко выражено доминирование публичной власти, государство разрешает определенную автономию организаций и добровольцев в обмен на политическую лояльность, избирательно обеспечивает поддержку деятельности отдельных организаций (финансирование, льготы и преференции) и добровольческих движений как на федеральном, так и на региональном и локальном уровнях. НКО в этом случае несамостоятельны, зависимы

от финансирования со стороны государства¹; общественные институты зачастую не могут формировать повестку дня, предлагать решения определенных проблем.

Существенные отличия проявляются и в позиции российского бизнеса в практиках межсекторного взаимодействия. В стране не развито социальное предпринимательство², в благотворительную деятельность оказывается включенным преимущественно крупный бизнес. По данным Общественной палаты РФ «благотворительная активность российского бизнеса сегодня носит скорее “ответный” характер – в большинстве случаев инициатива в запросе на помощь исходит от граждан и организаций, нуждающихся в ней. Инициативные благотворительные практики бизнеса встречаются заметно реже. Активность НКО в привлечении бизнеса к благотворительности сегодня также невысока и малоэффективна. Лишь 5 % компаний-благотворителей оказывают благотворительную помощь на основании запросов от НКО. В свою очередь, представители НКО жалуются на то, что подавляющее число их запросов на помощь, адресованных коммерческим компаниям, так и не перерастают в конкретные благотворительные мероприятия»³.

Говоря о российском государстве, следует отметить, что оно само не может напрямую использовать волонтеров в своих целях, привлекать их к деятельности государственных структур без некоммерческого сектора, который в определенных ситуациях «достраивается» при активном содействии исполнительных органов власти, как правило, на основе ранее существовавших обществен-

---

¹ Стратегия – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика : итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (дата обращения: 21.11.2014).

² Социальное предпринимательство в России. М. : Аналит. центр «МСП Банк», 2014. С. 23.

³ Корпоративная благотворительность в России : оценка эффективности работы существующей институциональной среды // Сайт Общественной палаты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem/13594?PHPSESSID=gmohev66ocnuls7iuqf56431j02> (дата обращения: 21.11.2015).

ных структур и объединений. Регулируя с помощью нормативно-правовых механизмов деятельность третьего сектора, государство влияет на волонтеров.

Таким образом, в российских реалиях управление волонтерами осуществляется как прямо – на макроуровне (федеральное, региональное и локальное управление) и на мезоуровне отдельных организационных структур (негосударственных, некоммерческих), так и опосредованно, – на макроуровне, где осуществляется государственное регулирование деятельности третьего сектора и волонтеров федерального, регионального и местного значения. Отдельные аспекты управления (самоуправления) волонтерами очевидны также и на микроуровне – в процессе неформальной самоорганизации россиян (табл. 3.1).

Т а б л и ц а 3.1

Виды управленческих воздействий на разных уровнях социального управления российским волонтерством

Уровни социального управления	Виды управленческого воздействия	
	Прямое управленческое воздействие на волонтеров	Опосредованное управленческое воздействие на волонтеров
Макроуровень (управление федерального, регионального и локального значения)	Нормативно-правовое регулирование и ресурсное обеспечение отдельных видов волонтерства	Нормативно-правовое регулирование деятельности НКО. Ресурсное обеспечение отдельных направлений деятельности организаций третьего сектора. Информационная поддержка волонтерства со стороны институтов власти, формирование имиджа отдельных видов волонтерства в стране
Мезоуровень (управление отдельными организационными	Создание инфраструктуры волонтерской деятельности на уровне отдель-	Нормативно-правовое регулирование НКО и социальных учреждений

Окончание табл. 3.1

Уровни социального управления	Виды управленческого воздействия	
	Прямое управленческое воздействие на волонтеров	Опосредованное управленческое воздействие на волонтеров
структурами, общностями и подобностями)	ных регионов, муниципальных образований, социальных учреждений	сферы культуры, образования, здравоохранения и социальной защиты населения
Микроуровень (управление внутри организационных структур)	Руководящая роль в межличностном взаимодействии сотрудников НКО, государственных учреждений добровольцами. Активность лидеров в стихийном взаимодействии внутри самоорганизующихся групп волонтеров	

Одним из критериев выделения указанных уровней является степень формализации управления. Минимальная степень характерна для взаимодействия на микроуровне, максимальная проявляется на макроуровне. По нашему мнению, независимо от того, на каком уровне реализуется управление волонтерами, необходимо учитывать их особенности и специфические черты для наиболее эффективного управления и наращивания потенциала самой волонтерской общности.

Итак, на макро-, мезо- и микроуровне социального управления российским волонтерством в качестве его объекта могут выступать волонтерские организации, общность волонтеров и ее отдельные подобности. На макроуровне управляющее воздействие на них может осуществляться со стороны государства опосредованно через третий сектор в условиях, когда «правила игры» диктуются извне, централизованно и унифицированно с целью контроля гражданской активности и использования в государственных интересах ее потенциала. В другом случае управленческая активность

рождается в самоуправлении волонтеров, благодаря чему могут реализовываться гражданские инициативы «снизу», развиваться третий сектор, формироваться институциональные структуры гражданского общества.

В этих условиях возможно говорить об ограниченном числе альтернатив, где управленческое воздействие на волонтерскую общность осуществляется уже на мезо- и микроуровне социального управления. В первой из них волонтеры являются как объектом, так и субъектом управления, благодаря чему становится возможным институциональное оформление их деятельности, появление новых НКО, добровольческих движений, инициативных групп. В рамках второй альтернативы управленческое воздействие реализуют сотрудники некоммерческого сектора или государственных социальных учреждений в границах функционирования отдельных организаций, выступающих субъектом управления волонтерами и их деятельностью.

Очень часто за пределами внимания исследователей остается еще один субъект социального управления волонтерством на мезо- и микроуровне – организации коммерческого сектора. Они могут опосредованно осуществлять управленческое воздействие на волонтеров через выделение ресурсов на организацию их деятельности в некоммерческом секторе, а также как субъект управления оказывать прямое управленческое воздействие на общность волонтеров через включение в нее своих сотрудников посредством развития корпоративного волонтерства в своих собственных (репутационных, имиджевых) целях.

Ключевой задачей социального управления в пределах межсекторного взаимодействия должно являться достижение баланса между рычагами внешнего управления и процессами самоорганизации членов волонтерской общности. По нашему мнению, это возможно и достижимо, если на различных уровнях социального управления появится возможность учитывать потребности всех участников такого взаимодействия. Одинаково важными в этом случае оказываются запросы населения (как потенциальных волонтеров, так и тех, кто нуждается в их помощи), органов местного самоуправ-

ления, региональных и федеральных властей, интересы коммерческих и некоммерческих организаций, а также желания и возможности, определяющие потребности и интересы самих волонтеров. Ключевым принципом организации социального управления волонтерством на разных уровнях является принцип рационального обмена востребованными всеми участниками взаимодействия ресурсами.

На разных уровнях управления волонтерством проявляются его системные качества. Для понимания функционирования системы социального управления волонтерством в российских реалиях необходимо исследовать его ключевые механизмы в России в контексте межсекторного взаимодействия.

Для анализа управления российским волонтерством на его микроуровне полезен преимущественно деятельностный подход, позволяющий дать оценку волонтерской деятельности через анализ уже сложившихся практик взаимодействия сотрудников НКО, специалистов различных государственных учреждений сфер культуры, образования, здравоохранения и социальной защиты населения с российскими добровольцами в сфере социальной работы.

Важно оценить потенциал общности добровольцев именно в социальном управлении. Следует четко понимать, что в рамках одного или даже нескольких исследовательских проектов не представляется возможным охватить все виды, типы и направления волонтерской деятельности, проанализировать особенности и описать специфику всех существующих сегодня в России волонтерских подобиностей как потенциального и реального управленческого ресурса. Несмотря на попытку системного анализа изучаемого феномена, необходимо выделить целый ряд проблем в развитии волонтерства, которые мешают его системному управлению.

Замедленные темпы развития, незначительная представленность некоторых позитивных, иногда даже инновационных волонтерских практик остро ставят вопрос о необходимости выявления и постановки научных проблем, требующих самостоятельного глубокого изучения, важных для дальнейшего исследования данной темы, обозначающих перспективы ее развития в теоретическом и практическом смыслах. По нашему мнению, такими проблемами,

безусловно, являются нереализованность в нашей стране потенциала волонтерства людей старшего поколения, теоретическая неопределенность детского волонтерства и отсутствие в практическом плане методических наработок по их управлению. Отдельной проблемой, имеющей междисциплинарный характер, является рассмотрение перспективности волонтерства профессионалов. Не развито должным образом и не исследовано волонтерство людей с ограниченными возможностями как технология социальной работы и инструмент социального менеджмента. Абсолютно не изученным сегодня остается целый спектр относительно новых для России видов волонтерства, появление которых вызвано объективными изменениями в культуре и обществе (виртуальное, международное волонтерство), в политике (политическое, военное волонтерство) и т. д. Несмотря на присутствие в социальной реальности нашей страны многих волонтерских подобиностей, они не находят своего места в существующей сегодня системе социального управления российским волонтерством.

В нашем исследовании принцип системности является определяющим. Системный подход в своем методологическом значении реализуется в понимании внутренне связанных компонентов целостной системы волонтерства с учетом внешних изменений. Он применяется в системной трактовке управления изучаемым феноменом, в анализе возможностей его развития. Признаками системности обладает комплекс используемых методов (как количественных, так и качественных), а также реализованные автором методики эмпирических исследований.

Таким образом, как методологическая основа, так и конкретная методика исследования социального управления российским волонтерством предполагают системность и комплексность реализованного исследовательского проекта, проявляющиеся в ряде существенных аспектов.

Во-первых, как мы уже неоднократно отмечали, на уровне методологии используется целый спектр теоретических подходов (системный, общностный, институциональный, деятельностный), что позволяет системно анализировать поставленную проблему в рамках авторской методологии.

Во-вторых, социальное управление российским волонтерством рассматривается в системе на разных ее уровнях – от личностного (микроуровень социального взаимодействия) до институционального (макроуровень) – в разных сферах жизнедеятельности общества.

В-третьих, анализ комплекса субъективных факторов, задающих именно российскую специфику социальному управлению волонтерством, сопряжен с исследованием комплекса объективных механизмов управления, ограниченных в своем функционировании территориально-временными рамками и во многом определяющими общероссийские особенности управления.

В-четвертых, результаты авторских теоретических и эмпирических исследований позволяют рассматривать систему социального управления волонтерством с позиции включенности в нее в качестве объектов управления самых различных социальных слоев. С одной стороны, в исследовании учитывается, что структура волонтерской общности включает в себя большое число подобщностей, отличающихся друг от друга по многим своим характеристикам. С другой стороны, самые различные социальные группы (возрастные, профессиональные и т. д.) оказываются интегрированными в волонтерство благодаря институциональной среде, где функционируют определенные механизмы социального управления, обеспечивающие или затрудняющие развитие волонтерской общности.

В-пятых, внутренние и внешние проблемы управления разными направлениями волонтерской деятельности, а также отдельными подобщностями волонтеров исследуются благодаря целому комплексу эмпирических социологических методов (качественных и количественных).

Следует отметить, что если в теоретической социологии комплексное исследование феномена российского волонтерства и системного управления добровольчеством в нашей стране является совершенно новым направлением, то в эмпирической социологии отечественными исследователями за последние 10 лет накоплен богатейший материал, который активно использован в данной работе для вторичного анализа. Мы опирались на результаты целого ряда всероссийских репрезентативных опросов общественного мнения, которые регулярно проводились ФОМом, ВЦИОМ, Левада-центром.

Для построения стратегии, разработки тактики, программ, инструментария реализованных нами эмпирических исследований, а также подтверждения ряда полученных исследовательских результатов детально анализировались материалы таких специальных полномасштабных всероссийских исследовательских проектов, как «Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России» (ФОМ, 2013–2014); «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации» (ФОМ, 2012); «Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем» (Левада-центр, 2014), а также последних работ «Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора» НИУ ВШЭ.

Результаты данных исследований помогли нам выделить важные характеристики формальных (организованных, ассоциированных с различными общественными организациями) и неформальных (активистов) волонтеров, определить их ресурсы, значимые в плане оценки функционирования системы социального управления волонтерством, систематизировать научные представления о проблемах развития добровольчества в нашей стране, а также выделить студенческую молодежь в качестве особой социальной группы, включенной в реализуемую на государственном уровне стратегию управления волонтерством в России.

В работе учитывается не только накопленный опыт исследований общности российских волонтеров ФОМ, ВЦИОМ, Левада-центра, НИУ ВШЭ, но и реализуется качественная стратегия изучения системы социального управления российским добровольчеством с учетом наработок ряда авторов (О. Н. Яницкий, Е. Н. Данилова, С. Г. Климова, В. А. Ядов, Д. Волков и др.⁴). На их основе сформулировано наше понимание индикаторов, позволившее очертить рамки волонтерской деятельности как профессиональной, проследить возможные пути профессионализации волонтеров на личностном,

---

⁴ Ядов В. А., Данилова Е. Н., Клеман К. Как люди делают себя. М. : Логос, 2010. С. 89 ; Волков Д. Перспективы гражданского общества в России : анализ. докл. М. : АЦ Ю. Левады, 2011 ; Яницкий О. Н. Волонтеры : гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1(5).

общностном и социетальном уровнях. В качестве таких эмпирических индикаторов мы обозначили: субъективное определение волонтерами и профессионалами как акторами жизненной ситуации в процессе деятельности; институциональные рамки функционирования общностей, к которым принадлежат данные акторы; неформальные нормы функционирования сообщества волонтеров и профессионалов, а также субъекты их установления; их роли и статусы, ресурсные характеристики, позволяющие менять эти роли и статусы и определяющие возможности действовать в своих интересах и планировать будущее.

Перейдем к институциональному анализу системы социального управления волонтерством в России, дадим системную оценку ее ключевых механизмов.

3.2. Институциональные механизмы социального управления волонтерством

Определение возможностей координации волонтеров и их деятельности как субъектов управления в системе социальных отношений институционального уровня в определенной институциональной среде напрямую связано с пониманием механизмов, которые способствуют трансформации неупорядоченных взаимодействий добровольцев, закрепляют формально их функции в соответствии с требованиями существующих или установленных обществом институтов и легитимных норм, либо способствуют значимым изменениям в них.

Существует несколько методологических решений в концепции институционального анализа при построении типологии механизмов как регуляторов социальных отношений. Например, В. Р. Салыев⁵ предлагает по функциональности, степени формализации, устойчивости таких механизмов выделять регламентирующие, интериоризирующие, воспроизводящие, координирующие, диффе-

---

⁵ Салыев В. Р. К вопросу о типологии и классификации институциональных механизмов // Вестн. Белгород. ун-та потреб. кооперации. 2006. № 4 (19). С. 123.

ренцирующие, субординирующие и информационные механизмы. С позиции С. В. Истомина наиболее рационально рассматривать такие механизмы с точки зрения их структуры, отталкиваясь от того, как определяются основные социальные институты, например, как «“правила игры”, которые структурируют поведение организаций и индивидов в экономике; культурные нормы, вера, менталитет; организационные структуры...»⁶. Интегрируя функциональный и структурный подходы, описанные В. Р. Салеевым и С. В. Истоминим, мы предлагаем выделить нормативно-правовые, ресурсно-организационные и культурные механизмы, проанализировать их структуру и функции в управлении российским волонтерством.

Рассмотрим нормативно-правовые механизмы управления волонтерством. В их структуру можно включить реально действующие нормы права, определяющие статус волонтеров и различных субъектов управления ими в нашей стране, регулирующие их деятельность, а также возникающие в реальной практике правоотношения между волонтерами, теми, кому они помогают, и теми, кто организует деятельность волонтеров в различных структурах при возникновении определенных условий.

Проведя анализ практик нормативно-правового регулирования волонтерства в различных странах, О. В. Кленкина выделила, на наш взгляд, три существенных тезиса. Во-первых, жесткая «регулятивная» модель правовой регламентации деятельности волонтерства снижает его эффективность. Во-вторых, в большинстве федеративных государств принят единый федеральный акт о волонтерстве. В-третьих, все страны, регулирующие волонтерскую деятельность, закрепляют права волонтерских организаций на прямую и косвенную государственную поддержку с включением деятельности по такой поддержке в компетенцию одного из органов государственной власти⁷.

---

⁶ *Истомин С. В.* Особенности институциональных механизмов в трансформируемой экономике // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 6 (187). С. 52–56. (Сер. Экономика ; Вып. 26).

⁷ *Кленкина О. В.* Правовое регулирование вопросов волонтерской деятельности в РФ // Подготовка волонтеров в классическом университете / А. В. Бабичева, Л. В. Вандышева, К. О. Вартанян [и др.] ; под общ. ред. Л. В. Вандышевой. Самара : Изд-во «Самар. ун-т», 2012. С. 43.

Интересно отметить, что оценки в пользу принятия федерального закона, регулирующего волонтерство в нашей стране, и против этого среди наших экспертов разделились практически поровну. Приведем наиболее типичные доводы сторонников первой позиции⁸:

«Ну, должна быть норма! Пока не будет нормы, пока не будет четкого понятия, пока не будет вот этой регламентации взаимодействия по вопросам поддержки волонтерских инициатив, мы никуда не денемся! Так и будут все делать непонятно что и как, как могут и хотят» (8, 48 лет);

«Закон нужен, может быть, не в том виде, как его предлагали... Государство должно поддерживать инициативы волонтеров, но для этого нужны правовые основания. Пока только госзаказ на спортивных волонтеров, и все...» (19, 43 года);

«У нас в регионе такая многосубъектность управления волонтерством. Кто что хочет, тот то и делает... Мы даже сейчас ориентируемся на Ф3 по чемпионату мира. Там хотя бы написано через запятую, какими сервисами должен быть обеспечен волонтер – добровольный помощник!» (20, 40 лет).

Представим примеры второй позиции – некоторые фрагменты, отражающие мнения противников принятия единого закона, регулирующего волонтерство в стране:

«Государство не должно регулировать деятельность волонтеров. Волонтеры делают что-то добровольно... Могут планировать работу волонтеров, координировать ее, оценивать ее социально ориентированные НКО, действующей нормативно правовой базы для этого хватает» (23, 40 лет)⁹;

---

⁸ В книге приводятся фрагменты из глубинных интервью – материалов опроса экспертов, проведенного автором. В скобках указаны номер интервью и возраст эксперта. Данные об информантах, принявших участие в исследовании, представлены в приложении.

⁹ Практически все анализируемые транскрипты отражают высокую эмоциональную нагрузку текстов анализируемых интервью, что, по нашему мнению, свидетельствует о личной заинтересованности информантов в разрешении многих проблем, которые сегодня существуют в сфере управления российским волонтерством.

«У нас работают волонтеры с удовольствием, нам новые законы в принципе не нужны. Наши отношения выстраиваются на доверии, правила взаимоотношений мы задаем сами, и спрашиваем друг с друга сами...» (25, 48 лет).

Законодательная практика в отношении российского волонтерства имеет свою специфику. В нашей стране попытка принятия единого федерального закона о волонтерстве не увенчалась успехом. Ряд проблем институционального регулирования добровольчества в России касается сущностного и нормативно-правового определения статуса волонтеров (добровольцев), а также особенностей, содержания и характеристик организации их деятельности. Вот как эти проблемы выделяют наши информанты:

«Сегодня во многих НКО и даже при администрациях муниципальных образований под волонтерами понимают всех, кто приходит на массовые мероприятия. Получается, что таким волонтерам обязательно прилагать какие-то усилия, оказывать помощь кому-то... И статистика не хромает... и закон никто не нарушает» (20, 40 лет);

«Сегодня каждый определяет волонтерство и волонтера по-своему. Что есть реальная добровольческая деятельность? Ей можно заниматься как постоянно, на постоянной основе в общественной организации, так и разово. Для этого у нас есть общественные объединения, общественные движения... Разово участвуют некоторые. Кто-то речку чистил, бабушку перевел через дорогу, систематически переводит. Что это? Где это у нас закреплено? Нет закона, нет понимания и четкой трактовки» (8, 48 лет);

«Сегодня у нас в Сочи едут волонтеры, а в благотворительных организациях работают добровольцы. Скажите мне, это что, разные люди? Или они разной деятельностью занимаются?» (6, 39 лет);

«Мешает отсутствие четкого определения, кто такой волонтер и где он может работать... Пока не будет четкого понимания, не будет нормальной оценки общественного безвозмездного труда и среди населения... Возможно, это законотворческая инициатива. Это должно быть четко определено» (24, 47 лет).

О. В. Кленкина дополняет перечень вышеобозначенных проблем «неопределенностью в нормативно-правовом поле РФ статуса организаций, работающих с волонтерами; существенными слож-

ностями в регулировании труда добровольцев трудовым или гражданским правом, а также трудностями четкого определения статуса несовершеннолетнего волонтера»¹⁰. Еще раз подчеркнем важность четкого определения в правовом дискурсе статуса российского волонтера (добровольца), в первую очередь, для идентификации самого понятия волонтерства в сознании россиян, во вторую – для систематизации законодательного регулирования управления волонтерством.

Согласно российскому законодательству деятельность добровольцев определяется как благотворительная деятельность, перечень видов которой четко ограничен ФЗ «О благотворительной деятельности»¹¹. Данная правовая норма сокращает возможности правового регулирования целого ряда уже существующих видов волонтерской деятельности (консультирование по вопросам финансовой или правовой грамотности, «вольных сетевых сообществ» экспертов, журналистов и т. д.), исключает из правового поля вновь появляющиеся добровольческие инициативы.

Кроме того, ни один правовой акт не определяет сегодня правовые рамки неформальных видов волонтерской деятельности, специально не регулируется деятельность корпоративных волонтеров. Федеральное законодательство относительно четко регламентирует только отдельные направления волонтерства в стране. К таким относятся, например, целевое развитие спортивного волонтерства или добровольчества в сфере пожарной охраны. На наш взгляд, подобная политика является следствием реализации тактики реагирования на возникающие проблемы при отсутствии спланированной стратегии государственной поддержки развития волонтерства в России в целом. Опосредованное регулирование волонтерской деятельности осуществляется через регламентацию, контроль и ограничение функционала третьего сектора.

---

¹⁰ Кленкина О. В. Правовое регулирование вопросов волонтерской деятельности в РФ. С. 48.

¹¹ О благотворительной деятельности и благотворительных организациях : ФЗ от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/104232/> (дата обращения: 21.12.2015).

В целом законодательная база, затрагивающая различные аспекты волонтерства в России, носит фрагментарный характер. Большинство документов (концепций, программ и т. д.) декларативны по своему содержанию. Российские нормативно-правовые акты разных уровней не всегда согласованы между собой и не позволяют дать точные правовые определения волонтерства (добровольчества), обозначить права волонтеров и сферы их деятельности, разъяснить гарантии в отношении их деятельности со стороны государства, а также четко прояснить экономические и правовые механизмы стимулирования развития волонтерства в деятельности государственного и третьего секторов. По нашему мнению, существующие сегодня законодательные акты, регулирующие отдельные виды волонтерства, не формируют общие нормы в отношении волонтерской деятельности различных видов, они не определяют статус волонтера или добровольца в стране, вне зависимости от того направления деятельности или сферы, где он себя реализует.

«Груз обеспечения, мотивирования и контролирования деятельности волонтеров регионам предложено взять на себя»¹². Практически все нормативные акты субъектов РФ регламентируют только волонтерскую деятельность молодежи и являются частью федеральной стратегии реализации молодежной политики. Непосредственную работу волонтеров координируют районные, муниципальные центры и агентства, поддерживающие добровольческие инициативы на локальном уровне, деятельность которых регламентируется, как правило, законодательством, регулирующим третий сектор. На региональном уровне законодательно не регулируются субординация и координация межведомственного взаимодействия в отношении волонтерства.

Большинство документов федерального уровня не рассматривают волонтерский труд как определенный вид трудовой занятости россиян. Согласно же заключению «Общественной думы»¹³

---

¹² Присяжнюк Ю. П. К проблемам правового регулирования волонтерской деятельности на современном этапе // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3(2). С. 83.

¹³ Правовое заключение «Общественной думы» [Электронный ресурс]. URL: oduma.org/lib/files/Заключение%20ОД_Волонтеры_Итог.doc (дата обращения: 01.09.2015).

по проекту Федерального закона № 300326-6 «О добровольчестве (волонтерстве)» труд волонтеров, как в большинстве развитых стран, следует на законодательном уровне регулировать именно как разновидность трудовой занятости россиян в организациях третьего сектора, четко определяя ее условия и сроки.

Следующая группа проблем связана с определением статуса организатора деятельности волонтеров. Согласно действующему федеральному законодательству в качестве такового может выступать благотворительная организация, «неправительственная (негосударственная и немunicipальная) некоммерческая организация, созданная для реализации предусмотренных настоящим Федеральным законом целей путем осуществления благотворительной деятельности в интересах общества в целом или отдельных категорий лиц»¹⁴. Этот же закон относит к участникам благотворительной деятельности граждан (самих волонтеров) и юридических лиц, осуществляющих благотворительную деятельность. В реальности перечень организаторов значительно шире. Проиллюстрируем в качестве доказательства некоторые фрагменты интервью:

«У нас фактически сегодня реальным организатором многих социальных акций и волонтерских проектов является наш отдел в Администрации. Именно там задается как бы направление. Ребята уже под руководством своих наставников в различных досуговых клубах, образовательных учреждениях реализуют какие-то мероприятия» (16, 54 года);

«На любые событийные мероприятия уровня города всегда требуются волонтеры... Организатором же их деятельности может быть как НКО или подведомственное учреждение, так и вообще коммерческая организация, которая выиграла тендер. Вот и получается, что как организаторы в реальности волонтеров могут привлекать сегодня даже коммерческие предприятия, совсем и не занимающиеся благотворительностью» (8, 48 лет).

---

¹⁴ О благотворительной деятельности и благотворительных организациях (с изменениями и дополнениями) : ФЗ от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ. Ст. 7.1 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/104232/> (дата обращения: 21.12.2015).

Реальная практика показывает, что в качестве организаторов волонтеров часто выступают органы местного самоуправления. Причем в некоторых нормативно-правовых актах эта деятельность опять же регламентирована фрагментарно. Так, в соответствии с п. 2 ст. 17 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» органы местного самоуправления поселений и городских округов вправе в соответствии с уставами муниципальных образований принимать решение о привлечении граждан к выполнению на добровольной основе социально значимых для поселения и городского округа работ в целях решения вопросов местного значения городского поселения, предусмотренных пунктами 8, 9, 15 и 19 ч. 1 ст. 14 настоящего ФЗ, и вопросов местного значения городских округов, предусмотренных пунктами 8–11, 20 и 25 ч. 1 ст. 16 настоящего ФЗ. К таким вопросам относятся: участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и обеспечение первичных мер пожарной безопасности в границах МО; создание условий для массового отдыха жителей и организация обустройства мест массового отдыха населения; организация благоустройства и озеленения территории и т. д.; для городских округов организация охраны общественного порядка и организация мероприятий по охране окружающей среды в границах городского округа.

Некоторые из выделенных выше проблем находят свое решение в ряде региональных законов, регулирующих волонтерство. Например, Закон о добровольческой деятельности Воронежской области трактует в качестве организатора добровольческой деятельности «юридическое лицо, по поручению которого действует доброволец (волонтер), возмещающее расходы добровольца (волонтера), связанные с выполнением поручения (проезд, проживание, питание, приобретение необходимых средств и материалов и т. д.)». В данном законе вводится новое понятие: «третье лицо – это физическое лицо или социально ориентированная некоммерческая организация, получающие прямо или косвенно выгоду от деятельности добровольца (волонтера)»¹⁵.

---

¹⁵ Сайт «Молодежь Воронежской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mol36.ru/competitions/volunteering/week/zndobr.php> (дата обращения: 23.08.2015).

Отсутствует и система санкций в отношении организаций благотворительного и государственного секторов, а также коммерческих компаний, которые могут нецелевым образом использовать труд добровольцев. О таких случаях достаточно много говорили наши эксперты. Приведем лишь некоторые, наиболее яркие высказывания информантов:

«Организация набирает волонтеров на проведение форума “ЕВРАЗИЯ”! Какие волонтеры на форум “ЕВРАЗИЯ”? Друзья, это образовательный форум, на который тратится 7 млн бюджетных рублей!!!! Вот песня о том, что искажается суть деятельности, результаты деятельности, мотивированность. В итоге труд добровольцев используется не теми и не там, где это действительно сегодня надо» (8, 48 лет);

«Я знаю, в волонтерские центры многих вузов часто звонят чиновники и просят волонтеров для того, чтобы зал заполнить. Им нужна картинка для СМИ, массовость... И отправляют ведь ребят именно как волонтеров на такие мероприятия...» (21, 51 год).

Не регулируется законодательно и наказание за мошеннические действия частных лиц, занимающихся, например, сбором средств под прикрытием статуса волонтера:

«Посмотрите, на улице сегодня люди ходят с надписями на одежде “волонтер”. Они деньги собирают, а потом в офисах организаций за это проценты от собранной выручки получают. И что? Кто кого наказал хоть раз за такое?» (15, 51 год).

Борьба с мошенничеством в благотворительной сфере становится уделом НКО, которые вынуждены защищать свою репутацию и сохранять доверие населения к своей деятельности. Они самостоятельно выявляют лжеблаготворителей и лжедобровольцев, распространяют информацию об их обмане, используя ресурсы социальных сетей, а не нормы права и функции правоохранительной системы.

Практика правоприменения действующих законодательных норм демонстрирует тот факт, что российские НКО, социальные учреждения и даже структуры органов местного самоуправления

«приспособились» решать свои ключевые задачи и привлекать к своей деятельности волонтеров в рамках существующего нормативно-правового поля.

Таким образом, на всех уровнях социального управления волонтерством сегодня отсутствуют нормы, определяющие возможности внешнего и внутреннего контроля за деятельностью волонтеров, структур-организаторов волонтерской деятельности. Не разработаны санкции за невыполнение определенных обязанностей всех участников взаимодействий ввиду отсутствия четкого нормативно-правового определения их статусного положения и характеристик волонтерской деятельности как разновидности трудовой занятости.

При оценке структуры и функций нормативно-правовых механизмов управления российским волонтерством следует отметить, что принцип рационального обмена ресурсами чаще всего остается за пределами нормативно-правового поля РФ. Законодательно только в отдельных случаях регламентируются государственные гарантии волонтерам, не прописаны гарантии добровольцам со стороны организаторов волонтерства, работодателей и т. д. Экономические и социальные выгоды волонтерства для государства и общества в нормативно-правовом плане не сопряжены с интересами субъектов коммерческого сектора.

Ресурсно-организационные механизмы управления волонтерством включают в свою структуру институции, организационные и социальные сети, комплексные управленческие программы и отдельные практики социального партнерства, оказывающие в своей совокупности прямое и опосредованное воздействие на развитие социального института волонтерства в России и его интеграцию в экономические, социальные и политические процессы на уровне системы федерального, регионального и локального управления. Каждый из этих механизмов отличает то, что он в той или иной степени связан с осуществлением определенного целенаправленного воздействия на общность волонтеров и ее отдельные подобщиности как объекты управления.

Специфика России заключается в том, что большинство из этих механизмов запускается институтами публичной власти федерального уровня для решения государственных задач посредством выделения ресурсов на реализацию определенных федеральных целевых программ. Фактически же ресурсно-организационные механизмы управления волонтерством приводятся в действие региональными органами исполнительной власти, которые выстраивают (или не выстраивают) в этом отношении свою региональную политику с учетом имеющихся в их распоряжении ресурсов, специфики регионального потенциала территории, традиций и сложившихся практик регулирования социальных и экономических условий жизнедеятельности всего регионального сообщества и населения отдельных территорий (муниципальных образований).

Основная ставка государства сделана на уже сложившиеся и успешно функционирующие организационные структуры в рамках реализации молодежной политики. Кураторство большинства таких проектов осуществляет Федеральное агентство по делам молодежи, ФГБУ «Роспатриот» и ФГБУ «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи». Развитие добровольческой (волонтерской) деятельности молодежи в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, отнесены к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики.

В мае 2014 г. создана Всероссийская ассоциация волонтерских центров, которая продолжает волонтерскую программу «Сочи-2014». В Ассоциацию объединились 55 профильных центров «Сочи 2014» из 30 регионов России, которые занимались привлечением и обучением волонтеров для участия в организации и проведении XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр. ФГБУ «Роспатриот» при поддержке Ассоциации волонтерских центров, Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», Общероссийской общественной организации

«Российские студенческие отряды» и Общероссийской общественной организации «Российский союз спасателей» в 2015 г. инициировал создание во всех субъектах РФ «Волонтерского корпуса 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» В качестве цели инициативы заявлено «сохранение исторической памяти нашего государства, а также волонтерского потенциала российской молодежи, накопленного в результате проведения Летней универсиады 2013 г. в г. Казани, Зимних Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г. в г. Сочи, Гран-при России Формулы-1 2014 г.»¹⁶ По нашему мнению, развитие спортивного и событийного волонтерства молодежи согласно «госзаказу» начинает по своей сути подменять системное развитие добровольчества в стране как социального института, включающего в себя разные виды, типы и направления волонтерской деятельности, разные группы и подобижности волонтеров.

Если в сфере реализации молодежной политики интеграция детских и молодежных общественных объединений, подведомственных государственным органам исполнительной власти учреждений и неправительственных НКО на региональном и муниципальном уровнях выстроена благодаря ресурсному обеспечению и федеральным регламентам взаимодействия, то в сфере здравоохранения, культуры и социальной защиты населения на мезо- и микроуровне социального управления сегодня ресурсно-организационные механизмы управления волонтерством находятся в стадии институционального оформления.

Как правило, отсутствует или не проработана нормативная база взаимодействия социально-ориентированных НКО и органов исполнительной власти субъектов РФ. Это влечет за собой комплекс проблем как в управлении взаимодействием добровольческих организаций с социальными, медицинскими, культурными и образовательными учреждениями, так и в практиках взаимодействия

---

¹⁶ Положение о всероссийском волонтерском корпусе 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--70-dlcm3amfbus5h.xn--p1ai/docs> (дата обращения: 25.08.2015).

волонтеров и профессионалов конкретных социальных учреждений. Следующие утверждения информантов подтверждают выявленную проблему:

«Я волонтеров отправляю помогать нашим клиентам на свой страх и риск. Я предупреждаю пенсионеров о том, кто к ним придет, и они уже сами принимают решения, нужно им это или нет. У меня нигде в документах не прописано, могу я это делать или нет. Как я должна это делать?» (15, 51 год);

«Министерство многим музеям “рекомендует” привлекать к своей деятельности волонтеров, а как они должны это делать, на каких основаниях, в каких формах, нигде не написано. Чистая инициатива и самостоятельность в подведомственных учреждениях» (19, 43 года).

Параллельно с инициативами в государственном секторе продолжается объединение благотворительных и волонтерских организаций в третьем секторе. Эти ассоциации отличает другой принцип интеграции организаций, мотивация их участников, формы и методы совместной работы. Их существование и работоспособность как сетевых структур, как правило, напрямую не зависит от государственных интересов и ресурсов. На мезоуровне социального управления волонтерством возникает одна из существенных проблем его развития как социального института, связанная с консолидацией вновь созданных прогосударственных волонтерских институций с уже работающими в разных регионах и отдельных муниципалитетах волонтерскими движениями, НКО и благотворительными фондами, активно привлекающими к своей деятельности волонтеров. Приведем типичные точки зрения на эту проблему представителей третьего сектора, так называемых старых общественников:

«Общественные организации работают много-много лет. Они проводят море мероприятий, и почему-то они вдруг стали не волонтерскими. Почему нужно было заново что-то насаждать, опять создавать что-то новое? И этого понимания в российском обществе, к сожалению, нет. Это значит, труд людей, которые много лет работали, почему-то перечеркнут. И мы начали создавать новые волонтерские центры, которые работают сами по себе» (8, 48 лет);

«Они создаются и работают как-то обособленно от социальной жизни. У них свое финансирование, свои интересы, зачем им с кем-то взаимодействовать, они самодостаточны... Сколько мы не обращались, ответной реакции все равно нет. Устали письма писать и звонить» (16, 54 года).

Важнейшее направление развития института волонтерства «снизу», от субъектов гражданского общества, НКО и самих волонтеров, сегодня связано не только с ресурсами, которые выделяют и распределяют субъекты публичной власти, но и с информационными ресурсами, которые запускают новые организационные механизмы социального управления волонтерством на его мезо- и микроуровне. Исследователи ИС РАН отмечают, что «один из глобальных трендов последних двух десятилетий – повсеместное использование информационно-коммуникативных технологий, ставших площадкой и инструментом взаимодействия НКО и их сторонников»¹⁷. Активно развиваются сетевые сообщества и сетевые проекты, связанные с развитием новых социальных технологий, таких как «краудфандинг», «коворкинг» и т. д. Успешность этих проектов во многом определяется тем, что они не зависимы от государственных субсидий и грантов. Россияне не готовы вкладывать личные деньги в стартапы и исследования, но благотворительностью в сети занимаются достаточно охотно. Многие краудфандинговые площадки имеют высокую репутацию и гарантируют своим пользователям отсутствие обмана и мошенничества со стороны инициаторов различных благотворительных проектов. Это крайне важно, так как одной из причин, по которой 49 % российских интернет-пользователей не включаются в благотворительность, является недоверие к НКО¹⁸.

---

¹⁷ Усачева О. А., Шилова В. А. Коммуникативное пространство российских НКО // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогнозы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. XII–XIII Дридзевских чтений (21–22 ноября 2013 г.) / редкол. : А. В. Тихонов (отв. ред), Е. М. Акимкин, В. С. Богданов, А. В. Жаворонков, А. А. Мерзляков, Н. Н. Никс, Е. И. Рабинович, В. А. Шилова, В. В. Щербина. М. : Ин-т социологии РАН, 2014. С. 292.

¹⁸ Чабаненко К. Особенности национального краудфандинга // Частный корреспондент. 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/osobennosti_natsionalnogo_kraudfandinga_37026 (дата обращения: 04.04.2015).

Сегодня многие интернет-ресурсы развивают сетевое волонтерство, повышают уровень доверия населения к организациям третьего сектора, предоставляют гражданским активистам инструменты для реализации своих идей, возможности объединения и презентации результатов своей благотворительной деятельности, в том числе волонтерской, при отсутствии нормативно-правовых механизмов стихийно формируют способы борьбы и противодействия мошенничеству в сфере благотворительности. Интернет-пространство, в отличие от реальных практик, позволяет НКО как реальным субъектам благотворительности не только выявлять мошенников в своей среде, но и бороться с ними; каждому потенциальному и реальному добровольцу реализовывать принцип добровольности своих действий, а также видеть выгодную в ресурсном плане для себя ситуацию взаимодействия с другими волонтерами, организаторами того или иного благотворительного проекта. Информационные интернет-ресурсы, где непосредственно нуждающиеся в помощи добровольцев и все желающие стать волонтерами могут выставить свою информацию и запросы, в России практически не работают. Именно в этой коммуникации необходим профессиональный посредник в лице НКО, который сможет обеспечить определенные условия безопасности как самим волонтерам, так и тем, кто их помощь ждет в реальности.

Еще одним ресурсно-организационным механизмом управления волонтерством являются практики социального партнерства. Функционально они ориентированы на «первоочередное достижение общенациональных интересов, не ущемляя при этом групповые и корпоративные интересы, учитывая их, находя точки соприкосновения, пути сотрудничества»¹⁹. Тем самым они должны реализовывать принцип рационального обмена ресурсами на уровне межсекторного взаимодействия.

На макроуровне социального управления, где определяющим является нормативно-правовое регулирование, законодательная база РФ создана преимущественно только в социально-трудовой

---

¹⁹ *Осинов Е. М.* Институт социального партнерства как фактор развития малого бизнеса в России. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2012. С. 60.

сфере. Специалисты отмечают, что в некоторых развитых странах корпоративная социальная ответственность (в том числе и корпоративное волонтерство) поддерживается правительством. Однако в большинстве стран это добровольный выбор бизнес-сообщества, отражение определенной деловой и гражданской позиции предпринимателей, показатель «зрелости бизнеса»²⁰. По результатам исследований НИУ ВШЭ в России социальная работа компаний становится стандартной практикой, хотя и не всегда желанной для них самих. Компании могут разворачивать социальную деятельность не по собственной инициативе, а под давлением государства, общества, международных организаций либо по настоянию бизнес-ассоциаций или профессиональных сообществ²¹.

Практики социального партнерства реализуются преимущественно благотворительными фондами и НКО в виде инициатив крупных транснациональных или государственных корпораций. Принятые во многих регионах и муниципальных образованиях государственные концепции и программы развития добровольчества практически не содержат мер по развитию корпоративного добровольчества, поскольку данный тип добровольчества в России является сравнительно мало распространенным. Частный характер носят примеры построения сетевых сообществ на базе бизнес-сообществ, когда в качестве партнеров программ корпоративного добровольчества НКО и местных сообществ могут выступать и объединения работодателей, предпринимателей малого и среднего бизнеса, профессиональные и отраслевые союзы²².

---

²⁰ Центр развития некоммерческих организаций [Электронный ресурс]. URL: http://www.crno.ru/assets/files/skachat/broshura_youth2.pdf (дата обращения: 03.04.2015).

²¹ Социально активные компании более конкурентоспособны // Экспертный сайт ВШЭ «Open economy». 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opec.ru/1704981.html> pdf (дата обращения: 01.03.2015).

²² Методические рекомендации по организации корпоративного добровольчества компаний с участием некоммерческих организаций МБОО «Социальная сеть добровольческих инициатив «СоСеДИ». М., 2013 [Электронный ресурс]. URL: nko.economy.gov.ru/Organization/Details/53705 (дата обращения: 03.03.2015).

В крупном российском бизнесе корпоративное волонтерство является неотъемлемой частью корпоративной благотворительности (зачастую не разводится содержательно), в соответствии со стратегией развития обычно прописано как часть корпоративной социальной ответственности. Оно воспринимается на всех уровнях менеджмента этих компаний в качестве значимой части в развитии корпоративной культуры, внутренних коммуникаций, в создании благоприятного внутриорганизационного климата. Чаще всего волонтерство в структуре благотворительности менее представлено, чем денежные пожертвования, но по заключению специалистов имеет потенциал существенного роста в периоды экономических кризисов, когда финансовая помощь бизнеса обществу в рамках реализации многих социальных проектов начинает сокращаться.

В сфере малого и среднего предпринимательства РФ корпоративное волонтерство, как правило, ограничивается участием компаний в отдельных благотворительных проектах и не несет за собой дальнейшего решения стратегических задач всеми участниками этих проектов. Безусловно, во многом это связано с экономической нестабильностью рыночной ситуации в стране и за ее пределами, когда компании постоянно подвергаются различным рискам, а также с недостаточностью компетенции управленческих кадров в планировании стратегии внутрикорпоративной работы.

Понимание руководителями этих компаний, а также чиновниками региональных органов публичной власти и локальных структур института местного самоуправления принципа рационального социального обмена ресурсами, который действует в крупном бизнесе, является определяющим в развитии волонтерства на уровне субъектов РФ, а также отдельных территорий. Один из наших экспертов следующим образом описал сложившуюся ситуацию:

«У меня бизнесмены в районе очень отзывчивые. Они мне много лет помогают с подарками детишкам и ветеранам, а вот понимания возможностей участия их сотрудников в наших мероприятиях нет. Не потому, что не хотят, а просто не знают, как это делать, зачем и что это может им дать. К сожалению, у меня и моих коллег такой опыт тоже небольшой. Но мы стараемся работать над этим» (25, 48 лет).

Классическая схема организации корпоративного волонтерства может в реальности приносить этим компаниям укрепление репутации, успешный кадровый менеджмент, профилактику профессионального выгорания, повышение морального духа и производительности труда, профессиональное развитие кадров, инновации и управление переменами; их сотрудникам как корпоративным волонтерам – развитие личных навыков (управление временем, презентации и общение), возможность работать в новой среде, новый жизненный опыт, возможность внести вклад в решение социальной проблемы; некоммерческому сектору и населению локальных территорий – практику в сфере бизнес-планирования, консультирование по вопросам финансового управления, маркетинга и связям с общественностью, в области договорных отношений, тренинговое обучение и т. д.²³ Нужно только понимать, что эти результаты зависят от профессионального подхода к управлению этой деятельностью как отдельным серьезным направлением организации.

Реализация практик социального партнерства находится в прямой зависимости от компетенции координаторов волонтерской деятельности со стороны коммерческих компаний, сотрудников НКО и чиновников, ответственных за организацию и координацию мероприятий и программ корпоративного добровольчества в региональных и локальных ресурсных центрах по развитию добровольчества. Понимание принципа рационального обмена ресурсами с добровольцами определяет успешность многих социальных благотворительных проектов, различных практик социального партнерства.

Молодежная политика РФ задает определенный вектор в развитии различных некоммерческих структур, ориентированных на работу с молодежью, где принцип рационального обмена ресурсами является одним из определяющих и реализуется практически на всех уровнях управления, в разных сферах жизни общества. Реальная практика показывает, что сегодня успешность привлечения добровольцев в организации, заинтересованные в их труде, во многом

---

²³ Центр развития некоммерческих организаций [Электронный ресурс]. URL: http://www.crno.ru/assets/files/skachat/broshura_youth2.pdf (дата обращения: 03.04.2015).

зависит от понимания значимости этого принципа руководством многих социальных учреждений. Большинство независимых от государственных ресурсов НКО, привлекающих к своей деятельности волонтеров, успешно реализуют данный принцип. Интенсивность включения в волонтерство организаций коммерческого сектора напрямую зависит от понимания ценности рационального обмена ресурсами в процессе межсекторного взаимодействия на всех уровнях управления. Неумение структур власти и российских НКО регионального и локального уровней формулировать возможность получения коммерческими компаниями определенных выгод от волонтерства ведет к замкнутости благотворительных и добровольческих проектов.

Следующей группой механизмов, определяющей специфику институциональной среды волонтерства в нашей стране, являются культурные механизмы управления. По нашему мнению, в качестве основополагающих здесь выступают традиции, сопряженные с исторически закреплёнными в обществе практиками общественной коллективной деятельности россиян и определяющие характер коллективных действий людей, в том числе их труд как волонтеров, а также идеология как система определенных ценностей и идей, формирующая отношение россиян к волонтерам и волонтерству в современном его виде. Важнейшим механизмом данной группы, который по своему содержанию обеспечивает дееспособность идеологии, задающей вектор развития волонтерства в стране, выступает информационная политика в отношении формирования общественного мнения о добровольцах и их деятельности.

Ключевой функцией традиций и идеологии в управлении волонтерством на разных его уровнях является интериоризация норм волонтерского труда в обществе, когда труд добровольцев как реальная помощь другим людям, в первую очередь, должен представлять определенную ценность для самого волонтера, во вторую, получать должную оценку в обществе, тем самым определяя желания, намерения и реальные действия людей в добровольчестве. В качестве одного из важнейших критериев эффективности социального управления волонтерами можно рассматривать индивидуальный интерес добровольцев к волонтерству, закрепляющий их устойчи-

вую вовлеченность в различные волонтерские практики и в эмпирическом плане отражающийся в определенной регулярности их участия в различных волонтерских проектах. Именно традиции и идеология (общества, общности, организации) способствуют тому, что в процессе волонтерской деятельности на индивидуально-личностном уровне практически каждый доброволец начинает осознавать ценности своего труда и воспринимать свои действия как определенную норму социального поведения.

По мнению наших информантов, особую ценность идеология волонтерства должна иметь для государства. Именно об этом значении очень эмоционально и экспрессивно говорили наши информанты:

«В волонтерстве сегодня должно быть кровно заинтересовано государство!!! Потому что мы либо будем убивать друг друга, разделимся на чеченцев, татар, по вере мы разделимся, по регионам и т. д. Либо у нас есть только одна вещь, по которой мы можем объединиться все!!! Это сострадание!!! Мы можем быть разной веры, разных национальностей, взглядов, роста, цвета волос... Но человечность – это все, что можно найти в волонтерстве! То есть учить людей быть добрыми, честными, порядочными, ответственными можно помимо семьи, ведь ребенок или взрослый человек себя еще продуцирует в общество. Он там получает половину нагрузки, половину дает семья на начальном этапе, а все остальное дает общество. Государство первым должно быть заинтересовано в волонтерских организациях» (18, 43 года).

Идеология самих российских волонтеров и ее отражение в общественном сознании россиян, выраженные в их отношении к труду добровольцев, сегодня только оформляются, и этот процесс тесно сопряжен с серьезным социальным противоречием. С одной стороны, стихийная самоорганизация людей в качестве ответа на такие проблемы, как «атомизация общества, фрагментация социальной жизни россиян, распад универсальных ценностей, падение значения универсальных научных концепций и теорий, переход к доминированию утилитарных и краткосрочных целей»²⁴, становится

---

²⁴ Холина О. И. Институционализация волонтерства в структуру российского гражданского общества : дис. ... канд. социол. наук. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2012. С. 8.

действительной социальной потребностью отдельных людей и приводит к формированию определенной этики отношений добровольцев между собой, а также с теми, кому они оказывают помощь. С другой стороны, в идеологическом плане волонтеры сегодня представляются СМИ как защитники интересов своего государства (военные, спортивные и т. д.). Экономические и политические события наряду с противоречивостью идеологической подачи и восприятия ценностей своей деятельности реальными волонтерами в российском обществе приводят к условному разделению некоммерческого сектора, а также волонтерского движения на «прогосударственный» и «независимый».

В рамках отдельных организаций идеология волонтерства связана с достаточно тесными внутренними связями между добровольцами и сотрудниками НКО, организующими волонтеров и привлекающими их к своей деятельности. Эти отношения позволяют отождествлять локальную волонтерскую общность с семьей, а ее идеологию с семейными отношениями. Здесь мы говорим о групповом взаимодействии, в рамках которого циркулируют общие идеи и убеждения, порождающие определенный тип отношений, доверие и уверенность:

«...потом, если волонтеры, которые ну вот остаются с нами, остаются там постоянно ходить в больницу либо помогают нам в профессиональной деятельности, мы приглашаем их на наши праздники (т. е. у нас проводятся детские праздники для наших деток). Мы приглашаем их на эти праздники в качестве участников, просто в качестве там родных, гостей, своих уже...» (1, 25 лет);

«Мы периодически общаемся, созваниваемся, узнаем, как у кого дела, кто куда ходил, какие у кого проблемы, мы заботимся друг о друге...» (3, 44 года);

«На них я могу всегда положиться. Я в них уверена. Они точно не подведут» (17, 45 лет).

Подобный тип отношений представляет собой определенную ценность для каждого члена данного сообщества. Это продуцирует или переносит в организационную среду определенной организации восприятие результатов взаимодействия волонтеров с теми,

кому они помогают, завязанных на значимости (ценности) каждого взаимодействующего друг для друга. Приведем пример того, как один из наших экспертов интерпретирует эту ситуацию:

«Если это конкретный человек, которому оказывается помощь, – то это ощущение нужности. Ты не один в этом мире, тебе кто-то помогает... И если мы будем кому-то помогать и сами при этом не получать вообще никаких эмоций, то мы быстро кончимся» (1, 25 лет).

Такой характер взаимодействия обеспечивает высокий уровень эмоциональной зарядки личности, в дальнейшем существенно влияющий на поведенческие реакции волонтеров. Высокую эмоциональность демонстрировали все наши информанты именно поэтому, что сами были и остаются волонтерами по своему призванию:

«Помочь соседу или своим друзьям, знакомым – это первая стадия. Потом появляется потребность помогать просто людям, видеть что-то неправильное в нашем мире и пытаться это исправить!» (3, 44 года).

В социальном управлении волонтерством универсальность его идеологии, выстроенной на этических, светских основаниях, позволяет вовлекать в добровольчество людей из абсолютно разных социальных групп, делая таким образом саму общность добровольцев сложной и во многом противоречивой. В то же время эти основания дают возможность манипулировать идеологией добровольчества в коммерческих или политических интересах в экономической и государственной сферах. Кроме того, идеология волонтерства по своей сути очень близка к идеологии многих социальных профессий, что позволяет говорить о значимости в социальном управлении добровольчеством профессионализации волонтерской деятельности на личностном, общностном и социетальном уровнях.

Мы уже отмечали во второй главе, что национальные традиции волонтерства в России не получили своего закрепления в силу особенностей исторического развития нашей страны, а само понятие волонтерства или добровольчества сегодня не имеет четкой идентификации ни в нормативно-правовом поле, ни в сознании

большинства россиян. Как следствие, во-первых, в реальных практиках, особенно в неформальном секторе, сегодня можно выделить целый ряд примеров волонтерской деятельности, которые даже не ассоциируются населением с добровольчеством, а исследователями очень часто относятся к «помогающим видам поведения», или «гражданской активности». Многие из числа реальных волонтеров не считают свою деятельность добровольческой. Во-вторых, для современной российской действительности характерно сращение волонтерства и различных видов общественной деятельности.

Устойчивые социальные нормы коллективного труда сформированы и закреплены как в сознании большинства россиян, так и во многих управленческих ситуациях историческими практиками советской общественной деятельности. Именно эта сложившаяся под давлением советских традиций культура управления порождает сегодня большое число различных форм и видов волонтерства, которые по своей сути являются полуволонтерством или представляют примеры квазиволонтерства. Советские традиции коллективной общественной деятельности (весенние субботники, уборка урожая, благоустройство детских садов, участие в общественных советах образовательных учреждений и др.) продолжают существовать и сегодня, при этом сознательно не связываются населением с каким-либо проявлением волонтерства. Многие из этих практик остаются примерами полуволонтерства, сохраняющими в обществе дух внешней, а не внутренней обязательности участия россиян в них.

Одной из проблем управления такими формами российского волонтерства является добровольно-принудительный характер этой деятельности. На наш взгляд, он обусловлен не только традициями, но и признаками культурной инерции²⁵, когда организаторы волонтерской деятельности, чиновники, сотрудники социальных учреждений не желают менять свое поведение, которое было наиболее эффективно в их советском прошлом. Командно-административный

---

²⁵ *Истомин С. В.* Сравнительный анализ институционального и хозяйственного механизмов в трансформируемой экономике // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* 2010. № 27 (208). С. 51. (Сер. Экономика ; Вып. 29).

стиль управления и критерии эффективности деятельности различных субъектов власти, выраженные в количественных показателях увеличения числа волонтеров в стране, безусловно, приводят к временной массовизации феномена в российском обществе за счет активизации добровольно-принудительного характера организации деятельности полуволонтеров.

Основная функциональная нагрузка по формированию традиций волонтерского труда в обществе сегодня возложена на институт образования. При отсутствии нормативно-правового определения детского волонтерства в стране его идеология является составной частью системы патриотического воспитания. Но если патриотизм может трактоваться сегодня по-разному, то волонтерство имеет однозначные этические основания. Так как в России практики детского и юношеского волонтерства носят преимущественно локальный характер, как правило, замкнуты на учреждениях-организаторах, они демонстрируют горизонтальную коммуникацию субъекта местного самоуправления, детских организаций, общественных объединений и волонтерских отрядов в рамках местного сообщества.

Не сформирована организационно-управленческая вертикаль волонтерских инициатив, структур, практик взаимодействия внутри системы образования. Приведем некоторые суждения экспертов:

«Мы своих ребят обучаем, готовим, мотивируем. Они уходят, им продолжать свою работу попросту негде дальше. Многие с нами остаются, приходят в наш отряд, хотя уже не наши студенты» (17, 45 лет);

«Меня на слет школьных добровольческих отрядов пригласили. Они начали понимать, что не развиваются. Все остается на уровне – собрались, развлеклись... Кто во что горазд, развития нет, перспективы какой-то. Хорошо, что хоть понимать начали, что ситуацию исправлять как-то нужно. Вопрос: кто и как это делать сегодня будет?» (20, 40 лет).

Отсутствие преемственности механизмов формирования культуры добровольчества в системе образования влечет за собой случайный характер, фрагментарность и бессистемность деятельности волонтеров.

Еще одним культурным механизмом управления является информационная политика в отношении формирования общественного мнения о российском добровольчестве. Следует отметить, что в последние годы как стихийно, так и спланированно в нашей стране оформляется общественное мнение относительно разных видов гражданской активности. Чем оно характеризуется и какие проблемы в управлении волонтерством порождает, мы рассмотрим в следующем подразделе. Наша задача состоит в том, чтобы оценить результаты опросов общественного мнения, целый ряд социологических проектов, которые наглядно демонстрируют динамику представлений о сути волонтерства в российском обществе, показывают специфику информационной репрезентации активности волонтеров и волонтерской деятельности в России.

Ключевой функцией данного механизма является популяризация волонтерства среди россиян. По нашему мнению, спланированные действия различных субъектов управления волонтерством по информационному освещению отдельных волонтерских практик, мероприятий, программ должны быть вызваны прагматическими мотивами, практической пользой для государственного развития и продвижения отдельных организаций. Во-первых, население страны представляет собой мощнейший ресурс роста числа тех, кто может и хотел бы реализовать себя в волонтерских практиках. Во-вторых, дееспособность волонтеров, результативность их труда во многом зависят от среды и социального окружения, где складывается определенное отношение к тому, что они делают. Характер этого отношения формируется определенными ценностными предпосылками гражданского участия, предполагающими наличие у населения ценностных оснований данной активности. По мнению исследователей ФОМ, к таковым относятся: «доверие к другим людям (безличное, к неопределенному кругу людей и к лично знакомым людям); принятие ответственности за происходящее как в непосредственной сфере жизнедеятельности, так и в более широком социуме; представление о том, что окружающие могут объединяться, если их интересы совпадают, если возникает необходи-

мость отстоять свои права; уверенность в своей правовой защищенности»²⁶.

Однако если в традициях зарубежных стран различные виды волонтерства являются публичными действиями, то в России благотворительная традиция чаще всего носит непубличный характер. На макроуровне социального управления информационная политика в отношении волонтерства не спланирована, реализуются отдельные имиджевые проекты и программы образовательно-воспитательного характера, ориентированные, как правило, только на организованную молодежь – студенчество. Можно четко обозначить мнение практически всех наших экспертов, приведя следующий фрагмент из интервью:

«Государственный пиар волонтерству однозначно нужен! При чем именно со стороны государства. У нас такая страна, где государство обладает самым мощным информационным ресурсом! И оно должно помимо развлекательных передач пропагандировать разные виды волонтерства в нашем социуме!» (3, 44 года).

Используемые технологии информационной работы, направленные на формирование бренда спортивного волонтерства и поддерживающие имидж этого направления и государства одновременно, эффективны только при наличии постоянного вливания ресурсов в его инфраструктуру и информационное обеспечение. Инициированные и оплаченные государством общественные движения, имеющие мощную поддержку массмедиа, по мнению О. Н. Яницкого, у большинства населения не вызывают доверия, а независимым НКО и группам волонтеров широкая реклама в СМИ не нужна²⁷. По мнению наших экспертов, которым тоже особо внимание СМИ не нужно, именно государство в лице исполнительных органов власти, институтов местного самоуправления должно информировать своих граждан:

---

²⁶ Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России : итоговый отчет по проекту ФОМ. 2014. М. : ФОМ, С. 21.

²⁷ Яницкий О. Н. Общественный активизм в России : вчера и сегодня. С. 59.

«Информацию давать, дела конкретных людей показывать»
(1, 25 лет);

«Чиновники могут просто рассказать уже о реальных конкретных примерах, написать контакты и сказать, что обращайтесь к нам, у нас есть вся информация, куда пойти, куда обратиться, чтобы оказать помощь, поработать волонтером в таких-то организациях. Сегодня они это не делают и даже не думают это делать в принципе»
(14, 28 лет).

Сущностное значение реализуемой различными субъектами управления информационной политики в отношении волонтерства как культурного механизма заключается в формировании насыщенной информационной среды. Наполненное информационное пространство не только должно работать на имидж добровольческой деятельности в стране, формировать национальную традицию, но и создавать условия для реализации принципа рационального обмена социальными ресурсами на всех уровнях социального управления российскими добровольцами, когда организационные структуры четко артикулируют свои запросы, обозначают ключевые потребности, а потенциальные и реальные волонтеры могут видеть свое место, давать оценку своим возможностям и интересам.

Мы рассмотрели ключевые правовые, ресурсно-организационные и культурные механизмы управления российским волонтерством, задающие направление его институционализации в обществе. По нашему мнению, их специфика состоит в том, что в системе управления добровольчеством они определяют и в какой-то мере даже отражают деятельность социальной общности волонтеров в целом и отдельных ее подобщностей в самых различных сферах жизни общества, формируя их потенциальные возможности.

Далее обратимся к анализу ресурсов российских добровольцев, порождающих многообразие уровней, форм и видов их обмена на разных уровнях социального управления общностью.

3.3. Общность российских волонтеров как ресурс социального управления

Поиск оптимальных условий для развития волонтерства в стране, определение возможностей для осуществления управленческого воздействия на российских добровольцев с учетом многообразия видов и направлений их деятельности напрямую связаны с изучением специфики и особенностей волонтерской общности как управленческого ресурса.

Во-первых, отметим смысловую нагрузку дуальности используемого в работе понятия «ресурс». С одной стороны, мы рассматриваем волонтерство как ресурс общества, в первую очередь гражданского, а также структур власти государственного, регионального и муниципального уровней, органов местного самоуправления. Сферы и направления, где сегодня реально задействованы или активно проявляют себя российские волонтеры, а также их активность и характер деятельности, по нашему мнению, демонстрируют потенциал управления данным феноменом в стране. С другой стороны, волонтерская общность сама обладает существенными социальными ресурсами, что позволяет представлять ее в качестве субъекта и объекта социального управления.

Рассмотрим общность в целом, обозначим ключевые аспекты деятельности ее членов, а также отдельные их ресурсы сквозь призму применимости в управлении добровольцами идеи или принципа рационального обмена социальными ресурсами. Суть данного принципа заключается в определении возможностей волонтеров конвертировать свои личные ресурсы в различные социальные блага, которые в той или иной ситуации предлагают им общество и государство взамен на их труд в качестве добровольцев.

Применение в управлении волонтерством этого принципа позволяет учитывать не только интересы государства, запросы различных организаций и потребности отдельных людей, нуждающихся в помощи добровольцев, но и возможности, а также желания

самих добровольцев²⁸. Дадим оценку потенциала управляемости общности и ее отдельных подобщиностей, обозначим условия, при которых ресурсы волонтеров могут стать ресурсами общества и структур власти.

Основываясь на результатах всероссийских опросов общественного мнения и исследовательских проектов добровольчества, а также данных наших региональных исследований, рассмотрим ключевые ресурсы общности российских волонтеров, охарактеризуем отдельные аспекты их деятельности, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать на всех уровнях социального управления волонтерством.

Ресурсы российских волонтеров, характеризующиеся как объективными, так и субъективными аспектами, можно использовать в социальном управлении на разных его уровнях. Характеристики самих волонтеров, их ориентации, мотивация, возраст, образование, занятость, время, потраченное на волонтерство, по нашему мнению, являются важнейшими из них. Системообразующее значение, по нашему мнению, оказывает время волонтера, которое он может использовать, тратить на добровольческий труд. Отталкиваясь от определяющей роли времени, мы будем несколько раз возвращаться к его анализу в процессе рассмотрения большинства ресурсов всей общности волонтеров.

Именно временем все члены данной общности должны уметь управлять, использовать этот фактор в трудовой деятельности или в своем досуге. Как личностный ресурс волонтеров оно сопрягается с их возрастом, образованием и занятостью, выступает условием, задающим временные и содержательные границы добровольческих практик разных волонтерских подобщиностей. Таким образом, социальное пространство волонтеров обусловлено наличием у них времени, которое они могут потратить и тратят, помогая другим людям. Понимание этого ресурса позволяет объективно проектировать возможности управления разными группами волонтеров,

---

²⁸ По нашему мнению, данный принцип универсален для организации и регулирования взаимодействия субъектов и объектов управления в системе социального управления волонтерством на всех ее уровнях в разных сферах жизни общества.

их подобностями, типами волонтерской деятельности, отдельными ее направлениями.

Деятельность волонтеров, их ориентация и мотивация – это потенциальный ресурс управления. Он становится реальным, когда система управления его использует, вторгается во взаимодействие общества и волонтеров, и сферы, где сегодня задействован труд добровольцев, наглядно это демонстрируют. Ресурсами общности российских волонтеров субъективного плана являются *их мотивация и удовлетворенность жизнью*, характер которых также напрямую коррелирует со временем, потраченным на волонтерство. Объективируют волонтерскую деятельность такие ресурсы, как *возраст, занятость, доход, образование*. Они характеризуются тем, что так или иначе связаны со временем, которым обладают в том или ином виде добровольцы. Именно эти ресурсы они могут не только безвозмездно отдавать обществу, но и большинство из них развивать и накапливать в процессе волонтерского труда или получать как его опосредованный результат, наращивая свой капитал.

В рамках описанной в подразделе 3.1 структуры социального управления волонтерством следует рассмотреть потенциал роста волонтерской общности, а также оценить реальные сферы реализации деятельности добровольцев в нашей стране. Изучение этих проблемных зон необходимо для понимания состояния российского волонтерства как реально существующего сегодня ресурса управления.

Проанализируем *потенциал роста волонтерской общности в России*. Мы уже отмечали, что официальная статистика по волонтерству в нашей стране отсутствует. В последнее время все попытки чиновников официально «пересчитать» добровольцев не приводят к желаемому результату. В течение последних двух лет около 2–3 % всего населения страны старше 18 лет хотя бы один раз работали добровольцами в НКО, неформальные добровольческие инициативы проявляли от 66 до 89 % россиян²⁹.

---

²⁹ Кузьмичева М. Материалы X общероссийской конференции по добровольчеству [Электронный ресурс]. URL: <http://sreda.org/ru/2013/11-noyabrya-2013-v-vyisshey-shkole-ekonomiki-proshla-x-obshherossiyskaya-konferentsiya-podobrovolchestvu/31641> (дата обращения: 20.05.2015).

В России организованное, формальное добровольчество уступает по размерам и степени охвата населения неформальным, неорганизованным формам (индивидуальному, в дружеском кругу, в рамках инициативных групп). По нашему мнению, это связано с рядом следующих причин: неразвитостью третьего сектора и низким уровнем доверия населения к его деятельности, отсутствием в российском обществе культуры добровольчества, а также с тем, что сотрудники НКО не рассматривают волонтеров как один из приоритетных ресурсов своей организации.

С другой стороны, преобладание неформальных видов активности россиян в добровольческих инициативах демонстрирует и наиболее вероятные перспективы внешнего управления ими через активизацию солидарности как базового условия построения социальных сетей в российском обществе на основе межличностных отношений и межличностного группового доверия россиян к своему близкому окружению. Время, которое россияне могут тратить на помощь другим людям вне НКО, незначительно, однако спектр таких волонтерских практик, примеров взаимопомощи и стихийного объединения граждан в обществе очень широк.

Многие виды совместных действий граждан нашей страны в каких-либо сообществах или группах (профессиональных, досуговых, образовательных, трудовых и т. д.) основаны на зависимости их членов друг от друга, а выстроенные системы отношений и институциональные структуры, где эти отношения реализуются, формируют благоприятную среду не только для популяризации волонтерства, но и для осуществления реальных волонтерских проектов. В этом случае ресурсы общности волонтеров могут конвертироваться в коммерческом секторе в имидж социально ответственного бизнеса, а также способствовать наращиванию нематериальных активов организации, в частности, ее человеческого капитала. В государственном секторе речь идет о безвозмездных услугах населению и экономии ресурсов, в некоммерческом секторе – о ресурсе специалистов, сотрудников, а также о ресурсе повышения доверия к своей деятельности.

Несмотря на то, что данные разных исследований отличаются друг от друга, численность волонтерской общности в России все равно довольно значительна, хотя потенциал волонтерской активности населения не реализован в полной мере. Так, в 2013 г. результаты опроса ФОМ показали, что допускали для себя возможность в будущем заниматься добровольчеством 39 % россиян, исключали – 41 % респондентов, затруднился дать ответ каждый пятый россиянин (20 %) ³⁰.

Если же речь заходит о конкретном событии или стихийном бедствии, о котором знает вся общественность, замеры общественного мнения фиксировали более высокий уровень готовности населения помогать нуждающимся. В частности, исследователи ФОМ приводят следующие данные: «Если бы к людям обратились с предложением оказать помощь пострадавшим от наводнения на Дальнем Востоке, то пожертвовать одежду или необходимые вещи были готовы 48 % респондентов, оказать материальную помощь – 28 %, участвовать в организации акции по сбору одежды, необходимых вещей был готов каждый четвертый россиянин (24 %), организовать сбор денег – каждый десятый (10 %), собирать и организовывать волонтеров изъявили желание 6 %, оказать реальную помощь, быть волонтером, помочь в ликвидации последствий наводнения – 6 % из числа всех опрошенных. Россиян, не готовых участвовать в каких-либо акциях или поддерживать их материально, оказалось 19 %, 8 % затруднились дать ответ на этот вопрос» ³¹.

Как нам кажется, управление волонтерами в чрезвычайных ситуациях сегодня является не только остро стоящим практическим вопросом, но и должно рассматриваться отдельно как теоретическая проблема социологии управления, которая требует к себе особого внимания ввиду не только своей национальной, но и общемировой значимости (рейтинги международного благотворительного фонда CAF регулярно фиксируют значительный рост волон-

---

³⁰ Данные опроса «ФОМнибус». 10.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://soc.fom.ru/obshchestvo/11005> (дата обращения: 20.01.2015).

³¹ Данные опроса «ФОМнибус» 08.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11081> (дата обращения: 20.01.2015).

терства в мире за счет населения тех стран, где происходят природные и техногенные катастрофы).

Осенью 2013 г. исследователи ФОМ изучали установки россиян на благотворительную активность. Они измеряли намерения людей принять участие в разных ситуациях, когда требуется конкретная помощь детям. Результаты опроса продемонстрировали, что 54 % респондентов готовы организовывать сбор денег или сами вносить средства на дорогостоящее лечение детей. Выступить в роли волонтеров и помочь коллективу детей готовы 38 % респондентов, оказать содействие одному ребенку – 18 % опрошенных. В 2014 г., по данным ФОМ, 37 % россиян готовы были стать организаторами деятельности по очистке лесопарковой зоны около их дома, 88 % респондентов были согласны принять непосредственное участие в этом мероприятии³².

Важно отметить, что в России центры волонтерской активности сосредоточены в городских пространствах. По нашему мнению, это связано с тем, что городского населения в РФ значительно больше, чем жителей сельской местности. Кроме того, существенные отличия имеет и характер социальных связей в мегаполисах. Так как сельское население малочисленно и локализовано в пространствах малых населенных пунктов, практически все жители знакомы друг с другом. В этих условиях, за редкими исключениями, соседская помощь одних селян другим носит традиционный характер. В дополнение отметим, что уровень жизни населения в городах значительно выше, чем в российских деревнях и селах. В связи с этим активность членов волонтерской общности нашей страны в значительной мере локализуется в городской среде. По самым последним замерам социологов наибольший удельный вес волонтеров сегодня отмечается именно в городах. По данным ФОМ число волонтеров в них варьируется от 16 % до 11,4 % от числа всех жителей данных территорий³³.

---

³² Данные опроса «Телефон». 31.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11712> (дата обращения: 06.01.2015).

³³ Данные опроса «ФОМнибус». 18–19 мая 2013 г. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10927> (дата обращения: 10.06.2014).

Чем больше по численности проживающего в нем населения тип поселения, тем с объективной точки зрения в нем больше условий для развития волонтерства. Подтверждения этому можно найти в исследованиях Левада-центра, которые показывают, что непосредственно добровольчеству, волонтерству, работе в общественных организациях и инициативах более или менее регулярно отдают свое свободное время 5 % москвичей, 4 % жителей городов-миллионеров и 2 % респондентов городов с числом жителей от 500 тыс. до 1 млн человек. Средний показатель по России составляет порядка 2 %³⁴.

Опросы фиксируют значительный нереализованный потенциал волонтерства среди россиян. Однако данные ФОМ и реальная жизненная ситуация, по нашему мнению, несколько различаются. Во-первых, несмотря на активность государства в популяризации волонтерства, реальная численность общности так и не увеличивается. Во-вторых, по заключению практиков третьего сектора желания и намерения многих россиян существенно расходятся с их реальными действиями. Как нам кажется, потенциал роста общности есть, однако он не столь значителен по численности вовлеченного в добровольчество населения. По нашему мнению, источник этого роста лежит в многообразии видов и типов волонтерской деятельности, которые в рамках социального управления волонтерством должны развиваться сегодня с учетом потребностей, возможностей, стремлений, ограничений, ресурсных возможностей, в первую очередь, временных, разных социальных групп россиян. Именно поэтому динамично развивающаяся и постоянно усложняющаяся структура волонтерской общности, а также неформальное волонтерство во всех своих проявлениях должно стать объектом отдельных самостоятельных исследований в области теории и практики управления.

Обобщая оценки экспертов, мы пришли к выводу, что наиболее перспективными (важными для государства и общества, востребованными со стороны самих потенциальных волонтеров в соответ-

---

³⁴ Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем : свод. аналит. отчет. М. : Левада-центр, 2014. С. 28.

ствии с их временными ресурсами, возможностями, желаниями) в развитии социального управления волонтерством в нашей стране является детское волонтерство и волонтерство людей пенсионного возраста. Приведем фрагменты интервью наших экспертов:

«Если человек с детства водил бабушек через дорогу, участвовал в волонтерских программах, работал по-настоящему, а не плясал, вероятность того, что он возьмет оружие против другого человека, ну очень, очень низкая! Это способ снижения социального напряжения в стране. <...> И когда он станет студентом, он придет ко мне уже замотивированным в школе и обученным для работы волонтером. У него будет меньше вопросов, ответственность и понимание уже будет. Нужна система» (8, 48 лет);

«Волонтерство детей и подростков – это особая вещь, оно очень нужно, чтобы формировать ответственность, понимание важности волонтерства не только в обществе, но и в своей личной жизни. Только делать нужно это сегодня как-то профессионально. Потребность очень большая» (26, 45 лет);

«Знаете, сколько пенсионеров, готовых что-то делать полезное? У них масса свободного времени, есть желание, а площадка у нас только одна, где они могут собираться. Вот и собираются, делают, что могут, в детские дома ходят, концерты в школе устраивают. А сколько таких сегодня дома сидит?» (15, 51 год).

Обобщение мнений экспертов позволило выделить ряд условий, при соблюдении которых возможно системное развитие этих направлений. Во-первых, на государственном уровне идеология волонтерства должна быть официально признана. Во-вторых, в соответствии с принципом рационального обмена ресурсами следует в рамках федеральных и региональных целевых программ, комплексных планов, различных концепций вводить в нормативно-правовое поле РФ нормы, учитывающие потребности разных социальных групп россиян и соотносящиеся с их возможностями как добровольцев. В-третьих, деятельность разных волонтерских сообществ должна быть профессионально организована через развитие и профессионализацию в стране третьего сектора.

Дадим оценку *направлениям и сферам деятельности добровольцев*, которые четко показывают, где сегодня востребованы и реально используются ресурсы волонтеров, а также демонстрируют, где есть управленческий потенциал для их конвертации в разные виды общественных благ, в ресурсы общества и структур власти. По данным ФОМ событийным волонтерством (участие в организации или проведении мероприятий, досуговых, культурных, благотворительных, оздоровительных акций) занимались 7 % респондентов, фандрайзингом (собирали денежные пожертвования) – 5 %; профессионально помогали сотрудникам НКО в их работе 2 % от числа всех опрошенных; участвовали в ликвидации последствий аварий, пожаров и других чрезвычайных ситуаций 2 % респондентов; экологическим волонтерством (участие в субботниках, мероприятиях по благоустройству дома, территории) занимался практически каждый третий россиянин (32 %); принимали участие в ремонте, уборке подъезда силами жильцов 18% респондентов; участвовали в наблюдении за порядком в составе добровольных народных дружин или инициативных групп 2 %; ухаживали за животными в приютах, охотничьих хозяйствах и т. п. 3 % россиян³⁵. По данным ВЦИОМ в 2014 г. событийным волонтерством занимались 6 % от числа всех россиян старше 18 лет, помогали сотрудникам НКО 5 % респондентов³⁶. Представленные данные – лишь вершина айсберга тех сфер, где реально сегодня задействованы российские волонтеры, и их труд востребован.

В теоретическом плане следует отметить, что количественные исследования не в состоянии охватить и изучить весь спектр видов деятельности добровольцев сегодня, однако они показывают, в каких сферах больше всего волонтеры решают проблемы государства, где ресурсы общности конвертируются в экономию ресурсов государства, в реальную помощь НКО и конкретным людям. Как нам

---

³⁵ Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации. С. 28.

³⁶ Общественные организации: «не был, не состоял, не участвовал»: пресс-выпуск № 2691. 10.10.14 [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115017> (дата обращения: 20.05.2015).

кажется, распространенность тех или иных видов организованного волонтерства в России связана с повышенным вниманием к ним со стороны российских СМИ, а также с поддержкой доноров и государства. Массмедиа, как правило, освещают только наиболее привлекательные в информационном плане виды волонтерской деятельности (социальное волонтерство, направленное на помощь детям, спортивное волонтерство и т. д.). Ресурсно поддерживается извне очень ограниченное число направлений, как правило, либо нужных государству, либо дающих массмедиа «красивую» картинку.

По результатам наших исследований в Свердловской области 60 % волонтеров оказывают помощь нуждающимся, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (социальным сиротам, инвалидам, одиноким пенсионерам и т. д.); 43 % занимаются событийным волонтерством, 46 % оказывают профессиональную помощь сотрудникам НКО (бухгалтерскую, юридическую, фандрайзинг, ведут работу с документами), 18 % добровольцев помогают в организации политических акций и выборных кампаний, 17 % задействованы в экологических проектах, 15 % охраняют общественный порядок, 11 % помогают бездомным животным.

Рейтинг направлений или видов волонтерства, популярных среди московских добровольцев, возглавляет помощь детям-сиротам (65 %). На втором месте – развлекательные мероприятия (45 %), на третьем – спортивные мероприятия (41 %), больным людям помогает практически каждый третий волонтер столицы (35 %), помощь престарелым людям оказывают 28 % московских волонтеров, экологическое волонтерство популярно среди 22,3 % респондентов, донорство – среди 21 %, помощь людям в чрезвычайной ситуации оказывают 14 %, защитой гражданских и политических прав занимаются 7 % московских добровольцев³⁷. В России сегодня особенно распространено и развито социальное и событийное волонтерство, хотя специфика каждого из существующего множества видов волонтерства во многом накладывает определенные особенности на содержание труда волонтеров, на требования к ним, их знаниям, умениям, навыкам, желаниям и возможностям.

---

³⁷ Шевченко П. В. Социальная роль московского волонтерства. С. 60–71.

Итак, большинство членов общности российских волонтеров реализуют себя в ограниченном числе направлений или видов волонтерской деятельности. Популярность среди населения приобретают только те из них, которые доступны большинству россиян благодаря своему институциональному закреплению, поддержке со стороны государства, коммерческого сектора и массмедиа, либо связаны с проблемами социальной безопасности, когда волонтеры защищают не только других людей, но и решают свои собственные проблемы (пожарное добровольчество, волонтерство в кризисных ситуациях и т. д.). Многие виды деятельности волонтеров и волонтерские практики оказываются за границей внимания исследователей и должны выступать отдельными, требующими серьезного научного подхода к их изучению проблемами в области социологии управления.

Если говорить о перспективах развития рассматриваемого феномена в контексте социального управления, где объектом выступают разные подобщности волонтеров, то следует подчеркнуть необходимость создания в стране таких условий, при которых число видов волонтерской деятельности может постоянно расширяться. В качестве базы для появления разных типов и видов добровольчества могут рассматриваться уже созданные институциональные структуры (образовательные, досуговые, спортивные, трудовые и т. д.). Социальные процессы, инициированные таким образом, придадут определенный толчок развитию третьего сектора в стране. По нашему мнению, с одной стороны, это позволит большинству граждан находить для себя именно такие виды добровольчества, которые в наибольшей степени будут соответствовать их желаниям, интересам и возможностям, способствовать наращиванию личностных ресурсов каждого из них. С другой стороны, организаторы волонтерской деятельности на основе принципа рационального обмена ресурсами смогут более четко формулировать свои требования к волонтерам, работать с отдельными целевыми группами потенциальных добровольцев, создавать необходимые условия для их деятельности. У них появится возможность эффективнее использовать технологии мотивации добровольцев благодаря ориентации на специфику отличающихся друг от друга подобщностей

потенциальных и реальных волонтеров, уже обладающих необходимыми в разных ситуациях компетенциями и определенными временными ресурсами.

При всем разнообразии в нашей стране видов волонтерской деятельности и волонтерских подобщностей есть такие *ресурсы всей общности российских волонтеров*, которые могут быть конвертированы в ресурсы общества и структур власти. Следовательно, именно их характеристики и особенности необходимо учитывать на всех уровнях социального управления с целью повышения его эффективности, учитывая при этом возможности использования принципа рационального обмена ресурсами.

Одним из наиболее важных, системообразующих по своему значению для личности каждого волонтера *является ресурс его времени*, которое он тратит на безвозмездную помощь незнакомым людям (в исследованиях мы можем его замерить по регулярности волонтерской деятельности). Самый последний опрос московских волонтеров показал, что каждый второй из их числа работал в 2014 г. в качестве волонтера реже, чем 1 раз в месяц³⁸. По нашим данным в Екатеринбурге практически половина (49 %) добровольцев занимаются волонтерством время от времени, в среднем 3–5 раз в год.

Опыт работы волонтеров в каких-либо социальных организациях (формальное волонтерство) влияет на характеристики времени, которое они могут, хотят и тратят на волонтерскую деятельность. Например, исследователи НИУ ВШЭ выявили, что «россияне, за последний год принимавшие участие в деятельности хотя бы одной НКО, гораздо чаще занимались добровольчеством много или несколько раз (23 и 36 % против 5 и 15 % среди тех, кто в деятельности НКО не участвовал)»³⁹. Результаты нашего опроса волонтеров тоже продемонстрировали существенную разницу по показателю «регулярность волонтерской работы» в группах «формальных» и «неформальных» волонтеров (табл. 3.2).

---

³⁸ Данные опроса «Телефом». 26.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11843> (дата обращения: 25.05.2015).

³⁹ Мерсиянова И. В. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества : региональное измерение. 2013. Вып. 8. С. 48.

Т а б л и ц а 3.2

**Регулярность волонтерской деятельности
в группах «формальных» и «неформальных» волонтеров***

Альтернативы ответов	Подгруппы волонтеров		Общность в целом
	Формальные	Неформальные	
Не реже двух раз в месяц	32	5,5	19
2–5 раз в год и более	48,5	43,5	46
1–2 раза в год	19,5	51	35
В целом	100	100	100

* В % от числа ответивших в группе; коэффициент Крамера 0,407, значимость 0,10%.

По данным наших исследований видно, что волонтерству больше времени уделяют те добровольцы, которые имеют опыт работы в третьем секторе. Неформальная помощь незнакомым людям чаще всего (каждый второй случай, или 51 %) носит разовый характер и соответственно не требует серьезных временных затрат на нее.

Среди волонтеров, имеющих опыт работы в НКО, практически в два раза больше тех, кто рассматривает для себя возможность работать на добровольных основаниях в НКО в будущем (76 % против 37 %). Эмпирические результаты наглядно подтверждают, что ресурс времени российских волонтеров, который они тратят на добровольчество, конвертируется в реальную помощь людям значительно чаще в рамках институциональных структур, создаваемых в некоммерческом секторе. Организационная среда НКО способствует регулярности труда волонтеров, их активности и вовлеченности в различные виды волонтерской деятельности, соответственно она может служить определенным управленческим базисом, обеспечивающим конвертацию временных ресурсов волонтеров в реальную помощь людям.

Для большинства «неформальных волонтеров» не характерна регулярность волонтерского труда. На наш взгляд, это может быть

связано с ситуативным объединением людей для решения каких-либо проблем, затрагивающих их личное пространство, со спецификой их мотивации. Решение этих проблем (например, уборка двора, очистка реки, лесопарка, тушение пожара и т. д.) не влечет за собой формирование тесных отношений между большинством горожан, работавших вместе волонтерами на неформальной основе. Исчезновение проблемы означает потерю основы для их объединения. Например, по заключению исследователей Левада-центра ситуация «беды» устойчивых связей между людьми не создает, а «решение проблемы часто означает распад наскоро сложившихся сообществ»⁴⁰. Таким образом, неформальное волонтерство не требует от волонтеров продолжительных или регулярных затрат времени на помощь другим людям, как правило, оно не сопряжено ни с их досугом, ни с их работой. Волонтерский труд в данном случае — внешняя необходимость.

В том случае, когда остается личный интерес к какой-либо проблеме и возникает определенный уровень солидарности добровольцев, тогда желание заниматься этой деятельностью влияет на время, которое они готовы тратить на эту деятельность, заставляет их искать имеющиеся либо создавать новые институционализированные структуры для реализации своих намерений. Речь идет об определенном состоянии личности волонтера как активиста, когда жизненная коллизия, с которой человек непосредственно столкнулся, становится стимулом его гражданской активности. По мнению исследователей, «это могут быть “материальные” события, случившиеся с ним самим, с родственниками, друзьями, соседями. Или это могут быть “духовные” изменения, случившиеся под влиянием каких-либо обстоятельств и осознаваемые как личный интерес»⁴¹. При этом регулярная добровольческая работа «неформального

---

⁴⁰ Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем : пресс-выпуск [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/09-09-2014/potential-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem> (дата обращения: 19.09.2014).

⁴¹ Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя : отчет о результатах исследования активизма в России. М. : Грани, 2012.

волонтера» в определенный момент способствует тому, что он при-
мыкает к тем, кто реализует свою гражданскую активность в оп-
ределенных институциональных рамках. А это, соответственно,
требует от него определенных временных затрат. Такие люди, как
правило, ищут единомышленников в третьем секторе, чтобы при-
соединиться к ним, либо способствуют тому, чтобы к ним присо-
единялись другие «неравнодушные».

Несмотря на проблемы становления и развития гражданского
общества в стране с точки зрения системности управления волон-
терством, именно некоммерческий сектор наиболее эффективно
может способствовать росту потенциала волонтерства среди раз-
ных социальных групп российского населения. Мы уже отмечали
во второй главе, что мировые тренды в развитии благотворитель-
ности показывают значимость третьего сектора в организации и по-
пуляризации волонтерства. Многочисленные эмпирические иссле-
дования, в том числе и наши, доказывают, что институциональная
среда обуславливает активность волонтеров. Введение обязатель-
ного требования (необходимость вовлечения такими организация-
ми добровольцев в различные социальные проекты) для получения
НКО различных грантов и государственных субсидий сможет опо-
средованно стимулировать развитие российских НКО, способство-
вать созданию на уровне организационных структур условий, обес-
печивающих мобильность волонтеров. Кроме того, очевидна не-
обходимость с помощью различных управленческих мер влиять
на включение стихийных волонтерских практик в институцио-
нальную среду третьего сектора.

Наши исследования показывают, что большинство тех, кто
с определенной регулярностью на протяжении какого-то времени
работал в НКО волонтером, рано или поздно под воздействием
«внешних обстоятельств» (рождение ребенка, повышение занятос-
ти на основном месте работы, сокращение дохода и т. д.), начина-
ют работать в организации добровольцами только в каких-то отдель-
ных проектах или акциях, ограниченных определенным временным
периодом. Как правило, время, уже потраченное такими доброволь-
цами на волонтерство, конвертируется в их личный социальный

капитал и начинает приносить реальную пользу не только обществу, но и им самим.

Сегодня наиболее популярной среди всех волонтеров, независимо от того, имеют они или не имеют опыт работы в третьем секторе, является проектная форма деятельности, которая позволяет им заниматься добровольчеством время от времени. Это далеко не только российская тенденция. Зарубежные исследователи говорят, что акценты в активности большинства волонтеров в мире смещаются в сторону краткосрочных проектов с четко определенными задачами и целями.

Формат проектной добровольческой деятельности может развиваться прежде всего в институциональной среде, где третий сектор играет роль посредника-организатора, задающего временные рамки деятельности волонтеров, которых он вовлекает в различные проекты. Таким образом, на всех уровнях системы социального управления волонтерством проектной работе с добровольцами, обоснованной ресурсными ограничениями времени большинства россиян, должен отдаваться приоритет. Проектная форма работы с волонтерами должна быть не только представлена в программах государственного значения, но и стать основой взаимодействия организаторов с добровольцами в рамках отдельных организаций.

Ресурс времени связан как с его тратой в жизни отдельных людей, так и с проблемой планирования и реализации волонтерами трудовой занятости и своего свободного времени. С одной стороны, добровольческий труд способствует более четкому видению волонтером своих перспектив за счет выработки у него навыка планирования своего времени, и наши исследования (всероссийский онлайн-опрос студентов-волонтеров, 2015) это наглядно демонстрируют (табл. 3.3).

Если среди постоянно занимающихся добровольчеством молодых волонтеров точных планов на будущее не имеют только 6% из числа опрошенных, в анализируемой группе добровольцев, участвующих в отдельных проектах, – 9 % таких респондентов, то среди молодежи, случайно участвовавшей в волонтерских акциях 1–2 раза, об отсутствии планов заявили уже 13 % студентов.

Т а б л и ц а 3.3

**Оценка планов после окончания вуза студентами,
имеющими и не имеющими опыт волонтерской деятельности***

Альтернативы ответов	Да постоянно	Участвую в отдельных проектах	Участвовал случайно, 1–2 раза	Нет
Планирую работать	82	78	78	70
Планирую продолжить образование	12	13	9	11
Будущее в плане рабо- ты туманно и неопреде- ленно	2	4	8	9
Еще нет никаких планов на будущее	4	5	5	10
В целом	100	100	100	100

* В % по столбцам; коэффициент Крамера 0,325, значимость 0,10 %.

С другой стороны, степень трудовой занятости россиян и наличие у них свободного времени могут быть определяющими показателями в практиках социального управления разными волонтерскими подобщностями. Например, в студенческие годы время, затраченное на обучение, может успешно и результативно совмещаться с волонтерскими практиками как для общества, так и самого студента. Для людей средней возрастной группы рабочее время может пересекаться с волонтерством при тех или иных условиях (содействии работодателя, гарантиях и льготах государства для организаций, развивающих такие виды гражданской активности своих сотрудников и т. д.). В пожилом возрасте при практическом отсутствии трудовой занятости волонтерство может заполнять свободное время потенциальных волонтеров.

Мы убеждены в том, что в концепции рационального обмена ресурсами добровольческий труд стимулирует не только профессиональное развитие волонтеров, но и во многом обеспечивает их

трудовую занятость⁴². При определенных обстоятельствах, которые мы рассматривали в наших статьях⁴³ и на которых более подробно остановимся в следующем подразделе, ресурс времени, затрачивающийся на добровольчество, может конвертироваться в «серьезный досуг» либо профессиональную деятельность самого волонтера.

Еще одним значимым в управленческой перспективе ресурсом общности волонтеров является их *образование*. В различных исследованиях российских волонтеров выявлены закономерности, демонстрирующие склонность к волонтерской деятельности среди людей, имеющих более высокий уровень образования⁴⁴. Интересно отметить, что ресурс образования добровольцев (особенно высшего) также оказывается значимым для их деятельности в общественных организациях. По данным всероссийского опроса общественного мнения НИУ ВШЭ среди людей с высшим образованием оказывали за последний год безвозмездную помощь незнакомым людям 60 % респондентов, со средним специальным – 54 %, со средним общим – 48 % из числа ответивших в данных группах⁴⁵.

В разных странах, в том числе и в России, волонтерство развивается практически на всех уровнях системы образования. В соответствии с принципом рационального обмена ресурсами волонтерство должно открывать населению доступ к возможностям образовательной мобильности, что сегодня и начинает стихийно реализовываться в нашей стране. В 2015 г. при приеме абитуриентов многие российские высшие учебные заведения начинают учитывать их индивидуальные достижения, в том числе в сфере волонтерской

---

⁴² Pevnaya M. V. Youth volunteering: the way to the regional labor market or source of human resources loss // The Conference Proceedings The 8th International Days of Statistics and Economics. September 11–13, Prague. 2014. P. 1145–1153 [Электронный ресурс]. URL: http://msed.vse.cz/msed_2014/toc.html (дата обращения: 01.05. 2015).

⁴³ Амбарова П. А., Певная М. В. Темпоральные ресурсы волонтеров российского мегаполиса : проблемы и перспективы управления // Муниципалитет : экономика и управление. 2015. № 3 (12) [Электронный ресурс]. URL: <http://municipal.uapa.ru/ru/issue/2015/03/07/> (дата обращения: 15.10.2015).

⁴⁴ Шевченко П. В. Социальная роль московского волонтерства. С. 60–71.

⁴⁵ Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора РФ. № 1. М. : НИУ ВШЭ, 2014. С. 8.

деятельности, начисляя за добровольчество дополнительные баллы⁴⁶. Сегодня на макроуровне системы социального управления российским волонтерством запущен определенный механизм, требующий существенной технологической проработки управленческих методов и алгоритмов взаимодействия организаторов волонтерской деятельности с молодежью, претендующей на получение таких возможностей за счет добровольческого труда.

Следующий значимый ресурс волонтеров – это уровень их дохода. По данным ФОМ чаще занимаются волонтерством те россияне, которые имеют гарантированный и «достаточный» доход (волонтеры сами относят себя к «экономически благополучным»⁴⁷). Исследователи выявили, что «добровольцы – вне зависимости от выбора сферы применения своей активности – являются (или, по крайней мере, ощущают себя) в целом обеспеченными людьми»⁴⁸. Они, по заключению большинства экспертов, «благополучны», «достаточно успешны» и «материально устойчивы», но в то же время «не супербогаты». Такая ресурсная характеристика российских волонтеров опять же соответствует общемировым трендам и демонстрирует, что особая роль в развитии волонтерства ложится на людей с высшим образованием и постоянным доходом.

Следует отметить, что ресурс времени волонтеров в связке с их доходами проявляет себя в двух аспектах. Во-первых, он тесно сопряжен не только с их возможностями планировать время, но и обуславливает трудовую занятость и соответственно напрямую влияет на доходы добровольцев. Например, наши исследования показывают (табл. 3.4), что успешно совмещать учебу, работу и волонтерство могут 49 % студентов Свердловской области, имеющих

---

⁴⁶ Об утверждении порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/2016 учебный год : приказ Министерства образования и науки РФ от 28.07.2014 г. № 839. Ст. 44 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_168035/ (дата обращения: 01.12.2015).

⁴⁷ Шевченко П. В. Социальная роль московского волонтерства. С. 60–71.

⁴⁸ Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации. С. 132.

опыт волонтерства. Среди студентов, которые никогда не принимали участие в волонтерских проектах, не имеют постоянной и временной работы 67 % респондентов.

Т а б л и ц а 3.4

**Регулярность частичной занятости
студентов-волонтеров и студентов,
не имеющих опыта волонтерской деятельности***

Регулярность занятости	Группа студентов, имеющих опыт волонтерства	Группа студентов, не имеющих опыта волонтерства
Постоянная занятость	15	9
Непостоянная занятость (время от времени)	34	24
Занятость отсутствует	51	67
В целом	100	100

* В % по столбцам; коэффициент Крамера 0,285, значимость 0,10 %.

В группе студентов с опытом волонтерской деятельности 13 % респондентов отметили, что имеют существенный доход; практически каждый второй (49 %) из их числа имеет незначительный заработок; 37 % волонтеров не имеют постоянной работы и дополнительных заработков. Среди студентов без опыта волонтерства имеют постоянный доход лишь 9 % респондентов, 38 % отметили, что их доход незначителен, практически каждый второй (52 %) заявил вообще об его отсутствии.

Во-вторых, отношение людей к их материальному достатку (наличие дохода и его достаточность) влияет на возможности россиян тратить время на волонтерство. Наши эксперты, давая оценку регулярно работающим в их организациях волонтерам, отмечали, что большую часть данной группы составляют активные, деятельные люди, имеющие профессию и основную трудовую занятость с абсолютно различным уровнем дохода (главные характеристики –

постоянство и ощущение его достаточности), с разной степенью регулярности включающиеся в деятельность НКО.

Итак, по нашему мнению, потенциал общности российских волонтеров составляют россияне, имеющие постоянный доход, а бремя основной ответственности за развитие волонтерства в стране ложится не только на государство, но и на работодателей, чья роль в этих процессах существенно изменяется в условиях экономического кризиса. При сокращении финансирования направлений социальной работы, повсеместном урезании источников поддержки третьего сектора и благотворительных проектов многие субъекты экономической деятельности могут своими высвободившимися в кризисных условиях кадрами оказать существенную поддержку третьему сектору. Сокращая доходы населения, кризис, с одной стороны, урезает объективные возможности россиян добровольно и безвозмездно помогать незнакомым людям, с другой, ставит проблему расширения ареала деятельности добровольцев и создания определенных условий для этого со стороны государства на фоне постоянно возрастающих потребностей населения в помощи волонтеров. Таким образом, использование волонтерства в обществе в условиях его кризисного развития становится еще одной, требующей глубокого самостоятельного изучения проблемой социологии управления.

Анализ эмпирических данных показывает, что в системе социального управления российским волонтерством возможности конвертации времени, затраченного на добровольческую деятельность, в рост показателей качества жизни волонтера, в его реальное трудоустройство и доход должны стать одним из основных положений концепции информационного продвижения волонтерства в стране. Формирование же среды для самореализации россиян в добровольческих проектах, как нам кажется, связано с системой образования и корпоративными структурами. Если первая является центром интеллектуальной активности населения, организационным пространством сосредоточения образованных людей, то от вторых очень часто зависит уровень материального благосостояния и удовлетворенность жизнью работающего населения определенных территорий.

Очевидно, что сегодня одна из перспектив развития российского волонтерства напрямую коррелирует с активностью коммерческого сектора в роли субъекта управления волонтерством. В условиях ограниченности доходов населения российский обыватель может оказаться вовлеченным в добровольческую деятельность только через «сеть социально ответственного бизнеса, развитую во всем мире и включающую компании, которые выделяют ресурсы на добровольчество, все больше стремятся завязать сотрудничество с третьим сектором и вовлекают в эти процессы своих сотрудников»⁴⁹. Согласно принципа рационального обмена ресурсами задача государственного и муниципального управления состоит в том, чтобы взамен таких инициатив предоставлять субъектам коммерческой деятельности информационную поддержку в регионе, льготы и возможные экономические послабления, не противоречащие федеральному законодательству.

Большинство ссузов и вузов России, позволяющих россиянам наращивать свой образовательный потенциал, локализуют организационные центры волонтерства в стране. Однако с позиции управления добровольчеством и применимости в нем принципа рационального обмена ресурсами именно доступ к образованию по определенному профилю или возможность обучения в конкретном учреждении, полученные взамен «волонтерских часов», могут активно простимулировать добровольческую активность российской молодежи. В этом случае многие молодые люди захотят потратить свои временные ресурсы на добровольчество, отдать их обществу и третьему сектору.

Существенным ресурсом волонтерской общности является *возраст волонтеров*. Именно возраст добровольцев сегодня определяет их физические, социальные и экономические возможности, влияет на приоритеты в направлениях деятельности разных возрастных групп волонтеров, объясняет существенные отличия в их мотивации. Практически все опросы общественного мнения фик-

---

⁴⁹ Новые формы добровольчества вносят значительный вклад в развитие человеческого потенциала : пресс-релиз. 05.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: www.unv.org. (дата обращения: 20.05.2015).

сируют, что чем моложе население, тем больше в нем людей, желающих принять участие в тех или иных волонтерских проектах. Например, не готовых лично помочь в переоборудовании и ремонте детского дома, который находится недалеко от их места жительства, среди 18–30-летних всего 22 % наших молодых сограждан, в группе 31–45-летних россиян таких 28 %, тогда как из числа 46–60-летних людей таких уже 39 % от числа всех опрошенных⁵⁰.

Ресурсы времени и физических возможностей россиян позволяют объяснить выявленную и описанную выше тенденцию. Если молодые могут помогать другим и имеют для этого достаточно сил и времени, то люди средней возрастной группы зачастую не в состоянии этого себе позволить из-за загруженности семейными и бытовыми проблемами, тогда как пожилых останавливают нехватка сил и проблемы со здоровьем. Кроме того, молодые и люди среднего возраста информированы о деятельности активистов лучше, что позволяет предположить их большую включенность в добровольчество⁵¹. В дополнение ко всему информационная компетентность (уровень владения современными технологиями, доступ к различным гаджетам, информационная активность) молодых россиян делает коммуникацию с ними более доступной для некоммерческого сектора, а их мобильность во многом определяет приоритеты в предпочитаемых ими направлениях волонтерской деятельности.

Внимание государства только к молодежному волонтерству в комплексе с ограниченностью доступа к информационным ресурсам пожилых людей продуцирует сегодня серьезную проблему в развитии волонтерства среди старшего поколения, обладающего достаточным ресурсом времени для самореализации в добровольчестве, как правило, в силу отсутствия у большинства из них трудо-

---

⁵⁰ Индекс благотворительной помощи детям. Данные опроса «ФОМнибус» 10–11 августа 2013 г. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [Электронный ресурс]. URL: <http://soc.fom.ru/obshchestvo/11246> (дата обращения: 10.06.2014).

⁵¹ Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации. С. 40.

вой занятости. Однако ограничения в использовании современных технологий и средств связи, возрастные особенности физического и психического состояния здоровья препятствуют доступу многих пожилых россиян к волонтерской деятельности в тех или иных ее проявлениях. В обществе проявляется возрастная стратификация волонтерства. Потенциал пожилых сегодня в социальном управлении практически не учитывается, хотя именно данная возрастная группа может обеспечить в стране рост общности добровольцев как в настоящем, так и в будущем.

Люди средней возрастной группы, по заключению наших экспертов, составляют «ядро» волонтеров-профессионалов, которые могут себе позволить тратить свое время регулярно для того, чтобы оказывать в деятельности НКО высокопрофессиональные услуги нуждающимся в них людям. Большинство россиян данной возрастной группы, как правило, состоялись профессионально, лично и экономически, а ресурсы их времени, знаний, профессиональных умений и навыков конвертируются в реальную помощь специалистам третьего сектора.

По данным регионального опроса среди волонтеров от 18 до 30 лет 66 % помогали в организации и проведении культурно-досуговых, спортивных мероприятий, т. е. занимались спортивным и событийным волонтерством. В остальных возрастных группах (31–45, 46–60, старше 60 лет) наиболее популярным видом волонтерства является помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, детям-сиротам, пожилым людям и т. д. (социальное волонтерство). Однако волонтеры в возрасте от 46 до 60 лет чаще остальных оказывают профессиональную помощь (правовую, психологическую, бухгалтерскую и т. д.), что объясняется профессиональной зрелостью и богатым жизненным опытом респондентов данной возрастной группы.

В наших исследованиях так же, как и в ряде других социологических исследований российского волонтерства, было установлено, что существуют определенные отличия в мотивации добровольцев разных возрастных групп. Для добровольцев любого возраста на первом месте по значимости оказывается «возможность

помогать другим людям». Однако молодое поколение чаще других возрастных групп одновременно ориентировано на профессиональное и карьерное развитие. В пять ведущих мотивов участия в добровольчестве молодые волонтеры поставили «альтруизм» (52 %), «полезные знакомства» (42 %), «опыт работы» (39 %), «общение с интересными людьми» (30 %) и «опыт общественно-политической деятельности» (30 %), в то время как для людей среднего возраста после «альтруизма» (42 %) на втором месте по значимости оказался мотив «заниматься любимым делом, хобби» (30 %), а у волонтеров пенсионного возраста вторым было обозначено «уважение окружающих» (32 %).

Согласно данным ФОМ доминирующими мотивирующими факторами 18–30-летних волонтеров являются карьерные установки (79 %) и возможности расширения социальных связей (85 %). Для большинства 31–46-летних добровольцев также мотивирующими факторами выступают возможности расширения социальных связей (70 %) и карьера (53 %), тогда как в группе старше 47 лет доминируют идеалистические мотивы (57 %), такие как «возможность улучшить жизнь в своем городе», «возможность просто помогать людям» и возможности расширения социальных связей (50 %)⁵².

Общая оценка мотивации как ресурса общности российских волонтеров, исходя из того, что наиболее важными для добровольцев любого возраста оказываются такие мотивы, как «друзья», «любимое дело, хобби», «общение с интересными людьми» (мотивирующий фактор «возможности расширения социальных контактов»), позволяет в темпоральном измерении обратить особое внимание на сближение волонтерской деятельности и досуга.

Такая постановка проблемы делает очевидной прямую и опосредованную связь мотивации к волонтерскому труду с интересами, предпочтениями, способностями и возможностями как реальных, так и потенциальных волонтеров, где организация свободного времени становится основой внедрения в управление принципа рационального обмена ресурсами между добровольцами и организа-

---

⁵² Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации. С. 269.

торами добровольческой деятельности. Следует отметить, что, согласно нашей точке зрения, реализация мотивации как одного из ключевых ресурсов российских волонтеров обеспечивает им удовлетворенность собой, своей деятельностью, досугом, работой, учебой.

Существуют различные исследовательские подходы, позволяющие сегментировать волонтерскую общность и применимые для того, чтобы понять, как представления о мотивации ее членов можно использовать в социальном управлении для конвертации данного ресурса в различные общественные блага. Например, О. Н. Яницкий разделяет волонтеров на «государственных» (мотивированных государством идеологически, статусно и материально) и «гражданских» (лично мотивированных на помощь другим вне зависимости от места и времени, а также от социального положения тех, кто нуждается в помощи)⁵³.

Уже сложившиеся в России и отличные по мотивации их членов подобности «прогосударственных» и «гражданских» волонтеров, выделенные благодаря данному подходу, требуют особого внимания при изучении специфики каждой из них как объекта управления. Институциональное поле деятельности «прогосударственных» характеризуют оценка важности и необходимость вклада в сопровождение их деятельности государства и СМИ, внешнее управление и организация, четко обозначенные «бонусы» для волонтеров, доминирование у них эгоистической мотивации, обеспечивающие конвертацию результатов труда добровольцев, в первую очередь, в пользу государства, во вторую – в собственную выгоду. Для «гражданских» же волонтеров значима свобода выбора, самостоятельность, отсутствие внешнего контроля, возможности самоорганизации и преимущественно альтруистическая мотивация, благодаря которым их труд конвертируется в определенные ресурсы гражданского общества.

Практики государственного регулирования волонтерства на макроуровне социального управления должны оставлять возможности

---

⁵³ Яницкий О. Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. № 1 (5). С. 71–89.

для существования и развития в стране обеих выделенных подбобщностей. По нашему мнению, необходимо соблюдать баланс государственных интересов и интересов гражданского общества, так как волонтерство в своем стратегическом значении является одним из важнейших механизмов, обеспечивающих рост человеческого капитала.

В тактическом плане динамика мотивации волонтеров в процессе добровольческой деятельности обеспечивает реализацию заданной стратегии. Одной из важнейших проблем в оценках мотивации волонтеров разных стран, в том числе и России, является противоречие между альтруистической и эгоистической мотивацией, смешение тех мотивов, которыми они руководствуются в своей деятельности. Изучая специфику мотивации молодых волонтеров, мы выявили, что в процессе добровольческой деятельности, благодаря затратам на волонтерство определенного личного времени, очень часто как альтруистическая, так и эгоистическая мотивация начинает меняться на смешанный тип, в котором одновременно присутствуют и рядоположены альтруистические и эгоистические мотивы⁵⁴. Именно этот процесс трансформации мотивации личности в процессе добровольческой деятельности влияет на *удовлетворенность жизнью волонтеров*, которая, в свою очередь, выступает ресурсом общности и определяет качество жизни ее членов.

Конвертация данного ресурса в социальном управлении возможна только при условии, что организаторы волонтерской деятельности для повышения эффективности взаимодействия с добровольцами руководствуются определенными стандартами их деятельности в том или ином направлении, отражающими специфику различных волонтерских подбобщностей. Кроме того, именно организаторы должны создавать условия, обеспечивающие динамику изменения ключевых мотивов деятельности добровольцев, например, через разработку и внедрение мотивационных программ работы с разными группами волонтеров.

---

⁵⁴ Pevnaya M. V. Youth volunteering: the way to the regional labor market or source of human resources loss // The Conference Proceedings The 8th International Days of Statistics and Economics. September 11–13. Prague, 2014. P. 1145–1153.

Смешанная мотивация и относительно регулярное занятие добровольчеством детерминируют во многом отношение добровольцев к их важнейшим, на наш взгляд, жизненным ресурсам: материальным и временным, помогают им более рационально планировать свою жизнь, работают на показатели личной удовлетворенности тем, что они делают. В качестве доказательства представим распределение ответов молодых российских волонтеров (опрос 2015) на вопрос: «Чего Вам больше всего не хватает в жизни – денег или времени?» (табл. 3.5). Методика исследования позволила разделить всех респондентов на две группы: волонтеры с эгоистической мотивацией и добровольцы со смешанной мотивацией. Следует отметить, что более 55 % волонтеров с эгоистической мотивацией занимались волонтерством не более 1–2 раз в год, тогда как большинство добровольцев со смешанной мотивацией (59 %) оказывают добровольную помощь нуждающимся людям время от времени, 2–5 раз в год, 23 % из них работали волонтерами регулярно, не менее 2 раз в месяц.

Т а б л и ц а 3.5

**Распределение ответов волонтеров
с эгоистической и смешанной мотивацией на вопрос:
«Чего Вам больше всего не хватает в жизни – денег или времени?»***

Альтернативы ответов	Группы волонтеров	
	«Эгоисты»	Волонтеры со смешанной мотивацией
Не хватает времени	31	31
Не хватает денег	25	15
Не хватает денег и времени	25	25
Хватает денег и времени	5	22
Затрудняюсь ответить	14	8
В целом	100	100

* В % по столбцам; коэффициент Крамера 0,268; значимость 0,10 %.

Практически каждый пятый волонтер-студент (22 %) со смешанной мотивацией к добровольчеству удовлетворен наличием своих временных и денежных ресурсов. В это же время только каждому двадцатому молодому волонтеру (5 %) из выделенной группы респондентов с эгоистической мотивацией, принявших участие в нашем опросе, хватает и времени, и денег. Уровень удовлетворенности своими материальными и временными ресурсами – важнейшая характеристика удовлетворенности жизнью молодых российских волонтеров, зависящая от их мотивации и регулярности волонтерского труда.

На мезо- и микроуровне социального управления волонтерством необходимо учитывать специфику волонтеров с разной мотивацией. Объективные представления о мотивах разных социальных групп россиян смогут обеспечить эффективность не только процесса привлечения потенциальных волонтеров в деятельность различных организаций, но и позволят решить проблему их удержания в коллективах.

Итак, рассмотрение значения волонтерства для общества и структур власти наряду с пониманием значимости ресурсов общности российских волонтеров является основой концептуальной модели социального управления развитием данного социального феномена. В реализации управленческих воздействий на всех уровнях социального управления разными его субъектами именно это новое знание может лечь в основу планирования и развития различных волонтерских практик и проектов. Подход к рассмотрению управления волонтерством через реализацию принципа рационального обмена ресурсами существенно оптимизирует управление взаимодействием с волонтерами. Он предполагает обмен имеющихся в распоряжении российских волонтеров ресурсов на нужные им социальные блага, позволяет наиболее эффективно конвертировать их в ресурсы общества и структур власти.

Перейдем к анализу волонтерской деятельности, оценке ее содержания, а также к исследованию изменений отношения волонтеров к окружающему миру и к самим себе, обусловленных их включенностью в сферу добровольчества.

3.4. Деятельность волонтеров: профессионализация и управление

Волонтерство осуществляет один из видов социально полезной деятельности. По своему содержанию и сфере реализации она очень близка к профессиональной. В жизни российских добровольцев волонтерство тесно сопрягается с их досугом и профессиональной занятостью. По нашему мнению, именно временные характеристики (частота и регулярность), обуславливающие степень включения добровольческой деятельности в образ жизни волонтеров, во многом определяют не только смысл и содержание их труда, но и результативность, социальный и экономический эффект добровольчества для них самих, общества и государства.

Для анализа социального управления волонтерством в отдельных организационных структурах, по нашему мнению, весьма полезен деятельностный подход. Он позволяет выделить определенные аспекты содержания деятельности добровольцев в контексте возможностей ее технологизации и управления. При изучении взаимодействия волонтеров с теми, кому оказывается конкретная помощь, с профессионалами и чиновниками можно увидеть, как в разных формах проявляется профессионализм отдельных добровольцев, формируются профессиональные свойства их общности или ее отдельных подобщностей, связанные с процессами профессионализации исследуемого нами феномена.

Во-первых, для реализации системности управления волонтерами на всех его уровнях важно понять суть профессионализации волонтерства в теоретическом и практическом смыслах. Во-вторых, степень популярности именно социального волонтерства среди россиян обусловила обращение исследовательского взгляда к сфере социальной работы в государственном и некоммерческом секторах.

Следует особо подчеркнуть, что социологический подход к исследованию профессионализации волонтерства сегодня практически не разработан и является перспективным. В теоретическом плане под профессионализацией в широком социальном смысле понимается создание и развитие общественных институтов, а также

правил и норм, связанных с формированием профессиональной структуры общества. В узком смысле процесс профессионализации означает формирование профессиональных групп, имеющих специфические интересы и ценности, а также профессиональные позиции и роли⁵⁵.

С социологической точки зрения профессионализация волонтерства – это процесс появления и институционализации сравнительно нового вида деятельности. Он несет за собой определенные изменения не только в ее содержании, но и в характеристиках самих волонтеров, а также тех, кто организует их труд в обществе, в конкретных социально-экономических условиях. По нашему мнению, происходит накопление профессионализма в ареале деятельности определенной общности, ее члены становятся профессионалами. В этом смысле профессиональная волонтерская деятельность начинает противостоять любительству с точки зрения характеристик ее исполнения и организации, с позиции наличия у добровольцев как акторов определенного запаса знаний, умений и навыков, а также конкретных профессиональных качеств.

Профессионализация волонтерства, с одной стороны, характеризует процесс накопления признаков профессионализма социальной общностью волонтеров, с другой стороны, отражает социальный тренд, когда феномен волонтерства начинает приобретать все новые и новые качества, связанные с повышением его профессионального уровня.

Амбивалентный подход к теоретическому рассмотрению волонтерства как профессиональной деятельности, а самих волонтеров как членов профессиональной (или полупрофессиональной) общности реализуется благодаря интеграции общностного, институционального и деятельностного исследовательских подходов и позволяет исследовать профессионализацию волонтерства на трех уровнях: институциональном, общностном и личностном.

---

⁵⁵ Бетуракин В. В. Профессиональная социальная работа : состояние и перспективы // Вопросы научной теории и социальной практики : сб. науч. ст. Вып. 3. Саратов : Наука, 2007.

На институциональном уровне профессионализация волонтерства проявляется себя в межинституциональном взаимодействии. Она характеризуется развитием человеческих трудовых ресурсов определенных территорий, включением волонтеров в разные социально-экономические практики. Профессионализация волонтерства на общественном уровне связана с определенным сообществом, той частью добровольцев, которая по своим ключевым характеристикам ближе всего к профессиональной общности. Процессы приобретения волонтерами определенного социального и профессионального статуса, их вхождение на рынок труда, включение в определенные профессиональные общности отражают ее динамику. Профессионализация общности определяет ее потенциал – идеологию, знания, умения и навыки ее членов, характер внутриобщностных и внешних взаимодействий. Профессионализация волонтеров на личностном уровне – это определенная форма самореализации человека в ходе его добровольческой деятельности, благодаря которой происходит накопление определенных профессиональных качеств.

Ключевые аспекты профессионализации волонтерства, описанные выше, представлены в табл. 3.6.

Т а б л и ц а 3.6

Профессионализация волонтерства

Уровень	Содержание	Ключевые характеристики
Личностный	Волонтер становится профессионалом. Приобретает определенные знания, умения, навыки. Формирует профессиональный круг общения, социальные связи. Формируются определенные ценностные ориентации личности	Стратегии личностного и профессионального развития. В процессе деятельности волонтер становится: профессиональным волонтером и специалистом в своей профессиональной сфере; специалистом в сфере социальной работы в третьем секторе; специалистом в сфере социальной работы государственного сектора

Окончание табл. 3.6

Уровень	Содержание	Ключевые характеристики
Общностный	Общность приобретает сформировавшуюся идеологию, правила и нормы, ресурсы. Единство общности имеет связь с образованием или обучением ее членов. Формируются групповые ценности	Взаимодействие с профессиональными общностями. Пересечение и интеграция деятельности волонтеров с общностью профессионалов социальной работы. Условложение структуры общности. Профессионализация проходит четко по направлениям волонтерства и в каждом случае имеет свою специфику (спортивном, экологическом, социальном и т. д.)
Институциональный	Уровень взаимодействия с институтами образования, государственного управления, бизнеса	Формирование механизмов развития института волонтерства: построение правового поля, экономическое стимулирование НКО для развития рынка волонтерского труда; формирование культуры волонтерства в обществе (развитие корпоративного волонтерства, построение системы детского и юношеского волонтерства и т. д.). Развитие рынка социальных услуг: взаимодействие государственного и некоммерческого секторов в сфере социальной работы с целью формирования рынка труда волонтеров; формирование среды, способствующей развитию связей института образования и реального рынка труда для выпускников, где волонтерство выступает посредником

Профессионализация волонтерства на институциональном уровне сопряжена со становлением института волонтерства, с условиями формирования системы его взаимодействия с другими социальными институтами (образования, социальной работы, политики и т. д.), с развитием человеческих трудовых ресурсов определенных территорий.

Профессионализация волонтерства как социального института в большей мере связана со спецификой и особенностями реализации социальной политики, с развитием сферы социальной работы в государственном и некоммерческом секторах российской экономики. Как показывают опросы общественного мнения, различные исследовательские проекты, в том числе и авторские, большинство российских волонтеров реализуют свою деятельность именно в социальной сфере. Мы согласны с позицией З. М. Саралиевой, которая рассматривает институт волонтеров как один из системообразующих компонентов системы социальной работы⁵⁶. Таким образом, профессионализация социальной работы в современной России существенно влияет на профессионализацию волонтерства.

Отметим ряд наиболее существенных в этом плане тенденций в сфере социальной работы. Во-первых, идет «усложнение профессионального поля социальной защиты» за счет выделения множества профилей и специализаций, разграничения уровней квалификации специалистов; происходит смешение практик и представлений о социальной работе в социальных службах за счет соединения «российского опыта социальной заботы»⁵⁷ с профессиональными практиками зарубежных стран; имеет место сближение и интеграция с другими профессиональными видами деятельности (педагогика, психология и т. д.). Во-вторых, некоторая разобщенность образования и реального поля профессиональной деятельности,

---

⁵⁶ Саралиева З. М. Система социальной работы : структура, принципы функционирования // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2001. № 1. С. 97. (Сер. Социальные науки).

⁵⁷ Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Разработка профессиональных стандартов в социальной работе : перспективы и вызовы // SPERO. 2013. № 18. С. 39–56.

сопряженная с неразвитостью групповой сплоченности членов профессиональной общности, приводит к усилению контроля администраторов над деятельностью профессионалов, к рискам зависимости профессионалов и качества их деятельности от бюрократической машины, к трудностям в разработке профессиональных стандартов деятельности в соответствии с требованиями времени. В-третьих, в России происходит стихийное, в некоторой степени обособленное от института профессионального образования и деятельности в государственном секторе развитие социальной работы в третьем секторе.

В связи с обозначенными выше тенденциями профессионализацию волонтерства в нашей стране на институциональном уровне характеризуют следующие особенности. Стихийно формируется структура волонтерской общности. Она включает в себя различные группы волонтеров, которые занимаются добровольческой деятельностью разных видов, требующих от добровольцев разного уровня профессионализма. Можно сказать, что фрагментарно выстраивается взаимодействие государственного и третьего секторов с институтом образования, обуславливающее стихийность формирования рынка труда волонтеров. Чаще всего отдельные организации приглашают студентов на время учебной практики либо совместно с образовательными учреждениями проводят какие-либо разовые мероприятия, реализуют социально значимые проекты.

Стандарты деятельности волонтеров, а также стандарты управления их деятельностью формируются в процессе непосредственной работы с ними. В каждой организации они свои, зависят от возможностей, желания и потребностей сотрудников. Приведем несколько высказываний наших экспертов, имеющих определенный практический опыт по данному вопросу:

«Что касается каких-то методических рекомендаций, стандартов работы, они реально есть и работают, только это не изложено ни в каких документах. Это мое упущение. Но у меня нет возможности в текущих делах этим заниматься! У меня каждый из организаторов какого-то этапа процесса (подготовки, сопровождения или контроля работы волонтеров) четко знает алгоритм своей работы,

требования к тому, что он должен и что не должен делать по отношению к волонтерам» (20, 40 лет);

«Мы проводим обучение обязательно. Нашему волонтеру нужно знать детскую физиологию, иметь теоретические знания. Необходимо знать, что с детьми вообще можно делать, а что нет» (1, 25 лет).

Существующие сегодня стандарты и кодексы волонтеров отдельных организаций чаще всего документально не оформлены. Многие НКО, имеющие опыт работы с зарубежными грантодателями, ориентируются на международные стандарты, используют в своей деятельности, адаптируя к нашим условиям, зарубежные методические разработки. П. В. Романов отмечает, что в развитых странах, в частности в Великобритании, разработаны и внедрены профессиональные стандарты для занятых в третьем секторе. Они затрагивают профессионалов (работников по развитию, фандрайзеров, менеджеров волонтеров и т. д.), которые работают в благотворительных фондах, на социальных предприятиях и в сообществах⁵⁸.

Рынок труда волонтеров институционально не оформлен как на федеральном, так и на региональном уровнях. Волонтеры сегодня повсеместно привлекаются в разных сферах. Нормативно-правовое регулирование их деятельности в государственных учреждениях без посредничества третьего сектора сегодня не осуществляется. Общая база, представляющая возможные вакансии, дающая информацию о возможных местах работы волонтеров, о требуемых кадрах, уровне их подготовки, требуемых навыках, сегодня отсутствует. Однако некоторое подобие такой базы продублируется в социальных сетях. Во многих волонтерских сообществах аккумулируется информация об актуальных социальных проектах, где необходима помощь волонтеров.

На государственном уровне была сделана неудачная попытка создать базу данных, включающую в себя информацию о самих волонтерах с целью провести так называемый кадровый аудит. Однако эта работа встретила ряд сопротивлений со стороны дей-

---

⁵⁸ Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Разработка профессиональных стандартов в социальной работе. С. 41.

ствующего третьего сектора, так как сами волонтеры чаще всего не хотят быть подконтрольными государству, а НКО боятся потерять доверие людей, потенциальных спонсоров и волонтеров. В итоге эта инициатива была ограничена массовой регистрацией подростков и студентов-добровольцев. По нашему мнению, подмена цели (прозрачный учет на контроль) создания такой базы определила нереализуемость данной инициативы. Отсутствие системности в организации труда волонтеров в разных секторах приводит к тому, что большинство волонтеров не видит и не понимает целесообразность такой регистрации. Государство не предлагает разным группам волонтеров альтернативы для обмена их волонтерского труда на какие-либо социальные возможности (доступ к образованию, гарантии трудоустройства, официальный стаж, социальные гарантии и т. д.). Таким образом, мотивация к официальной регистрации у большинства реальных волонтеров сегодня отсутствует.

Проанализируем различные аспекты профессионализации общности волонтеров. По нашему мнению, трансформация волонтерского труда, его сближение с профессиональной деятельностью наряду с постепенным становлением общности волонтеров как сообщества профессионалов отражают суть профессионализации волонтерства.

В заданной логике попытаемся далее ответить на несколько ключевых вопросов: можно ли деятельность волонтеров рассматривать как профессиональную с целью оптимизации управления волонтерами? Могут ли волонтерской деятельностью заниматься профессионалы? Какое место данная подобность занимает в системе управления волонтерством в стране?

В своей работе мы попытались интегрировать атрибутивный и феноменологический подходы к пониманию профессии (профессиональной деятельности и профессионалов). С позиции первого обычно оценивается профессиональная компетентность, идентифицируемая через набор определенных черт, характеристик конкретного вида занятий. По мнению П. В. Романова и Е. Р. Ярославской-Смирновой, в содержании второго подхода лежит понимание «особых, “своих” знаний и способов их передачи», а также специ-

фического жизненного мира, стилевых особенностей и габитуса, складывающихся вокруг конкретного вида работы»⁵⁹.

Г. Б. Кораблева, осуществившая институциональный анализ профессии, отмечает, что профессиональная деятельность существует в единстве организационно-технологических и экономических признаков и имеет следующие важные характеристики⁶⁰. Во-первых, она требует специальных знаний, навыков и мастерства. Во-вторых, формирует особый тип общностей – профессиональных, интегрируя людей в социальную систему на основе профессиональных признаков независимо от типа государства и общественного строя и регулирует взаимодействия между ними. В-третьих, создает круг общих интересов, стиль и образ жизни людей, ее реализующих, порождая среди них сходство психологических и социальных признаков, формируя профессиональную культуру членов общности. В-четвертых, обеспечивает условия для реализации специальных способностей человека, получения доходов и удовлетворения многообразных индивидуальных потребностей. В-пятых, требует специальной подготовки. В-шестых, определяет стиль поведения человека как следствие реализации устойчивой системы профессиональных ролей, без усвоения которых интеграция личности в социальную систему общества просто невозможна.

В связи с характеристиками волонтерского труда можно дать положительный ответ на первый вопрос, поставленный в нашем исследовании. В деятельности добровольцев можно выделить описанные выше атрибуты и критерии профессиональной деятельности, за исключением примеров квазиволонтерства. Деятельность добровольцев в разных видах, типах и направлениях требует различного уровня профессионализма от тех, кто ее реализует. Волонтер должен обладать особыми навыками, умениями, знаниями, определенной квалификацией, компетентностью в зависимости от содержания своего труда, конкретной помощи, которую ему приходится оказывать.

---

⁵⁹ Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Мир профессий : пересмотр аналитических перспектив // Социс. 2009. № 8. С. 25–35.

⁶⁰ Кораблева Г. Б. Институциональные основы формирования профессиональных общностей // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. 2006. № 2(57). С. 126–129.

В практическом смысле именно в управлении волонтерами на уровне отдельных организаций и социальных учреждений сегодня актуализируется необходимость в обучении волонтеров. В российских организациях благотворительного сектора в том или ином виде оно сегодня проводится и, как правило, зависит от специфики различных направлений волонтерства и конкретной ситуации. Неформальное обучение добровольцев есть практически в каждой отдельной организации и способствует формированию профессионализма как свойства волонтерской общности в целом.

Дать однозначный ответ на второй вопрос достаточно сложно. В прямом смысле волонтеров нельзя считать полноправной профессиональной группой. Члены этой общности приходят к волонтерству из разных социальных групп, а сама волонтерская деятельность по своей сути и содержанию граничит как с профессиональной, так и досуговой. Анализ данных различных эмпирических исследований показывает, что разная степень интеграции волонтерской, профессиональной и досуговой видов деятельности в жизни отдельных россиян определяет у них как у акторов разный ролевой набор. Отражение этой интеграции можно увидеть в нескольких трактовках понятия «профессиональный волонтер».

В своем первом значении профессиональный волонтер – это хорошо обученный определенному виду деятельности добровольный помощник, ответственный исполнитель ряда функций в организации. В контексте отдельно взятой ситуации он профессионально выполняет любые виды работ на добровольных началах, потому что хорошо знаком с ними. Приведем мнение одного из наших экспертов:

«Профессиональные волонтеры – это люди, которые имеют свой профессиональный статус, профессиональное образование в какой-либо сфере, а также обязательно опыт волонтерской деятельности. Они прошли обучение практикой добровольчества, четко знают, что от них требуется в той или иной ситуации, когда они оказывают кому-то помощь» (18, 43 года).

Именно опыт и продолжительность волонтерского труда вместо основной занятости либо в свободное от работы время определяют у ряда добровольцев характеристики их профессионализма.

Анализируя в предыдущей главе специфику развития волонтерства в различных странах, мы писали о возможностях волонтеров-профессионалов в зарубежных государствах. По мнению А. А. Клепиковой, которая проанализировала деятельность таких добровольцев, работавших в российских специализированных социальных учреждениях по инициативе и при поддержке зарубежной благотворительной организации, отдельный тип волонтерства подпадает под определение профессии. Он характеризуется продолжительностью стажа и принадлежностью к сектору экономики, определенными условиями труда, уровнем мотивации и оплаты персонала⁶¹. Следует отметить, что относительно оплаты труда волонтеров речь идет не о их заработной плате, а о выплате компенсации на проезд и питание, что является нормой организации такой деятельности во многих зарубежных странах.

Вторая трактовка понятия «профессиональный волонтер» связана с определенным видом добровольчества, так называемым *pro bono*. Помощь благотворительным, общественным и иным НКО, а также частным лицам, которые не могут оплатить подобные услуги, оказывают специалисты определенной профессиональной квалификации (юристы, аудиторы, бухгалтеры, программисты и т. п.). В этом значении профессиональный волонтер – это человек, обладающий высоким уровнем профессионализма в какой-либо сфере и реализующий свой профессиональный потенциал как доброволец. Главный принцип деятельности таких волонтеров-профессионалов: «оказание безвозмездных услуг должно быть на столь же высоком уровне, на каком оказываются платные услуги»⁶².

Третье смысловое значение понятия «профессиональный волонтер», на наш взгляд, больше всего отражает именно россий-

---

⁶¹ Клепикова А. А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью. С. 408.

⁶² Самигуллин Д. Д. Pro bono в России : правовые и налоговые аспекты оказания бесплатных юридических услуг // Региональный специализированный портал «Самарский бухгалтер». 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://sambukh.ru/articles/pro-bono-v-rossii-pravovye-i-nalogovye-aspekty-okazaniya-besplatnykh-yuridicheskikh-uslug/> (дата обращения: 23.10.2015).

скую специфику развития волонтерства в стране. В этой трактовке профессиональные волонтеры – люди, имеющие отношение к сфере социальной работы по роду деятельности и в свое свободное от основной работы время работающие добровольцами. Они обладают определенным уровнем профессионализма, имеют схожий круг интересов, стиль и образ жизни. Как правило, в их случае волонтерская деятельность остается «призванием», становится тесно сопряженной с основной сферой их занятости. Обычно у таких людей социальная роль профессионала тесно сопрягается с социальной ролью добровольца, а рабочее время пересекается и «смешивается» с их свободным временем.

Выделенные характеристики разных типов профессиональных волонтеров как акторов демонстрируют различную степень сближения волонтерской деятельности с профессиональной в жизни членов разных подобщностей. Реальная практика показывает, что добровольцы сегодня могут реализовывать любые виды деятельности – от высокопрофессионального до низкоквалифицированного труда. Одна из основных проблем в России – это уровень организации этой деятельности, ориентация менеджмента социальной сферы на создание условий для развития разных типов профессионального волонтерства.

По нашему мнению, построение и развитие социальной работы и волонтерства как общественных институтов в России проходит очень сложный путь. В рамках одной профессиональной сферы развиваются и частично взаимодействуют профессионалы, как минимум, двух подгрупп, – выделяется общность специалистов государственных учреждений и профессионалов некоммерческого сектора. Как правило, взаимодействие между этими профессионалами, наряду с взаимодействием с волонтерами, также складывается стихийным образом и носит ситуативный характер. По многим характеристикам профессиональная деятельность российских специалистов третьего сектора и волонтеров имеет схожие характеристики, представленные в табл. 3.7.

Таблица 3.7

Характеристика деятельности российских волонтеров и профессионалов сферы социальной работы

Индикаторы	Деятельность профессионалов социальной работы	Деятельность профессионалов сектора НКО	Деятельность волонтеров
Субъективное определение акторами жизненной ситуации в процессе деятельности	Защита государственных интересов, выполнение обязанностей в пределах, обозначенных законом РФ	Замещение деятельности государственных учреждений, социальных служб. Защита интересов отдельных социальных групп, поиск различных ресурсов для решения проблем конкретных людей	
Институциональные границы функционирования общностей, к которым принадлежат данные акторы	На макроуровне институциональные границы определены законами РФ. На мезоуровне они задаются регламентами организации. На микроуровне деятельность профессионалов ограничена должностными инструкциями	На макроуровне границы деятельности акторов обозначены законами РФ. На мезоуровне институциональные границы определяются донорами	На макроуровне государством сделана попытка ограничить весь арéal деятельности волонтеров (проект закона о волонтерстве). На мезоуровне осуществляется регулирование отдельных видов волонтерства (добровольные пожарные, спортивные волонтеры)
Неформальные нормы функционирования сообщества	Деятельности присуща внутриорганизационная «механическая солидарность».	Деятельности присуща «органическая солидарность».	Деятельность характеризует ситуативное объединение акторов для решения конкретных проблем.

Продолжение табл. 3.7

Индикаторы	Деятельность профессионалов социальной работы	Деятельность профессионалов сектора НКО	Деятельность волонтеров
	<p>Правила взаимодействия внутри общины, а также с другими общинами «спущены сверху», технологизированы и регламентированы.</p>	<p>Правила взаимодействия внутри общины характеризуются дружбой, отсутствием формальных рамок, общностью целей.</p>	<p>Правила взаимодействия внутри общины определяются регулярностью волонтерского труда.</p> <p>Для тех, кто время от времени включается в различные проекты, характерны сетевая коммуникация и ситуативно возникающие нормы</p>
	<p>Правила взаимодействия с волонтерами не определены законом, складываются в разных организациях по-разному и ситуативно.</p>	<p>Правила взаимодействия с волонтерами фрагментарно определены законом, складываются в разных организациях по-разному; с документальным оформлением взаимодействия и без него.</p>	<p>Тех, кто работает регулярно, затрагивают нормы функционирования НКО-сообщества</p>
	<p>Оценка результата деятельности внешняя, как правило, формальная по количественным показателям</p>	<p>Оценка результата деятельности внутри коллектива осуществляется по конкретным делам</p>	

О к о н ч а н и е   т а б л . 3.7

Индикаторы	Деятельность профессионалов социальной работы	Деятельность профессионалов сектора НКО	Деятельность волонтеров
<p>Субъекты установления нормальных норм, их роли и статусы в организационных структурах</p>	<p>Стандарт корпоративной культуры в организационной структуре задается «бюрократической этикой» и по вертикали переносится на профессиональное сообщество. Главные ресурсы профессионалов – связи, опыт работы, профессиональные знания</p>	<p>Лидер НКО либо общественник, либо бывший чиновник определяет нормы взаимодействия. От статуса лидера организации во многом зависят способы поиска ресурсов для деятельности</p>	<p>Лидеры НКО, общественники в различных общностях (трудовых, образовательных, профессиональных и т. д.) задают нормы взаимодействия внутри определенных волонтерских групп и сообществ</p>
<p>Ресурсы характеристики, позволяющие менять роли и статусы и определяющие возможности действовать в своих интересах и планировать будущее</p>	<p>Возможность влиять на установление правил и проведение окружающих определяется должностным положением и авторитетом. Инициатива и ответственность принадлежат, как правило, старшему по должности</p>	<p>Развитые практики взаимодействия с властью открывают возможности вхождения в общественные институты контроля государственной власти, формирования паблисити, доступа к информационным и материальным ресурсам, предоставляемым государством третьему сектору</p>	<p>Вход и выход в общность свободный</p>

Чаще всего российские волонтеры включаются в деятельность некоммерческого сектора. Данные нашего исследования показывают, что труд волонтеров и сотрудников НКО по своему содержанию реализуется там, где государственные службы, ограниченные определенным перечнем социальных услуг, спущенным сверху, не могут решить какие-то конкретные проблемы нуждающихся в помощи людей. Наши эксперты следующим образом определили ситуации, в которых необходима их деятельность и помощь волонтеров:

«Там, где государство не справляется»;

«Где чиновники бессильны».

Институциональные границы функционирования общностей волонтеров и специалистов третьего сектора также очень близки как в нормативно-правовом, так и социально-психологическом измерениях. Деятельность как первых, так и вторых имеет меньше нормативных ограничений, чем труд профессионалов государственного сектора. Очень часто их труд является совместным, а деятельность реализуется в среде, порождающей определенную социально-психологическую атмосферу.

Организационным коллективам, где вместе работают сотрудники и волонтеры, присуща «органическая солидарность». Она основывается, по мнению информантов, на конкретных результатах деятельности, а не на цифрах и бумажных отчетах. Особую важность играет ощущение у всех акторов, что они не зря что-то делают. Субъектами установления неформальных норм в организационных структурах, где работают волонтеры и специалисты третьего сектора, являются лидеры самих организаций. Именно они задают характер взаимодействия в сообществах, определяют роли и статусы своих единомышленников, а также тип организации. Определяющей характеристикой этих типов является ориентация лидеров на определенные способы поиска ресурсов для деятельности их сотрудников и волонтеров.

В границах государственного сектора социальной работы требуется официальное оформление отношений различных организаций с субъектами некоммерческого сектора. Очевидна необхо-

димось в четкой регламентации взаимодействия специалистов этих учреждений с волонтерами в зависимости от типа организации, характеристик основных направлений ее деятельности, специфики государственных услуг, которые оказываются населению. В этом секторе крайне востребовано методическое сопровождение и обучение специалистов однотипных учреждений, отвечающих за взаимодействие с добровольцами.

В некоммерческих организациях важно технологизировать все этапы работы с волонтерами, использовать уже существующие в этом направлении методические разработки. Для этого можно обращаться к федеральным информационным ресурсам, созданным при поддержке органов публичной власти или различных международных фондов. Для некоммерческого сектора необходим внутренний учет активности волонтеров в организациях, оценка их вклада, формирование банка постоянных вакансий волонтеров, востребованных в разных социальных проектах.

Таким образом, согласно выделенным нами индикаторам деятельность профессионалов социальной работы и волонтеров во многом пересекается. Однако более инновационные подходы к ее организации в третьем секторе, отсутствие нормативно-правовых ограничений и дополнительных бюрократических условий определяют направление профессионализации волонтерской общности. Во-первых, самоидентификация и реализуемые поведенческие стратегии профессионального и личностного развития сотрудников НКО демонстрируют стирание границ между сутью профессиональной деятельности и добровольчеством, тем самым позволяя рассматривать их в качестве волонтеров-профессионалов. Во-вторых, специфика сферы социальной работы в государственном и некоммерческом секторах накладывает определенный отпечаток на ключевые отличия управления волонтерами в государственных социальных учреждениях и независимых социально-ориентированных НКО.

По нашему глубокому убеждению, в современной России большую часть добровольцев-профессионалов, определяющих направления развития волонтерства в нашей стране, составляют люди, постоянно работающие в третьем секторе. Подтверждение этому

можно найти не только в результатах нашего опроса, но и в научных работах других исследователей. В частности, Д. Волков в своем отчете приводит следующее высказывание сотрудника российской НКО, характеризующее, по мнению социолога, практически всех членов данной общности:

«Это просто энтузиасты, про таких в армии говорят “с пулей в голове”. То есть это люди, просто решившие себя посвятить этому делу, этому интересу, не приносящему доходов. У них благая цель, чтобы мир стал лучше из-за того, что именно они вот будут в этом процессе участвовать. <...> В каждом поколении есть люди, которым неспокойно, у которых шило в заднице»⁶³.

Таким образом, российские НКО выступают центрами профессионализации волонтерской деятельности и локализации волонтеров-профессионалов. Рассмотрим характеристики данной подобщности, проанализируем идентификацию ее членов, границы деятельности, требующиеся добровольцам знания, умения и навыки, условия труда и этические основания их деятельности.

На первом месте по своей значимости стоит самоидентификация большинства сотрудников российского третьего сектора как профессионалов и волонтеров. Это еще раз позволяет подчеркнуть особенность российской специфики развития общности волонтеров. Имеющие опыт добровольцы при отсутствии условий для своей самореализации (в отличие от других развитых стран, где волонтерством можно профессионально заниматься, работая в организациях и получая ресурсы для удовлетворения первичных нужд, обучения и т. д.), создают эти условия в некоммерческом секторе.

Интересно отметить, что сотрудники НКО часто сами идентифицируют себя как членов волонтерской общности. Они называют и ощущают себя волонтерами. При этом во многом данная самоидентификация связана не только с уровнем оплаты за реализуемую деятельность или ее отсутствием, но и с добровольностью сделанного выбора, эмоциональной нагрузкой и спецификой деятельности. В деятельности российских НКО в условиях дефицита

---

⁶³ Волков Д. Перспективы гражданского общества в России. С. 25.

ресурсов очень часто постоянные сотрудники работают на равных с волонтерами, которых они привлекают к своей деятельности. Это во многом объясняет трудности в статусном и функциональном разграничении деятельности исполнителей и организаторов тех или иных работ, поддерживает содержательное единство деятельности профессионалов и добровольцев, формально способствует единству восприятия самой деятельности, формированию общности волонтеров как профессиональной.

Объективно границы волонтерской деятельности очень размыты. Многие волонтеры, будучи студентами, работают в социальных учреждениях и организациях во время учебной практики. И мы можем считать их действительно волонтерами при условии, что образовательное учреждение оставляет своим студентам право выбора места, вида и типа деятельности. Студенты же, в свою очередь, принимая самостоятельное решение, продолжают этим заниматься в свободное время. В дальнейшем это приводит к нескольким поведенческим стратегиям профессионализации волонтеров на личностном уровне. Во-первых, в процессе обучения, в том числе благодаря волонтерской работе, сам волонтер может развиваться как специалист в своей профессиональной сфере. Во-вторых, после подобной практики он может продолжить свою работу на профессиональной основе в сфере социальной работы государственного сектора при условии наличия у него специального образования. В-третьих, открывается возможность стать профессионалом, работающим в третьем секторе или профессионально обученным волонтером с опытом.

Знания, умения и навыки, необходимые волонтерам, очень схожи с содержанием профессиональной социальной работы, отличаются механизмы их получения. В волонтерской деятельности отсутствует процесс обязательного формального обучения, необходимый для получения профессионального статуса. Волонтерская деятельность не ограничена жесткими рамками институциональных организаций, она не находится в прямой зависимости от предоставляемых государством и организационной структурой ресурсов (материальных, коммуникационных, организационных, человеческих и т. д.).

Профессиональные волонтеры более гибки в реализации своих знаний, умений и навыков, так как они вынуждены искать для осуществления своей деятельности различные ресурсы, реализуя нетрадиционные подходы, новые технологии и т. д. Сама суть деятельности профессиональных волонтеров в рамках третьего сектора создает условия для большей свободы действий акторов, заставляя их все время развиваться в разных направлениях.

Условия труда волонтеров (за исключением отдельных направлений) на законодательном уровне не регламентированы, практически не подвергаются внешнему контролю со стороны органов власти даже при условии выделения бюджетных средств. Условия труда третьего сектора не стандартизированы и не имеют ограничений предоставляемой государством ресурсной базой. Профессиональные волонтеры НКО обеспечивают (создают в силу своих возможностей и умений) условия своего труда за счет практики взаимодействия с органами государственной исполнительной власти, органами местного самоуправления, с крупными донорами и грантодателями.

Объединяющим началом деятельности волонтеров выступают этические основания или ценности волонтерства. Члены волонтерской общности конструируют систему общих смыслов, реализуемых в процессе совместной деятельности. Волонтеры, как и профессиональные социальные работники, во взаимодействии с теми, кому они оказывают помощь, реализуют смыслообразующие ценности деятельности (милосердие, гуманность, уважение личности другого, признание самооценности каждого индивида; принятие людей такими, какие они есть и т. д.); ценности-идеалы, отражающие целевые установки труда (благо человека и общества, социальное равенство, социальная справедливость, гуманистический смысл деятельности и др.); процессуальные ценности, отражающие основные принципы деятельности по оказанию помощи (добровольность, доступность, объективность, адресность, толерантность и т. д.⁶⁴).

---

⁶⁴ *Шухарева О. Н.* Социокультурные ценности социальной работы : социол. анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2007.

Оценки наших экспертов дают возможность обозначить наиболее важные личностные характеристики членов волонтерской общности как профессионалов. В качестве ключевых внутренних характеристик личности, присущих волонтеру, информанты обозначили: высокий уровень осознания смысла своей деятельности; отсутствие ожидания материального вознаграждения за нее; ответственное отношение к работе, к тем людям, которым оказывается помощь, а также к другим волонтерам, с которыми эта работа выполняется.

Рассмотрим, как в интервью описываются добровольцы. Согласно общей практически для всех экспертов убежденности, настоящего волонтера характеризует особое состояние внутреннего мира, где определяющим началом выступает чувственно-эмоциональная сфера. Именно она обуславливает определенное отношение с их стороны к тем, кому нужна помощь, формирует четкую ориентацию на помощь кому-то другому, менее слабому и беззащитному. Эксперты, принявшие участие в нашем исследовании, давали следующие характеристики волонтерам:

«потребность делать что-то во благо!»; «...какая-то реализация, самоотдача, делать добрые дела, помогать...»; «...колоссальное душевное состояние, может быть даже развитие»; «...определенная система ценностей, формирующая для большинства людей нехарактерное сегодня мироощущение, которое и определяет в дальнейшем поступки этих людей»; «...особый взгляд на мир, какое-то мироощущение...»; «...душевный порыв, желание сделать пользу другому...».

Такая внешняя ориентация волонтеров, обращенная к «другим», подчеркнутая экспертами, может быть обозначена как уникальный тип социальных установок, под которыми мы понимаем, согласно определению Э. Фэриса, «результат организации, остаток деятельности, возникающий по завершении удовлетворения каких-то желаний и продолжающий инициировать другие желания»⁶⁵.

---

⁶⁵ Фэрис Э. Социальная психология Д. Мид // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века : сб. переводов / РАН, ИНИОН. М., 2010. С. 267.

По мнению экспертов, эти желания во многом связаны с определенной отдачей волонтерства для самих волонтеров в физическом, эмоциональном, интеллектуальном смыслах:

«Для отдельного человека – это способ самореализации, способ саморазвития, даже, возможно, он получает колоссальное профессиональное развитие» (1, 25 лет);

«Кому-то волонтерство нужно просто, чтобы чувствовать себя нужным!» (7, 45 лет).

На микроуровне социального управления российским волонтерством профессионализация деятельности добровольцев, по нашему глубокому убеждению, должна объективно формировать подобщности волонтеров-профессионалов всех выделенных типов. Однако анализ эмпирических данных показывает, что профессиональные волонтеры, работающие в российских НКО как специалисты и чаще всего являющиеся непосредственными организаторами деятельности других волонтеров, сегодня активнее всего.

Анализ доминирующих жизненных стратегий информантов как волонтеров и организаторов волонтерской деятельности, который мы реализовали на материалах экспертного опроса, наглядно демонстрирует, каким образом формируется подобщность волонтеров-профессионалов в России. Данные показывают историческую преемственность паттернов помогающего поведения. Анализируемые стратегии позволяют увидеть именно тот тип личности, который независимо от внешних обстоятельств и условий сохраняет определенные, важные и значимые для волонтерства черты личности вне времени.

Первая стратегия – «от профессионального образования через волонтерство в профессию» – характеризует развитие специалистов, в профессиональном становлении которых волонтерство сыграло одну из ключевых ролей. В рамках этой стратегии волонтерство понимается акторами не как профессия, а скорее выступает определенным этапом их жизни, связанным с подготовкой к будущей профессиональной деятельности.

В одних случаях благодаря добровольческой деятельности у волонтеров появилась возможность реального трудоустройства по профессии:

«Допустим, моя волонтерская деятельность плавно перетекла в мою профессиональную, то есть я пришла сюда волонтером, сейчас я здесь работаю уже как специалист» (14, 28 лет).

В других волонтерство способствовало развитию у добровольцев профессиональных навыков, их профессиональному становлению в реализации определенных практик:

«Я какое-то время работала волонтером и моя специальность “Психология” позволила как-то расширяться, кроме того, что ходить в детские больницы... Когда запустился новый проект, и в детские больницы стали ходить не только волонтеры, но и массажист и психолог, то я стала ходить как психолог, работать как специалист» (1, 25 лет);

«Начинала просто помогать детдомовским, когда учились на социальной работе, собирала разных неравнодушных. Потом организовывали различные концерты и конкурсы для них. Теперь этим занимаюсь профессионально, рекрутирую ребят на массовые мероприятия» (4, 28 лет).

Распространенность данной поведенческой стратегии подтверждается также исследовательскими материалами ФОМ, где описывается, что гражданские активисты не отрицают практический интерес к волонтерству. «Они открыто заявляют о том, что, хотя и не получают материального вознаграждения за свою деятельность, но она дает им различные нематериальные активы (в том числе и профессионально полезные знания), которые в перспективе могут оказаться полезными для дела»⁶⁶.

Вторая стратегия – «от общественной деятельности в школе, в вузе к профессиональной деятельности в третьем секторе» – демонстрирует тесную связь общественно-массовой работы с волонтерством.

---

⁶⁶ Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации. С. 75.

Приведем ряд следующих фрагментов интервью:

«Я со школы общественной деятельностью занимаюсь, регулярно и с удовольствием» (7, 45 лет);

«На первом курсе института стала вливаться во внеучебную деятельность, делала много и разного. Познакомилась с волонтерами, работала с ними. Активно начала эту деятельность, не могу сказать, когда был переломный момент, и я поняла, что нужно прийти туда работать профессионально, как-то организовывать этот процесс» (2, 24 года);

«У меня был период общественного карьерного роста, я была председателем совета дружины, потом перешла председателем комитета комсомола, затем перешла работать в районный пионерский комсомольский штаб. В то же время, когда я училась в университете, у нас возникала обычная потребность, мы селились в домах на фольклорную практику. Женщины после войны остались одни, мужчин было мало, и им нужна была помощь. Эти вещи не надо было называть социальными практиками, волонтерством, они делались по зову души...» (8, 48 лет).

В этой стратегии общественная деятельность тесно сопряжена с волонтерскими практиками, она рассматривается и реализуется как профессиональная. Волонтерство в такой жизненной истории является частью повседневности:

«Я ставлю знак равенства между термином “волонтерство” и “общественная деятельность”. Я ставлю знак равенства, особенно для России, что это в первую очередь общественная работа. Это добровольная, неоплачиваемая, сознательная деятельность во благо других» (8, 48 лет);

«Я шел долго, и по жизненному опыту я понял, что не все меряется деньгами, и если у тебя есть возможность помогать людям бесплатно, то надо этой возможностью обязательно воспользоваться» (3, 44 года).

Респонденты, как правило, не выделяют и не обозначают для себя каких-либо различий между своей общественной, волонтерской и профессиональной деятельностью так же, как они не видят различий между свободным временем и временем для трудо-

вой активности, оплачиваемой работой и безвозмездным трудом. Определяющим для них, как правило, является желание работать с людьми, реализация своих идей. Исследователи ФОМ выделили среди волонтеров большую долю тех, кто, профессионально работая в НКО, одновременно являются добровольцами в проектах других организаций или помогают кому-то в частном порядке⁶⁷.

Третья стратегия – «от профессиональной работы в государственном учреждении в третий сектор» – демонстрирует динамику развития профессионализма с точки зрения его инновационного потенциала, который позволяет модернизировать социальную систему управления или в условиях российской действительности приспосабливаться к «государственной машине».

«Я же работала в государственной структуре – Комитете телевидения и радиовещания. Там специфика своя, ограничения всякие, все жестко, а здесь есть, где развернуться... В принципе, сфера деятельности почти та же» (6, 39 лет);

«В системе я чувствовала свое бессилие, все вижу, все понимаю, а сделать мало что могу» (9, 42 года).

Такая стратегия позволяет трансформировать условия деятельности профессионалов. Информанты меняют не саму сферу деятельности как таковую, а пытаются уйти от формальных ограничений государственного сектора социальной работы или государственной службы, избавиться себя от излишней бюрократизации своего труда.

Выделенные стратегии предоставляют возможность определить источники роста подобности профессиональных волонтеров, а также те зоны, где сегодня возможно говорить о локализации центров подготовки кадров в сфере управления волонтерами. В зависимости от силы проявления обозначенных качеств настоящего волонтера, а также по степени доминирования волонтерства в образе жизни в следующей главе мы построим типологию волон-

---

⁶⁷ Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации. С. 123.

теров, выделим в ней ту часть из них, которую можно охарактеризовать как часть профессиональной или полупрофессиональной общности.

В методологическом плане в работе реализован неоднозначный подход к теоретическому рассмотрению волонтерства как профессиональной деятельности. Интеграция потенциала деятельностного, институционального и общественного подходов к изучению проблем профессионализации волонтерства позволила исследовать данный социальный феномен целостно, в динамике выйти на рассмотрение ключевых проблем управления волонтерами в России. Мы рассмотрели профессионализацию волонтерства сквозь призму его межинституционального взаимодействия, через анализ аспектов взаимопроникновения и взаимовлияния профессиональной социальной работы и волонтерства на институциональном, общественном и личностном уровнях. Социологический подход к исследованию управления волонтерской деятельностью через оценку профессионализации волонтерства позволил выделить определенные характеристики той части добровольцев, которая может рассматриваться как ядро общности – подобщность волонтеров-профессионалов.

Итак, в главе была дана оценка системы социального управления российским волонтерством. По нашему мнению, ее характеризуют: объективно формирующаяся многоуровневая структура; включенность в систему государственного регулирования взаимодействия разных социальных общностей; множественность субъектов управления и сложность общности волонтеров, определяющая особенность взаимодействия ее членов между собой, с субъектами управления и теми, кому реально оказывают помощь российские волонтеры. Общероссийская специфика управления связана с тем, что нормативно-правовое регулирование волонтерства в стране носит фрагментарный характер, позволяет различным субъектам управления приспосабливаться к ситуациям, в которых им необходимо взаимодействовать с добровольцами. Государство регламентирует только отдельные виды волонтерства, определяет в них

статус организаторов и добровольцев, предоставляет первым и вторым определенные гарантии либо ресурсы. Российское законодательство в обществе не формирует общие нормы в отношении волонтерской деятельности различных видов.

Функции построения системы управления волонтерством возложены на региональный уровень публичного управления. Реальная же деятельность самоорганизующихся волонтерских групп и движений локализуется на уровне муниципального управления. Большинство ресурсно-организационных механизмов запускается институтами публичной власти федерального уровня для решения государственных задач. Как правило, они не затрагивают большинство локальных сетей волонтеров, ориентированных на помощь конкретным нуждающимся в помощи людям. Они приводятся в действие региональными органами исполнительной власти, которые выстраивают (или не выстраивают) в этом отношении свою региональную политику с учетом имеющихся в их распоряжении ресурсов, специфики регионального потенциала территории, традиций и сложившихся практик регулирования социальных и экономических условий жизнедеятельности всего регионального сообщества и населения отдельных территорий (муниципальных образований).

На макроуровне системы социального управления отмечаются три важные, на наш взгляд, тенденции. Во-первых, проявляется стремление к государственной централизации всех управленческих процессов, связанных с волонтерским движением, направленное на построение своеобразной вертикали организационных структур. Во-вторых, стихийно начинает реализовываться принцип отраслевого объединения различных структур (центров, НКО, учебных заведений, профильных учреждений) с целью развития отдельных направлений волонтерства). В-третьих, как правило, объект для вовлечения в добровольчество на государственном уровне ограничивается организованной молодежью.

Если в сфере реализации молодежной политики вертикальная подсистема управления добровольчеством выстроена, то в сфере здравоохранения, культуры и социальной защиты населения сегодня

нормативно-правовые и ресурсно-организационные механизмы управления волонтерством находятся в стадии институционального оформления.

Одно из важнейших направлений развития института волонтерства связано с активизацией на всех уровнях управления информационными ресурсами, которые запускают новые организационные механизмы социального управления волонтерством на его мезо- и микроуровне. Практики социального партнерства как механизм построения среды реализации различных волонтерских проектов в России являются сравнительно не распространенными. Потенциал их роста во всероссийском масштабе заключается в развитии корпоративного волонтерства на уровне отдельных регионов. По нашему мнению, это наиболее вероятно осуществить через активизацию взаимодействия институтов публичной власти с объединениями работодателей, предпринимателей малого и среднего бизнеса, профессиональными сообществами и отраслевыми союзами.

В социальном управлении российским волонтерством важно учитывать традиционные основания организации коллективной общественной деятельности. Именно они чаще всего порождают в различных управленческих ситуациях практики полуволонтерства, связанные не с распространенностью массовых стереотипов советского уклада жизни и организации повседневности, а с культурной инерцией, отражающейся в широко используемых в стране управленческих методах, в том числе по отношению к волонтерам и их деятельности.

Согласно представленному в работе подходу, члены волонтерской общности обладают ресурсами, которые, на наш взгляд, следует учитывать в социальном управлении на всех его уровнях. Добровольцы могут «отдавать» свои личностные ресурсы (временные, профессиональные, экономические и т. д.) обществу и структурам власти, исходя из своей мотивации к добровольческой работе. В свою очередь, различные социальные субъекты управления – государство, НКО, коммерческие структуры, заинтересованные в получении ресурсов добровольческой общности, имеющих в распо-

ряжении волонтеров, должны предлагать им не только рациональные схемы обмена этих ресурсов, но и то, что может быть ценным для отдельных групп волонтеров. Например, волонтерам может предоставляться возможность получить то, что дает им серьезные преимущества в достижении жизненных целей, карьере, доступе к информации, расширении своей социальной сети, новому качеству взаимодействия внутри общности и с членами иных общностей.

Одним из ключевых ресурсов общности волонтеров является их время, которое существенно влияет на самих волонтеров, их мотивацию и удовлетворенность жизнью. Именно время добровольцев сопрягается с возрастом, образованием и занятостью добровольцев. В своем темпоральном измерении деятельность добровольцев становится близкой по характеристикам к профессиональной при условии ее регулярности и намерениях волонтеров заниматься ей в будущем.

Российские волонтеры-профессионалы, работающие в сфере социальной работы, чаще всего являются организаторами труда других добровольцев в отдельных организациях. Важными внутренними характеристиками таких волонтеров как акторов являются их самоидентификация и моральное удовлетворение от волонтерской деятельности. Значимым же внешним условием успешности конвертации ресурсов волонтеров в социальные блага для общества является среда НКО. Вовлеченность волонтеров в деятельность третьего сектора обуславливает уровень их профессионализма, влияет на характеристики профессиональности осуществляемого ими добровольческого труда. Рассмотрим более подробно систему управления волонтерством в одном из крупнейших российских регионов – Свердловской области. Дадим характеристику региональной общности волонтеров, выделим и систематизируем управленческие проблемы, связанные с развитием добровольчества на Урале.

Глава 4

УПРАВЛЕНИЕ ВОЛОНТЕРСТВОМ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

4.1. Характеристика региональной общности волонтеров

Заключительная глава нашей книги посвящена анализу локальных практик управления волонтерством в отдельном российском регионе – Свердловской области. В первом подразделе дается не только характеристика волонтерской общности городов Среднего Урала, но и описываются наиболее распространенные подобищности добровольцев. Второй подраздел посвящен проблемам управления волонтерами, которые выделяются и систематизируются благодаря обобщению и анализу экспертных оценок специалистов, имеющих практический опыт организации взаимодействия с добровольцами региона. В заключительном подразделе сделана попытка выделить принципы системного управления добровольчеством в Свердловской области, определяющие успешность его развития как социального института, где добровольцы как члены определенной общности и их деятельность должны занимать особое положение и рассматриваться как «двигатель гражданского общества» в регионе.

По данным исследователей ФОМ, обобщивших результаты различных всероссийских исследований и опросов общественного мнения, Свердловская область относится к регионам с развитым добровольчеством, имеющим наибольший потенциал добровольческого участия населения¹. Какова же особенность этого участия?

---

¹ Ресурсы российского добровольческого движения : аналит. докл. по результатам исследований ФОМ 2012–2013 гг. / под ред. С. Г. Климовой, Е. С. Петренко. М. : ФОМ, 2012. С. 6.

Какова структура общности волонтеров Среднего Урала, возможно понять, только обратившись к официальным документам и результатам региональных исследований.

Согласно официальным отчетам исполнительных органов власти нашего региона только в весенних добровольческих действиях, посвященных «Весенней неделе добра 2014 года», приняло участие 426 452 добровольцев (9,2 % от числа всего населения региона). Количество людей, которым разово оказали помощь волонтеры, составило 412 054 человека. Осуществлено 2522 социально-полезных проектов и мероприятий, к добровольческим мероприятиям привлечено 1323 организации². Безусловно, официальная отчетность дает только очень приблизительную картину текущего положения дел. Реальную социологическую характеристику общности добровольцев в нашем регионе можно дать, проанализировав их мнения, планы и субъективные оценки своих возможностей. Обратимся к результатам социологического исследования волонтеров Свердловской области.

В первую очередь, подробно рассмотрим особенности распределения видов волонтерской деятельности среди добровольцев нашего региона (табл. 4.1).

В целом наиболее популярными видами добровольчества оказываются социальное и событийное волонтерство. Среди тех, кто включен в институциональную среду третьего сектора, распространено также профессиональное волонтерство. Стихийная самоорганизация добровольцев проявляется в направлениях работы с бездомными животными, в оказании помощи зоопаркам и приютам для животных.

Волонтеры, работавшие в НКО, чаще оказывают помощь как профессионалы (32 %) и помогают сотрудникам НКО (28 %). Они включены в институциональные структуры и чаще всего ориентированы на реализацию профессиональной карьеры в данном секторе.

---

² Итоговый отчет о проведении Весенней недели добра 2014 г. на территории Свердловской области. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://uralsocinform.ru/files/2011/11/Prilogenie-1.pdf> (дата обращения: 12.12.2015).

Т а б л и ц а 4.1
Направления деятельности волонтеров, работающих и не работавших в НКО*

Направления деятельности	Все волонтеры**	Работали в НКО		Не работали в НКО	
		%	Ранг	%	Ранг
Помощь людям, нуждающимся в чужой помощи, находящимся в трудной жизненной ситуации	60	54	1	66	1
Помощь в организации и проведении культурно-досуговых, спортивных мероприятий	43	53	2	33	2
Профессиональная помощь (правовая, психологическая, бухгалтерская и т. д.)	28	32	3	23	4
Помощь сотрудникам НКО (фандрайзинг, работа с документами, реклама и т. д.)	18	28	4	8	8
Помощь в проведении предвыборных кампаний, политических акций	18	20	5	10	6-7
Помощь в экологических проектах	17	18	6	16	5
Помощь в охране общественного порядка	15	11	7	10	6-7
Помощь бездомным животным	11	10	8	26	3
Помощь в поиске пропавших людей, животных	5	4	9	5	9
Помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий	2	—	10	3	10

* Сумма составляет более 100 %, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответа.

** В процентах от числа опрошенных в группах.

Мы уже отмечали, что приблизительные данные о реальной численности волонтеров, а также данные всероссийских опросов общественного мнения позволяют лишь примерно обозначить границы волонтерской общности. Однако без ответа остаются следующие вопросы: кого сегодня можно считать волонтером при отсутствии формального (в нормативно-правовых документах) и неформального (в зеркале общественного мнения) закрепления характеристик членов волонтерской общности? Все ли, кто себя называют волонтерами, таковыми являются? Сколько тех, кто себя не идентифицирует как волонтер, но по своей сути им является?

Согласно концепции нашего исследования, волонтеры как члены одной общности осуществляют деятельность, имеющую социальный и экономический эффект. Эта деятельность характеризуется отсутствием или минимизацией оплаты труда и наличием выгоды для людей, не являющихся волонтеру близкими родственниками. Волонтеры всегда имеют выбор работы без принуждения и внешних обязательств. Характер их труда в рамках организации и вне каких-либо организованных форм деятельности одинаков. Ценность волонтерства заключается, в первую очередь, в значимости их деятельности для самих добровольцев, в возможности реализации своих идей и убеждений, исходя из соотнесения ими своих ресурсов и потребностей с потребностями других людей.

В методологии нашего опроса были сформулированы следующие критерии отнесения индивида к социальной общности волонтеров:

- 1) самоидентификация респондента как члена данной общности;
- 2) планы, намерения индивида заниматься волонтерством в будущем;
- 3) моральное удовлетворение от волонтерской деятельности, являющееся эмоциональным критерием значимости волонтерства для самого волонтера.

На основе результатов опроса волонтеров Свердловской области приведем ряд их характеристик. Всех тех, кого можно отнести к членам волонтерской общности нашего региона, характеризуют

моральное удовлетворение от волонтерского труда, планы продолжать волонтерскую деятельность как при условии их самоидентификации в качестве добровольцев, так и при ее отсутствии.

Данные позволяют условно выделить следующие подобности внутри волонтерской общности уральских городов.

Первая подобность – *настоящие волонтеры* (45,9 %). К ней мы отнесли добровольцев с наиболее высокой степенью гражданской активности, которую они реализуют как в НКО, так и вне их. Они идентифицируют себя в качестве волонтеров, получают от волонтерской работы моральное удовлетворение, рассматривают других волонтеров как единомышленников и планируют продолжать ее в будущем.

Вторая подобность – *потенциально активные волонтеры* (17,5 %). Ее члены наиболее приближены к «настоящим волонтерам», окружают ядро активистов, являясь его периферией, резервом и потенциалом роста. Они далеко не всегда могут идентифицировать себя в качестве волонтеров, однако планируют продолжать волонтерскую деятельность в будущем.

Третья подобность – *потенциально пассивные волонтеры* (17,8 %). К ней мы отнесли тех, кто не идентифицирует себя в качестве волонтера и не планирует продолжать волонтерскую работу в будущем. Однако члены данной подобности остались удовлетворены своей волонтерской работой, что по разным причинам может служить «зацепкой» для их возвращения к добровольчеству и включению в число членов социальной общности волонтеров.

Четвертая подобность (примыкающая к «потенциально пассивным волонтерам») – *полуволонтеры* (12,5 %), члены которой также не планируют продолжать волонтерскую работу, не всегда получают от нее моральное удовлетворение, однако идентифицируют себя в качестве волонтеров.

Мы выделили также подобность *случайных волонтеров* (6,3 %), к которой были отнесены все, кто не идентифицирует себя в качестве волонтеров, не планирует продолжать волонтерскую работу и не испытал от результатов своей безвозмездной работы никакого морального удовлетворения.

Рассмотрим каждую из подобностей более подробно, для чего опишем их отличительные черты и особенности.

Подобность «настоящих волонтеров» составляет чуть менее половины всей выборочной совокупности. Описывая социальный портрет ее типичного члена, можно сказать, что это ответственный, неравнодушный человек, чаще всего женщина (70 %) с высшим образованием, регулярно оказывающий(ая) безвозмездную помощь людям (40 % членов данной подобности работают в качестве волонтеров не реже двух раз в месяц, 47 % – несколько раз в год). Большинство из них работали на добровольных началах в каких-либо НКО (78 %). Средний возраст «настоящих волонтеров» – 40 лет. Каждый второй респондент данной подобности планирует продолжить работать в НКО.

Для «настоящих волонтеров» при доминировании альтруистических устремлений определяющими являются условия комфортной в коммуникативном плане среды для реализации каких-либо интересных направлений волонтерской работы. «Возможность помогать другим» мотивирует 57 % респондентов, «возможность общения с интересными людьми и интересная работа» важны для каждого третьего респондента (33 % и 32 % соответственно). На четвертом и пятом местах по значимости для «настоящих волонтеров» стоят «возможность найти друзей» (29 %) и «полезные знакомства» (27 %).

По мнению большинства (68 %) «настоящих волонтеров», основными барьерами развития волонтерства в нашей стране выступают «социальная апатия населения», «отсутствие у большинства россиян активной гражданской позиции и интереса к жизни других людей», «безразличие и потребительское отношение к жизни». Указанные нашими респондентами проблемы-ограничения отражают неоднозначное состояние социально-психологического климата, являющегося, по мнению исследователей ФОМ, следствием негативных экономических процессов³.

---

³ Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации : отчет по проекту. М. : ФОМ, 2012. С. 260.

Каждый второй волонтер выделенной подобности считает необходимым компенсировать сопутствующие волонтерской работе затраты на проезд, питание и т. д. По мнению «настоящих волонтеров», повлиять на развитие волонтерства в нашей стране в значительной степени может государство, большинство респондентов одобряют создание единой базы возможных вакансий для волонтеров (93 %) и государственную поддержку НКО (92 %).

В подобности «потенциально активных волонтеров» практически равное число мужчин и женщин, в ней отсутствует значимая гендерная диспропорция (51 % – мужчины, 49 % – женщины). Большинство «потенциально активных волонтеров» – это работающие люди (62 %) с высшим образованием (58 %). Средний возраст по группе – 36 лет. Из числа «потенциально активных волонтеров» 25 % – молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет. В подобности примерно равная численность тех, кто работал волонтером в НКО и кто помогал нуждающимся вне институциональных структур (51 % и 49 % соответственно). Существенным отличием данной подобности является то, что 70 % ее членов допускают возможность работать на добровольных началах в организациях третьего сектора, что, на наш взгляд, характеризует их потенциал. Эти волонтеры периодически трудятся на добровольных началах, большинство (65 %) – 2–5 раз в год и чаще, они помогают людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Характеризуют мотивацию «потенциально активных волонтеров» доминирование мотива «возможность помогать людям» (64 %) и равная значимость мотивов общения и заинтересованности в профессиональном саморазвитии. Для каждого третьего волонтера ключевыми мотивами его деятельности являются «общение с интересными людьми» (33 %) и «определенный опыт работы» (34 %). «Значимость опыта общественно-политической деятельности» в качестве ведущего мотива волонтерства отметили 26% респондентов.

Как ведущие стимулы развития волонтерства 45 % членов этой подобности выделили «посещение культурно-массовых и спортивных мероприятий» и «наличие медицинской страховки» (42 %). По мнению большинства «потенциально активных волон-

теров», основными барьерами развития волонтерства в нашей стране являются «озлобленность людей» (43 %) и «недоверие в обществе в целом» (30 %).

В данной подобщности примерно равное количество тех, кто уверен, что повлиять на развитие волонтерства в нашей стране в большей степени могут сами волонтеры (57 %), и тех, кто верит в результативность помощи волонтерам со стороны государства (55 %). Большинство «потенциально активных волонтеров» (94 %) одобряют создание единого информационного ресурса для добровольной регистрации, поиска вакансий и оформления заявок на участие в различных волонтерских программах.

В подобщности «потенциально пассивных волонтеров» существует небольшая диспропорция по гендерным характеристикам, женщины составляют 60 % от числа всех волонтеров группы. Средний возраст этих волонтеров – 43 года. «Потенциально пассивные волонтеры» безвозмездно помогают людям реже, чем иные, описанные нами выше. Половина из них работала на добровольных началах время от времени (50 %), другая половина принимала участие в волонтерских проектах 1–2 раза за последний год. Существенная характеристика данной подобщности заключается в том, что большинство ее членов (91 %) работало вне институциональных структур и не допускают для себя возможность проявлять активность в НКО в будущем.

«Потенциально пассивные волонтеры» чаще остальных оказывают помощь нуждающимся, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (74 %), и нередко делают это как профессионалы (30 %). Эти волонтеры являются единственной подобщностью, где мотив «возможность улучшить жизнь в своем доме, улице, районе, городе» оказался на втором месте по значимости: его выделили 37 % респондентов.

Стимулировать добровольческую деятельность, по мнению «потенциально пассивных волонтеров», следует через налоговые льготы на доходы и компенсацию сопутствующих затрат. Среди «потенциально пассивных волонтеров» больше, чем среди других, тех, кто считает барьером, препятствующим развитию волонтер-

ства в нашей стране, «отсутствие информации» – его назвали 37 % волонтеров. Возможно, именно поэтому каждый третий из данной подобности отмечает, что повлиять на развитие волонтерства в России могут средства массовой информации.

Подобность «полуволонтеров» включает 48 % мужчин и 52 % женщин. Средний возраст – 32 года, каждый третий ее член (33 %) относится к возрастной группе от 18 до 24 лет. Большая половина волонтеров (55 %) была задействована на добровольных началах в организации и проведении культурно-досуговых и спортивных мероприятий, практически каждый четвертый привлечен к проведению политических акций и мероприятий. В выделенной подобности 71 % волонтеров работали безвозмездно 2–5 раз за последний год. Большая часть так называемых полуволонтеров (62 %) была вовлечена в деятельность каких-либо НКО. Их отличительная особенность заключается в том, что большинство волонтеров в своих планах на будущее не допускают возможность работать в третьем секторе (79 %).

Так как в данной подобности молодых людей от 18 до 30 лет (18–25 лет – 32 %, 25–30 лет – 15 %) существенно больше, чем в других выделенных нами подобностях, можно говорить о характере их вовлеченности в добровольчество созданными для этого условиями внешней среды. Сегодня в России массово привлекается молодежь (как правило, на базе образовательных учреждений) к общественнозначимым формам деятельности, волонтерские практики артикулируются (на уровне общественной пропаганды, в масс-медиа) как возможные механизмы самопродвижения. Выделенный нами возрастной период – это время старта личного и профессионального развития молодых людей. Устремленность к карьере, внутренняя мотивация в созданных условиях заставляет пробовать все возможные механизмы роста, которые предлагает внешняя среда. Кто-то понимает суть волонтерской деятельности и переходит в первую и вторую подобности нашей типологии, кто-то разочаровывается, но уже «из песни слов не выкинешь».

Кроме того, среди «полуволонтеров» больше тех, кто в качестве барьера отмечает «сомнительное отношение окружающих к добро-

вольцам и их деятельности» (32 %), что, возможно, связано с расхождением представлений о волонтерстве как проявлении альтруизма и реальными эгоистическими, карьерными мотивами таких «полуволонтеров».

Большинство «случайных волонтеров» – мужчины (73,7 %), которые работали в качестве волонтеров 1–2 раза в году (84,2 %) вне каких-либо НКО. В целом эта подобность достаточно малочисленна и в дальнейшем была исключена из анализа.

Таким образом, ключевыми отличительными чертами каждой из подобностей являются: специфика мотивации их членов, характеристики регулярности деятельности, самоидентификация волонтеров и их вовлеченность в деятельность НКО. При этом важно отметить, что волонтеры, работавшие в НКО и вне каких-либо структур гражданского общества, присутствуют в каждой из обозначенных выше общностей. Однако наибольшая концентрация тех, кто работал и работает добровольцем в НКО, выявлена в подобности «настоящих волонтеров». Те же волонтеры, кто не вовлечен в деятельность третьего сектора (реализуют модель «помогающего поведения»), доминируют по своей численности среди «потенциально пассивных волонтеров».

Наши исследовательские материалы позволили выделить по разным основаниям и охарактеризовать различные подобности волонтеров. Благодаря этому мы можем не только рассмотреть структуру самой общности, но и понять характер внутренних и внешних связей ее членов, специфику взаимодействия с другими городскими общностями. Выстроенная в работе типология может быть в дальнейшем использована для дифференцированного подхода к решению проблем управления волонтерским движением с учетом особенностей и многообразия волонтерских подобностей внутри него.

Сопраженность признаков регулярности волонтерской деятельности и включенности волонтеров в деятельность организаций третьего сектора является одним из тех оснований, которое позволяет дать характеристику наиболее распространенных в Свердловской области типов волонтеров. Специфика их функционирования

определяется характером разных видов взаимодействия городских волонтеров как внутри общности между ее членами, так и с теми, кому волонтеры оказывают помощь, с различными общностями и группами горожан, с которыми им приходится пересекаться по роду своей деятельности, с чиновниками и профессионалами.

Рассмотрим наиболее популярные подобищности «неформальных» волонтеров. Среди объединяющихся добровольцев, работающих время от времени или достаточно редко, наиболее популярными, на наш взгляд, являются стихийные объединения людей для создания благоприятной среды своего проживания. Согласно данным ФОМ среди жителей российских городов на субботники, мероприятия по благоустройству дома, прилегающей территории выходили 32 % горожан. Участвовали в ремонте, уборке подъезда силами жильцов 18 % респондентов⁴.

Исследователи центра «Грани» предлагают интересную типологию «неформальных волонтеров», члены которых реализуют «городское гражданское творчество»⁵. Опишем лишь некоторые из них, наиболее интересные и распространенные в нашем регионе. Достаточно обширной подобищностью «неформальных» волонтеров можно считать стихийно объединяющихся родителей. Исследователи центра «Грани» маркируют их как *устойчивые самоорганизованные сообщества активных родителей*. Еще одна подобищность, выделенная исследователями и получившая распространение на Урале, в том числе благодаря целевой программе по патриотизму, названа ими *новыми добровольцами*. В нее оказались включены волонтеры добровольных поисково-спасательных отрядов, добровольные пожарные, волонтеры, осуществляющие поиск пропавших детей и т. п. Достаточно распространены в нашей области сегодня *защитники животных*, т. е. те волонтеры, которые организуют содержание и поиск новых хозяев для брошенных и подвергшихся

---

⁴ Ресурсы российского добровольческого движения : аналит. докл. по результатам исследований ФОМ 2012–2013 гг. / под ред. С. Г. Климовой, Е. С. Петренко. М. : ФОМ, 2012. С. 22.

⁵ Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя : отчет о результатах исследования активизма в России. М. : Грани, 2012. С. 30.

жестокому обращению домашних животных, а также *стрит-практики*, объединяющие создателей новых городских художественных объектов в мегаполисах. Интересна подобщность, *объединяющая людей по досуговым увлечениям и хобби*, члены которой проводят по личной инициативе различные мероприятия, оказывают совместно с единомышленниками благотворительную помощь нуждающимся.

Мы представили далеко не полный перечень возможных подобностей «неформальных» волонтеров (это предмет отдельного глубокого самостоятельного исследования), однако следует обозначить три важных момента, объединяющие практически все существующие, стихийно сложившиеся сегодня волонтерские сообщества. Во-первых, для всех без исключения подобностей «неформальных» волонтеров характерна определенная специфика – они объединяют для волонтерства людей, имеющих какие-либо общие интересы. Во-вторых, им свойственна очень тонкая грань между формальными и неформальными условиями реализации их деятельности. В-третьих, направленность их деятельности на решение социальных проблем так или иначе приводит таких добровольцев к взаимодействию с государственными социальными учреждениями или некоммерческими организациями, работающими в этом «проблемном поле». Практически все члены данных подобностей могут работать волонтерами как с участием некоммерческого сектора, так и без него. Однако, по нашим данным, именно «формальные» волонтеры несут в себе ключевой потенциал волонтерства.

Рассмотрим волонтеров, имеющих опыт работы в НКО, как наиболее реальный ресурс развития добровольческих практик. В 2015 г. во Всероссийском конкурсе программ социального развития регионов Свердловская область получила премию А. Починка в специальной номинации «Поддержка социально ориентированных НКО». По официальным данным региональных органов власти с 2012 г. в Свердловской области «в 3 раза увеличилась доля молодых граждан в возрасте от 14 до 30 лет, участвующих в проектах социально ориентированных некоммерческих организаций, реализованных при государственной поддержке, доля граждан,

участвующих в добровольческой деятельности, к общей численности населения Свердловской области увеличилась в 2,5 раза»⁶.

В зависимости от вовлеченности волонтеров в деятельность третьего сектора, отталкиваясь от характеристик регулярности осуществляемого ими добровольческого труда, можно выделить и описать наиболее распространенные на Урале группы или типы «формальных» волонтеров, тем самым раскрыть еще один срез внутренней структуры волонтерской общности в целом. Причем важно отметить, что мы не говорим о полной представленности возможных объединений, но выделяем и анализируем наиболее типичные сообщества среди «формальных» волонтеров.

По критерию регулярности волонтерской деятельности всех членов волонтерской общности, вовлеченных в деятельность НКО, условно можно разделить на три подобности, выделив при этом внутри каждой ряд доминирующих в ней групп. Первая подобность включает в себя *профессиональных волонтеров* – добровольцев, имеющих непосредственное отношение к сфере социальной работы, а также *свободных волонтеров* – тех, кто регулярно работает в организациях третьего сектора, но при этом имеет постоянную занятость в других секторах экономики. В последнюю группу, обозначенную нами выше, включены те волонтеры, которые с определенной регулярностью работают в НКО и социальных учреждениях, исходя из своих потребностей и убеждений. Жизненные обстоятельства очень часто приводят к тому, что наименьшая часть таких добровольцев становится «профессиональными волонтерами» и работает в третьем секторе, наибольшая – постепенно переходит во вторую, выделенную нами и описанную ниже подобность – *свободных волонтеров*.

Вторая подобность волонтеров, оказывающих безвозмездную помощь нуждающимся в ней людям, работая в различных организациях, объединяет тех представителей общности, которые могут

---

⁶ Официальный сайт Министерства экономики Свердловской области. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.midural.ru/content/sverdlovskaya-oblast-stala-pobeditelem-konkursa-na-premiyu-aleksandra-pochinka-v-specialnoy> (дата обращения: 10.10.2015).

включаться время от времени в какие-то проекты, приходить на помощь в том случае, если в них будут нуждаться и их позовут. Один из наших экспертов назвал таких волонтеров «стратегическим запасом НКО», пояснив, что в силу жизненных обстоятельств эти люди не всегда могут работать волонтерами в том же режиме, как они это делали ранее (до рождения детей, устройства на новую работу и т. д.). Однако на этих людей всегда можно рассчитывать. Еще одна группа – это *волонтеры-прагматики*, или карьеристы. Большинство из них – молодые люди, которые целенаправленно приходят в третий сектор работать на добровольных началах, чтобы решать свои личные задачи.

Следующая специфическая группа волонтеров – те, кто время от времени работает в государственных учреждениях. Это – сами *волонтеры-клиенты* данных учреждений, включаемые в различные социальные проекты с целью их (клиентов) реабилитации или рекреации. Как в государственных социальных учреждениях, так и в НКО сегодня время от времени на добровольных началах трудятся немногочисленные коллективы из группы *корпоративных волонтеров*, состоящие из людей, трудоустроенных в какой-то одной организации.

Подобности, включающей в себя волонтеров, которые 1–2 раза принимали участие в волонтерских проектах, труднее всего дать оценку. Как правило, она состоит из *волонтеров-активистов*, которые могут одновременно включиться в какие-то проекты организаций, прийти на помощь в том случае, если им это будет интересно. Так называемые *невольные (случайные) волонтеры*, как правило, приходят работать в организации и учреждения добровольцами «за компанию» и очень быстро уходят.

Охарактеризуем ядро волонтерского сообщества уральских городов, которое можно описать по ряду характеристик как часть общности, схожей с профессиональной или полупрофессиональной общностью.

Данные нашего регионального опроса волонтеров показывают, что среди тех, кто регулярно занимается волонтерством, достаточно значительная часть – 18 % респондентов – не разграничивают

по содержанию и по своему отношению к работе профессиональную и добровольческую занятость, тогда как среди волонтеров других групп число таких людей значительно меньше – 4 % и 8 % соответственно. Участие в волонтерской деятельности, кроме желания, требует времени. П. В. Шевченко в своем исследовании московского волонтерства дал очень важную характеристику добровольчеству как «модусу жизни», подчеркнув особую значимость времени как ресурса общности и личности волонтера⁷. Главным ограничением в регулярности волонтерской работы сами волонтеры считают именно отсутствие или недостаток свободного времени. Наши исследования продемонстрировали, что для определенной части жителей Свердловской области волонтерство – это часть образа жизни, в котором профессиональная деятельность переплетается с добровольчеством, рабочее время не имеет границ и пересекается с временем для отдыха.

Если описывать регулярно работающих волонтеров Свердловской области, можно отметить, что по интенсивности труда и показателю вложенного в добровольческие практики времени на первом месте находится большинство сотрудников социально ориентированных НКО и государственных социальных учреждений. Объединяющим в одну общность началом для этих профессионалов и волонтеров является не только суть и социальная значимость их деятельности, но и самоидентификация. Про свою работу в НКО один из наших экспертов сказал следующее:

«Мы же сюда осознанно пришли. Мы же не пришли, потому что нам некуда деваться... Если можно так сказать, я сам волонтером был, когда все это начинал, им и остался...» (5, 38 лет).

Несколько схожая ситуация проявляется и в государственных учреждениях социальной политики нашего региона, где специалисты «за пределами государственного задания» выполняют много работы, помогая нуждающимся во вне рабочее время:

---

⁷ Шевченко П. В. Социальная роль московского волонтерства // Социс. 2013. № 8. С. 63.

«Особая категория волонтеров – это наши сотрудники. Они, естественно, бывают в разных ситуациях, не все прописано, что мы должны делать. Допустим, что-то не входит в их обязанности, но мы приходим и делаем, и помогаем» (15, 51 год);

«Добровольчеством мы и занимаемся всю свою профессиональную жизнь практически. На нормальной работе люди все с работы домой тащат, а мы из дома на работу <...>. Бывает, лица без определенного места жительства приходят, которым кушать надо. Грубо говоря, мы пошли купили что-то, приготовили, накормили, принесли, одели. Это тоже добровольчество. Это не прописано в наших должностных обязанностях. Мы делаем и не уходим из профессии. Либо ты такой, либо ты у нас не выживешь» (16, 54 года).

По нашему глубокому убеждению, в городском пространстве Свердловской области большую часть волонтеров, которую можно отнести к подобности добровольцев, регулярно помогающих другим людям, составляют те, кто имеет непосредственное отношение к сфере социальной работы и постоянно трудится в организациях третьего сектора или государственных социальных учреждениях.

Также к активно работающим волонтерам или к группе, которую мы маркировали как *свободные волонтеры*, наши эксперты отнесли тех, кто с определенной регулярностью в силу своих устойчивых, непоколебимых убеждений и возможностей, как правило временных, оказывает какую-либо безвозмездную помощь в любых направлениях деятельности НКО. По оценкам экспертов, эти волонтеры активные, деятельные молодые люди, имеющие профессию и основную трудовую занятость, с различным уровнем дохода (главная их характеристика – ощущение его достаточности), с определенной регулярностью включающиеся в деятельность НКО.

Данные по Свердловской области подтверждают, что в нашем регионе, как и по всей России, регулярно заниматься волонтерством могут позволить себе либо профессионалы сферы социальной работы, либо материально обеспеченные, хорошо образованные, благополучные люди.

Основную часть подобности волонтеров, помогающих незнакомым время от времени, можно назвать *волонтерами-прагматиками*, или карьеристами. Волонтеры данного типа целенаправ-

ленно и осознанно работают в некоммерческих организациях Свердловской области определенный период времени, готовы выполнять любые обязанности. Их главная цель – получить практический опыт либо рекомендации, необходимые для дальнейшего трудоустройства:

«В последние буквально три года идут волонтерами те, кто хотят, чтоб им записали, сделали запись, желательно в трудовой книжке, что они являются, работали волонтерами... Вопросов и претензий к их работе каких-то особенно нет» (9, 42 года);

«...Это поколение молодежи, оно совершенно другое. У них совершенно другие цели и задачи, они идут в волонтерство, чтобы получить какой-то опыт в профессии или рекомендации» (7, 45 лет).

Жизненные обстоятельства очень часто приводят к тому, что наименьшая часть волонтеров подобности регулярно работающих добровольцев начинают сотрудничать в НКО, наибольшая часть постепенно переходит в подобность волонтеров, занятых на добровольных началах время от времени.

В государственных социальных учреждениях достаточно широко представлена группа *волонтеры-клиенты*. Как правило, членами данной, во многом специфической группы являются люди, сами нуждающиеся в поддержке, чаще всего профессиональной, специализированной помощи. В эту группу целесообразно включить таких социально незащищенных людей, как пенсионеры, инвалиды, лица без определенного места жительства, граждане, освободившиеся из мест лишения свободы. Все они в той или иной форме на добровольной основе оказывают безвозмездную помощь другим людям. Практики социальной работы, где происходит подобное вовлечение в социальное взаимодействие клиентов социальных служб из числа депривированных или даже маргинализированных социальных групп, рассматриваются как «инновационные методы социальной работы». Если в зарубежных странах такие социальные технологии получили широкое распространение, то в современной России это направление социальной работы только возникает и реализуется по принципу *инициативы на местах*.

При этом в социальных центрах целого ряда городов Свердловской области регулярно проводятся мероприятия по активизации и вовлечению клиентов в различные виды добровольческой деятельности. Например, подобная работа ведется среди инвалидов:

«Вот наши инвалиды – это получатели социальных услуг. И тут же они ходили, костыли относили своим, газетки покупали таким же инвалидам, кому хуже еще. Я считаю, что это высшая степень добровольчества по большому счету» (15, 51 год);

«Еще одна категория волонтеров-добровольцев – это лица без определенного места жительства и те, кто освободился из мест лишения свободы, бывшие наркоманы. Они у нас ходили к участникам ВОВ, они сажали картошку, полы красили» (16, 54 года).

Еще к этой категории специалисты относят нуждающихся в помощи пенсионеров, которые являются клиентами комплексных центров социального обслуживания населения (КЦСОН) и других типов подведомственных социальных учреждений:

«У нас очень много пенсионеров, сначала мы с ними организовали досуговый клуб, теперь они самостоятельные, ходят к детям в дома ребенка, садики, школы, спектакли показывают. Они тоже ведь добровольцы?» (15, 51 год).

Характерной чертой волонтеров данной группы является потребность в курировании или сопровождении их деятельности со стороны. Само же добровольчество для этой категории лиц имеет определенный терапевтический эффект, оно выступает механизмом ресоциализации личности, открывает клиенту-волонтеру возможность оказаться в новой социальной роли:

«Как правило, эти люди нацелены, они сами хотят это сделать. Даеть какой-то шанс человеку и не ждешь от него чего-то особенного. Как правило, он выложится на 100 %...» (16, 54 года).

Включение волонтеров с ограниченными возможностями в добровольческие практики является одним из способов устранения последствий проблемы «блазированности в крупных городах – взаи-

моотношений людей в пространстве города, характеризующихся обезличиванием людей и города, взаимной замкнутостью и безразличием»⁸. В качестве ожидаемых результатов такого вида добровольчества можно прогнозировать сокращение социальных дистанций между инвалидами и их окружением, включение в систему повседневности тех людей, которые на протяжении многих лет из нее вытеснялись.

В отдельных муниципальных образованиях региона начинает активизироваться работа с «молодыми» пенсионерами – педагогами, психологами, медиками. Совместно с сотрудниками социальных учреждений добровольцы этой возрастной группы (реальные и потенциальные клиенты КЦСОН) ведут работу с неблагополучными семьями, выполняют роли «наставников», делушек и бабушек для детей из группы риска.

Как в государственных, так и в некоммерческих социально ориентированных организациях на добровольных началах время от времени работают группы людей, которые являются сотрудниками одного учреждения. *Корпоративных волонтеров*, как правило, характеризует ответственное отношение с их стороны ко всему, за что они берутся:

«С банками у нас договор о социальном партнерстве заключен, по праздникам они приходят, подарки приносят, конкурсы организуют...» (15, 51 год).

«Корпоративные волонтеры» полностью обеспечивают мероприятия, в которых они принимают участие. Работа таких добровольцев носит проектный характер и обычно привязана к определенным значимым датам. Сотрудники коммерческих компаний организуют мероприятия, обеспечивают их реализацию не только человеческими кадрами, но и материальными и информационными ресурсами. Однако говорить о том, что этот вид волонтерства в Свердловской области сегодня массово распространен, а сама

---

⁸ *Неберушкина Э. К.* Мобильное гражданство инвалидов : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов : Саратов. гос. ун-т, 2013. С. 26.

группа «корпоративных волонтеров» многочисленна, не представляется возможным.

В подобность редко работающих волонтеров, как правило, эксперты включают тех, кто готов одновременно поддержать какие-то социальные инициативы и откликается на обращения различных НКО и социальных учреждений. Наиболее распространенными типами волонтеров в этой подобности являются *волонтеры-активисты* и *невольные (случайные) волонтеры*.

«Волонтеров-активистов» характеризует спонтанное желание участвовать в чем-либо массовом (в новом, интересном, незнакомом и т.д.), эпизодическое участие в какой-либо деятельности без особой подготовки, низкий уровень осознания целесообразности самой деятельности, недопонимание целей и смысла участия в ней:

«...Вдруг появилось желание, появилось время, он провел какую-то акцию, поучаствовал в каком-то деле... да, почему бы и нет? Ведь таких большинство» (1, 25 лет).

«Невольные волонтеры», как правило, приходят работать в организации и учреждения добровольцами случайно. Многие присоединяются к ней в эмоциональном порыве, быстро сгорают, не справляются и уходят:

«Те, кто не может, и те, кто понимает, что это не его, они сами отсеиваются. Т. е. они уходят, они просто пропадают почти сразу» (20, 40 лет);

«Ну и вообще, к нам периодически приходит народ. ...Другое дело, что вот они прошли эту школу, они приходят в детские больницы и через неделю, через две, остается, в лучшем случае, 1 человек...» (2, 24 года).

Примерно схожим образом характеризуют членов данной группы и сотрудники государственных социальных учреждений Свердловской области:

«Большинство студентов не готовы работать серьезно и надолго. А те люди, которые делают это разово, ну пришел, поигрался... Это люди, которые, вроде бы, и делают, но, с другой стороны, они не нацелены на результат. Отбывают...» (15, 51 год).

Отметим, что не только сотрудники НКО уральских городов, но и большинства российских мегаполисов неоднозначно относятся к массовому привлечению волонтеров в свои организации в силу их текучести, больших и, как правило, не всегда оправданных ресурсных затрат на обучение и подготовку новичков. Исследователи ФОМ, например, отмечают, что отношение лидеров общественных организаций к добровольцам неоднозначно: для них добровольцы – это и ресурс, и обуза⁹. Согласно их мнению, добровольцы – безусловный ресурс, который помогает в деятельности НКО, работает на имидж третьего сектора. С другой стороны, работа с добровольцами требует больших усилий, чтобы эффективно управлять ими, постоянно их мотивировать, обучать и контролировать их деятельность.

Существенными причинами увеличения числа волонтеров данного типа в регионе можно считать внешнее принуждение, институциональное псевдостимулирование горожан к позитивным практикам, а также популяризацию среди жителей городов Свердловской области различных тренингов и программ личностного роста:

«...Когда администрация организации сказала, что надо сходить и сделать доброе дело. И все пошли, чтобы там не лишили премии, например...» (5, 38 лет);

«В отчетности учебных заведений важно количество, мало кого волнует качество и результат, печально» (6, 39 лет);

«Наши специалисты отмечают прямо целый бум обращений в социальные учреждения. Приходят люди, предлагают помощь, хотят сделать что-то полезное, делают и уходят. Многие сотрудники утверждают, что мотивация таких добровольцев – всякие тренинги. Людям там обычно говорят, что они должны сделать что-то хорошее, помочь кому-то, и тогда они сами станут успешными и богатыми» (27, 36 лет).

Например, молодые волонтеры этой подобности отличаются тем, что попадают под влияние определенных молодежных

---

⁹ Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации : отчет по проекту. М. : ФОМ, 2012. С. 64.

трендов. Они включаются в модные движения, в случае с настоящим волонтерством сталкиваются с трудностями, о которых ранее даже не предполагали, и уходят.

Встает закономерный вопрос: насколько правомерно волонтеров данной подобности относить к членам всей волонтерской общности нашей области? Это достаточно дискуссионная тема, однако рассматривать данную подобность в качестве потенциала роста общности реально действующих в регионе волонтеров можно и нужно, так как уровень осознания смысла волонтерской деятельности и формирования ответственного отношения с их стороны к работе, к тем, кому они помогают, и к другим волонтерам — это вопрос времени, зависящий от личного выбора и стечения определенных обстоятельств.

Сделаем некоторые промежуточные обобщения. Общность волонтеров Свердловской области состоит из целого множества волонтерских подобностей, включающих в себя людей, решающих разные задачи, актуальные как для разных муниципальных образований нашего региона и людей, проживающих в них, так и для них самих. Отличия во взаимодействии волонтеров внутри самой общности и за ее пределами приводят к разному уровню развития и состояния этих подобностей. Системообразующим ресурсом каждого волонтера остается ресурс времени, который определяет основные отличия выделенных подобностей. Для них характерны различия во внутриобщностных показателях социальной дистанции между волонтерами, в силе внутренних связей между людьми, реально входящими в отдельные волонтерские сообщества и искусственно объединенные нами в подобности и группы. Проявляется существенная разница и в субъективных аспектах ресурсов самих волонтеров, особенно в их мотивации.

Рассмотрев ключевые характеристики общности волонтеров региона, перейдем к анализу проблем, затрудняющих функционирование системы социального управления волонтерством в Свердловской области.

4.2. Проблемы управления волонтерством в регионе

Проблемы волонтерства как социального института напрямую связаны с дисфункциями институциональных механизмов управления им на федеральном уровне. Они существенно влияют на сложности управления волонтерской деятельностью, осложняя взаимодействие организаторов добровольчества с волонтерами в отдельных организационных структурах. Проблемы управления общностью волонтеров и ее отдельными подобщностями демонстрируют противоречия и затруднения преимущественно регионального и локального уровней в модели анализируемой нами системы управления.

На основе результатов региональных исследований мы выделили проблемы социального управления волонтерством на макро-, мезо- и микроуровне, условно разделив их на группы и связав с характеристикой субъектов и объектов управления, а также спецификой управленческого воздействия на волонтеров в локальном измерении, в границах территории Свердловской области.

Проблемы социального управления волонтерами на макроуровне (согласно предложенной в третьей главе нашей работы модели) характеризуют определенный институциональный контекст, в котором волонтеры оказывают помощь нуждающимся в ней людям. Так называемая институциональная среда волонтерства определяется внешними и внутренними условиями, формируемыми государством как ключевым субъектом управления волонтерством. К внешним проблемам управления добровольчеством наши эксперты отнесли глобальное, вызванное политическими и экономическими процессами в стране и за ее пределами ухудшение социально-экономического положения населения, о котором более подробно мы писали, когда во второй главе прогнозировали траектории развития российского волонтерства.

Высокие темпы инфляции, безработица, снижение уровня жизни населения, с одной стороны, повлекут за собой увеличение потребности в помощи добровольцев, с другой, приведут к реальному сокращению числа волонтеров. Практически все наши инфор-

манты в той или иной форме отмечают важность экономического благополучия населения для дальнейшего развития волонтерства в стране. Приведем их высказывания:

«Люди, которые готовы были что-то сделать и делали, будут искать подработку...»; «Чем хуже экономика, тем люди больше озлобляются, ищут личную выгоду»; «В кризис какое добровольчество? Самим бы с голоду не умереть...»

По мнению экспертов, увеличение потока обращений в государственные социальные службы со стороны нуждающихся в помощи людей, скорее всего, не сможет быть удовлетворено в полной мере за счет ресурсов государства. Однако не сможет существенно помочь в этой ситуации и привлечение волонтеров как из числа социально-благополучных граждан, так и из среды нуждающихся людей. Государство не регламентирует эти процессы на законодательном уровне. В стране не выделяются дополнительные средства, обеспечивающие гарантии волонтерам (оплата питания, проезда, страховки и т. д.).

Как нам кажется, если ориентироваться в этой ситуации на опыт развитых стран, то принцип рационального обмена ресурсами оказывается наиболее дееспособным на макроуровне социального управления. В этом случае государство в обмен на работу волонтеров, оказавшихся в трудной ситуации, может гарантировать им дополнительные социальные блага (увеличение пособий, содействие трудоустройству, получение места в определенном образовательном учреждении и т. д.). Стратегически данное предложение важно, но тактически пока не реализуемо, так как сегодня отсутствуют нормативно-правовая база для реализации этого принципа, необходимая инфраструктура, кадры, способные реализовывать определенные социальные технологии, а также вызывает сомнения готовность населения к принятию этих программ.

Внутренние, связанные с политикой государства проблемы характеризуют стратегию и тактику управления волонтерством в нормативно-правовом, ресурсном и идеологическом планах. Как мы уже отмечали, данные сложности носят преимущественно обще-

русский характер. Результаты нашего исследования показывают, что одной из таких проблем, связанной со спецификой управленческого воздействия на добровольчество в стране, является *проблема включенности стратегии развития волонтерства в государственную программу патриотического воспитания граждан*. По своему содержанию патриотизм как социальный феномен имеет многоаспектное значение, тогда как волонтерство однозначно по своей сути обладает интернациональной идеологией и, в отличие от патриотизма как «преданности и любви к своему Отечеству, к своему народу»¹⁰, ориентировано на помощь конкретным людям вне зависимости от их убеждений, национальной и религиозной принадлежности и т. д. Один из наших информантов дал в отношении этой проблемы следующий комментарий:

«Патриотизм – это ну очень отстраненное от реальной жизни определение. А вот любовь к другому человеку – это понятие конкретное. Ты либо любишь, либо нет, либо чувствуешь, либо не чувствуешь!» (18, 43 года).

По нашему мнению, зависимость волонтерства от патриотизма как идеологическая постановка вопроса нарушает причинно-следственные связи и влечет за собой целый спектр управленческих ошибок, позволяет чиновникам подводить под патриотизм любые массовые мероприятия, в том числе «Лыжню России», наравне с весенними субботниками и сбором макулатуры. Любовь к Родине, к своей культуре и народу как чувство не может научить людей помогать другим, а волонтерство как конкретная деятельность, безвозмездная помощь нуждающимся людям в состоянии воспитать патриотические чувства. По этому поводу эксперты отмечали следующее:

«Волонтерство формирует социальное пространство, где люди, помогая друг другу, создают нечто общее и ценное друг для друга,

---

¹⁰ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 22-е изд. 1990 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.com/words/22389.shtml> (дата обращения: 22.12.2015).

реализуют в конкретных действиях свои патриотические чувства» (25, 48 лет);

«Именно добровольчество, помимо семьи, учит людей быть добрыми, честными, порядочными, ответственными» (6, 39 лет);

«Волонтерство как управленческий конструкт не на лозунгах, эмоциях и идеях патриотизма, а на основе конкретных действий способно объединить нацию. Это возможно только при условии того, что оно будет представлять собой “социальный лифт”, способный не только воспитывать патриота, но и предоставлять ему определенное поле для реализации своих возможностей в обществе» (18, 43 года);

«Именно государство должно давать каждому ребенку понимание того, что если он будет работать волонтером, то для него в будущем, в вузе, например, будут открыты двери. Он с большей вероятностью найдет себе работу в будущем и т. д.» (8, 48 лет).

Включение волонтерства в федеральную целевую программу патриотического воспитания граждан позволяет в вертикали публичного управления на региональном и муниципальном уровнях инициативно определять место волонтерских проектов и мероприятий в направлении патриотического воспитания:

«В нашем регионе есть региональная целевая программа патриотического воспитания граждан Свердловской области. В отдельных муниципалитетах на ее основе сделаны городские и даже районные программы по патриотике» (17, 45 лет).

По заключению наших экспертов, кто-то из чиновников на местах видит в патриотизме место волонтерству и развивает его (финансирует, методически поддерживает, контролирует, поощряет и т. д.). А кто-то этого не делает, так как не считает его важным. Как нам кажется, такое положение дел связано с еще одной проблемой, когда практически *все нормативно-правовые документы федерального уровня, затрагивающие различные аспекты управления и организации деятельности волонтеров в стране, носят исключительно рекомендательный характер и не всегда предполагают наличие преемственных региональных документов*. Стратегии, концепции федерального уровня являются документами

рекомендательного, а не обязательного к исполнению характера. Реальная их реализация в регионах зависит от инициативы региональных властей. Несмотря на то, что любая стратегия – это «не догма к действию», ее отсутствие на уровне отдельного региона приводит к тому, что в отдельных муниципалитетах и районах все начинает зависеть от профессионализма людей, которые отвечают за определенные направления молодежной, семейной, культурной, социальной политики. Наши эксперты – государственные и муниципальные служащие в своих интервью неоднократно обращали на эту проблему внимание:

«Мы сделали положение, мы предложили втянуться в эту деятельность всем учебным заведениям, мы стимулировали, так как увидели и отметили, что в новой стратегии молодежной политики до 2025 г. конкретно есть волонтерская деятельность. Опираясь на этот документ, внеся какие-то коррективы, мы у себя сделали, а кто-то и не думал...» (19, 43 года);

«Сегодня я в принципе, как руководитель, вообще могу этим не заниматься. Ну написано у меня, как бы содействовать в реализации молодежной политике в должностных инструкциях. Что такое содействовать? Мне просто интересно, я решила это направление взять, и мы его развиваем, а могли бы ничего не делать. Вот сегодня я закрою работу волонтерского отряда, и мне никто ничего не скажет, меня никто не накажет. Я буду ту же зарплату получать» (17, 45 лет).

Отсутствие региональной стратегии по продвижению волонтерства в Свердловской области влечет за собой не только управленческие практики, отражающие действие или бездействие органов местного самоуправления в отношении волонтеров, но и ставит в зависимость результативность отдельных направлений государственной политики от компетенции служащих. Эксперты подчеркнули, что отсутствие «набора обязательных действий конкретного специалиста» приводит к тому, что в 94 муниципальных образованиях нашего региона чиновники по-разному видят молодежную политику, по-разному определяют в ней место волонтерства.

«Мне как руководителю стоит сказать, все волонтерство прикрыли, будем, например, все в КВН играть. Я уверена, за мной мои пойдут в КВН играть» (17, 45 лет);

«Нужно четкое указание государства. Закон, целевая программа и т. д. Все должно быть регламентировано. Всем понятно, что и как они могут делать в этом направлении» (18, 43 года).

Необходимо отметить, что ведущая роль региональных властей в процессе стимулирования волонтерства (его регламентирования) в отдельных муниципальных образованиях экспертами отмечается только в привязке к организованным, как правило, массовым формам активности граждан. Проблемы стихийной самоорганизации и очаговой локализации различных волонтерских практик, не требующих внешнего вмешательства чиновников, практически никто из наших информантов не рассматривал как объект своего интереса.

В отдельных муниципальных образованиях финансирование и планирование различных волонтерских проектов и мероприятий, связанных с организованными видами добровольческой активности, напрямую зависит от руководства муниципалитета, которое может выделять на это ресурсы только в рамках реализации молодежной политики.

Следующая управленческая проблема в системе социального управления волонтерством в Свердловской области на ее макроуровне связана с *нормативно-правовым регулированием взаимодействия с волонтерами в государственных учреждениях сферы социальной защиты, здравоохранения, культуры, образования*. Она порождает целый комплекс сложностей, а именно: обуславливает специфику межведомственного взаимодействия в региональной системе управления, высвечивает объективную необходимость разграничения функционала профессионалов и добровольцев в государственных учреждениях, потребность в регламентации их взаимодействия с учетом отраслевой принадлежности организаций.

По нашему глубокому убеждению, этот комплекс взаимозависимых управленческих проблем порождается опять же отсутствием федерального и регионального законов о волонтерстве. Нормы

тивно-правовая база в виде методических рекомендаций по взаимодействию с волонтерами в РФ прописана только по направлению «молодежная политика». В сферах социальной защиты и здравоохранения работа с волонтерами осуществляется на инициативной основе либо через заключение социальными учреждениями соглашений о социальном партнерстве с НКО, коммерческими предприятиями, учреждениями культуры и образования, либо «на страх и риск» самих руководителей этих учреждений при взаимодействии с отдельными добровольцами.

Следует отметить, что в нашем регионе наряду с отсутствием регионального закона о волонтерстве более трех лет остаются не востребованными проекты «Концепции развития добровольческого движения в Свердловской области», «Положения о Координационном Совете по государственной поддержке и развитию добровольческого движения Свердловской области»¹¹. Как нам кажется, с учетом некоторых доработок, эти документы могут послужить толчком к решению большинства выявленных нами проблем управления общностью волонтеров и ее отдельными подобностями, которые мы более подробно рассмотрим далее.

При обобщении характеристик субъектов управления волонтерством в Свердловской области актуализируется проблема *их множественности. Проявляются признаки бессистемности в отношении управления волонтерством как на региональном и локальном уровнях управления, так и в отраслевом разрезе.* Можно говорить о ведомственной разобщенности различных инициатив в этом направлении.

Следует особо подчеркнуть, что мы не говорим о необходимости введения жестких рамок нормативно-правового регулирования разных видов волонтерства в вертикали управления Свердловской области. Системное управление волонтерством в регионе должно быть нацелено на достижение синергетического эффекта от совместных усилий всех субъектов управления, на технологи-

---

¹¹ Сайт ГКУ СОН СО «Организационно-методического центра социальной помощи» [Электронный ресурс]. URL: <http://uralsocinform.ru/dobro-na-urale/dobrovolcheskoe-dvizhenie/> (дата обращения: 02.01.2016).

зацию (использование социальных технологий гражданского участия) управленческих процессов на всех уровнях региональной системы.

За развитие волонтерского движения в социальном направлении в регионе отвечает Министерство социальной политики Свердловской области (МСП). Системная работа по мониторингу и развитию благотворительности, добровольческого движения в области, организация социально значимых областных мероприятий возложены на Государственное казенное учреждение социального обслуживания населения Свердловской области «Организационно-методический центр социальной помощи». Эта деятельность заключается в проведении ежегодных акций, таких как «10 000 добрых дел в один день», «Весенняя неделя добра», в проведении локальных публичных мероприятий «Добровольческого форума», выставок, конференций, конкурса социальных проектов, а также в сборе информации о локальных волонтерских акциях разных подведомственных учреждений. Ключевыми партнерами МСП в отдельных проектах выступают такие учебные заведения, как ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»; Уральский институт социального образования (филиал) РГСУ в г. Екатеринбурге и ГБОУ СПО «Свердловский областной медицинский колледж».

Организованное волонтерское движение стоит за реализацией патриотического воспитания в системе образования региона. Массовая волонтерская деятельность детей, подростков и молодежи в разных видах представлена во многих образовательных учреждениях, от общеобразовательных школ до высших учебных заведений:

«Сегодня в каждой школе волонтерский отряд есть. Как могут педагоги, так и учат детей этим заниматься. Добровольческий отряд есть практически при каждом колледже, техникуме, в каждом ВУЗе и т. д.» (20, 40 лет).

Хорошее развитие в регионе получило добровольческое движение студентов ссузов. По инициативе ГБОУ СПО «Свердловский областной медицинский колледж» в 2011 г. создана Лига волонтерских отрядов учреждений СПО Свердловской области, которая

включает в себя 128 образовательных учреждений из 32 населенных пунктов региона. Свердловский областной медицинский колледж провел 44 семинара по развитию волонтерства во всех управленческих округах Свердловской области и во всех районах Екатеринбурга. Членами Лиги сегодня становятся не только колледжи, но и волонтерские объединения школьников и клубов по месту жительства¹². Преимущество в деятельности волонтерского движения студентов учреждений СПО отдается социальному волонтерству, в частности, активность волонтеров направлена на профилактику ВИЧ-инфекции, наркомании и иных зависимостей на территории области. Свои волонтерские отряды имеют практически все высшие учебные заведения Среднего Урала. Каждое из них имеет не только свой круг социальных партнеров, но и определенные приоритеты в реализации собственных задач.

Курирует развитие патриотического воспитания в регионе Министерство физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области. Однако в деятельности ведомства основной акцент сделан на развитие в регионе спортивного и событийного видов волонтерства среди молодежи. При поддержке министерства, а также при активном участии УрФУ в регионе создано РОО «Волонтерский центр Свердловской области». Эта НКО занимается организацией и проведением собственных молодежных мероприятий, направленных на развитие волонтерской деятельности на Урале, а также обеспечением волонтерами различных мероприятий, проходящих в нашем регионе, преимущественно в его столице. Первоочередными задачами данного центра является помощь волонтеров в проведении различных международных спортивных мероприятий на территории нашей области, в том числе подготовка к проведению в России чемпионата мира по футболу в 2018 г., где запланировано задействовать 4 тыс. волонтеров из Уральского региона.

---

¹² Сайт ГБОУ СПО «Свердловский областной медицинский колледж» [Электронный ресурс]. URL: <http://somkural.ru/about/volonters/> (дата обращения: 12.01.2016).

Другие виды молодежного, подросткового и детского волонтерства в разных формах и видах развиваются в разных муниципальных образованиях по-разному, независимо друг от друга, в соответствии с политикой руководства отдельных муниципалитетов, закладывающих или не закладывающих это направление в реализацию молодежной политики своих подведомственных территорий. Наши исследования позволили выявить *проблему территориальной замкнутости волонтерских инициатив локального характера на уровне отдельных муниципалитетов*. Многие из экспертов заявляли об отсутствии необходимости их взаимодействия в этом направлении с региональными отраслевыми министерствами и центрами, отвечающими за развитие добровольчества, так как региональная власть не предлагает ни информационной, ни методической, ни финансовой поддержки развития волонтерства на отдельных локальных территориях. Приведем фрагменты из интервью наших информантов:

«Никак не взаимодействуем мы ни с какими региональными методическими центрами, центрами НКО, всякими там “Волонтерами Урала”. Я в принципе и не вижу надобности в этом. Я считаю, что у нас разные задачи. У нас задачи дойти до жителей именно своего района, у них решить проблемы государственного масштаба» (16, 54 года);

«А зачем мне это сотрудничество? Я понимаю, что никогда никакой грант мне с его помощью не получить, поскольку я муниципальное образование, я в принципе не могу принимать участие во многих конкурсах, которые курируют разные областные министерства» (17, 45 лет);

«Я даже не знаю, кто у нас в министерстве отвечает за это направление. Зайдите на их сайт, Вы не найдете никакой информации. Методические дни по этому направлению не проводятся, рассылка-то делается не всегда» (15, 51 год).

В наших интервью встречалась и противоположная позиция, когда сотрудники региональных министерств отмечали самостоятельность территорий и ревностное отношение муниципальных служащих к реализации своих локальных задач, каких-то проектов муниципального значения:

«Никто не забирал у них возможности. Они работают по 131 ФЗ. У каждой территории есть одна строка, один вопрос местного значения – это организация мероприятий с детьми и молодежью. Пожалуйста, организуйте мероприятия, поисковое движение, хотите, организуйте волонтерское движение! Это они уже делают самостоятельно, выбирают, исходя из особенностей своих территорий» (20, 40 лет);

«Тагил говорит – нет!!! Не надо нам Вашего опыта работы с волонтерами, мы сами! Вы хотите тут все под себя подтянуть! Вы, значит, хотите все у нас отобрать! Одеядо на себя тянете!» (20, 40 лет).

На наш взгляд, нежелание организаторов волонтерской деятельности в отдельных локальных сообществах и региональном центре сотрудничать друг с другом является следствием отсутствия формальной и неформальной коммуникации. Отсутствие реального взаимодействия и информационного обмена между добровольческими центрами учебных заведений, ресурсными центрами регионального значения и локальными добровольческими движениями в муниципалитетах порождает в Свердловской области еще одну серьезнейшую проблему – *системное недоверие организационных структур друг к другу*. Устойчивость этой проблемы поддерживается разными темпами профессионализации волонтерства в региональном центре и муниципалитетах. Интенсивное развитие событийного и спортивного видов волонтерства осуществляется преимущественно на базе университетов. Ориентация на международные стандарты и выделение средств из федерального и регионального бюджетов на организацию, обучение и сопровождение труда молодых волонтеров на фоне постоянного недостатка ресурсов (материальных, кадровых, технологических, организационных) у стихийно сложившихся на местах добровольческих структур государственного и третьего секторов еще больше усугубляет разобщенность региональных добровольческих центров и локальных организаций. Информационная и организационная замкнутость регионального центра подготовки спортивных волонтеров порождает неоднозначные оценки его деятельности со стороны организаторов волонтерства в локальных сообществах и отдельных НКО:

«Принцип организации волонтеров у нас и у них разный. Мотивация ребят абсолютно разная. Соответственно с точки зрения развития волонтерского движения, перспективы участия наших волонтеров в их проектах отличаются» (17, 45 лет);

«Спортивное волонтерство – это разовые проекты с точки зрения организации и с точки зрения личной заинтересованности самих волонтеров. Это модное течение, которое получило мощную информационную поддержку государства» (22, 55 лет).

Профессионально организованное волонтерство вызывает раздражение со стороны постоянно действующих на местах социальных объединений, курируемых органами местного самоуправления. В качестве причин сложившейся ситуации эксперты видят мотивацию организаторов деятельности спортивных волонтеров и отсутствие к ним доверия со стороны профессионалов сферы социальной работы:

«Спортивное волонтерство в области – коммерческий проект, успешное предприятие» (8, 48 лет);

«Я выросла в этом городе, в этом районе, я знаю, у меня как у руководителя выстроены взаимоотношения со всеми службами. Я просто по личному опыту знаю, что большинство волонтерских объединений на стороне открывается тогда, когда человек просто хочет найти себя и зарабатывать на этом» (17, 45 лет);

«Волонтерский центр спортивных волонтеров – это какой-то междусобойчик. Люди регистрируются, люди проходят отбор. Но ведь никакой информации по отдельным муниципалитетам нет, только в вузах и все» (17, 45 лет).

Вновь создаваемые в области структуры управления гражданскими инициативами и волонтерством остаются замкнутыми сами на себе. К ним нет доверия среди специалистов, их организаторов не знают лидеры общественных движений, НКО, социальных и образовательных учреждений. Эти «новые» организаторы не обладают достаточным социальным капиталом, который позволил бы им аккумулировать ресурсы, людей и инициативы вокруг себя. В дополнение, как сказал один из наших информантов: «Видимо, информирование общественности не их тема сегодня».

Когда мы задавали вопрос о таких центрах нашим экспертам, чаще всего звучали следующие ответы:

«Что это за ресурсный центр? Кто его знает? Кто видел и слышал его организатора?» (22, 55 лет);

«Я сама про Центр НКО ничего не знаю. Проблема в том, что информационную сеть они не выстраивают, видимо, им это не надо» (17, 45 лет).

По нашему мнению, уровень доверия к каким-либо структурам или к людям, которые занимаются организацией добровольчества, не может формироваться в информационном вакууме. Мы дали оценку официальным сайтам региональных министерств, которые в нашей области прямо или опосредованно затрагивают в своей деятельности различные аспекты управления гражданской активностью, в том числе волонтерством. Мягко говоря, информация о каких-либо событиях, мероприятиях, конкретных людях и добровольческих организациях в официальном контенте представлена слабо. Наши исследования еще раз подтверждают выводы исследователей ИС РАН о том, что «федеральные, региональные и муниципальные органы власти не являются активными акторами в коммуникативной структуре гражданского общества России»¹³. Кроме того, результаты экспертного опроса помогли выявить проблеме *отсутствия зоны ответственности структурных подразделений, конкретных специалистов в отраслевых министерствах за развитие волонтерства*. Официально это заявлено, в реальности выполняется фрагментарно:

«Я не помню, чтобы меня министерство за последний год-два просто пригласило на какой-то обучающий семинар, перспективный семинар, на круглый стол. Никто не предлагает подключаться к каким-то региональным проектам» (17, 45 лет);

«Полный вакуум. Если мы в городе с кем-то переболтаем, как-то знаем лично друг друга, то область вообще для нас загадка. Даже обладая навыком поиска информации в Сети, сложно что-то найти.

---

¹³ Комплексное диагностическое исследование коммуникативной структуры гражданского общества // Социология управления : фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А. В. Тихонов. М. : РООИ «Реабилитация», 2014. С. 230.

А на сайт зайти профильных министерств, там пусто. У всех пусто. У меня на рабочем столе их сайт, я постоянно захожу, ничего нового» (25, 48 лет).

Мы проанализировали ряд сайтов организаций, которые на официальных ресурсах органов исполнительной власти заявлены как ресурсные центры НКО и организации, занимающиеся поддержкой и продвижением гражданских инициатив на уровне региона¹⁴. Из 29 выставленных организаций представлено 2 федеральных благотворительных фонда, 11 локальных НКО. Из 16 оставшихся в этом списке областных НКО реальный живой сайт имеет только один ресурсный центр.

В докладе Общественной палаты «О состоянии гражданского общества в Свердловской области в 2014 г.»¹⁵ заявлено, что в регионе с 2012 г. реализуется социально значимый проект по направлению «Создание и организация работы ресурсного центра поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, направленной на развитие институтов гражданского общества, формирование инфраструктуры поддержки некоммерческих организаций». В рамках реализации субсидий областного бюджета две общественные организации разработали сайты «Сетевой ресурсный центр» (www.dd96.ru) и «Офис НКО» (www.office-Neko.ru), на которых должна размещаться актуальная информация по вопросам деятельности социально ориентированных НКО, отчеты о проведенных мероприятиях с фото- и видеоматериалами. Не будем говорить о размерах субсидий, но одна из информационных площадок практически не обновляется, заполнена преимущественно информацией государственных подведомственных социальных учреждений региона. На другом сайте зарегистрировано более 200 НКО Свердловской области, а новостная лента в режиме реального времени отражает активность многих зарегистрированных НКО.

---

¹⁴ Сайт ГКУ СОИ СО «Организационно-методического центра социальной помощи» [Электронный ресурс]. URL: <http://uralsocinform.ru/obshchestvennyye-organizacii/resursnye-centry-nko-i-organizacii-zanimayushhiesya-podderzhkoj-i-prodvizheniem-grazhdanskikh/> (дата обращения: 10.01.2016).

¹⁵ Там же.

Анализ интернет-ресурсов третьего сектора региона показал, что действующая информационно-организационная площадка работает, если она является результатом объединения и ассоциации уже существующих НКО, центров либо базируется на тех структурах, к которым уже есть определенный уровень доверия на территории. Практика показывает, что такие организации имеют сложившиеся профессиональные и структурно-организационные связи, активно включены в межсекторное взаимодействие.

Ограниченность информации в сети Интернет совершенно не говорит об отсутствии реальных действий организаторов деятельности добровольцев, волонтерских инициатив на местах (в отдельных муниципалитетах, в разных организациях государственного и некоммерческого секторов). При недостатке в системе государственного и муниципального управления директивы регионального уровня, а также образцов или примеров представления информации о разных аспектах волонтерства на информационных площадках региональных министерств и их подведомственных учреждений информирование населения отдельных муниципальных образований о волонтерах и их деятельности не осуществляется. При повсеместном отсутствии подобного рода информации в Свердловской области все же есть отдельные примеры – попытки специалистов работать в этом направлении¹⁶. Хочется надеяться, что изменится и позиция публичной власти региона, а такие мероприятия, как «Добровольческий форум-2015», придадут определенные импульсы в решении обозначенной выше проблемы¹⁷.

Сложности с информационной презентацией волонтерства напрямую связаны с особенностями территории региона (в Свердловской области преобладают населенные пункты с населением от 14 до 30 тыс. чел. и города, где проживают от 30 до 100 тыс. чел.),

---

¹⁶ Сайт КСЦОН г. Асбеста [Электронный ресурс]. URL: http://kcsn-asb.ru/index/karta_volontera/0-38 (дата обращения: 10.01.2016); Сайт помощи семье и детям «Отрада» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otrada4u.ru/news/den-volontera-proshel-v-centre-otrada.html> (дата обращения: 01.09.2015).

¹⁷ Сайт МСП Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <http://msp.midural.ru/news/v-sverdlovskoy-oblasti-startuet-dobrovolcheskiy-forum-2015-3509/> (дата обращения: 07.10.2015).

а также со спецификой регионального управления добровольчеством. Первая причина – особенность информационного пространства малых городов. По мнению исследователей ИС РАН, коммуникативной структуре и качеству коммуникации в малых городах присущи тесное переплетение родственных и дружеских связей, территориальная ограниченность, определяющая высокое количество межличностных контактов и быструю скорость распространения глобальной и локальной информации¹⁸. Таким образом, жизненной потребности в использовании информационно-коммуникативных технологий у большинства жителей просто не возникает. Вторая причина связана с рядом проблем регионального управления волонтерством: *отсутствием ресурсной поддержки инициатив руководителей некоммерческих организаций и социальных учреждений как организаторов волонтерства на уровне управления муниципалитетами или региона; непроработанностью способов, форм и методов стимулирования таких инициатив; отсутствием механизмов аккумуляции на уровне региона уникального опыта организации волонтерской деятельности в разных сферах жизни общества*. Все это в комплексе приводит к локальной замкнутости добровольческих инициатив. Представим отдельные фрагменты из интервью наших экспертов:

«Все наши мероприятия – это сугубо наша личная инициатива. <...> Мы сами ищем спонсоров. Нам предоставили полностью парк. Мы привлекаем своих людей для помощи и организации этих мероприятий» (16; 54 года);

«Вся ответственность, согласно уставу, ложится на плечи того, кто инициативу проявил и это организует. И ресурсами они обладают только теми, что имеют как профессионалы, занимающиеся определенной деятельностью. Но делают все это по-разному. Кто-то очень успешно. Жалко, что мало кто об этом в области знает» (17, 45 лет);

---

¹⁸ Акимкин Е. М., Шилова В. А. Проблема управления развитием городов в региональном аспекте // Региональная социология : проблемы консолидации социального пространства в России / под ред. М. К. Горшкова [и др]. М. : Новый хронограф, 2015. С. 97.

«Волонтерство не было частью моей сущности, моим личным запросом, когда я все это только начинала делать. Сначала это просто была часть моих должностных обязанностей. Я занималась этим постольку, поскольку позволяла нагрузка, текучка, вся моя работа на госслужбе. Сейчас я делаю это с большим удовольствием, готова делиться своим опытом!» (20, 40 лет).

На локальном уровне системы управления волонтерством доминирует сетевой принцип организации взаимодействия добровольцев с организаторами и теми людьми, которым нужна конкретная помощь. Ключевую роль в появлении локальных добровольческих инициатив, добровольческих проектов и акций играют *личные и профессиональные связи инициаторов волонтерской активности в организации деятельности волонтеров в конкретных учреждениях и НКО.*

«В половине проектов и мероприятий выезжаем только на личных связях и своих личных отношениях» (15, 51 год);

«Есть, конечно, какие-то общие вехи (неделя добра, день пенсионера...), каждый делает что-то. И это хорошо. Так или иначе, мы выходим друг на друга, у нас уже связи появляются и закрепляются» (16, 54 года);

«Любая работающая структура по управлению волонтерами — это конкретный человек. Он имеет практический опыт, уважение среди коллег, знание ситуации, структуры управления, проблем локальных территорий» (17, 45 лет).

Сотрудники Центра социальной политики и гендерных исследований НИУ ВШЭ таких людей называли «агентами перемен»¹⁹. Ряд качественных социологических исследований показывает, какие стратегии реализуют эти агенты, являющиеся катализаторами социальных перемен. Они мобилизуют коллективные действия, консолидируют агентов и объединяют системный ресурс, внедряют принципиально новые технологии социальной работы и т. д.²⁰

---

¹⁹ Социальные работники как проводники перемен / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, Н. В. Сорокиной. М. : ООО «Вариант», 2012.

²⁰ Там же. С. 12–13.

Именно такие специалисты социальных служб, чиновники социальной защиты и образования, сотрудники НКО, вузовские преподаватели как организаторы волонтерской деятельности в состоянии не только обходиться в реализации своих проектов (на чистой инициативе) без дополнительного ресурсного обеспечения, но и поддерживать межведомственные связи на локальном уровне. Однако в деятельности учреждений государственного сектора чаще всего *доминируют принципы командно-административного управления*. Необходимость *отмашки сверху* для активизации взаимодействия с волонтерами в учреждениях сферы культуры, образования и социальной защиты отмечали наши эксперты:

«Естественно, хочешь-не хочешь, ты должен это делать, если сверху пришла какая-то разнарядка по мероприятиям областного значения. Суетиться начинают все. Они мне, кажется, за эту “неделю добра” делают столько дел, сколько за весь остальной год не делают, так как нужно будет обязательно отчитаться всем организациям о проделанной работе» (15, 51 год);

«Каждый по-разному относится к своим должностным обязанностям. Кто-то это делает каждый раз, кто-то раз в год, когда его заставят. Пусть хоть раз в год делают, уже польза» (21, 51 год);

«Прихожу я в училище и говорю: “У нас будет мероприятие, помогите”. Никто не среагирует даже. Обычно я прихожу и говорю, что в области планируется акция, правительством это предусмотрено, давайте мы это сделаем вместе» (19, 43 года);

«Нормативка требуется. Что-то должно быть обязательно. Сверху спускают, определяют, что делать, будут все делать» (16, 54 года).

Однако «спущенное сверху» задание зачастую приводит к однозначным результатам. При рассмотрении и понимании подготовки волонтеров как части «государственного задания», когда показателем эффективности деятельности определенного учреждения является «подготовка или привлечение волонтеров», можно столкнуться с серьезной *проблемой реализации механического бюрократического подхода в управлении взаимодействием с волонтерами*. Именно при этих условиях добровольцы воспринимаются организаторами как «бесплатная рабочая сила». Очень хорошо это

понимая, практически все «привлеченные» таким образом добровольцы навсегда теряют желание заниматься волонтерством в будущем. Приведем в качестве иллюстрации мнение одного из наших экспертов:

«Мы в своей практике пытались привлекать студентов профильных кафедр и вузов. Они знают нормативно-правовую базу, у них есть некое понятие и т. д. Мы связывались с вузом, нам их присылали, мы их учили. Но Вы знаете, эти люди в плане использования... Только в течение года их можно использовать, они неперспективны, они потом заканчивают вуз и уходят!» (21, 51 год).

Негативным последствием широкого распространения такого подхода к управлению волонтерством является феномен «футбольно-маечных волонтеров»²¹ (в авторской терминологии это реальные примеры квазиволонтерства):

«К большому сожалению, сегодня это очень распространено. Посмотрите на всех социальных мероприятиях. Они согнали ребят, их освободили от учебы. Я вам больше скажу, они их особым образом набирают. Кто будет сегодня волонтером участвовать в нашем городском мероприятии? Посидите, вам это ничего не будет стоить. А не будете сидеть, мы вам зачет не поставим!» (22, 55 лет).

Рассказывая о своей работе, один из наших информантов во время интервью произнес слово «использовать» в отношении волонтеров и волонтерства более 30 раз. Данный эксперт является превосходным руководителем, специалистом своего профиля, обладает богатейшим практическим опытом в основном направлении деятельности, пользуется заслуженным уважением коллег. Однако при всех своих достоинствах он, как и многие руководители, недопонимает сути волонтерства, не знает и недооценивает основополагающие принципы этой деятельности. Суть этой проблемы

---

²¹ Термин А. С. Гезалова. См.: Романовских И. Если вы вчера пили пиво, а завтра собираетесь в социальное поле, стоит от чего-то отказаться // Филантроп. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://philanthropy.ru/intervyu/2013/11/14/13666/#.Vhuqq_ntlBc (дата обращения: 12.12.2015).

хорошо объяснили наши информанты. По их мнению, многие руководители государственных органов власти далеки от проблем конкретных людей. Они уверены, что волонтерство – это бесплатная работа, которая не требует вложений в ее организацию, это любая хорошо *организованная масса людей*:

«Я боюсь, что большое начальство вообще не понимает, что такое волонтерство. Дайте нам мясо! Дайте нам массовку, которая сядет вот так вот, потупит 2 часа! Но зато это будет красивая картинка на телевидении!» (20, 40 лет);

«Я никак своим начальникам объяснить не могу, что на волонтеров нужно деньги в бюджет закладывать, их нужно обучать, кормить, униформа необходима, обучение. Все думают, что это бесплатно все» (20, 40 лет);

«У государственных служащих другое совсем, другая цель их деятельности. Они не работают на земле с конкретно взятым человеком! Они не организаторы мероприятий. Они задают смысл, направления, технологии, показатели. А вот подведомственное учреждение, пожалуйста! Там люди, которые конкретные дела делают, они должны заниматься! Должен быть специалист, который профессионально занимается там организацией работы волонтеров!» (19, 43 года).

К большому сожалению, заверения государственных служащих из числа руководителей высшего звена о помощи и поддержке добровольческих инициатив в некоммерческом секторе чаще всего остаются лишь словами, которые не подкрепляются какими-либо решениями или действиями. Подобная ситуация характерна для всех российских регионов. Исследователи ФОМ по этому поводу отмечают, что «поскольку заинтересованность в сотрудничестве носит со стороны государства не содержательный, а сугубо прагматичный характер, те немногие шаги, которые делаются навстречу добровольцам, не дают реального результата»²².

---

²² Ресурсы российского добровольческого движения : аналит. докл. по результатам исследований ФОМ 2012–2013 гг. / под ред. С. Г. Климовой, Е. С. Петренко. М. : ФОМ, 2012. С. 56.

Практика показывает, что сегодня реальная работа с волонтерами представлена на уровне отдельных учреждений, где специалисты непосредственно взаимодействуют с населением, а не с документами. Сложившаяся ситуация порождает еще одну управленческую проблему – *сращения добровольческих структур с другими организационными структурами для решения узкопрофильных задач локального характера*. Многие реально действующие некоммерческие организации сегодня открываются на ресурсной базе социальных, культурных, образовательных и медицинских учреждений, решая таким образом проблему постоянной нехватки ресурсов. Органы местного самоуправления, учебные заведения, детские социальные учреждения выступают ресурсной базой для развития некоммерческой деятельности, реализации общественнозначимых инициатив, а также для решения своих сугубо ведомственных задач. Во всех этих случаях ведущую роль организаторов, как правило, играют сами специалисты, так как именно они обладают экспертным знанием, имеют доступ к ресурсам своей организации:

«Вот есть волонтерский отряд Ивановой²³. У нее, в ее организации, очень сложная форма собственности. Она сегодня работает и как учреждение, подведомственное органам по делам молодежи – клуб по месту жительства, и она же работает как НКО» (17, 45 лет);

«У нас сегодня некоммерческая организация сделала очень шикарную интерактивную выставку. Если бы ее члены не были сотрудниками структурного подразделения муниципальной организации, им бы в жизни это не сделать. Понятно, что многие ресурсы идут от этого учреждения. Но инициатива и реальные дела держатся, в первую очередь, на людях» (19, 43 года).

В ходе анализа профессиональных связей организаторов волонтерства с различными учреждениями отчетливо стало видно, что структура учебных заведений остается базовой для консолидации молодых волонтеров на локальном уровне отдельных муниципальных образований. Высшие учебные заведения рассматриваются как региональные центры студенческого волонтерства, тогда

---

²³ ФИО, названия конкретных организаций в скриптах интервью изменены.

как на ссузы преимущественно сделана ставка муниципальных образований.

В вузовских добровольческих центрах решение о том, кому и как помогать, с какими организациями сотрудничать, куда привлекать волонтеров, как правило, принимают организаторы волонтерской деятельности в вузах. Следует отметить, что все существующие сегодня студенческие добровольческие центры созданы под первоочередное решение задач своих университетов и институтов. Отдельные волонтерские программы напрямую встраиваются в деятельность разных структурных подразделений учебных заведений. Например, при Центре бренд-технологий и позиционирования Уральского федерального университета уже несколько лет функционирует волонтерская программа «Команда продвижения УрФУ». В 2015 г. на базе волонтерского центра и профсоюзной организации запущена волонтерская программа поддержки иностранных первокурсников. Волонтеры помогают студентам из зарубежных стран адаптироваться в новой социокультурной среде.

Несмотря на заявленные цели, организаторы добровольческой деятельности студентов не всегда координируют и направляют работу по всем задекларированным направлениям. С одной стороны, это связано с ограниченностью ресурсов (финансовых, кадровых), которые есть в этих центрах. С другой, такая позиция определяется наличием у непосредственных организаторов деятельности волонтеров-студентов своей системы приоритетов, планами внеучебной работы вуза, личными соображениями и вопросами субординации (зависимости от начальства) и т. д.:

«Если возникает запрос на социальное волонтерство, на конкретное событие, мероприятие, допустим это культурные какие-то проекты или работы с определенными депривированными социальными группами, то идет как бы своеобразное, ну, не игнорирование, а так называемое расставление приоритетов! В приоритете массовые мероприятия, спортивные. Рядовая рутинная работа где-то там. В лучшем случае по остаточному принципу. Как правило, запрос не отрабатывается либо связи не получается. Запрос остается невостребованным» (26, 45 лет);

«Мы к Вашим обратились, <...> там у Вас есть Иванов. Пока его предвыборная кампания проходила, он говорил, что Университет нам поможет. Сколько мы писем написали, сколько звонков в этот центр сделали. Никто не ответил. Все в пустоту» (16; 54 года).

По нашему мнению, развитие системы высшего образования, ее вектор на привлечение студентов из других стран может существенно повлиять на организацию волонтерства в вузах. Увеличение числа иностранных студентов, которые будут приезжать со своими традициями, взглядами, убеждениями, опытом, в том числе волонтерским, может актуализировать процесс интернационализации молодежного добровольчества. С большей долей вероятности можно предполагать, что в крупных городах региона (благодаря представленности экономических, культурных и спортивных мероприятий всероссийского и международного уровней) волонтерство и далее будет развиваться по международным стандартам, тогда как ссузы выступают и будут в дальнейшем выступать базовой структурой для организации молодежного волонтерства на локальном уровне, в местных сообществах.

Еще одной проблемой, которая характеризует управление волонтерством в различных муниципальных образованиях всей Свердловской области, является *разовость реализуемых волонтерских акций и проектов*. Большинство таких мероприятий, по заключению наших информантов, чаще всего являются просто хорошим информационным поводом:

«Может, в других местах смотрят по-другому, но у нас это все разово, отдельные акции, на что нашей фантазии и возможностей хватает» (9, 42 года);

«Вот захотел кто-то красивую акцию провести, честно говоря, думаем, а не привлечь ли нам волонтеров. Красиво звучит. Всем показали в СМИ, по радио или в газетке написали, мы в ладоши похлопали, и что? Это же разово все» (16, 54 года);

Самое массовое сегодня – слетик провести, тусовочку организовать, ни толком выпущенных методических рекомендаций, ни опыта, ни конкретных реальных дел. Все разово. Меня в какой-то момент раздражает, что все разово» (8, 48 лет).

Благодаря волонтерам у многих социальных, образовательных и культурных учреждений появляется возможность привлечь внимание массмедиа, реализовав разовое публичное мероприятие, обратить внимание населения на какую-то социальную проблему, сделав ее заметной для широкой общественности. Недостаток системности в организации деятельности волонтеров связан с *острой потребностью унификации взаимодействия с ними, разработке единых подходов и систематизации возможных социальных технологий по различным направлениям волонтерства:*

«Сегодня стоит вопрос о стандартах организации волонтерской деятельности, о сервисах, которыми должен быть обеспечен волонтер. Если уж он добровольно бесплатно свои усилия выкладывает, то значит, определенные условия ему должны быть созданы в это время. Кто должен заботиться о том, чтобы его накормили, питьевой режим обеспечили, привезли до места, увезли и т. д.?» (20, 40 лет);

«Стандарты обязательно должны быть по разным направлениям. Их надо собирать по крупинкам, отталкиваясь от опыта уже сложившихся отношений. Они должны организаторами волонтерской деятельности пониматься, приниматься, применяться, и за это надо бороться, в том числе за то, чтобы это было признано в органах власти!» (20, 40 лет);

«Прописать не мешает, кто кого и чему должен научить первоначально. Какие у кого обязательства, какая ответственность. Четко обозначить условия деятельности, ожидаемые результаты и т. д. Мы все это делаем, надо просто обобщить этот опыт и тиражировать» (22, 55 лет).

По нашему глубокому убеждению, единственно возможный путь такой унификации – это обобщение, систематизация и распространение в отраслевых структурах подведомственных учреждений и профессиональных сообществах управленческого опыта по взаимодействию с волонтерами.

Далее мы попытались обобщить проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются в своих коллективах организаторы деятельности волонтеров (на микроуровне системы социального управления) вне зависимости от профессиональной специфики своей деятель-

ности. Они характеризуют добровольцев, особенности организации их труда и высвечивают специфику самих организаторов.

Остановимся на описании проблем, которые позволяют дополнить портрет потенциальных и реальных волонтеров НКО и социальных учреждений нашего региона. Ключевая сложность, по мнению большинства наших экспертов, заключается в том, что очень мало людей, готовых работать добровольцами на постоянной основе, с определенной регулярностью. К большому сожалению, желания помогать другим людям действительно расходятся с реальными действиями. В России в целом отмечается «дефицит “настоящих”, “чистых”, “истинных” волонтеров»²⁴:

«Чтобы люди в очередь стояли и говорили, как мы хотим помочь другим, такого нет сегодня. Единицы таких (смеется)» (16; 54 года);

«Люди-волонтеры, единичные какие-то случаи, которых мы привлекаем. Я еще раз говорю, к нам редко кто приходит сам с желанием помогать другим» (1; 25 лет);

«У нас есть волонтеры, которые нам помогают более-менее постоянно, приходят время от времени. Но их очень мало, их трудно найти» (14, 28 лет).

В качестве основных причин сложившейся ситуации эксперты называют неготовность потенциальных волонтеров к трудностям, незнание особенностей работы, а также специфики деятельности с разными категориями населения, например, с клиентами социальных служб. Большинство добровольцев приходят на эмоциях, сталкиваются с трудностями, видят необходимость серьезных трудовых вложений, самоотдачи и уходят. Обратимся к примерам и объяснениям наших информантов:

«Причина разового волонтерства – профессиональная некомпетентность наряду с личностной незрелостью многих волонтеров. Они позанимались с первой группой, им тяжело стало. Они не предполагали даже, что пенсионеру нужно разъяснять, объяснять долго

---

²⁴ Ресурсы российского добровольческого движения : аналит. докл. по результатам исследований ФОМ 2012–2013 гг. / под ред. С. Г. Климовой, Е. С. Петренко. М. : ФОМ, 2012. С. 69.

и по несколько раз. Они не знали, им никто не рассказывал, что с пожилыми нужно общаться, как с малыми детьми» (15, 51 год);

«Многие, приходя к нам, быстро понимают, что работа волонтером это не праздник, а трудоемкий процесс» (16; 54 года).

Как мы уже отмечали ранее, ставка в продвижении волонтерства на государственном уровне сегодня сделана на молодежь. Приток в различные организации студентов в качестве добровольцев достаточно большой. Однако само поколение преимущественно отмечает отсутствие ответственности и нацеленности на конечный результат деятельности. Большинство просто не понимают смысла волонтерского труда как для себя, так и для общества:

«Большинство делают это разово, ну пришли, поигрались. Мы ходим потом за ними, все доделываем. Да, они пришли, да, они сделали, да, они пришли с опозданием в два часа. Это люди, которые, вроде бы, и делают, но, с другой стороны, они не нацелены на результат. Отбывают» (15, 51 год);

«Мы будем, скорее всего, работать с работающими людьми. Практика показала, что работающие – они более ответственные» (18, 43 года).

Массовость случайного добровольчества ставит перед организаторами волонтерской деятельности в конкретных структурах серьезную проблему *отбора волонтеров, готовых ответственно относиться к своей работе*. Кто-то из организаторов с этим справляется, кто-то отказывается ввиду высокой ресурсной затратности такого процесса (временного и материального):

«Нет, не бесполезно работать с потоками. Все равно находят люди. Один из 1000. Пускай там 20 отсеется, один останется» (15, 51 год);

«Ну вот, начинаешь сотрудничать, отпадают, отпадают, отпадают. Приходит, допустим, группа, а вот остался один, который за себя и за того парня все доделывает. Люди остаются, которые действительно могут, чувство ответственности у них заложено уже. Только методом проб и ошибок» (1, 25 лет).

Еще раз подчеркнем, что сотрудники российских НКО неоднозначно относятся к массовому привлечению волонтеров в свои организации в силу текучки, больших и, как правило, не всегда оправданных ресурсных затрат на обучение и подготовку новичков. При этом они понимают, что эту деятельность все равно проводить надо, несмотря на последствия. Позиции специалистов в этом отношении разделяются. В первом случае работа по привлечению и подготовке волонтеров к деятельности продолжается на стихийных основаниях. Условно говоря, специалисты работают со всеми, кто пришел в организацию:

«Несмотря ни на что, что-то мы стараемся делать. Мы стараемся привлекать новых людей, проводить собрания с теми, кто приходит. Не скажу, что на собрания приходят тучным косяком. Но мы им даем определенные знания, представления, тратим на них свое время» (3, 44 года).

Вторая позиция характеризует более технологичный, менеджерский подход, когда поиск и привлечение волонтеров становятся целевыми. НКО работает с определенными целевыми группами, чаще всего состоявшимися в профессиональном плане специалистами:

«Мы перестали ориентироваться на массового волонтера, мы от них отказываемся, так как реальный результат низкий, а затрат очень много. Мы прицельно начали работать с профессионалами через социальные сети» (18, 43 года);

«Наиболее результативно работать с волонтерами из каких-то серьезных фирм. Особенно с теми организациями, где официально есть человек, ответственный за такого рода работу. Люди ответственные не подводят, решают все задачи, которые поставлены перед ними» (26, 45 лет).

Результаты нашего исследования позволили выявить проблемы, которые, с одной стороны, кажутся взаимозависимыми, с другой, противоречат друг другу. По нашему убеждению, такая противоречивость опять же является следствием поверхностного представления многих специалистов социальной сферы о волонтерстве. Рассмотрим проблему завышенных *ожиданий от труда добро-*

вольцев и их деятельности в организации. Как и в случае с руководителями-чиновниками, описанном нами выше, отсутствие понимания сути волонтерства, незнание принципов взаимодействия с волонтерами, простейших правил управления ими приводят к определенному уровню разочарования профессионалов. Приведем ряд ярких фрагментов из интервью:

«Они их пригласили, потом все переделывали сами, доделывали. Лучше не начинали бы...» (16, 54 года);

«Мне уже через день заведующая позвонила: “Твои дурни пришли, стояли, вынесли бачок не туда, они достали всех вопросами”. Вот зачем это мне и ей нужно?» (18, 43 года).

Как точно определил один из общественных деятелей, много лет занимающийся практическим решением проблемы социального сиротства, сегодня «большинство добровольцев слабо представляют внутренние регуляции социальных учреждений, регламенты, исторические контексты»²⁵. По мнению А. С. Гезалова, идут такие волонтеры «со своим уставом в чужой монастырь». Приходя к нуждающимся в помощи людям, они не оправдывают их ожидания. Не оправдываются ожидания и самих добровольцев, в первую очередь, из-за непрофессиональной работы с ними.

Один из наших информантов очень точно заметил, что определяющим успешность в организации взаимодействия с добровольцами принципом является «работа на конкретную ситуацию» или профессиональный управленческий подход, где точно обозначены вход и выход, проблема и результат, характеристики актора и требования к его деятельности:

«Не надо настраиваться на то, что человек будет работать всегда и надолго. Нужно работать конкретно на ситуацию. Спланировали, расставили все точки над “i”, решили, здорово! Маленькими

---

²⁵ Романовских И. Если вы вчера пили пиво, а завтра собираетесь в социальное поле, стоит от чего-то отказаться : интервью с А. С. Гезаловым // Электронный журнал о благотворительности «Филантроп». 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://philanthropy.ru/intervyu/2013/11/14/13666/#.Vhuqq_ntlBc (дата обращения: 21.12.2015).

шажками нужно двигаться. Если захочет человек, он будет делать. Главное, направить. Обучить, показать, поддержать. Не захочет, плохо. Но через какое-то время может у него жизнь так повернется, что появится острая необходимость к этому вернуться» (15, 51 год).

Следующая проблема – это отсутствие понимания у специалистов возможностей волонтерства как ресурса именно своей сферы деятельности или конкретной организации. Незнание потенциала добровольческого участия профессионалами чаще всего объясняет их бездействие в этом направлении. В ряде случаев это приводит к попыткам прямой эксплуатации добровольцев как бесплатной рабочей силы, к проведению с их участием публичных мероприятий или к созданию массовки в политическом процессе:

«Мы будем закрывать мероприятия только на нашей территории, потому что их очень много. Просто ежедневно масса мероприятий разного уровня, и без волонтеров их не освоить» (25, 48 лет);

«Добровольность – это значит добровольность! А у нас чаще всего – это административный ресурс. Кому-то надо День города, кому-то какой-то флэш-моб для отчетности» (20, 40 лет);

«Вы бюджетное учреждение, Вам выделяются деньги на то, на то, на то. В образовательной программе вашего садика записано: “Организация досуговых и спортивных мероприятий на свежем воздухе”. Если вы это пишете в своей программе, извините, значит, Вы должны предполагать ресурс. Либо это ваш дворник будет делать, либо воспитатели вместе, либо вы будете семейное волонтерство развивать. Главное, чтобы людям помогли научиться это организовывать правильно» (17, 45 лет).

Важно отметить, что сегодня в Свердловской области, как, наверное, и во многих других российских регионах, не хватает профессионального обучения управлению волонтерами и их деятельностью в конкретных сферах жизни общества:

«Для того, чтобы получить волонтеров, которые хотят и могут работать в НКО, важным моментом является не то, кто эти волонтеры (хотя это, безусловно, тоже очень важно, и я эти условия уравнию), а то, кто их обучает и с ними работает» (22, 55 лет);

«Я чувствую, кризис какой-то наступил. Работа идет, но подмена понятий какая-то происходит. Под волонтерство выдается совсем не волонтерство. И виной тому то, что большинство организаторов волонтерства просто не умеют заниматься его организацией» (20, 40 лет).

Как нам кажется, одно из наиболее вероятных решений данной проблемы лежит в коррекции профессионального образования по направлениям «социальная работа», «социальная работа с молодежью», «социальная педагогика» и т. д. Специалисты этой сферы первоначально должны обладать определенными знаниями, умениями и навыками организации взаимодействия с добровольцами. Не только теоретически осваивать новые дисциплины, но и проходить своеобразную «школу жизни или профессионализма» через работу в конкретных волонтерских проектах. Второе решение связано с проектным обучением уже работающих специалистов как в некоммерческом, так и государственном секторах, которое может быть инициировано на региональном уровне институтами публичной власти. Позитивные практики такого обучения сегодня широко представлены в дистанционном режиме, когда сотрудники действующих НКО принимают участие в различных вебинарах по фандрайзингу, юридическому обслуживанию своей деятельности и т. д.

Еще одной значимой проблемой управления волонтерством в конкретных организациях является *практика взаимодействия организаторов волонтерства с обществом*. Она находит свое отражение не только в используемых организациями способах рекрутинга добровольных помощников, но и в различных формах информирования широкой общественности о своей деятельности, о волонтерах и волонтерских проектах, которые реализуются. Анализ информационного пространства показывает, что массовые выступления «футболко-мачных волонтеров», флеш-мобы и развлекательные мероприятия по своей представленности в телевизионном контенте перекрывают другие виды волонтерства. По заключению наших информантов, массовые мероприятия должны дополнять реальную деятельность, а не подменять ее.

Отсутствие конструктивного диалога с обществом и журналистами может найти объяснение с двух позиций. О первой мы писали ранее, но здесь следует еще раз к ней вернуться. В реальном (не организованном «сверху») секторе нет потребности во взаимодействии с массмедиа, ресурсом ряда организаций третьего сектора является Интернет. Многие «настоящие» волонтеры, не включенные в среду НКО, не хотят своей публичности. Вторая позиция связана с отсутствием у большинства членов профессионального сообщества в сфере социальной работы определенных знаний, умений и навыков по организации коммуникации со СМИ.

Итак, в данном подразделе мы представили и попытались дать оценку целого ряда проблемных вопросов организации взаимодействия с добровольцами на разных уровнях региональной системы управления. Очевидно, что наиболее прозрачными, изученными являются организованные виды волонтерства, как бы формально закрепленные в государственном и некоммерческом секторах. Наименее понятными с исследовательской и практической точек зрения видятся неформальные виды добровольчества, демонстрирующие процессы самоорганизации населения и определяющие слабые перспективы роста гражданского общества. Однако обобщение и систематизация мнений наших экспертов, профессиональные интересы которых реализуются в разных сферах жизни общества, в разных секторах экономики, позволили нам сделать два основных вывода.

Формально организованное и представленное сегодня в государственном и негосударственном секторах добровольческое движение, получающее в Свердловской области, как и по всей России массовое распространение, тесно сопряженно с политикой и властью (государством). Определенная часть таких волонтерских практик, по нашему мнению, может быть отнесена к имитации гражданского участия, а определенная часть волонтеров – идентифицироваться как квазиволонтеры. Практически все организаторы деятельности волонтеров на разных уровнях системы управления волонтерством в Свердловской области оказываются ресурсно зависимыми от государства, а деятельность добровольцев, с которыми они взаи-

модействуют, носит преимущественно эпизодический характер. Государственная политика в отношении субъектов гражданского общества приводит к тому, что практически все из числа организаторов деятельности волонтеров в нашем регионе как «локомотиве» волонтерства в стране осознанно или неосознанно становятся частью системы государственного управления, начинают «играть по ее правилам», и используемые в книге фрагменты интервью это хорошо показывают. Наши исследования лишний раз подтверждают, что обладающие наибольшим приоритетом институты гражданского общества, аккумулирующие в обществе ресурсы волонтерства, являются «институтами порядка, выступающими гарантом, но не ориентиром и катализатором социальной активности»²⁶.

Неформальное (не организованное кем-то «извне», ни государством, ни субъектами третьего сектора) волонтерство, локализовано на уровне отдельных территорий Свердловской области. Оно в значительной мере включает в себя какие-то непродолжительные, стихийно организуемые волонтерские мероприятия и акции (в терминологии ФОМ это деятельность «гражданских активистов»), не требующие внешней ресурсной поддержки. Реже такое волонтерство связано с регулярными коллективными благотворительными практиками небольших по численности сообществ жителей области. В силу своей специфики эти практики очень трудно выявить и идентифицировать. Часть из них становится видимой в третьем секторе, когда происходит ее организационное оформление. Как правило, для поиска ресурсов, необходимых для волонтерской деятельности, добровольцам приходится регистрировать и официально заявлять свою организацию.

Отдельные случаи не требуют институционального закрепления, а сами волонтеры поддерживают связь с учреждениями системы социальной защиты, так как именно в них функционально решаются проблемы многих социальных групп, нуждающихся в помощи. Немногочисленная представленность таких волонтер-

---

²⁶ *Страдзе А. Э. Социальная активность в российском обществе : структурно-деятельностное измерение : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2013. С. 22.*

ских инициатив, с одной стороны, обусловлена социально-экономической несостоятельностью большинства россиян, с другой стороны, демонстрирует слабость гражданского общества, отсутствие инициативности и проявлений гражданской ответственности со стороны населения.

С большой степенью вероятности можно утверждать, что неформальное волонтерство находится вне политики и властных отношений, именно оно требует сегодня наименьшего вмешательства со стороны государства. Однако это не освобождает институт публичной власти от необходимости создания в обществе условий для развития таких волонтерских инициатив. Остается открытым исследовательский и практический вопрос: каким образом это возможно осуществить в системе социального управления волонтерством в отдельных российских регионах? Развернутый ответ на этот вопрос мы обязательно будем искать в дальнейших научных проектах.

Следует отметить, что основной акцент наших исследований сделан на изучении текущего положения дел в сфере межсекторного взаимодействия Свердловской области, на оценке позиций организаторов этих процессов, отличающихся по своим целям и задачам. Наше внимание преимущественно обращено к характеристикам самих добровольцев как акторов, которых мы будем все-таки ставить на первое место, формулируя в следующем разделе основные положения и принципы системного управления добровольчеством в регионе.

4.3. Принципы регионального управления развитием волонтерства

Выделяя проблемы и формулируя принципы, мы отталкиваемся от анализа ключевых элементов социальной системы социального управления развитием волонтерства, выделенных в процессе ее теоретического моделирования. Безусловно, все описанные выше коррелирующие друг с другом системные элементы тесно

сопряжены и оказывают влияние друг на друга, определяют характер управленческих воздействий на различные подобщности волонтеров и их деятельность.

Нужно четко понимать, что в любом регионе нашей страны социальное управление волонтерством как многоуровневая система должно развиваться в соответствии с определенными принципами, отражающими динамику российского волонтерства как социального феномена. Формы, методы и инструменты управленческого воздействия, реализующие данные принципы, тесно связаны с социальными, экономическими и культурными процессами, которые происходят в регионе.

Система социального управления сегодня только начинает складываться, есть видимые и значимые предпосылки ее институционализации. В своих системных качествах социальное управление должно обуславливать создание благоприятной среды, определенных условий для развития различных видов активности волонтеров, функционирования разных подобщностей добровольцев с учетом не только интересов института государственного управления, потребностей социальной сферы региона, но и потенциальных возможностей, желаний и ограничений различных социальных групп населения как потенциальных и реальных волонтеров.

Анализируя проблемы развития российского добровольчества, а также существующие в Свердловской области на разных уровнях системы управления волонтерством проблемы, мы выделили ряд основополагающих принципов, которые, на наш взгляд, позволяют обозначить возможные направления регулирования добровольчества в регионе как социального института, социальной общности и деятельности. Данные принципы очерчивают функционал (потенциал и ограничения) в системном взаимодействии институтов государственной исполнительной власти, коммерческих и некоммерческих организационных структур, а также социальные роли профессионалов и самих волонтеров.

В практическом плане каждый из обозначенных принципов требует от всех взаимодействующих в системе субъектов и объектов решения различных по объему и содержанию задач, реализации

мероприятий организационного, экономического, социального, иногда и общественно-политического характера на разных уровнях управления.

Безусловно, многие из представленных в данном разделе идей дискуссионны по своему содержанию. Наша ключевая задача в первую очередь состоит в привлечении внимания к предмету исследования и его дальнейшем обсуждении. Данная книга призвана создать повод для профессиональной дискуссии и поиска реальных практических выходов в развитии конкретной ситуации с учетом наших теоретических наработок и собранных эмпирических данных. Территориальное пространство Свердловской области демонстрирует всю сложность и противоречивость волонтерства как социального феномена. В нашем регионе действительно представлено многообразие видов, типов и направлений добровольчества, его организованные и неорганизованные формы. Фрагментарность деятельности различных волонтерских сообществ, с одной стороны, демонстрирует «механическую целостность» регионального движения, с другой – отсутствие идеологических оснований единства и системности в его управлении.

Первым принципом системного управления волонтерством на региональном уровне является его направленность на формирование институциональной среды, где *одобрение, реальная поддержка волонтеров и их деятельности со стороны населения* доминируют и являются социальной нормой. Оценку реализуемости данного принципа можно дать по официальным показателям вовлеченности граждан в различные волонтерские проекты, отдельные мероприятия и акции, а также по уровню престижа, признания достижений волонтеров в обществе, в тех или иных формах и видах, в разных социальных ситуациях. Включенность населения в добровольчество обеспечивается формированием не только реального поля их деятельности, но и за счет коммуникативно-управленческого ресурса, обеспечивающего постоянный диалог власти, массмедиа, профессионального сообщества сферы социальной работы, населения и самих добровольцев с целью просвещения и информирования.

Социальная ориентированность управления волонтерами, основанного на «перманентной коммуникации»²⁷ власти с ними, выступает вторым принципом регионального управления добровольчеством. Данный принцип, по нашему мнению, предполагает постоянное информирование населения о потенциале волонтерства в обществе, о волонтерах и их деятельности. Он закладывает основу для постоянного взаимодействия публичной власти с различными группами добровольцев с целью определения их текущих потребностей и социальных возможностей. Реализуемость данного принципа связана с идентификацией волонтерских практик в общественном сознании. В повседневной жизни россиян можно выявить большое число реальных примеров формально организованного и неформального волонтерства. Однако многие из этих распространенных практик в силу своей исторической обусловленности не идентифицируются населением как добровольчество. Как в информационном пространстве не находит отражение деятельность «волонтеров по призванию», так остаются незамеченными многие примеры каждодневной взаимопомощи людей друг другу, субботники, труд родителей-активистов в учебных заведениях, самодеятельные театральные студии и т. д. Грань между общественнополезной деятельностью и добровольчеством в реальной жизни россиян очень тонка.

В системе социального управления добровольчеством информирование и просвещение населения с целью идентификации волонтеров и их деятельности в массовом сознании входят в круг первоочередных задач института публичной власти. Такая задача может находить решения в разных формах и видах организационной и информационной работы исполнительных органов публичной власти и органов местного самоуправления. Одним из наиболее перспективных направлений является событийная интеграция волонтерских практик. Суть его заключается во «вписывании» приме-

---

²⁷ Термин Дридзе Т. М. *Дридзе Т. М. Этапы включения жителей в обсуждение градостроительного проекта, затрагивающего их жизненные интересы* // Социально обоснованное градостроительство. М., 2005. С. 94–95.

ров волонтерской деятельности как социального участия в контекст организации и проведения региональных и муниципальных экономических, социальных и культурных мероприятий.

Данный принцип обуславливает формирование в регионе коммуникативного пространства социального участия, позволяет осуществлять функцию просвещения населения о потенциале добровольчества путем демонстрации реальных добровольческих действий. Привлечение волонтеров ни в коей мере не должно ограничиваться сервисным обслуживанием этих мероприятий. Различные информационные поводы, сконструированные в пространстве региона, должны демонстрировать населению возможности реального социального участия волонтеров в разных сферах жизни общества, представлять различные волонтерские практики, а также услуги, которые добровольцы безвозмездно могут оказывать нуждающимся в них людям.

Третий принцип – *соблюдение баланса централизации-децентрализации функций* организации и координации деятельности различных объектов управления волонтерством на уровнях региона, отдельных муниципальных образований и локальных сообществ. Задачи правительства Свердловской области и областных исполнительных органов власти – создать благоприятное информационное поле для развития разных видов волонтерства в регионе, обеспечивать условия для популяризации уже сложившихся успешных волонтерских практик за счет повышения уровня информационного взаимодействия населения, органов исполнительной власти и местного самоуправления, профессионалов и волонтеров, формировать для этого ресурсную базу. Органам местного самоуправления должны быть делегированы функции поддержания активности и самоорганизации добровольцев, направленной на решение локальных социальных проблем. В приоритетных задачах муниципального управления может находиться развитие локальных практик социального партнерства, выстраивание сетей взаимодействий волонтерских подобщностей, НКО, социальных учреждений, коммерческих организаций сферы услуг.

Четвертый принцип характеризует *гибкость и адаптивность системы*, обеспечивающей ресурсную поддержку (информационную, экономическую, образовательную) организаторов волонтерства в разных сферах жизни общества. В этом ключе система социального управления добровольчеством должна вписываться в региональную систему государственного управления таким образом, чтобы в этом направлении активизировались отраслевые и горизонтальные связи различных управленческих структур. Цель такой системы социального управления добровольчеством – создать условия для обмена успешным опытом, поддерживать инициативность на местах, содействовать новациям в социальной сфере, способствовать социальной консолидации регионального сообщества организаторов добровольческого движения. Основной проблемой претворения в жизнь данного принципа является соблюдение разумных рамок вмешательства и невмешательства власти, профессиональных сообществ в процессы стихийной самоорганизации волонтеров, в сложившиеся практики деятельности добровольцев как социального участия в конкретных учреждениях и организациях.

Пятый принцип – *профессионализация управления волонтерством на разных его уровнях*. Выполнение данного принципа зависит от активности профессиональных сетей всех организаторов, заинтересованных в деятельности волонтеров и поддерживающих профессиональный диалог внутри системы. Показательно в этом направлении качество использования различных социальных технологий в управлении волонтерами на всех его уровнях, в организационных структурах разных типов. Роль социальных технологий, направленных на расширение спектра социального участия граждан в системном управлении волонтерством, должна быть определяющей. В данном случае речь идет о социальных технологиях «гражданского участия как вертикального (участие в партнерстве и управлении) взаимодействия»²⁸, активизирующих процессы взаимодействия органов публичной власти, некоммерческого

---

²⁸ См.: Социология управления : фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А. В. Тихонов. М. : «Канон», 2014.

сектора, населения и регионального волонтерского сообщества. Кроме того, определяющее место в тактике реализации данного принципа занимает комплекс социальных технологий, направленных на упорядочение и расширение спектра волонтерских практик в обществе как «социального участия или коллективной деятельности людей, горизонтальной активности, осуществляемой в их повседневной жизни»²⁹, в том числе через формальные и неформальные виды волонтерства.

Шестым принципом является *отраслевая профессионализация волонтерства*, обеспечивающая структурное взаимодействие разных организаторов волонтерства, имеющих общие цели, интересы и сферы деятельности, а также создающая условия для профессионального и личностного развития волонтеров. Этот принцип позволяет не только учитывать особенности мотивации отдельных групп волонтеров, но и специфику определенных направлений добровольческой деятельности. Практика показывает, что действующие организационные структуры предполагают наличие заинтересованных в эффективном управлении лидеров – организаторов деятельности волонтеров, способных осуществлять рекрутинг, реализацию мотивационных программ, обучение и сопровождение волонтеров, ориентированных на профессиональное развитие.

Базовым по своей универсальности представляется седьмой принцип – *рационального обмена социальными ресурсами*. В книге мы постарались на конкретных примерах, эмпирических результатах показать, как эффективно может работать данный принцип на институциональном, общественном и личностном уровнях. По нашему глубокому убеждению, универсальность обмена ресурсами в системе социального управления волонтерством на ее разных уровнях – основа для принятия многих управленческих решений, обеспечивающая максимальный уровень их экономической и социальной эффективности. Этот принцип уникален и прост. Он работоспособен в рамках реализации социальной политики, приме-

---

²⁹ Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие : к проблеме осмысления понятий // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2011. № 1. С. 137. (Философия. Социология. Политология).

ним в отношении отдельных социальных слоев и волонтерских сообществ, конструктивен в разных направлениях волонтерства. Он задает логику осуществления любых волонтерских проектов, мероприятий и акций, делает прозрачным и понятным взаимодействие тех, кто организует эти проекты (профессионалов, специалистов государственного и третьего сектора) и волонтеров в конкретных организациях.

Данный принцип обеспечивает конвертацию накопленного в волонтерстве социального капитала, определяет основу идеологического продвижения норм волонтерской деятельности, формирования традиций в обществе на макроуровне системы социального управления волонтерством. Он должен стать базовым для системной организации различных волонтерских практик в сфере здравоохранения, культуры, спорта, образования и социальной защиты на мезоуровне рассматриваемой системы управления.

Этот принцип тоже работает на профессионализацию процессов управления волонтерами, на рост профессионализма самих волонтеров и тех людей, кто ими управляет в конкретных ситуациях. На уровне регионального управления необходимо создавать правила, механизмы, обеспечивающие возможности такой конвертации с обязательным условием – оставить право выбора каждому гражданину – принимать или не принимать эти правила.

Восьмой принцип должен обеспечивать в региональном управлении *охват добровольчеством всех возрастных групп населения, их включенность в волонтерские практики*, требующие от самих волонтеров разных ресурсных затрат. Этот принцип направлен на создание таких условий (запуск определенных нормативно-правовых, организационных и культурных механизмов) в регионе, которые учитывают ресурсные характеристики различных социальных групп и подобностей волонтеров. В этом смысле волонтерство выступает сферой, средством, инструментом социализации, обуславливает применение на всех уровнях управления добровольчеством разных социальных технологий его внедрения и использования. В зависимости от возраста потенциальных добровольцев варьируется специфика управления их деятельностью,

определяющая степень свободы выбора для каждого гражданина – принимать ему участие в волонтерстве или нет. С возрастом волонтеров тесно коррелирует и сила внешней управляемости их деятельности – от самой высокой в отношении детей-волонтеров до самой низкой относительно взрослых людей.

Девятый принцип – *активизации работы с коллективами как организационного ресурса системного управления добровольчеством* при обязательном соблюдении требований безвозмездности, добровольности и реального трудового вклада полуволонтеров в их коллективных практиках гражданского участия. Этот принцип позволяет брать в расчет российские традиции коллективного общественного труда и специфику совместной деятельности членов уже сложившихся коллективов. Ключевые условия реализации данного принципа – ориентация организаторов на временные ресурсы и мотивацию потенциальных волонтеров, а также использование адекватных ситуаций социально-психологических методов управления.

Персонализация организаторов волонтерской деятельности как акторов, являющихся «катализаторами социальных перемен», – десятый принцип региональной системы социального управления волонтерством. Данные эмпирических исследований показывают, что любая работающая структура по управлению волонтерами – это конкретный человек. Организатором волонтеров является лидер, который имеет практический опыт и уважение среди коллег, знает проблемы локальных территорий и особенности управления. Созданные и уже функционирующие организации, активно привлекающие к своей деятельности добровольцев, как правило, оказываются наиболее жизнеспособными и эффективными по сравнению с вновь создаваемыми структурами.

Сегодня Свердловская область имеет свой потенциал для развития системного управления волонтерством не только как ресурса государства, власти и политики, но и реальной силы гражданского общества. В нашем регионе представлены сложившиеся сети волонтеров, добровольческие центры, НКО. Свердловская область аккумулирует значимые международные экономические, спортивные,

культурные и социальные мероприятия (международная промышленная выставка «Иннопром», чемпионат мира по футболу, Первый Всемирный конгресс людей с ограниченными возможностями и т. д.), которые, с одной стороны, делают ресурс волонтерства крайне востребованным, с другой, поднимают имидж волонтеров в обществе. Нельзя не отметить, что область имеет узнаваемый по всей России бренд «Волонтеры Урала», технологии, позволяющие не только профессионально осуществлять рекрутинг и обучение добровольцев, но и делать волонтерство публичным, а деятельность волонтеров – прозрачной и видимой. Но главная ценность – это готовность населения региона к разным видам социального участия. В настоящее время активность уральцев как добровольцев выше, чем в среднем по всей России. Мы уже отмечали, что во всем регионе к числу добровольных помощников с разной степенью их включенности в благотворительную и волонтерскую деятельность сегодня можно отнести практически каждого десятого жителя Свердловской области.

В заключение хотелось бы озвучить еще две важные, на наш взгляд, идеи, демонстрирующие и определяющие перспективы развития системы социального управления волонтерством в регионе. Первая связана как с процессами профессионализации самого добровольчества, так и с профессионализацией управления волонтерами на разных его уровнях. Мы преимущественно говорим о практическом использовании социальных технологий в системном управлении волонтерством. Вторая идея заключается в значении социологии для развития гражданского общества³⁰, в определении социальной роли социологов в технологизации социального участия, идентификации и популяризации волонтерства в пространстве российского региона.

Как нам кажется, потребность в технологизации управления волонтерством в Свердловской области на всех его уровнях сегодня очевидна. Разные виды социальных технологий должны быть

---

³⁰ Зборовский Г. Е. Отечественная социология : на пути к гражданскому обществу. Екатеринбург : Изд-во Гум. ун-та, 2014.

внедрены в процессы управления волонтерами. В рамках школы российской социологии управления наработан колоссальный эмпирический и теоретический материал в этом направлении³¹.

Технологизация социального управления волонтерством как гражданским социальным участием предполагает введение в управленческие процессы различных технологий как «совокупности образцов деятельности, которые сознательно проектируются и разрабатываются для решения конкретных социальных проблем»³². Данные технологии являются шагом на пути к гражданскому обществу, потому что предполагают не только профессионализацию управления волонтерами в регионе, но и активное включение жителей в различные практики социального участия.

На макроуровне системы социального управления в границах нашей области, формализованный алгоритм нормативного регулирования активности субъектов управления спортивным волонтерством путем стандартизации правовых, организационных и социокультурных норм сегодня более или менее отработан. Можно говорить об успешном включении в управление данным направлением комплекса различных социальных технологий, направленных на создание условий для его развития и популяризации среди уральцев, и возможностях их дальнейшего применения в отношении культурного и социального волонтерства. Ряд социальных технологий может быть направлен на формирование адекватного коммуникативного пространства региона, продуцирующего имидж волонтерства и реализующего функцию просвещения населения.

На мезоуровне системы социального управления добровольчеством, благодаря различным социальным технологиям, появляется возможность взаимодействовать с разными социальными группами населения, выстраивать организационные связи как институциональный элемент среды, обеспечивающий возможности

---

³¹ Центр социологии управления и социальных технологий ИС РАН. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/csuisp.html#4> (дата обращения: 10.01.2016).

³² Социология управления : фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А. В. Тихонов. М. : «Канон», 2014. С. 124.

реализации принципа рационального обмена социальными ресурсами между разными волонтерскими подобностями и организаторами их деятельности.

На микроуровне системы социального управления волонтерством излишняя формализация процессов управления добровольцами может только навредить стихийно развивающимся по всей области волонтерским практикам и частным инициативам. Для предотвращения возможных проблем можно использовать только один из этапов «технологического обеспечения гражданского социального участия»³³ – этап социально-диагностических исследований, который позволяет систематизировать успешный управленческий опыт по взаимодействию с волонтерами в отдельных организациях, проектах, программах, в различных сферах жизни общества.

Упорядоченные определенным образом представления о границах деятельности волонтеров в конкретных организациях или отдельных ситуациях (об уровне ответственности всех участников управленческих отношений, о минимальных требованиях к объекту управления и условиям его труда, об управленческих рисках, о круге процедур, операций и методов, обеспечивающих результативность деятельности волонтеров, безопасность самих волонтеров и тех, кому они помогают, и т. д.) сегодня могут быть систематизированы исследователями-социологами, вовлеченными в процессы управления.

Функции социолога в этих процессах – исследовательская, прогностическая, просветительская, управленческая. Нам видится, что результаты работы социологов не должны способствовать «зарегулированию» деятельности волонтеров на местах, посягательству на их самостоятельность и автономность. Обобщение успешных управленческих практик может лечь в основу разработки целого комплекса социальных технологий управления разными видами волонтерства, которые позволят тиражировать опыт активизации социального участия в сфере культуры, образования, социальной

---

³³ Мерзляков А. А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М. : Ин-т социологии РАН, 2007.

защиты. Социальная роль социологов в этом процессе заключается не только в выполнении социального заказа институтов публичной власти, но и в защите интересов общества, в первую очередь гражданского.

Наличие критической рефлексии и критической функции социологии³⁴ определяет значение социологического знания, в том числе в социальном управлении волонтерством. Именно социологический взгляд позволяет идентифицировать активистские жизненные позиции реальных волонтеров, выделять социальные барьеры, препятствующие их деятельности, раздвигать границы профессионализма организаторов добровольчества. Социологическое знание в системе управления волонтерством способно расширять границы мировоззрения жителей области, демонстрируя их социальные возможности, может помочь населению отличать реальное волонтерство от его имитации (квазиволонтерства).

---

³⁴ *Зборовский Г. Е.* Отечественная социология : на пути к гражданскому обществу. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2014. С. 339.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевиден факт, что развитие волонтерства как социального феномена влечет за собой постоянные изменения самих волонтеров, характера и содержания их деятельности. Практически повсеместно трансформация волонтерства имеет видимые и латентные последствия своего широкого развития и популяризации как во всем мире, так и в российском обществе. Обнаруживаются новые его аспекты, новые тенденции, которые мы попытались выявить и описать в данной книге сквозь призму управления.

Волонтерство развивается в условиях постоянных социально-экономических и политических трансформаций, при этом сами добровольцы всегда оказываются общественно полезными. Их деятельность имеет позитивную направленность, нацелена на конкретные социально значимые результаты и востребована в пространственно-временной локализации. Постоянная потребность общества в помощи волонтеров, все расширяющийся спектр проблем (экономических, социальных, экологических, культурных, политических и т. д.) в различных его сферах влияют на самих волонтеров, а также на практики управления ими.

Выделенные и обозначенные в нашем теоретическом исследовании принципы и признаки волонтерства характеризуют его сущностную природу как социальной системы, социального института, общности и деятельности. Они находят свое отражение в разнообразных видах, типах и направлениях добровольчества, за исключением практик квазиволонтерства.

В теоретическом плане социальный институт волонтерства развивается за счет роста потенциала общности волонтеров в определенной среде, где в процессе его взаимодействия с другими социальными институтами – государством, образованием, политикой, СМИ – выстраивается система управления, запускаются его различные институциональные механизмы, воздействующие

на разные подобищности волонтеров. В этом случае востребованные разными волонтерами и необходимые им в определенное время ресурсы, как правило, отражаются в их мотивации и субъективных оценках того, что они делают.

Мотивационный плюрализм волонтеров – это инструмент социального управления разными волонтерскими подобищностями. Ресурсы различных волонтерских подобищностей, а также отдельных их членов связаны со спецификой функционирования этих подобищностей и порождают многообразие уровней, форм и видов обмена. Этот спектр отражает многообразие видов деятельности волонтеров, их направлений, где социальный обмен ресурсами приобретает свои формы.

Обмен социальными ресурсами волонтерства между добровольцами и обществом может происходить на институциональном, общностном и личностном уровнях. Универсальность обмена ресурсами проявляется в регулировании волонтерской деятельности, в частности, разных ее направлений. Ресурсный обмен может рассматриваться в качестве основы управления волонтерством отдельных территорий, где живут и работают добровольцы, а также учитываться в определенных организациях, где их труд востребован, реализуется в отношениях между волонтерами и теми, кому они оказывают непосредственную помощь.

В историческом разрезе добровольчество в нашей стране существовало всегда, но принимало различные формы общественной деятельности, реализовывалось в тех практиках, которые были актуализированы в ту или иную историческую эпоху. Элементы волонтерства можно выделить практически при любом политическом строе в различающихся социально-экономических условиях, однако только в гражданском обществе оно получает признанный статус и активное развитие. Исторический контекст, в частности социальные нормы, традиции и стереотипы, во многом определяют формы, содержание многих видов волонтерской деятельности в стране сегодня.

Национальные традиции советской общественной деятельности, а также характер командно-административной системы государственного управления оказывают влияние не только на специфику

функционирования различных социальных институтов, но и задают динамику развития в стране отдельных видов волонтерства, определяют методы управления волонтерами.

Анализ специфики управления волонтерством показал, что российские добровольцы – это крайне сегментированная общность, которая включает в себя волонтерские группы и объединения, обладающие потенциалом самоуправления и адаптируемости к изменениям среды, а также отдельные подобщности российских волонтеров, на которых направлено активное внешнее управленческое воздействие. В России волонтерская общность имеет свои специфические особенности, заключающиеся в распространенности неформальных видов взаимопомощи россиян друг другу, в условном разделении волонтеров на формально организованных и неорганизованных.

Изменения, происходящие в общности волонтеров, трансформации институциональной среды межсекторного взаимодействия в России тесно сопряжены с государственной политикой и механизмами ее реализации на региональном, муниципальном и локальном уровнях государственного управления. Несмотря на спровоцированное политикой разделение волонтеров на два лагеря – поддерживаемых государством и развивающихся самостоятельно, само добровольчество связано с проблемным развитием гражданского общества, определяющим специфику становления в России системы социального управления волонтерством.

Развитие управления российским добровольчеством, с одной стороны, определяется международными тенденциями в развитии волонтерства, с другой – национальной спецификой, которая отражается в особенностях развития целого ряда формальных видов волонтерской деятельности, профессионализации самого волонтерства и его управления.

Российские волонтеры и их деятельность сегодня напрямую зависят от государственной политики. На институциональном уровне задача институтов власти и гражданского общества с учетом специфики отдельных видов и типов волонтерства – постоянно создавать (трансформировать) такие условия и предоставлять такие возможности добровольцам для наращивания их ресурсов,

которые могли бы удовлетворять не только интересы государства, но и учитывать возможности и потребности самих волонтеров. В этом случае многие ресурсы самих волонтеров начинают зависеть от свободы сделанного ими выбора и самоопределения, сопрягаться с их свободой в распоряжении своим временем, навыками и профессиональными умениями.

Одна из потенциальных проблем изучения управления российским волонтерством – его связь с развитием гражданского общества в стране, потенциалом которого и выступает сама общность волонтеров, их деятельность в разных сферах жизни общества. Ключевая проблема заключается в том, что организаторы деятельности волонтеров в России преимущественно становятся людьми системы и вынужденно «играют по правилам», заданным инстанциями власти. Предложенная модель системы социального управления волонтерством в регионе, а также выделенные принципы системного управления добровольцами в Свердловской области позволяют посмотреть на управление волонтерами с учетом их интересов, возможностей и желаний.

В отличие от других видов гражданской активности (протестной, политической), волонтерство является тем элементом социальной структуры, который в любом случае должен иметь широкую государственную и общественную поддержку, оказываемую сегодня точно и избирательно. Концептуальная задача, которую мы попытались решить в данной работе, связана с пониманием условий социального управления на всех его уровнях, в которых российское волонтерство сможет проявить свой потенциал развития во всех своих практиках, не только в организованных, но и стихийных добровольческих инициативах (формальных и неформальных).

С точки зрения формирования нового знания о добровольчестве в России, с учетом накопленных данных теоретических и эмпирических исследований, всероссийских социологических проектов, авторских исследований хочется верить, что теоретическое осмысление сути включенности волонтерства в социальную жизнь россиян позволит на практике воплотить в жизнь концепцию системного социального управления добровольчеством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абанкина Т. А. Экономика желаний в современной цивилизации досуга / Т. А. Абанкина // Отеч. зап. М., 2005. № 4 (24) [Электронный ресурс]. URL: lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/09_8.pdf (дата обращения: 24.02.2013).

Абдалина Л. В. Психологические аспекты добровольческой деятельности в подростковом возрасте / Л. В. Абдалина, М. В. Григорович // Вестн. ТГУ. Тамбов, 2011. Вып. 7 (99). С. 99–102.

Азарова Е. С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Азарова Елена Станиславовна. Хабаровск, 2008. 20 с.

Акимкин Е. М. Проблема управления развитием городов в региональном аспекте / Е. М. Акимкин, В. А. Шилова // Региональная социология : проблемы консолидации социального пространства в России / под ред. М. К. Горшкова [и др]. М. : Новый хронограф, 2015. С. 259–285.

Алексеева А. А. Уверенность, обобщенное «доверие» и межличностное «доверие»: критерии различения / А. А. Алексеева // Социальная реальность. 2008. № 7. С. 95–98.

Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. 496 с.

Американский красный крест [Электронный ресурс]. URL: <http://www.redcross.org/about-us/history> (дата обращения: 20.02.2014).

Арсеньева Т. Н. Психолого-педагогические основы разработки и внедрения инновационных проектов молодежного добровольчества / Т. Н. Арсеньева // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. М., 2010. № 136. С. 46–55.

Аузан А. А. Экономическое значение гражданского общества / А. А. Аузан, В. Л. Тамбовцев // Вопр. экономики. 2005. № 5. С. 28–49.

Бетурлакин В. В. Профессиональная социальная работа : состояние и перспективы / В. В. Бетурлакин // Вопросы научной теории и социальной практики : сб. науч. ст. Вып. 3. Саратов : Наука, 2007. С. 63–69.

Бидерман К. Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании / К. Бидерман ; пер. с нем. М. Санниковой, И. Мюллер. [Б. г.]: [Б. и.], 1999. 45 с.

Благотворительность на Урале: парадоксы времени. Екатеринбург : Изд-во СВ-96, 2003. 270 с.

Благотворительные учреждения Российской Империи. (Опубликовано по высочайшему повелению собственно Е.И.В. Канцелярией по учреждениям императрицы Марии). СПб. : Типография Е., 1900 [Электронный ресурс]. URL: <http://gbooks.archeologia.ru>. (дата обращения: 04.10.2013).

Болотина Д. И. «Добровольчество» как феномен культуры России : способы самопрезентации участников белого движения : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Болотина Дарья Ивановна. М., 2007. 24 с.

Большая советская энциклопедия : в 59 т. / под. общ. ред Б. А. Введенского. 2-е изд. Т. 14. М. : ГНИ БСЭ, 1952.

Брокгауз Ф. А. Новый энциклопедический словарь : в 29 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефронь. Т. 11. СПб. : «Брокгауз–Ефрон», 1911. 911 с.

Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. 2005. Т. 6, № 3. С. 60–75.

Васюкова И. А. Словарь иностранных слов / И. А. Васюкова. М. : АСТА–ПРЕСС, 2001. 640 с.

Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Теоретическая социология : антология : в 2 ч. / под ред. С. П. Баньковской ; пер. с нем. А. Ф. Филиппова. Ч. 1. М. : Университет, 2002. С. 70–146.

Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. М. : Прогресс, 1984. 368 с.

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / пер. В. Г. Николаева // Л. Вирт. Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93–118.

Волков Д. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем : свод. аналит. отчет / Д. Волков, С. Гончаров. М. : Левада-центр, 2014. 58 с.

Всеобщая Декларация добровольцев: принята на 11-й Всемирной конференции международной ассоциации добровольческих усилий (International Association for Volunteer effort, IAVE). Париж, 1990 [Электронный ресурс]. URL: http://www.volunteer.ru/5/1/5_1_dek12.htm (дата обращения: 03.02.2012).

Вязовова Н. В. Профессиональное психологическое волонтерство как условие подготовки будущего специалиста к социально-значимой деятельности в регионе / Н. В. Вязова, И. В. Смолярчук // Гаудеамус. М., 2007. № 2 (12). С. 95–104.

Гавра Д. П. Категория социального института в социологии / Д. П. Гавра // Регион. Политика, Экономика. Социология. 1999. № 1. С. 79–83.

Гидденс Э. Устроение общества : очерк теории структуризации / Э. Гидденс. 2-е изд. М. : Акад. проект, 2005. 528 с.

Главное желание? // Biz-bote : информ.-метод. журн. образовательно-информационного центра российско-германского дома в Москве. 2011. № 4. С. 8–13.

Горшков М. К. Российское общество как оно есть / М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2011. 672 с.

Гофман А. Б. Социология традиций и современная Россия / А. Б. Гофман // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М. : Ин-т социологии РАН, 2008. С. 334–352.

Гринь А. В. Системные принципы организации объективной реальности / А. В. Гринь. М. : МГУП, 2000. 300 с.

Грязнова О. С. Запросы жителей европейских стран на государственную социальную поддержку и их базовые ценности / О. С. Грязнова, В. С. Магун // SPERO. 2012. № 17. С. 7–34.

Гудков Л. Д. Доверие в России : смысл, функции, структура / Л. Д. Гудков // Новое лит. обозрение. 2012. № 117. С. 249–280.

Гулина М. А. Словарь-справочник по социальной работе / М. А. Гулина. СПб. : Питер, 2008. 400 с.

World Values Survey Wave 6: 2010–2014. Online Data Analysis [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/>. (дата обращения: 05.01.2015).

Данные опроса «Телефом» 26.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11843> (дата обращения: 25.05.2015).

Данные опроса «Телефом» 31.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11712> (дата обращения: 06.01.2015).

Данные опроса «ФОМнибус» 08.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11081> (дата обращения: 20.01.2015).

Данные опроса «ФОМнибус» 10.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://soc.fom.ru/obshchestvo/11005> (дата обращения: 20.01.2015).

Данные опроса «ФОМнибус» 18–19 мая 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10927> (дата обращения: 10.06.2014).

Дарендорф Р. Тропы из утопии / Р. Дарендорф ; пер с нем. В. Скуратова, В. Близнецова. М. : Практика, 2002. 534 с.

Дворко С. Б. Философия добровольчества. 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.razmah.ru/showarticle.asp?id=2298> (дата обращения: 21.01.2013).

Десять вопросов об экономической социологии профессору В. Радаеву // Эконом. социология. 2007. Т. 8, № 2. С. 6–12.

Доклад главы комиссии социального развития ООН. 03.04.2009. Commission for Social Development, 47th Session Chairperson's Summary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvolunteerweb.org/resources/policy-documents/united-nations/doc/volunteerism-is-a-means.html> (дата обращения: 21.01.2014).

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. 432 с.

Европейский молодежный портал [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/youth/lu/article/volunteering-europe_en (дата обращения: 21.01.2014).

Жаворонков Р. Н. Гражданско-правовое регулирование добровольческой и благотворительной деятельности в РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Жаворонков Роман Николаевич. М., 2004. 24 с.

Зборовский Г. Е. Теория социальной общности / Г. Е. Зборовский. Екатеринбург : ГУ, 2009. 304 с.

Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры / Г. Е. Зборовский. М. : Высш. шк., 2006. 314 с.

Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века / Г. Е. Зборовский. Екатеринбург : ГУ, 2007.

Зборовский Г. Е. Социология управления : учеб. пособие / Г. Е. Зборовский, Н. Б. Костина. М. : Гардарики, 2008. 270 с.

Зборовский Г. Е. Социальная общность волонтеров сквозь призму темпоральных стратегий их поведения / Г. Е. Зборовский, А. А. Кузьминчук // Вестн. СурГПУ. 2014. № 2 (29). С. 57–70.

Зиммель Г. Как возможно общество? / Г. Зиммель // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. 608 с.

Зинатулин А. М. Экономико-теоретический подход к организации добровольческого движения / А. М. Зинатулин, Л. А. Карсева // Эконом. журн. 2011. Т. 23, № 3. С. 111–121.

Зубкова О. В. Тетрадка дружбы : межрегиональный образовательный проект / О. В. Зубкова // Социальные технологии, исследования. 2010. № 4 (44). С. 55–57.

Ильин В. И. Драматургия качественного исследования / В. И. Ильин. СПб. : Интерсоцис, 2006. 256 с.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис' ('Политические исследования'). 1997. № 4. С. 6–32.

Индекс благотворительной помощи детям. Данные опроса «ФОМ-нибус» 10–11 августа 2013 г. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ,

1500 респондентов [Электронный ресурс]. URL: <http://soc.fom.ru/obshchestvo/11246> (дата обращения: 10.06.2014).

Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора РФ. 2014. № 1. М. : НИУ ВШЭ, 2014. 23 с.

Истомин С. В. Особенности институциональных механизмов в трансформируемой экономике / С. В. Истомин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 6 (187). С. 52–56. (Экономика; Вып. 26).

Истомин С. В. Сравнительный анализ институционального и хозяйственного механизмов в трансформируемой экономике / С. В. Истомин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 27 (208). С. 47–51. (Экономика; Вып. 29).

История социологии в западной Европе и США / под общ. ред. Г. В. Осипова. М. : Норма, 2001. 679 с.

Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика» [Электронный ресурс]. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (дата обращения: 21.11.2014).

Кириллова Л. С. Формирование профессиональных умений и навыков у будущих бакалавров социальной работы в процессе добровольческой практики : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Кириллова Любовь Сергеевна. Краснодар : КГУ, 2010. 24 с.

Кленкина О. В. Правовое регулирование вопросов волонтерской деятельности в РФ // Подготовка волонтеров в классическом университете / А. В. Бабичева, Л. В. Вандышева, К. О. Вартанян [и др.] ; под общ. ред. Л. В. Вандышевой. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2012. 168 с.

Клепикова А. А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью : конструкты волонтерства и профессионализма / А. А. Клепикова // Журн. исследований социальной политики. 2011. Т. 9, № 3. С. 391–417.

Климов И. А. Конструктивные и протестные движения как ресурс для изменения социальных практик и институтов / И. А. Климов // Журн. исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 2. С. 201–216.

Кожевникова К. «Верит – не верит» : особенности российской религиозности / К. Кожевникова // ФОМ. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/blogs/10955#> (дата обращения: 11.11.2014).

Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер ; пер. О. Назаровой ; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М. : Идея-Пресс, 2002. 208 с.

Козодаева Л. Ф. Добровольческая деятельность как основа воспитания нравственных качеств студенческой молодежи / Л. Ф. Козодаева // Вестн. ТГУ. Тамбов, 2010. Вып. 11 (91). С. 121–126.

Комплексное диагностическое исследование коммуникативной структуры гражданского общества // Социология управления : фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А. В. Тихонов. М. : РООИ «Реабилитация», 2014. 560 с.

Кораблева Г. Б. Институциональные основы формирования профессиональных общностей / Г. Б. Кораблева // Вестн. ЮУрГУ. 2006. № 2(57). С. 126–129.

Косова У. П. Психологические характеристики волонтерской деятельности / У. П. Косова // Высшее образование сегодня. 2009. № 12. С. 63–67.

Кривоносова Л. А. Проблемы бездомных граждан – поле взаимодействия органов власти с некоммерческими организациями / Л. А. Кривоносова // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 3. С. 93–97.

Кривопусков В. В. Фактор доверия в минимизации институциональных рисков в системе обеспечения консолидации российского общества / В. В. Кривопусков // Власть. 2013. № 1. С. 34–38.

Кубицкий С. И. Благотворительность в социальной жизни Урала XIX–XX вв. / С. И. Кубицкий, Л. Ф. Бабкина, А. В. Власова. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2006. 204 с.

Кудринская Л. А. Добровольческий труд : опыт теоретической реконструкции : дис. ... д-ра социол. наук. ... спец. 22.00.03 / Кудринская Людмила Александровна. М., 2006. 270 с.

Кудринская Л. А. Добровольческий труд : сущность, функции, специфика / Л. А. Кудринская // Сопис. 2006. № 5. С. 15–23.

Кузьмичева М. Материалы X общероссийской конференции по добровольчеству / М. Кузьмичева [Электронный ресурс]. URL: <http://sreda.org/ru/2013/11-noyabrya-2013-v-vyishey-shkole-ekonomiki-proshla-x-obshherossiyskaya-konferentsiya-po-dobrovolchestvu/31641> (дата обращения: 20.05.2015).

Ларионова Т. П. Модель координации благотворительной деятельности в современной Германии / Т. П. Ларионова // Учен. зап. Казан. ун-та : гуманитарные науки. 2010, Т. 152, кн. 5. С. 17–25.

Лисовская Т. А. Концепт volunteering в сознании американцев / Т. А. Лисовская // Вестн. ВГТУ. 2010. Т. 4, № 2. С. 73–75.

Луговая Е. А. Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России : автореф. дис. ... канд. культ. наук : 24.00.01 / Луговая Елена Александровна. Саратов, 2012. 20 с.

Мерзляков А. А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Мерзляков Андрей Александрович. М., 2007. 27 с.

Маркс К. Критика готской программы / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. сочинений. Изд. 2-е. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 19.

Маркс К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. сочинения. Изд. 2-е. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 4.

Мерсиянова И. В. Проблема доверия к НКО : взаимосвязь с межличностным доверием и доверием к институтам власти и рынка / И. В. Мерсиянова. 2010. СПб. [Электронный ресурс]. URL: soc-spb.ru/assets/files/Mersianova.ppt (дата обращения: 30.10.2013).

Мерсиянова И. В. Факторы вовлеченности россиян в добровольческую деятельность / И. В. Мерсиянова // Эмпирические исследования гражданского общества. 2011. № 2. С. 39–45.

Мерсиянова И. В. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО : региональное измерение / И. В. Мерсиянова, И. Е. Корнеева. М. : НИУ ВШЭ, 2011. 196 с.

Мерсиянова И. В. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества : региональное измерение / И. В. Мерсиянова, И. Е. Корнеева. М. : НИУ ВШЭ, 2013. 204 с.

Мерсиянова И. В. Практики филантропии в России : вовлеченность и отношение к ним населения / И. В. Мерсиянова, Л. И. Якобсон ; Высш. шк. экономики. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2009. 201 с.

Меснянко А. Волонтер на перепутье / А. Меснянко // Православный портал о благотворительности и социальной деятельности. М., 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/volonter-na-perepute> (дата обращения: 15.03.2014).

Методические рекомендации по организации корпоративного добровольчества компаний с участием некоммерческих организаций МБОО «Социальная сеть добровольческих инициатив «СоСеДИ». М., 2013 [Электронный ресурс]. URL: nko.economy.gov.ru/Organization/Details/53705 (дата обращения: 03.03.2015).

Милославская Д. Законодательство о волонтерской деятельности на примере стран Европы / Д. Милославская // Портал о некоммерческом российском законодательстве. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law-ngo.ru/library/detail/372/> (дата обращения: 24.02.2013).

Мировой рейтинг благотворительности : Россия – 126-я // Филантроп : электрон. журн. о благотворительности [Электронный ресурс].

URL: <http://philanthropy.ru/analysis/2014/11/18/18828/> (дата обращения: 15.12.2014).

Миссия организации «Добровольцы ООН» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unv.org> (дата обращения: 15.04.2014).

Мураева В. Прозрачность и подотчетность российских НКО как ресурс повышения эффективности их деятельности / В. Мураева // НКО : законы развития. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nkozakon.ru/materials_comments/235/ (дата обращения: 10.03.2013).

Нечипорова Е. В. Основные идеи и практики милосердно-благотворительной деятельности христианских церквей : компаративный анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14 / Нечипорова Елена Васильевна. Ростов н/Д, 2009. 24 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения функционирования экономики / Д. Норт. М. : [Б. и.], 1997. 180 с.

Нуреев Н. М. Эволюция институциональной теории и ее структура // Институциональная экономика / Н. М. Нуреев / под ред. А. Олейника. М. : Инфра, 2005. 96 с.

Общественная и частная благотворительность в России : сб. ст. СПб., 2012. 92 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Изд 4-е, доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.

Оленина Г. В. Педагогика социально-культурного проектирования и продвижения гражданских инициатив молодежи : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.05 / Оленина Галина Владимировна. Барнаул, 2011. 47 с.

Онищенко Е. В. Перспективы развития волонтерского движения в России / Е. В. Онищенко // Вест. МГОУ. 2011. № 2. С. 184–187. (Сер. Психологические науки).

Осипов Е. М. Институт социального партнерства как фактор развития малого бизнеса в России / Е. М. Осипов. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2012. 208 с.

Осипова М. А. Социология управление : проблемы определения предметной области / М. А. Осипова // Вестн. РУДН. 2009. № 1. С. 98–105. (Сер. Социология).

Отношение граждан к некоммерческим организациям в свете ужесточения законодательства об НКО. 2012. Сент. [Электронный ресурс]. URL: zircon.ru/upload/iblock/8f1...k_NKO_19-11-12.pptx (дата обращения: 19.01.2013).

Отчет «Мировой рейтинг благотворительности». 2011. Великобритания: Charities Aid Foundation. 35 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cafrussia.ru/> (дата обращения: 19.01.2012).

Отчет ФОМ «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://soc.fom.ru/dobrovolchestvo.html> (дата обращения: 29.01.2013).

Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс / под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белоновского. М. : Акад. Проект, 2000. 831 с.

Паршина Ю. В. Нравственное становление старшего подростка в волонтерской деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Паршина Юлия Вячеславовна. Воронеж, 2011. 24 с.

Патрушев С. В. Социальный капитал / С. В. Патрушев // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Patrushev_soz_kapital.pdf. (дата обращения: 05.01.2014).

Положение о всероссийском волонтерском корпусе 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--70-dlcm3amfbus5h.xn--plai/docs> (дата обращения: 25.08.2015).

Понимание добровольчества в целях развития в Юго-Восточной Европе и Содружестве Независимых Государств : уроки, направленные на расширение деятельности. Bonn : UNV/UNDP, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://europeandcis.undp.org> (дата обращения: 05.01.2015).

Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2010. 419 с.

Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем : пресс-выпуск [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/09-09-2014/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem> (дата обращения: 19.09.2014).

«Общественные организации: “не был, не состоял, не участвовал...”» : пресс-выпуск № 2691. 10.10.14 [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115017> (дата обращения: 20.05.2015).

«Добровольчество в России : потенциал участия молодежи» : пресс-выпуск ВЦИОМ № 1785 [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111713> (дата обращения: 15.05.2014).

«Каждый четвертый россиянин оказывал благотворительную помощь...» : пресс-выпуск Левада-центра. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/05-12-2012/kazhdyi-chetvertyi-rossiyanin-okazyval->

blagotvoritelnuyu–pomoshch–khotya–raz–za–poslednie (дата обращения: 12.09.2014).

«Новые формы добровольчества вносят значительный вклад в развитие человеческого потенциала» : пресс-выпуск. 05.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: www.unp.org (дата обращения: 20.05.2015).

Присяжнюк Ю. П. К проблемам правового регулирования волонтерской деятельности на современном этапе / Ю. П. Присяжнюк // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3(2). С. 181–184.

Резолюция I Всероссийского форума добровольцев. Сочи. 13–16 февраля 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://volunteer.vvsu.ru/files/3243F395-1CA7-4C40-882B-52EE5D651C95.docx> (дата обращения: 01.11.2015).

Романов П. В. Мир профессий : пересмотр аналитических перспектив / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Социс. 2009. № 8. С. 25–35.

Романов П. В. Разработка профессиональных стандартов в социальной работе : перспективы и вызовы / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // SPERO. 2013. № 18. С. 39–56.

Романовский Н. В. Социология и история : перспективы взаимодействия / Н. В. Романовский // Портал «Фонд исторической перспективы». 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/history/sociologija_i_istorija_perspektivy_vzaimodejstvija_2010-09-06.htm (дата обращения: 02.02.2014).

Российский неполитический активизм : наброски к портрету героя : отчет о результатах исследования активизма в России. М. : Грани, 2012. 65 с.

Ресурсы российского добровольческого движения : аналит. докл. по результатам исследований ФОМ 2012–2013 гг. / под ред. С. Г. Климовой, Е. С. Петренко. М. : ФОМ, 2014. 106 с.

Рубцова М. В. Управляемость и власть : соотношение понятий в социологии управления / М. В. Рубцова // Социология власти. 2009. № 1. С. 177–183.

Руководство МОТ по измерению волонтерского труда по официальным данным обследований рабочей силы // Johns Hopkins International Labour Organization Volunteer Measurement Project Technical Experts Group on the Measurement of Volunteer Work. Inaugural Meeting. Geneva, Switzerland, 4–6 July 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://ccss.jhu.edu/wpcontent/uploads/downloads/2011/09/Manual_Development_TEG_2010.pdf (дата обращения: 03.04.2014).

Сайт «Молодежь Воронежской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mol36.ru/competitions/volunteering/week/zndobr.php> (дата обращения: 23.08.2015).

Сайт ГКУ СОН СО «Организационно-методического центра социальной помощи» [Электронный ресурс]. URL: <http://uralsocinform.ru/dobro-na-urale/dobrovolcheskoe-dvizhenie/> (дата обращения: 22.03.2015).

Сайт ГБОУ СПО «Свердловский областной медицинский колледж» [Электронный ресурс]. URL: <http://somkural.ru/about/volonters/> (дата обращения: 21.08.2015).

Сайт КСЦОН г. Асбеста [Электронный ресурс]. URL: http://kcsn-asb.ru/index/karta_volontera/0-38 (дата обращения: 22.08.2015).

Сайт помощи семье и детям «Отрада» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otrada4u.ru/news/den-volontera-proshel-v-centre-otrada.html> (дата обращения: 01.09.2015).

Сайт МСП Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <http://msp.midural.ru/news/v-sverdlovskoy-oblasti-startuet-dobrovolcheskiy-forum-2015-3509/> (дата обращения: 07.10.2015).

Салыев В. Р. К вопросу о типологии и классификации институциональных механизмов / В. Р. Сылаев // Вестн. Белгород. ун-та потребительской кооперации. 2006. № 4 (19). С. 122–127.

Самигуллин Д. Д. Pro bono в России : правовые и налоговые аспекты оказания бесплатных юридических услуг / Д. Д. Самигуллин // Региональный специализированный портал «Самарский бухгалтер». 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://sambukh.ru/articles/pro-bono-v-rossii-pravovye-i-nalogovye-aspekty-okazaniya-besplatnyh-yuridicheskikh-uslug/> (дата обращения: 23.10.2015).

Саралиева З. М. Система социальной работы : структура, принципы функционирования / З. М. Саралиева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2001. № 1. С. 95–100. (Сер. Социальные науки).

Сасаки М. Доверие как элемент социального капитала России / М. Сасаки, А. В. Давыденко, Ю. В. Латов, С. Г. Ромашкин // Мир России. 2010. № 2. С. 78–97.

Сасаки М. Сравнительный анализ доверия в различных странах / М. Сасаки, В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина, В. В. Воронов // Социс. 2013. № 3. С. 60–74.

Сикорская Л. Е. Волонтерство как форма трудового воспитания студенческой молодежи / Л. Е. Сикорская // Знание. Понимание. Умение. МГУ, 2009. № 1. С. 163–168.

Синецкий С. В. Эволюция добровольчества : история становления новой социальной парадигмы / С. В. Синецкий // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. 2006. № 17 (62). С. 104–107. (Сер. Социально-гуманитарные науки).

Ситнова И. В. Активистско-деятельностная методология в моделировании процесса «институциональных изменений» / И. В. Ситнова // Социс. 2012. № 7. С. 37–43.

Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие : к проблеме осмысления понятий / И. А. Скалабан // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 1. С. 130–140. (Сер. Социально-гуманитарные науки).

Социально-активные компании более конкурентоспособны / Экспертный сайт ВШЭ «Open economy». 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opes.ru/1704981.html> (дата обращения: 01.03.2015).

Социальные работники как проводники перемен / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, Н. В. Сорокиной. М. : ООО «Вариант» ; ЦСПГИ, 2012. 212 с. (Биб-ка «Журнала исследований социальной политики»).

Социальное предпринимательство в России. М. : Аналит. центр «МСП Банк», 2014. 58 с.

Стагнеева А. В. Развитие молодежного волонтерства : соц.-техн. подход / А. В. Стагнеева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid371/pg0 (дата обращения: 04.04.2014).

Старшинова А. В. Волонтерская деятельность в детском здравоохранении и профессиональное развитие студентов, обучающихся социальной работе / А. В. Старшинова // Системная интеграции в здравоохранении. 2011. № 4 (15). С. 70–79.

Стеббинс Р. А. Свободное время к оптимальному стилю досуга / Р. А. Стеббинс ; пер. с англ. Д. А. Кувардина // Социс. 2000. № 7. С. 64–72.

Страдзе А. Э. Социальная активность в российском обществе : структурно-деятельностное измерение : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / Страдзе Александр Эдуардович. Ростов н/Д, 2013. 62 с.

Сулакшин С. С. Благотворительность в России и государственная политика / С. С. Сулакшин, Д. В. Бачурина, М. В. Вилисов, Г. Г. Каримова, И. Р. Киш, О. В. Куропаткина, Л. А. Макурина, А. С. Сулакшина. М. : Науч. эксперт, 2013. 224 с.

Тарасова Н. В. Волонтерская деятельность как историко-педагогический феномен / Н. В. Тарасова // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 46–52.

Теннис Ф. Общество и общность / Ф. Теннис. СПб. : Владимир Даль, 2002. 451 с.

Тихонов А. В. Социология управления как научно-исследовательская программа / А. В. Тихонов // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11, № 2. С. 186–192.

Тихонов А. В. Философские проблемы социологии : очерки. Основания социологии управления / А. В. Тихонов // Приложение к журналу «Философские науки». М. : Гуманитарий, 2013. 65 с.

Толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. М. : Эксмо, 2010. 944 с.

Тончу Е. Российское добровольчество / Е. Тончу. М. : Изд. дом Тончу, 2011. 272 с.

Трохина А. В. Занятость волонтеров в России : формирование и регулирование : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Трохина Алина Владимировна. М., 2012. 29 с.

Турен А. Возвращение человека действующего : очерк социологии. М. : Науч. мир, 1998. 204 с.

Усачева О. А. Коммуникативное пространство российских НКО / О. А. Усачева, В. А. Шилова // Модернизация отечественной системы управления : анализ тенденций и прогнозы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. XII–XIII Дридзеvских чтений (21–22 ноября 2013 г.) / редкол.: А. В. Тихонов (отв. ред), Е. М. Акимкин, В. С. Богданов, А. В. Жаворонков, А. А. Мерзляков, Н. Н. Никс, Е. И. Рабинович, В. А. Шилова (уч. секретарь), В. В. Щербина. М. : Ин-т социологии РАН, 2014. 548 с.

Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России : итоговый отчет по проекту. М. : ФОМ, 2014. 192 с.

Флорида Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. М. : Классика – XXI, 2005. 430 с.

Фукуяма Ф. Доверие : социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. Д. Павлова, В. Кирющенко, М. Колопятин. М. : ООО «Изд-во АСТ» ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

Фэрис Э. Социальная психология Д. Мида / Э. Фэрис // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века : сб. переводов. М. : РАН ИНИОН, 2010. 322 с.

Халий И. А. Общественные движения как инновационный потенциал местных сообществ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 23.00.02 / Халий Ирина Альбертовна. М., 2008. 49 с.

Хиллз Г. Добровольчество во имя социальных изменений. Лучшие практики международного корпоративного добровольчества / Г. Хиллз, А. Махмуд. FSG. Social Impact Advisors, 2009. 57 с.

Холина О. И. Институционализация волонтерства в структуру российского гражданского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Холина Ольга Ивановна. [Б. и.], 2012. 27 с.

Хоманс Дж. К. Социальное поведение : его элементарные формы / Д. К. Хоманс ; пер. В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. 2001. № 3. С. 132–169. (Сер. 11, Социология).

Центр развития некоммерческих организаций [Электронный ресурс]. URL: http://www.crno.ru/assets/files/skachat/broshura_youth2.pdf (дата обращения: 03.04.2015).

Чабаненко К. Особенности национального краудфандинга / К. Чабаненко // Частный корреспондент. 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/osobennosti_natsionalnogo_kraudfandinga_37026 (дата обращения: 04.04.2015).

Черепанова Н. В. Социальное обучение в добровольческом движении : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Черепанова Наталья Владимировна. Ставрополь, 2006. 31 с.

Швери Р. Теоретическая социология Д. Коулмена : аналит. обзор / Р. Швери // Социол. журн. 1996. № 1/2. С. 62–81.

Шевченко П. В. Социальная роль московского волонтерства / П. В. Шевченко // Социол. исследования. 2013. № 8. С. 60–71.

Шпакова Р. П. От механизации к рационализации : идейное влияние Ф. Тенниса на В. Зомбарта / Р. П. Шпакова, Р. Е. Гергилов // Социс. 2007. № 1. С. 58–66.

Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. под ред. проф. В. А. Ядова. М. : Аспект Пресс, 1996. 416 с.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка ; пер. с польск. С. М. Червонной. М. : Логос, 2005. 664 с.

Шухарева О. Н. Социокультурные ценности социальной работы : социол. анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Шухарева Оксана Николаевна. Екатеринбург, 2007. 19 с.

Шлихтер А. А. Направления и механизмы взаимодействия социально-ответственного бизнеса с некоммерческим сектором США / А. А. Шлихтер. М. : ИМЭМО РАН, 2010. 104 с.

Щупленков О. В. История молодежного движения в России в исследовательском поле / О. В. Щупленков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2012. № 1 (15) : в 2 ч. Ч. 2. С. 211–215.

Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная основа исследования российских трансформаций / В. А. Ядов. Изд. 2-е. СПб. : Интерсоцис, 2009. 138 с.

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. М. : Омега-Л, 2007. 567 с.

Ядов В. А. Как люди делают себя / В. А. Ядов, Е. Н. Данилова, К. Клеман. М. : Логос, 2010. 388 с.

Яницкий О. Н. Элементы теории социальных движений / О. Н. Яницкий // Официальный сайт ИС РАН. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2429> (дата обращения: 20.04.2013).

Яницкий О. Н. Волонтеры : гражданские и государственные / О. Н. Яницкий // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1 (5). С. 71–89.

Яницкий О. Н. Общественный активизм в России : вчера и сегодня / О. Н. Яницкий // Власть. 2015. № 2. С. 53–60.

Яницкий О. Н. Развитие экологических движений на Западе и Востоке Европы / О. Н. Яницкий // 1992. № 1. С. 32–39.

Яницкий О. Н. Сети социальных движений в России / О. Н. Яницкий // Общественные науки и современность. 2010. № 6. С. 52–62.

About Martin Luther King, Jr. Day of Service. 2013 [Electronic resource]. URL: <http://mlkday.gov/about/serveonkingday.php> (дата обращения: 21.12.2014).

Active ageing and solidarity between generations. A statistical portrait of the European Union. 2012. Eurostat. 2011. 141 p.

Anheier H. K. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons / H. K. Anheier, L. M. Salamon // Civil Society Working Paper 10. 2001. P. 2–25.

Beigbeder Y. The Role and Status of International Humanitarian Volunteers and Organisations : The Right and Duty to Humanitarian Assistance / Y. Beigbeder. L. : Martinus Nijhoff, 1991. 414 p.

Bekkers R. Participation in voluntary associations : Relations with resources, personality, and political values / R. Bekkers // Political Psychology. 2005. Nr 26(3). P. 439–454.

Bellefleur M. Volunteerism in leisure or the bartering of interrelational values: Initiative, commitment and creativity in civil society / M. Bellefleur, J. Tremblay // Society and leisure. 2003. Nr 2 (26). P. 345–368.

Bennett P. The theory of planned behavior as predictor of condom use: A narrative review / P. Bennett, G. Bozionelos // Psychology, Health and Medicine. 2000. Nr 5. P. 307–326.

Brammer S. Corporate Social Responsibility and institutional theory : new perspectives on private governance / S. Brammer, G. Jackson, D. Matten // *Socio-Economic Review*. 2012. Nr 10. P. 3–28.

Butrica B. A. Volunteer Transitions Among Older Americans / B. A. Butrica, R. W. Johnson, S. R. Zedlewski. Washington DC : Urban Institute, 2007.

Carstensen L. L. Social and emotional patterns in adulthood : Support for socioemotional selectivity theory / L. L. Carstensen // *Psychology and Aging*. 1992. Nr 7. P. 331–338.

Chambré S. Is volunteering work, prosocial behavior, or leisure? An empirical study / S. Chambré, C. Einolf. Working papers series. USA : Center for nonprofit strategy and management, 2008. 30 p.

Civic Engagement Highest in Developed Countries. 18.11.2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.gallup.com/poll/145589/civic-engagement-highest-developed-countries.aspx#2> (дата обращения: 17.03.2014).

Clark H. Volunteering for All? Exploring the link between volunteering and social exclusion / H. Clark. UNV. 2012. P. 66.

Cnaan R. Measuring motivation to volunteer in human services / R. Cnaan, R. Goldberg-Glen // *J. Appl. Behav.* 1991. Nr 27. P. 269–285.

Cnaan R. A., Amroffell L. Mapping volunteer activity / R. A. Cnaan, L. Amroffell // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1994. Nr 23. P. 335–351.

Corporation for national and community service [Electronic resource]. URL: http://www.americorps.gov/about/programs/vista_legacy.asp (дата обращения: 22.03.2014).

Crampton P. The role of the third sector in providing primary Care services – theoretical and policy issues / P. Crampton, A. Woodward, A. Dowell // *Social Policy Journal of New Zealand*, 2001. Nr 17. P. 1–21 [Electronic resource]. URL: http://www.msd.govt.nz/documents/about-msd-and-our-work/publications-resources/journals-and-magazines/social-policy-journal/spj17/17_pages1_21.pdf (дата обращения: 24.05.2014).

Davidson T. C. Attributions for Poverty among College Students : The Impact of Service–Learning and Religiosity / T. C. Davidson // *College Student J.* 2009. Nr 43. P. 136–44.

Dean J. Challenging narratives : the importance of informal volunteering / J. Dean // Research archive SHU. NCVO/VSSN Researching the Voluntary Sector Conference 2011, NCVO, London, 7–8 September 2011 [Electronic resource]. URL: <http://shura.shu.ac.uk/6455> (дата обращения: 15.05.2014).

Dekker P. The Values of Volunteering: Cross-Cultural Perspectives / P. Dekker, L. Halman. US A: Springer Science and Business Media, 2003. 217 p.

Devereux P. International Volunteers: cheap help or transformational solidarity toward sustainable development / P. Devereux. Murdoch University, 2010.

Dictionary of contemporary English. England : Longman, 2001.

Dictionnaire de la langue française. Lexis. P. : Larousse, 1993.

Didkovskaya Y. The professional career of university graduate students in modern Russian society / Y. Didkovskaya, D. Onegov // Review of Management and Economic Engineering. 2009. Nr 1(30). P. 29–42.

European Union : official website. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/youth/lu/article/volunteering-europe_en (дата обращения: 05.01.2015).

Ellis S. J. By the people: A history of Americans as volunteers, new century edition / S. J. Ellis, K. H. Campbell. USA : Energize Inc., 2005. 386 p.

Ellis S. J. Volunteering: an american tradition / S. J. Ellis, K. H. Campbell // The Spirit of Volunteerism. Wash., 2012. DC 20522–0501.

Federal Institute of Sport Science. Sportentwicklungsbericht 2005/2006. 2007. 27 p. [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/sport/library/doc/f_studies/sport_fiche_de.pdf (дата обращения: 25.04.2014).

Fidelity Charitable Gift Fund and Volunteer Match Form Alliance and Release Landmark Study on Volunteering. Boston, 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.fidelitycharitable.org/about-us/news/12-03-2009.stml> (дата обращения: 29.03.2014).

Galea A. Volunteering in acute trusts in England Understanding the scale and impact / A. Galea, C. Naylor, D. Buck, L. Weaks // The British associations of social workers : official website. England : The Kings Fund, 2013 [Electronic resource]. URL: <https://www.basw.co.uk/resource/?id=2692> (дата обращения: 02.10.2014).

Gil-Lacruz A. Voluntary Work in Europe: Comparative Analysis Among Countries and Welfare Systems / A. Gil-Lacruz, C. Marcuello. Springer Science and Business Media B. V. 2012. 382 p.

Glaeser E. L. An economic approach to social capital / E. L. Glaeser, D. Laibson, B. Sacerdote // Economic J. 2002. № 112 (483). P. 437–458.

Hackl F. Volunteering and the State. Discussion Paper Nr 4016 / F. Hackl, M. Halla, G. Pruckner. Germany, 2009. 34 p.

Hackl F. Volunteering and income : The fallacy of the Good Samaritan? // F. Hackl, M. Halla, G. Pruckner // Kyklos. 2007. Nr 60. P. 77–104.

Handy F. A cross-cultural examination of student volunteering: Is it all about resume building? / F. Handy, L. Hustinx, C. Kang, R. Cnaan, J. Brudney, D. Haski-Leventhal, S. Zrinscak // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2009. Nr 39. P. 498–523.

Haski-Leventhal D. Altruism and Volunteerism: The perceptions of altruism in four disciplines and their impact on the study of volunteerism / D. Haski-Leventhal // J. for the Theory of Social Behaviour. 2009. Nr 39(3). P. 271–299.

Hodgkinson V. A. From Belief to Commitment: The Community Service Activities and Finances of Religious Congregations in the United States / V. A. Hodgkinson, S. W. Murray. Washington, D. C. : Independent Sector. 1993 [Electronic resource]. URL: <http://www.resourcingchristianity.org/grant-product/from-belief-to-commitment-the-community-service-activities-and-finances-of-religious-congregations-in-the-united-states> (дата обращения: 25.10.2014).

Holdsworth C. Volunteering, choice and control: a case study of higher education student volunteering / C. Holdsworth, G. Brewis // J. of Youth Studies. 2013. Nr 17 (2). P. 204–219.

Homans G. Social Behavior as Exchange / G. Homans // American J. of Sociology. 1958. Vol. 63. P. 597–606.

Hustinx L. Navigating Theories of Volunteering : A Hybrid Map for a Complex Phenomenon / L. Hustinx, R. Cnaan, F. Handy // J. for the Theory of Social Behaviour. USA, 2010. Nr 40 (4). P. 410–434.

Involving of third country nationals in volunteering : final project report. UK, 2006. 61p.

Jones A. Theorizing international youth volunteering : training for global (Corporate) Work? / A. Jones // Transactions of the Institute of British Geographers. 2011. Nr 36 (4). P. 530–544.

Katz E. An economic interpretation of institutional volunteering / E. Katz, J. Rosenberg // European J. of Political Economy. 2005. Nr 21. P. 429–443.

Kiptot E. Voluntarism as an investment in human, social and financial capital : Evidence from a farmer-to-farmer extension program in Kenya / E. Kiptot, S. Franzel // Agriculture and Human Values. 2014. Nr 31 (2). P. 231–243.

Kirby E. Youth Volunteering in the States: 2002 to 2009 / E. Kirby, K. Kawashima-Ginsberg, S. Godsay. USA : Jonatan M. Tisch College of citizenship and public service. 2011 [Electronic resource]. URL: <http://ncfy.acf.hhs.gov/library/2011/youth-volunteering-states-2002-2009> (дата обращения: 21.11.2012).

Krahn H. Acquisition of employability skills by high school students / H. Krahn, G. Lowe, W. Lehmann // Canadian public policy – analyses de politiques. 2002. Nr 2 (28). P. 275–296.

Levitas R. The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony / R. Levitas // Critical Social Policy. 1996. Nr 16 (46). P. 5–20.

Markham W. Community orientations of higher-status women volunteers / W. Markham, C. Bonjean // *Social forces*. 1995. Nr 73. P. 1553–72.

Mayors Day of Recognition for National Service [Electronic resource]. URL: <http://www.nationalservice.gov/about/initiatives/mayorsforservice.asp> (дата обращения: 12.03.2014).

McCulloch A. Cohort Variations in the Membership of Voluntary associations in Great Britain 1991–2007 / A. McCulloch // *Sociology*. 2014. Nr 48(1). P. 167–185.

MEM-VOL. Migrant and Ethnic Minority Volunteering. European Synthesis Report. August 2003 [Electronic resource]. URL: www.mem-volunteering.net (дата обращения: 21.11.2013).

Menchik P. Volunteer labor supply / P. Menchik, B. Weisbrod // *Public economics*. 1987. Nr 32. P. 159–183.

Nenga S. K. The value of volunteering: comparing youths' experiences to popular claims / S. K. Nenga // *Sociological Studies of Children and Youth*. 2010. Nr 13. P. 295–317.

Nenga S. K. Volunteering to give up privilege? How affluent youth volunteers respond to class privilege / S. K. Nenga // *J. of contemporary ethnography*. 2011. Nr 40(3). P. 263–289.

Okun M. A. Sense of community and being a volunteer among the young-old / M. A. Okun, J. Michel // *J. of Applied Gerontology*. 2006. Nr 25(2). P. 173–188.

Oxford advanced learner's dictionary of current English. Спец. изд. для СССР : в 3 т. Т. 2. М., [Б. г.]. 509 с.

Peace corps [Электронный ресурс]. URL: <http://www.peacecorps.gov/about/history/> (дата обращения: 07.10.2014).

Penner L. A. Volunteerism and social problems : Making things better or worse? / L. A. Penner // *J. of Social Issues*. 2004. Nr 60. P. 645–666.

Penner L. A. Prosocial behavior / L. A. Penner, J. F. Dovidio, J. A. Piliavin, D. A. Schroeder // *Annual Review of Psychology*. 2005. Nr 56. P. 365–92.

People less likely to volunteer time than donate money, help stranger [Electronic resource]. URL: <http://www.gallup.com/poll/145589/Civic-Engagement-Highest-Developed-Countries.aspx#2> (дата обращения: 07.11.2014).

Pevnaya M. V. Youth volunteering: the way to the regional labor market or source of human resources loss / M. V. Pevnaya // *The Conference Proceedings The 8th International Days of Statistics and Economics*. Prague. September 11–13.2014. P. 1145–1153 [Electronic resource]. URL: http://msed.vse.cz/msed_2014/toc.html (дата обращения: 07.11.2015).

Ram C. Religious people, religious congregations, and volunteerism in human services: Is there a link? / C. Ram, A. Kasternakis, R. Wineberg // Nonprofit and Voluntary Sector. 1993. Nr 22. P. 33–51.

Robinson G. The 20 Fast Growing Economies This Year / G. Robinson // Blumberg Business. 25.02.2015 [Electronic resource]. URL: //Blumberg.com (дата обращения: 25.02.2015).

Rotolo T. The effects of children and employment status on the volunteer work of American women / T. Rotolo, J. Wilson // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2007. Nr 36. P. 487–503.

Rotolo T. State-level differences in volunteerism in the united states: research based on demographic, institutional, and cultural macrolevel theories / T. Rotolo, J. Wilson // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2011. Nr 41(3). P. 452–473.

Rotolo T. Work histories and voluntary association memberships / T. Rotolo, J. Wilson // Sociological Forum. 2003. Nr 18(4). P. 603–619.

Ruiter S. National context, religiosity, and volunteering : Results from 53 countries / S. Ruiter, N. De Graf // American Sociological Review. 2006. Nr 71. P. 191–210.

Salamon L. Partners in public service: the scope and theory of government nonprofit relations / L. Salamon // The Nonprofit Sector : A Research Handbook. New Haven : Yale University Press, 1987. P. 99–117.

Salamon L. Volunteering in cross-national perspective : Evidence from 24 countries / L. Salamon, W. Sokolowski // Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project. Nr 40. Baltimore : Johns Hopkins Center for Civil Society Studies. 2001 [Electronic resource]. URL: <http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2011/08/Global-Civil-Society-I.pdf> (дата обращения: 07.03.2014).

Salmond J. A. The Civilian Conservation Corps, 1933–1942: A New Deal Case Study / J. A. Salmond. USA: Duke University Press. Durham, North Carolina, 1967. 240 p.

Smith D. Determinants of voluntary association participation and volunteering / D. Smith // Nonprofit Volunteering Sector. 1994. Nr 23. P. 243–63.

Standart dictionary of the English language. N. Y. : Funk and wagnalls company, 1963.

State of the World's volunteerism Report. Universal Values for Global Well-being. Denmark : United Nations Volunteers (UNV). 2011. 148 p.

Stebbins R. Between Work and Leisure: A Study of the Common Ground of Two Separate / R. Stebbins. USA : UK, 2004. 149 p.

Szafraniec K. Youth Poland. 2011 / K. Szafraniec. Warsaw, 2011. 438 p.

Salamon L. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates and a roadmap to the future / L. Salamon, F. Wardell, J. Lishman // *Annals of Public and Cooperative Economics*. USA. 2011. Nr 82(3). P. 217–252.

Teaching with documents : founding documents of the Peace Corps // National archives and records administration [Electronic resource]. URL: <http://www.archives.gov/education/lessons/peace-corps> (дата обращения: 29.03.2014).

The Federal Agency for Service and Volunteering. 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.volunteering.in.america.gov/special/Men> (дата обращения: 23.02.2014).

Third European Quality of Life Survey Quality of life in Europe: Impacts of the crisis. Cataloguing data can be found at the end of this publication. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2012. 120 p.

Tilly C. Work under capitalism / C. Tilly, C. Tilly. Boulder. CO : Westview Press, 1998.

United Way Laurence E. Richardson. 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.dayofcaring.info> (дата обращения: 21.11.2014).

Van Hal T. Volunteering and participation on the agenda : Survey in volunteering policies and partnerships in the EU // T. Van Hal, L. Meijs, M. Steenbergen, Utrecht: CIVIQ, 2004. 224 p.

VISTA ... In Service to America // Corporation for National and Community Service. USA. 2006.

Volunteering and Civic Life in America 2012 // Key findings on the volunteer participation and civic health of the nation. 1201 N. Y. Ave., NW ; Washington, DC 20525. 202–606–5000 [Electronic resource]. URL: National-Service.gov (дата обращения: 21.12.2014).

Volunteering in EU. Educational, Audiovisual and Culture Executive Agency (EAC–EA) Directorate General Education and Culture (DG EAC). Final Report submitted by GHK. 2010. 326 p.

Volunteers in Action // The Spirit of Volunteerism 2011 [Electronic resource]. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/publication/2011/11/2011> (дата обращения: 03.11.2014).

Wardel F. Who volunteers? / F. Wardel, J. Lishman, L. J. Whalley // *British J. of social work*. 2000. Nr 30. P. 227–248.

Wartab T. History of Volunteerism in America / T. Wartab. 2011 [Electronic resource]. URL: http://charity.lovetoknow.com/History_of_Volunteerism_in_America (дата обращения: 06.09.2014).

Webster's third new international dictionary of the English language unabridged. Chicago : Merriam Webster, 1993.

Wilson D. Volunteering / D. Wilson // Annual. Reviews Sociological. 2000. Nr 26. P. 215–240.

Wilson J. Who Cares? Toward an integrated theory of volunteer work / J. Wilson, M. Musick // American Sociological review. 1997. Nr 62. P. 694–713.

World Giving Index. December 2013 // CAF. 2013 [Electronic resource]. URL: http://www.sam-online.ru/news_evz2013/665 (дата обращения: 01.02.2015).

World Values Survey Wave 6: 2010–2014. Online Data Analysis [Electronic resource]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 21.02.2015).

Youth volunteering development guidelines for constituent entities of the RF. 2010 [Electronic resource]. URL: http://www.depmolpol.ru/press_centr/anonse/?ELEMENT_ID=497 (дата обращения: 21.07.2014).

Нормативные акты

Концепция содействия развития благотворительной деятельности и добровольчества в РФ : одобрена распоряжением Правительства РФ от 30 июля 2009 г. № 1054–р [Электронный ресурс]. URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/admReform/publicsociety/doc091224_1949#/ (дата обращения: 10.12.2015).

О благотворительной деятельности и благотворительных организациях : Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/104232/> (дата обращения: 21.12.2015).

О внесении изменений в кодекс РФ об административных правонарушениях : Федеральный закон от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130936/ (дата обращения: 10.12.2015).

О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с организацией и проведением XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи и развитием г. Сочи как горно-климатического курорта : Федеральный закон от 30 июля 2010 г. № 242-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103249/ (дата обращения: 10.12.2015).

О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в РФ» : Федеральный закон от 25 декабря 2012 г. № 257-ФЗ

[Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139762/ (дата обращения: 10.12.2015).

О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О некоммерческих организациях» : Федеральный закон от 11 февраля 2013 г. ФЗ РФ № 8-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141997/ (дата обращения: 10.12.2015).

О добровольной пожарной охране : Федеральный закон от 6 мая 2011 г. ФЗ РФ № 100-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113763/ (дата обращения: 10.12.2015).

Об утверждении порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/2016 учебный год : приказ Министерства образования и науки РФ от 28.07.2014 г. № 839. Ст. 44 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_168035/ (дата обращения: 01.12.2015).

Описание информантов, принявших участие в экспертном опросе

1. Сотрудник Свердловской региональной общественной организации, стаж работы в некоммерческой сфере 6 лет, женщина (1, 25 лет).
2. Психолог Свердловской региональной общественной организации, стаж работы 4 года, женщина (2, 24 года).
3. Президент благотворительного фонда, председатель местной организации всероссийской благотворительной организации, стаж работы в некоммерческой сфере более 15 лет, мужчина (3, 44 года).
4. Координатор благотворительного фонда, стаж работы в некоммерческой сфере более 6 лет, женщина (4, 28 года).
5. Координатор благотворительного фонда, стаж благотворительной деятельности более 6 лет, мужчина (5, 38 лет).
6. Директор областной некоммерческой организации, стаж работы в некоммерческой сфере более 18 лет, женщина (6, 39 лет).
7. Сотрудник межрегиональной общественной организации, стаж работы в некоммерческой сфере 12 лет, женщина (7, 45 лет).
8. Председатель Свердловской областной общественной организации, стаж работы в некоммерческой сфере более 20 лет, женщина (8, 48 лет).
9. Руководитель некоммерческой организации, бывший специалист подведомственного учреждения сферы социальной защиты, стаж работы в некоммерческой сфере 6 лет, женщина (9, 42 года).
10. Директор некоммерческого партнерства, стаж работы в некоммерческом секторе 15 лет, женщина (10, 47 лет).
11. Президент областной общественной организации, стаж работы в некоммерческой сфере 24 года, мужчина (11, 55 лет).
12. Главный специалист отдела администрации муниципального образования, стаж работы на муниципальной службе 9 лет, женщина (12, 37 лет).
13. Руководитель волонтерского отряда ссуза, стаж работы в образовательной сфере более 20 лет, женщина (13, 44 года).

14. Сотрудник территориального штаба межрегиональной общественной организации, стаж работы в некоммерческой сфере 6 лет, женщина (14, 28 лет).

15. Заведующий сектором в центре социальной помощи пенсионерам и инвалидам, стаж работы в социальной сфере более 20 лет, женщина (15, 51 год).

16. Директор КЦСОН, стаж работы в социальной сфере более 25 лет, женщина (16, 54 года).

17. Руководитель студенческого добровольческого отряда, стаж работы в образовательной сфере более 15 лет, женщина (17, 45 лет).

18. Руководитель социальных проектов региональной общественной организации, стаж работы в некоммерческой сфере 15 лет, мужчина (18, 43 года).

19. Начальник отдела по работе с общественными организациями, стаж работы в социальной сфере более 25 лет, женщина (19, 43 года).

20. Ведущий специалист отдела по взаимодействию с молодежными общественными объединениями регионального министерства, стаж работы на госслужбе более 7 лет, женщина (20, 40 лет).

21. Заместитель директора государственного бюджетного учреждения, стаж работы на госслужбе более 18 лет, женщина (21, 51 год).

22. Директор областной общественной благотворительной организации, стаж работы в некоммерческой сфере более 20 лет, женщина (22, 55 лет).

23. Руководитель общественной организации, стаж работы в некоммерческой сфере 12 лет, мужчина (23, 40 лет).

24. Ведущий специалист отдела областного отраслевого министерства, стаж работы на госслужбе 15 лет, женщина (24, 47 лет).

25. Начальник отдела по работе с общественными организациями районной организации, куратор некоммерческого партнерства, стаж работы в социальной сфере более 18 лет, женщина (25, 48 лет).

26. Председатель регионального отделения всероссийского благотворительного фонда, стаж работы в социальной сфере более 25 лет, женщина (26, 45 лет).

27. Начальник отдела регионального отраслевого министерства, стаж работы на госслужбе 6 лет, женщина (27, 36 лет).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список основных сокращений	3
Введение	4
ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основы исследования волонтерства	11
1.1. Волонтерство как социологическая категория	11
1.2. Структура, функции и виды волонтерства	41
1.3. Волонтерство как предмет теоретико-социологического изучения	61
1.4. Научные подходы к исследованию волонтерства	87
1.5. Специфика управленческого подхода к исследованию волонтерства	112
ГЛАВА 2. Исторические траектории развития волонтерства за рубежом и в России	130
2.1. Волонтерство в европейских странах: генезис и развитие	130
2.2. Развитие волонтерства в США	156
2.3. Развитие волонтерства в России: проблемы и противоречия ...	182
2.4. Компаративный анализ мировых тенденций развития волонтерства	212
ГЛАВА 3. Специфика управления волонтерством в России	241
3.1. Характеристика системы социального управления российским волонтерством	241
3.2. Институциональные механизмы социального управления волонтерством	252
3.3. Сообщество российских волонтеров как ресурс социального управления	279
3.4. Деятельность волонтеров: профессионализация и управление	308
ГЛАВА 4. Управление волонтерством в Свердловской области	337
4.1. Характеристика региональной общности волонтеров	337
4.2. Проблемы управления волонтерством в регионе	359
4.3. Принципы регионального управления развитием волонтерства	391
Заключение	404
Список использованной литературы	408
Приложение	431

Учебное издание

Певная Мария Владимировна

**УПРАВЛЕНИЕ ВОЛОНТЕРСТВОМ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
И ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ**

Монография

Ответственная за выпуск *Н. А. Юдина*

Редактор *В. И. Попова*

Корректор *В. И. Попова*

Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

Подписано в печать 08.02.2016.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 24,03. Усл. печ. л. 25,23. Тираж 500 экз. Заказ 61.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Тел.: + (343) 350-56-64, 358-93-22

Факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru